

ПОЛЕСЬЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО НАУКА.

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ СЛАВЯНОВЕДЕНИЯ

ПОЛЕСЬЕ

(ЛИНГВИСТИКА. АРХЕОЛОГИЯ. ТОПОНИМИКА)

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1968

В книге рассматриваются фонетические и лексические особенности полесских говоров, роль Полесья в славянском этногенезе, вопросы топонимики, украинской географической терминологии и расшифровки древних белорусских текстов, писанных арабским письмом. Большинство статей обобщает материал, собранный во время полесских экспедиций 1962—1965 гг. и изложенный в книге «Лексика Полесья» (М., 1968).

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ:

В. В. МАРТЫНОВ, Н. И. ТОЛСТОЙ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Изучение говоров Полесья началось по решению первого все-союзного координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения, которое происходило в Москве в январе 1961 г. В решении лингвистической секции совещания по этому поводу сказано: «Поддержать инициативу Института славяноведения АН СССР по изданию диалектного словаря Полесья»¹. Это решение секции было санкционировано на заключительном пленарном заседании совещания и вошло в общую резолюцию. Главным институтом по разработке данной темы был утвержден Институт славяноведения АН СССР.

В 1961 г. соответствующая тема была включена в семилетний план сектора славянского языкознания Института славяноведения. Руководителем темы был назначен старший научный сотрудник института Н. И. Толстой. Тема по изучению говоров Полесья была также включена в научный план Института языкознания АН БССР.

Были определены общие задачи исследования, разработан детальный план будущих работ, Н. И. Толстой предложил свой метод собирания и обработки материала. Особое внимание при этом было обращено на методы и технику сбора диалектного материала по семантике.

Как известно, диалектная семасиология является самым отсталым разделом диалектологии. Объясняется это тем, что до сих пор в славянской диалектологии еще не разработаны точные приемы сбора соответствующего материала. Н. И. Толстой сделал попытку установления определенных диагностических контекстов, опираясь на которые, собиратель диалектного материала смог бы получить точное представление о всем семантическом поле слова. Выявление всех значений слова дает возможность устанавливать семантические микрополя с определенными дифференциальными

¹ Актуальные проблемы славяноведения. «Краткие сообщения Института славяноведения», вып. 33-34, М., 1961, стр. 249.

признаками, для которых устанавливается иерархическая последовательность².

В 1962 г. начался сбор материала на территории Полесья (подробнее см. «Хронику полесских лингвистических экспедиций»). Общее руководство экспедициями осуществлялось Н. И. Толстым. В экспедициях принимали участие языковеды Москвы, Минска, Житомира и Мозыря. С участниками экспедиции проводились специальные семинары, которые обеспечили надежность и единство материала.

Сборник «Полесье» содержит статьи, посвященные археологическим и этно-лингвистическим проблемам Полесья. По просьбе редакции в нем приняли участие ученые, которые работают в области археологии, топонимики, истории белорусского языка. В сборнике «Лексика Полесья», который тематически связан с данным сборником, публикуются словари по разным тематическим группам лексики.

Большая работа по подготовке к печати сборников «Полесье» и «Лексика Полесья» была проведена научными сотрудниками Института славяноведения АН СССР Э. И. Зелениной и М. И. Ермаковой.

С. Б. Бернштейн

² Подробнее об этих принципах см.: Н. И. Толстой. Из опытов типологического исследования славянского словарного состава. ВЯ, 1963, № 1; 1966, № 5; он же. Из географии славянских слов: 1. дождь, 2. саламандра. ВЯ, 1962, № 6; он же. Из географии славянских слов: 3. Правый — левый, 4. Хорохориться. 5. Класть. «Общеславянский лингвистический атлас». М. 1965.

Н. И. Толстой

О ЛИНГВИСТИЧЕСКОМ ИЗУЧЕНИИ ПОЛЕСЬЯ (предисловие редактора)

Полесский диалектный континуум до недавнего времени оставался, да и теперь еще во многом остается, одной из мало изученных славянских диалектных зон.

Полесье занимает обширную территорию в 117 000 кв. км, равную площади современной Болгарии. По своим физико-географическим показателям Полесье — большая низменность, вытянутая в широтном направлении параллельно течению р. Припяти и образующая огромную плоскодонную впадину с приподнятыми к северу и к югу краями. Границами Полесья принято считать на востоке — реки Березину и Днепр, на юге — склоны Волинско-Подольского и Овручско-Словечанского плато, на западе — Западный Буг, на севере — линию, идущую севернее Бреста и Кобрина на Ганцевичи и Слуцк¹. В административном отношении Полесье относится к Белорусской ССР (северная часть — Белорусское Полесье) и к Украинской ССР (южная часть — Украинское Полесье).

Лингвистическая граница в общем совпадает с физико-географической. На западе и северо-западе она довольно четко определяется пучком изоглосс, причем наиболее релевантной оказывается граница аканья, на северо-востоке она менее отчетлива, но на юге снова выделяется рядом изоглосс, из которых самой яркой следует признать изоглоссу дифтонгов.

В принципе те же границы Полесья устанавливают в своих работах археологи и этнографы.

Этнографы едва ли не первые сумели по достоинству оценить исключительное значение данных полесской духовной и материальной культуры не только для изучения восточнославянского мира, но и для славянской этнографии в целом. Трудами П. М. Шпи-

¹ Эти данные почерпнуты нами в основном из книги В. А. Михайловской «Флора Полесской низменности» (Минск, 1953).

левского, А. Я. Васильевой, В. Г. Соколова, М. В. Довнар-Запольского, О. Кольберга, А. К. Сержпутовского и других, разными по методу, научной точности и полноте, но в целом очень ценными по фактам, собран значительный материал по быту, обычаям, правам, поверьям и фольклору полешуков².

Именно с Полесья начинал свой славный творческий путь один из крупнейших этнографов современности Казимир Мошинский. Его наблюдения на Припяти и Князь-озере накануне первой мировой войны, изложенные позже в виде систематизированного описания быта и фольклора трех полесских сел Голубицы, Дорошевичей и Дяковичей, в сравнении с речичким материалом в книге «Восточное Полесье»³, служат до сих пор наряду с монографией Ч. Петкевича о Речичком Полесье⁴ едва ли не основными источниками по материальной культуре восточной полесской зоны.

Знаменательно, что К. Мошинский, взявшийся за свой труд, по его собственному признанию, без профессиональной языковедческой подготовки, очень рано осознал важность лингвистических фактов — в том же Полесье в десятых годах нашего века он собрал ценный лингвистический материал по рельефу местности и интерпретировал его в широком общеславянском плане⁵. Дальнейшие работы этнографа К. Мошинского, направленные в основном уже на реконструкцию праславянского состояния, шли по линии все большего привлечения языкового материала, о чем свидетельствует не только его известная, в основе своей лингвистическая книга о первоначальном распространении праславянского языка⁶, но и посмертно изданный капитальный труд о способах изучения праславянской материальной культуры⁷. В последнем труде полесский материал занимает значительное место, что следует объяснять отнюдь не пристрастием автора к Припятскому лесному и болотному краю, а ценностью его данных, отражающих многие древнеславянские (праславянские) реликтовые формы и отношения, находящие зачастую соответствия в других архаических зонах современного славянского мира.

К сожалению, этнографы, первые открывшие для славистики сокровища Полесья, далеко не исчерпали их, а в последние несколько десятилетий вовсе почти прекратили изучение этого края. Едва ли не последней нашедшей реальное отражение в опублико-

² Подробнее см. в кн. В. К. Б а н д а р ч ы к. *Гісторыя беларускай этнаграфіі. XIX ст. Мінск, 1964.*

³ К. М о с з ы ń с к и. *Polésie Wschodnie. Warszawa, 1928.*

⁴ Cz. P i e t k i e w i c z. *Polésie Rzeczyckie. Kraków, 1928.*

⁵ К. М о с з ы ń с к и. *Uwagi o słowiańskiej terminologii topograficznej i fizjograficznej oparte przeważnie na materiale białorusko-poleskim. «Archiwum nauk antropologicznych», t. I, N 5. Lwów — Warszawa, 1921.*

⁶ К. М о с з ы ń с к и. *Pierwotny zasięg języka prasłowiańskiego. Wrocław — Kraków, 1957.*

⁷ К. М о с з ы ń с к и. *O sposobach badania kultury materialnej Prastowian. Wrocław — Kraków — Warszawa, 1962.*

ванных материалах была экспедиция 1927 г. на Мозырищину⁸. В пожаре войны безвозвратно погибли ценные материалы ряда предвоенных экспедиций: Полесской 1932 г., Гомельской 1935 г., Бобруйской 1938 г., Пинской и Барановичской 1940 г. Планомерное этнографическое изучение Полесья началось лишь в наши дни в связи с задачей создания «Историко-этнографического атласа Белоруссии»⁹, который, судя по проекту, вновь подведет общие итоги более чем векового развития белорусской этнографии и создаст прочную базу дальнейших систематических исследований в этой области.

Начало индустриализации Полесья, коренные социальные перемены в жизни полесской деревни, развитие сети школ, более тесная связь деревень с городами, рост самих городов, радио, кино и другие средства современной культуры быстро нивелируют этнографические и диалектные различия и особенности, а часто и стирают их вовсе. Необходимо в ближайшие годы, пока еще не исчезла возможность сбора и регистрации материала, на всей территории Полесья приступить к его собиранию и изучению методами современной этнографии и, может быть, даже поставить задачу создания этнографического атласа Полесья, который был бы тесно связан с лингвистическим и дополнял общеполесский.

Антропологическое исследование Полесья с довольно редкой, но вполне достаточной для решения поставленных задач сеткой было недавно проведено М. В. Витовым. Ценность его еще не опубликованных работ по антропологии полесской зоны повышается тем, что он рассматривает Полесье как часть более широкого ареала, включающего почти всю украинскую зону вплоть до Карпатских гор. При этом известные и ранее науке карпато-полесские связи находят новое подтверждение.

В археологическом аспекте Полесье до недавнего времени было плохо исследовано и хранило немало тайн и загадок. И, вероятно, не случайно К. Яжджевский в 1949 г. в своем «Атласе славянской предыстории»¹⁰ оставил белое пятно для Полесья, рассматривая его до начала нашей эры как своего рода *terra incognita* или *terra vasta*. Недостаток надежного археологического материала давал повод некоторым ученым предполагать для отдельных древних периодов малую или почти полную незаселенность обширных лесов и болот бассейна Припяти, частую миграцию и смену этнических групп, неавтохтонность современного полесского населения даже по отношению к сравнительно позднему историческому периоду и т. п. Усилиями ряда советских археологов (Л. Д. Побо-

⁸ См. Н. И. Лебедева. *Жилище и хозяйственные постройки Белорусской ССР*. М., 1929.

⁹ См. В. К. Бондарчик, А. И. Залесский. *Из опыта работы над историко-этнографическим атласом Белоруссии*. «Тезисы докладов Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1966 года». Кишинев, 1967, стр. 48—50.

¹⁰ К. J a Ź d Ź e w s k i. *Atlas to the prehistory of the Slavs*. Łódź, 1949.

ля, Б. В. Миролюбова, И. В. Бирули, К. В. Каспарова, В. Б. Никитина) и более всего трудами неутомимого Ю. В. Кухаренко¹¹ была установлена приемственность археологических культур на территории Полесья и высказано обоснованное мнение об относительной древности и устойчивости славянского населения Полесья, прежде всего западной его части.

Представление о древнем Полесье как о некоем незаселенном или малозаселенном оазисе с непроходимыми болотами и лесами, разделявшем балтийские и славянские племена, оказывается лишены основания. Полесье всегда было довольно густо заселено и, начиная примерно с неолитического периода вплоть до начала средневековья, несмотря на свои специфические, но однообразные физико-географические и климатические показатели, отличные от показателей окружающих территорий, делилось довольно четко на две части — восточную и западную. Граница Западного и Восточного Полесья долгое время была границей славян и балтов, пока, наконец, примерно к концу I тысячелетия н. э. Полесье не стало в общем целиком славянским, но не единым по своим этнографическим и языковым особенностям. Наличие в этом сборнике обобщающей и итоговой для целого этапа археологических работ статьи Ю. В. Кухаренко освобождает нас от необходимости даже краткого изложения существа вопроса. Хотелось бы только подчеркнуть, что установленная археологами граница Восточного и Западного Полесья, граница культур, прослеживаемая от древних доисторических времен вплоть до эпохи Киевской Руси — *по Ясельде до впадения в Припять, по Припяти до впадения в нее Горыни и по Горыни* — иногда почти до деталей, иногда с известными отклонениями совпадает с современной диалектной границей, с линией, где проходят основные фонетические и морфологические изоглоссы, о которых речь будет несколько ниже. И хотя многие лингвисты и археологи требуют чрезвычайно осторожного отношения к случаям совпадения современных (и даже исторических) диалектных изоглосс и границ археологических ареалов, предостерегая представителей обеих наук от поспешных выводов на основании таких совпадений, призывая к тщательной проверке материала и независимой от данных другой науки стратиграфии явлений, подобные совпадения не могут быть игнорированы и остаются научным фактом, требующим своего объяснения, а не скептического отношения.

Этнографические, археологические и лингвистические данные свидетельствуют о том, что проблема древнего славяно-балтийского Полесья — это во многом проблема восточнославянского этногенеза и проблема славянской прародины, хотя, вероятно, Полесье

¹¹ См. Ю. В. Кухаренко. Памятники железного века на территории Полесья, САИ, Д1-29. М., 1965; о н ж е. Средневековые памятники Полесья. САИ, Е1-57 М., 1961 и другие работы.

было не более, чем примыкающая к ней зона. Естественно, что решение древней лингвистической (а тем самым во многом и этнической) судьбы Полесья не может быть основано на одном полесском материале. Необходимы широкие сравнительные исследования с привлечением других диалектов и славянских языков, позволяющие установить относительную, а иногда даже и абсолютную хронологию фактов. До недавних пор лингвисты ощущали недостаток именно в современных полесских данных, в планомерно собранных и территориально соотнесенных друг с другом фактах.

Обращаясь к вопросу о возможностях создания полесской исторической диалектологии и реконструкции языкового состояния древних эпох, невольно вспоминаешь достаточно тривиальные, но по-прежнему актуальные для нашей науки слова Д. К. Зеленина, обращенные к этнографам: «...этнографические исследования, идущие от форм древнего быта к формам современного быта, будут стоять на вполне прочной почве лишь в том случае, если для исследователя уже ясна система. — классификация современных типических форм быта и их взаимные воздействия»¹².

Именно систематизация и классификация современных диалектных фактов и их синхронно-типологическое представление являются первой и насущной задачей лингвистического изучения Полесья. Нельзя сказать, что в этом отношении ничего не сделано. В изданном к Софийскому съезду славистов «Диалектологическом атласе белорусского языка»¹³, находящемся в печати первом томе «Атласа украинского языка (Полесье, средняя Надднепрянщина и прилегающие земли)», в подготавливаемом к печати во Львове втором томе украинского атласа (Западное Полесье, Волинь, Надднестрянщина, Прикарпатье, т. е. Западная Украина до 28-го меридиана), наконец в ожидающем своего выхода в свет «Лингвистическом атласе Нижней Припяти» Т. В. Назаровой довольно четко выявлены основные фонетические и морфологические изоглоссы, как отделяющие Полесье от других диалектных зон, так и объединяющие его с ними. Таким образом, Полесье при всем своем своеобразии не представляет замкнутого ареала, а обнаруживает ряд связей с соседними территориями. Если говорить, например, о лексике, то можно обнаружить соответствия с западной мазовецкой зоной, с южной карпатской зоной, с юго-восточной черниговско-брянской, наконец, с северными псковской, новгородской и олонечко-архангельской зонами, не говоря уже о связи с ближайшими белорусскими и украинскими зонами. Архаичность ряда полесских лексических черт связывает Полесье и с южнославянским диалектным континуумом, с отдельными его говорами, с некоторыми западнославянскими говорами.

¹² Дм. Зеленин. Женские головные уборы восточных (русских) славян. «Slavia», т. V, в. 2. Прага, 1926, стр. 303.

¹³ «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Мінск. 1963.

Следует отметить также лингвистическую неоднородность самого Полесья. Наибольшее число внутривоспольских изоглоссов проходит по линии, уже известной в качестве границы археологических культур, — Ясельда — Припять — Горынь, иногда с некоторыми отклонениями северо-восточной границы по линии Лань — Горынь или Случь — Горынь, затем с отклонением северо-восточной и восточной границы — Лань (или Случь) — Припять — Уборть и, наконец, с незначительными отклонениями на территории Украины от Горыни к западу до Стыри (частью в междуречье Стыри и Горыни) и к востоку.

По границе Горынь — Припять — Ясельда проходят изоглоссы, разделяющие типы безударного вокализма после мягких согласных¹⁴, рефлексы *ь* и *ё* под ударением¹⁵, мягкость и твердость губных перед гласными переднего ряда, переднеязычных, цеканье-дзеканье¹⁶, падежные формы дательного и местного падежа мужского рода (*на быкóві* — *на быкú*)¹⁷, формы множественного числа прилагательных (*молодýй* — *молодýя*)¹⁸, формы родительного и творительного падежа местоимений женского рода (*тáбе*, *за тáю* — *табé*, *за той*, *за тою*, *за таёю* и др.)¹⁹, ряд форм глагола настоящего времени²⁰, императива²¹, инфинитива²², ряд словообразовательных моделей (*дытýна* — *дзiцýя*; *гусýчы* — *гусiны* и др.)²³ и др.

По границе Горынь — Лань (иногда и Случь) проходят изоглоссы, разделяющие явления сохранения *ы* после губных и перехода *ы* > *у*²⁴, твердости и мягкости губных перед *е*²⁵, сочетаний *чн* — *шн*²⁶, произношения *шчо* — *што*²⁷, форм творительного падежа ед. числа существительных типа *поросýя* (*поросýтам* — *поросýм*)²⁸ и ряд других.

Некоторые изоглоссы, делящие Полесье на территории БССР, проходят также по границе Уборть — Случь или Лань и идут часто далеко на север, разграничивая почти всю белорусскую языковую территорию²⁹. Что касается основных изоглоссов на украинской территории, то они тоже в большинстве своем

¹⁴ См. «Дыялекталатны атлас беларускай мовы», карты № 4, 5, 6, 7, 10, 11, 15, 16, 18.

¹⁵ См. там же, карты № 29, 30, 31, 34.

¹⁶ См. там же, карты № 52, 53, 55, 56, 57.

¹⁷ См. там же, карта № 73.

¹⁸ См. там же, карта № 127.

¹⁹ См. там же, карты № 135, 137.

²⁰ См. там же, карты № 150, 151, 156.

²¹ См. там же, карты № 167, 168, 170.

²² См. там же, карты № 173, 178, 179.

²³ См. там же, карты № 85, 184.

²⁴ См. там же, карты № 22, 24, 37, 38, 39, 41.

²⁵ См. там же, карта № 53.

²⁶ См. там же, карта № 64.

²⁷ См. там же, карта № 63.

²⁸ См. там же, карта № 87.

²⁹ См. там же, карты № 49, 59, 175, 203, 251, 261, 263 и др.

проходят по Горыни, иногда, как было отмечено выше, с большими отклонениями³⁰.

Если же говорить о лексических изоглоссах, выявленных белорусским и украинским атласами, то следует отметить, что их число не так велико, как можно ожидать, что объясняется прежде всего спецификой программ, уделявших этому уровню языка сравнительно мало внимания и не всегда удачно формулирующих вопросы. Тем не менее белорусский лингвистический атлас дает сведения о ряде лексических изоглосс по той же линии Ясельда — Припять — Горынь³¹. Однако наиболее ценным трудом по географии полесской лексики до сих пор остается атлас польского диалектолога Юзефа Тарнацкого «Сравнительное исследование по географии слов (Полесье — Мазовия)»³², который следует признать первым систематическим опытом картографирования на восточнославянской территории, так как лингвистические опыты П. А. Бузука³³ носили слишком предварительный характер и не были основаны на фронтальном собранном материале. Отдавая должное превосходной работе Ю. Тарнацкого, следует, однако, отметить, что он не мог исследовать всего Полесья, так как граница его атласа на востоке лишь немного переходит линию рек Лань — Горынь, т. е. соответствует советско-польской границе до 1939 г., до воссоединения белорусских и украинских земель. Тем не менее самая западная часть восточнополесских говоров представлена в его атласе. Помимо территориального ограничения был ограничен и избранный Ю. Тарнацким круг лексики. Исследование проводилось им по принципу «от значения к слову»³⁴, причем было выбрано 184 семемы («значения»), из которых 22 относились к строитель-

³⁰ Мы остановились в основном на вопросе об изоглоссах, разделяющих Западное и Восточное Полесье. Однако можно отметить и ряд изоглосс, делищих Восточное Полесье на две части — белорусскую и украинскую. Благодаря последним очень тщательным и важным для восточнославянской диалектологии исследованиям Г. В. Наваровой, итогом которых явился упомянутый выше атлас Нижней Припяти, установлен на крайнем востоке Полесья пучок изоглосс, идущий с севера на юг по Днепру до впадения в него Припяти, затем — вверх по течению Припяти до г. Наровля и далее — на запад. Эта граница с некоторой степенью «размыва» по обе стороны от Припяти отделяет в общем украинские языковые явления от белорусских. К числу таких украинских явлений относятся: [e] после шиплящих перед этимологическим мягким согласным (шпеш'ица); отсутствие последовательной протезы перед ударным [o] (боко); формы 1-го лица ед. числа глаголов на [e], [к]: бережэ, печэ и др. К числу белорусских явлений относятся: переход [e] > [o] под ударением в сочетаниях t'et' (s'el'они), мягкость [т], [θ], [с], [з], [ч], [л] перед i (m'іхо, n'іва) и др. См. также: Т. В. Наварова. Украинско-белорусская языковая граница в районе Нижней Припяти. В сб. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., 1964.

³¹ «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы», карты № 235, 238, 244, 246, 252, 258, 292, 304 и др.

³² J. T a r n a c k i. *Studia porównawcze nad geografią wyrazów (Polesie — Mazowsze)*. Warszawa, 1939.

³³ П. Б у з у к. *Спроба лінгвістычнае географіі Беларусі*. Мінск, 1928.

³⁴ Только одна карта атласа Ю. Тарнацкого выполнена по принципу «от слова к значению» — карта на лексему обрѣк.

ному делу (постройкам), 23 — к одежде, 20 — к орудиям труда, 13 — к домашнему скарбу, 21 — к транспорту и коммуникациям, 8 — к земледелию, 6 — к пище, 22 — к растительному миру, 24 — к животному миру и 5 — к рубрике «разное». Естественно, что ни одна лексическая группа не могла быть рассмотрена с достаточной полнотой. Однако все группы в целом давали наглядное и в общем точное представление об основном лингво-географическом членении Полесья, которое существенно также и для определения основных этнографических зон, так как по совету проф. К. Мошинского и проф. В. Дорошевского автор избрал круг лексики, связанной с реалиями, характерными для полесской материальной культуры. Таким образом, преследовалась задача, поставленная позже и перед полесскими лингвистическими экспедициями 1962—1965 гг., — максимально приблизить языковедческие проблемы к этнографическим. Другая задача, определенная Ю. Тарнацким в самом заглавии его атласа, — установить лексические полесско-мазовецкие соответствия, решалась попутно и не во всех случаях одинаково удачно. Неоднократно в число соответствий попадали слова со значительно более широким ареалом, т. е. такие, которые трудно определить как мазовецко-полесские в строгом смысле этого слова, известные далеко за пределами Полесья и Мазовии (*bicz*, *chlew*, *łódka*, *motika* и многие др.), в том числе и относительно поздние заимствования (*farba*, *kartofle* и др.). Бесспорной заслугой Ю. Тарнацкого является, однако, то, что он едва ли не первый среди славянских диалектологов использовал статистическое исчисление степени лексической близости полесских диалектов друг к другу. Если взглянуть на его «Карту языкового родства» полесских говоров, приложенную к атласу, то можно увидеть в общем ту же основную линию по Ясельде, Припяти и Горыни со значительной зоной «размыва» по обе стороны от этой границы.

* * *

Обращаясь к статьям, помещенным в настоящем сборнике, отметим, что в основном к тем же выводам на материале только одной семантической группы названий одежды и обуви пришла А. С. Соколовская, применившая формулу Ю. Тарнацкого, а также формулу и метод сравнения Я. Чекановского и Ю. И. Левина. Статья А. С. Соколовской является кратким рефератом ее большой неопубликованной работы по полесским названиям одежды и обуви. В этой работе описываются все зафиксированные в говорах лексемы и семантические сдвиги в пределах семантических микроструктур (перестановка лексем, «прибытие», «выбытие» лексем и т. п.), которые могут быть в общем выявлены и читателем в результате внимательного знакомства со словарем полесских названий одежды и обуви того же автора, публикуемом одновременно в сборнике «Лексика Полесья». А. С. Соколовская знакомит нас с итога-

ми статистических подсчетов и дает возможность сравнить данные, полученные путем применения трех упомянутых формул и методов. Несомненный интерес представляют подсчеты по формуле Ю. И. Левина, где учитываются не только схождения и расхождения на лексемном уровне, но и различные семантические процессы, т. е. дается не чисто синхронная, а синхронно-диахронная, или синхронно-динамическая характеристика фактов. Однако именно эти подсчеты следует признать в известной мере условными или проблематичными, так как пока остается спорным, систему какого говора, конкретно какие пары семем (микроструктуры) следует брать за исходные и достаточно ли объективны основания, по которым приписываются те или иные «веса» операций.

Попытка исчислений на основе сравнения не отдельных семемных пар, а целых семантических полей цвета по той же формуле Ю. И. Левина предпринята В. А. Московичем в публикуемой статье «Из полесской терминологии цветообозначений». При этом автор уделил внимание не только полесскому, но и карпатско-украинскому ареалу, а также контактирующим с ним русским, румыно-молдавским, цыганским и идиш говорам и привел для сравнения отдельные системы говоров болгарского, польского, сербско-хорватского, албанского, гагаузского языков. Таким образом, полесская система обозначений оказалась представленной на широком фоне славянских и неславянских диалектов. Весьма ценно описание названий мастей животных и их кличек по масти, а также вытекающие из него лингво-географические выводы автора, согласно которым в Полесье «исконная славянская лексика представлена в наиболее чистом, свободном от иноязычного влияния виде» и объединена изолексами с другими славянскими территориями, в том числе и с южнославянской (правда, ряд полесско-южнославянских изолекс прерывается в районе Буковины и части Закарпатья)³⁵. Несомненный интерес могут представить и общетеоретические наблюдения и выводы В. А. Московича, в первую очередь о соотношении основных систем и специализированных подсистем в говорах и о перестройках семантических полей в зонах языковых контактов.

Статья Л. Т. Выгонной «К системному описанию полесских названий земельных угодий», написанная на основе части словаря земледельческой терминологии, публикуемого в сборнике «Лексика Полесья», показывает возможность интерпретации материала в виде серии семантических микрополей. Микрополя строятся на основе ряда семантических дифференциальных признаков, для которых устанавливается определенная иерархическая последовательность. Последнее весьма существенно для общей теории семантических полей.

³⁵ К сожалению, эта важная для решения ряда праславянских проблем и проблем, связанных с более поздними славянскими миграциями и контактами, группа лексики до сих пор остается почти вне поля зрения славянских диалектологов.

Рыболовецкие термины и названия полесских рыб приводятся в работе А. А. Кривицкого «Из словаря полесских рыболовов». Ее дополнением послужит статья того же автора «Из наблюдений над названиями рыб в одном говоре Полесья», которая будет опубликована в сборнике в честь К. К. Крапивы.

Описательно-этнографический характер носит статья В. Л. Веренича и А. А. Кривицкого о лексике горшечников с. Городное, бывшего еще во времена Киевской Руси укрепленным городищем. Городное — старинный полесский гончарный центр, сохранивший архаический и достаточно примитивный способ производства глиняной посуды. Дополнением к ней явится интересная работа Г. А. Цыхуна, посвященная названиям полесской посуды, бочек, кадок и домашней кухонной утвари, которая по техническим причинам не попала в настоящий сборник и будет опубликована отдельно.

Топонимика Полесья, хранящая ценные сведения по истории края, способная дать новый материал для решения этногенетических проблем восточных славян и всего славянства в целом, еще ждет своего собирателя, систематизатора и исследователя. Достаточно полно и последовательно собрана только гидронимика и то лишь ее часть, хотя и основная, относящаяся к Днепровскому бассейну³⁶. Материал П. Л. Маштакова позволил В. Н. Топорову и О. Н. Трубачеву восстановить в общих чертах древнюю этническо-диалектную дифференциацию Верхнего Поднепровья: географию балтийских, иранских, волжско- и западнофинских гидронимов, словообразовательные типы и ареалы славянских названий рек³⁷. Несомненно, более полная картина создалась бы в результате привлечения микротопонимики — названий многочисленных озер, болот, урочищ и т. п. Поэтому сбор материала по топонимике Полесья, создание картотеки, а затем и топонимического атласа — задача очень важная. Пока же лингвистам приходится довольствоваться данными, собранными не лингвистами и не для лингвистических целей, а для целей географическо-статистических. Тем не менее их обработка вкупе с материалами исторических актов может дать любопытные результаты, как видно из одного фрагмента полесской топонимики, из рассмотрения ареалов суффиксов *-ичи*, *-овичи*, *-ичичи* и *-овицы*, *-ицы*, предложенного В. А. Никоновым в статье «Две волны в топонимии Полесья».

С проблемой изучения микротопонимики Полесья тесно связана задача собирания и анализа полесских географических терминов, географических апеллятивов, служащих базой для формирования многих местных топонимов. Полесские географические термины и их связь с аналогичными терминами других славянских

³⁶ См. П. Л. Маштаков. *Список рек Днепровского бассейна*. СПб., 1913.

³⁷ См. В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья*. М., 1962.

диалектных зон исследуются в отдельной монографии Н. И. Толстого «Славянская географическая терминология (семасиологические этюды)». В свое время эта важная для решения ряда этно- и лингвогенетических проблем сфера полесской лексики была рассмотрена в упомянутой выше работе К. Мошинского³⁸. В последнее время появились словари-исследования по сербскохорватской, словенской и польской географической терминологии³⁹. Включенный в настоящий сборник словарь Т. А. Марусенко «Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефа)» восполняет существующий пробел в изучении восточнославянских оронимов и помогает установить связь полесской географической терминологии с терминологией карпато-украинской и общеукраинской. Ценность «Материалов» Т. А. Марусенко не только в том, что в них собрана лексика из многочисленных, в том числе и очень редких, украинских словарей, — «Материалы» предоставляют в распоряжение исследователя новые данные, зафиксированные анкетным методом в 191 пункте Украины. Это позволяет в ряде случаев уточнить географию слов и уяснить их семантическую эволюцию, точнее определить их отношение к географическим терминам соседних славянских диалектных территорий.

Лингвистическое исследование полесских диалектов, как и почти всех других славянских диалектных зон, начиналось с описания отдельных фонетических особенностей, значительно реже отдельных фонетических систем. Отрывочные сведения по полесской фонетике можно найти в старых этнографических описаниях и в ряде общих и частных диалектологических штудий⁴⁰. Из последних монографических исследований полесских говоров на территории БССР с довольно подробным описанием фонетического строя можно отметить лишь работы И. И. Зенько по пружанским говорам⁴¹, Д. С. Телентюк по лунинецким говорам⁴² и Н. Т. Войтович и Т. В. Назаровой по ельским говорам⁴³.

Наиболее полные сведения по фонетике всей полесской территории мы черпаем из тех же атласов белорусского и украинского

³⁸ См. К. М о s z y ŋ s k i. Uwagi...

³⁹ См. J. S c h ū t z. Die geographische Terminologie des Serbokroatischen. Berlin, 1957; R. В а d j u r a. Ljudska geografija. Terensko izrazoslovje. Ljubljana, 1953; P. N i t s c h e. Geographische Terminologie des Polnischen. Kōln — Graz, 1964.

⁴⁰ Более подробные сведения см. в книгах: «Бібліографічний указальник літератури на беларуському мовознавстві». Мінск, 1960; Ф. Т. Ж и л к о. Говори української мови. Київ, 1958 и в статье Т. В. Назаровой в настоящем сборнике.

⁴¹ И. И. З е н ь к о. Говори Пружанского района Брестской области. (Автореферат канд. дисс.). Минск, 1953.

⁴² Д. С. Т е л е н т ю к. Лунинецкие говоры. (Автореферат канд. дисс.). Ленинград, 1960.

⁴³ Н. Т. В о й т о в и ч. Окающе-акающий вокализм в белорусских говорах. В сб. «Вопросы диалектологии восточнославянских языков». М., 1964; Т. В. Н а з а р о в а. Украинские говоры Нижней Припяти. (Автореферат канд. дисс.). Киев, 1963.

языка и регионального атласа Т. В. Назаровой. Публикуемая в этом сборнике статья М. И. Лекомцевой и С. М. Толстой «Фонологический комментарий к полесским диалектам», не претендующая на полноту фонологического описания полесских диалектов на территории БССР, предлагает краткий обзор и интерпретацию типологически существенных черт полесской фонологии, прежде всего в области вокализма. Полесский материал позволяет дополнить и в некоторой степени корректировать существовавшее до сих пор представление об организации систем безударного вокализма в окружающих говорах.

Статья Т. В. Назаровой «Некоторые особенности вокализма украинских правобережнополесских говоров», основанная в большей части на собственных наблюдениях автора, подводит итог многолетним дискуссиям о полесских дифтонгах и дает их характеристику в связи с общим описанием диалектных вокалических систем. Учет географического аспекта повышает ценность этой исключительно строгой по отношению к материалу работы. Благодаря многочисленным трудам Т. В. Назаровой юго-восточное украинское Полесье района Нижней Припяти оказывается наиболее изученной в фонетическом и морфологическом отношении частью Полесья.

Тем не менее еще предстоит сделать описание фонологических систем Полесья в целом и их типологическую классификацию. В. В. Мартынов справедливо отметил важность изучения этого диалектного уровня наряду с анализом семантических микроструктур и топонимического материала для решения ряда этно- и лингвогенетических проблем Полесья⁴⁴.

Накопец проблематика современной диалектологии, обращенная не только к синхронному описанию и классификации говоров, к определению изоглосс и ареалов, но и к задачам исторического изучения языка, а тем самым косвенно и к этногенетическим проблемам, не может обойти стороной общие вопросы исторической диалектологии, так же как и вопросы истории отдельных диалектов. Современная рутенистика еще далека, вероятно, от возможности создания истории полесских диалектов, которая была подобна хотя бы «Очеркам истории украинских закарпатских говоров» Ивана Панкевича⁴⁵. Памятники письменности, возникшие на территории Полесья, неоднородны по своему составу и языку. Общий белорусско-украинский язык, принятый в канцеляриях и культурно-религиозных центрах Западной Руси, будучи книжно-литературным языком, обычно нивелировал особенности живой речи писцов, что сильно затрудняет точное определение их диа-

⁴⁴ См. В. В. Мартынов. Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. «Советское славяноведение», 1965, № 4.

⁴⁵ І. Панькевич. Нарис історії українських закарпатських говороів. «Acta Universitatis Carolinae. Philologica». Praha, 1968.

лектной принадлежности. Эта принадлежность часто легче определяется при анализе языка грамот (которые к тому же почти всегда датированы и локализованы), труднее — при анализе языка полемической, эпистолярной и дидактическо-богословской литературы. В связи с этим особую ценность имеют памятники, писанные арабским письмом, передающие почти с точностью транскрипции живую народную речь. Описанию этих, к сожалению еще почти совсем не введенных в научный лингвистический обиход, рукописей, главным образом так называемых ай-китабов, посвящена статья А. К. Антоновича «Краткий обзор белорусских текстов, писанных арабским письмом». А. К. Антонович дает описание 21 рукописи XVII—XX вв. (к XX в. относится только одна рукопись, свидетельствующая о длительности арабской письменной традиции), часть из которых он сам впервые изыскал. Несколько рукописей по языку и другим данным можно отнести к Полесью и к прилегающим к нему диалектным зонам. Особый интерес представляет один из старейших китабов — Казанский китаб 1648 г., хорошо отражающий восточнополесские диалектные особенности.

* * *

Естественно, что статьи, представленные в настоящем сборнике, не охватывают, а тем более и не решают всей проблематики, связанной с лингвистическим изучением Полесья. Тем не менее они вместе с отдельными тематическими словарями, помещенными в сборнике «Лексика Полесья», вводят в научный обиход новый материал и обращают внимание на некоторые возможности его интерпретации. В целом их следует рассматривать как итог первого предварительного этапа работы полесских лингвистических экспедиций, которые будут продолжены и в будущем и которые ставят своей конечной задачей создание атласа полесских говоров и большого областного полесского словаря.

Ю. В. Бухаренко

ПОЛЕСЬЕ И ЕГО МЕСТО В ПРОЦЕССЕ ЭТНОГЕНЕЗА СЛАВЯН (По материалам археологических исследований)

Почти все исследователи, занимающиеся вопросами этногенеза славян, в своих теоретических построениях и предположениях придают большое значение Полесью — этой обширной и весьма своеобразной области, находящейся в центре славянского мира. Особый интерес к Полесью проявляли и проявляют лингвисты, которым в решении этногенетических проблем принадлежит решающее слово. Напомню, что в свое время они рассматривали Полесье как прародину индоевропейцев (Т. Пеше), затем появилась теория о полесской прародине славян (Я. Ростафинский, Я. Пейскер, М. Фасмер, Г. Улашин), о так называемом полесском озере — непроходимом болотистом барьере, разделившем в древности славян и балтов и тем самым нарушившем их первоначальное единство (Я. Розвадовский, А. Сенин, В. Кипарский, отчасти С. Б. Бернштейн и Б. В. Горнунг), о том, что Полесье в древности было заселено в основном балтами и лишь в начале средневековья его колонизировали славяне (А. Кочубинский, К. Буга) и т. д. В самое последнее время лингвистами высказывается также мнение, что Полесье следует рассматривать либо как часть славянской прародины — в случае, если последняя находилась в Приднепровье, либо как район первой славянской миграции — если прародину локализовать на западе, в бассейне Вислы и Одера¹.

Но, как известно, чем больше мнений, тем меньше определенности. Сами лингвисты поэтому пришли к выводу, что решение вопроса о месте Полесья в процессе этногенеза славян во многом зависит от археологии, точнее от сопоставления лингвистического атласа Полесья с атласом археологическим². Составлением лингвистического атласа Полесья они и занимаются в последние годы.

¹ В. В. Мартынов. *Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья*. «Советское славяноведение». 1965, № 4, стр. 70.

² В. В. Мартынов. *Указ. соч.*, стр. 70.

Археологический же атлас Полесья в основном уже создан и опубликован в виде отдельных выпусков «Свода археологических источников СССР»³.

До создания этого атласа Полесье, несмотря на то, что на его территории было известно довольно много различных памятников, на археологических картах расселения древних славян выглядело белым пятном⁴. И это понятно, поскольку памятники, известные в то время на территории Полесья, были почти не изучены, а культурно-историческая принадлежность их и время существования не были определены. По сути дела археологи располагали тогда лишь материалами из некоторых средневековых памятников, исследованных в восточных районах Полесья, и случайными вещами, собранными на поселениях каменного века. Памятники же эпохи бронзы и раннего железного века не были известны вовсе. Поэтому археологи утверждали тогда, что Полесье было очень слабо заселено в древности и что в течение длительного времени — с конца неолита и вплоть до первых веков нашей эры — оно вовсе не было заселено человеком⁵. Это обычно объясняли, а некоторые исследователи и теперь объясняют частыми затоплениями, сильной заболоченностью, низким плодородием почв и вообще чуть ли не полной непригодностью Полесья для обитания большого количества людей⁶. Тем самым археологами отрицалась возможность локализации в Полесье прародины славян и утверждалось, что славяне колонизовали эту территорию сравнительно поздно в результате движения с запада, из области распространения лужицкой культуры⁷.

Такая гипотеза, конечно, не могла удовлетворить не только лингвистов, но и самих археологов, поскольку она не была подтверждена фактическими материалами, а вытекала из предполагаемого их отсутствия. Отсутствие материалов, которых, кстати сказать, никто тогда и не искал по-настоящему, явилось, таким образом, основанием для далеко идущих исторических выводов о месте Полесья в процессе этногенеза славян и их ранней истории. Вот почему для ответа на этот же вопрос археологам пришлось проделать большую работу по сбору материала и его систематизации, поискам недостающих звеньев в хронологической цепи развития древней культуры Полесья, установлению границ распространения отдельных культур, определению времени их существования

³ Ю. В. Кухаренко. *Первобытные памятники Полесья*. М., 1962; *о н ж е*. *Памятники железного века на территории Полесья*. М., 1961; *о н ж е*. *Средневековые памятники Полесья*. М., 1961.

⁴ См. например: К. Јаџџе wski. *Atlas do pradziejów Słowian*. Łódź, 1949, карты 2—8.

⁵ Т. Сулимирски. *O poleskiej praojczyźnie Słowian*. ZOW, R. XIV. Poznań, 1939, стр. 33—42.

⁶ Т. Сулимирски. *Указ. соч.*, стр. 33—42; J. Frieman. *Polesie nie mogło być praojczyzna Słowian*. «Przegląd Archeologiczny», t. XIII, Wrocław, 1961, стр. 108—122.

⁷ Т. Сулимирски. *Указ. соч.*, стр. 33—42; J. Filip. *Počatky slovanského osídlení v Československu*. Praha, 1946; К. Јаџџе wski. *Указ. соч.*, стр. 43—44.

и т. д. Сейчас эта начальная стадия археологического изучения Полесья завершена. Настало время подвести некоторые предварительные итоги, касающиеся специфики этой территории и характера ее заселения в древности.

Прежде всего следует решительно отбросить как не соответствующие действительности мнения о длительном перерыве в заселении Полесья, вызванном якобы его затоплением, о чрезвычайно слабой заселенности этой территории из-за плохих жизненных условий и т. д. Никаких перерывов в заселении Полесья, вызванных его затоплениями, не было и не могло быть хотя бы потому, что сами эти затопления, по утверждениям геологов, происходили еще до заселения этой территории человеком. Последнее затопление, например, имело место в период отступления ледника⁸. Несмотря на сильную заболоченность, Полесье сравнительно густо заселено теперь и, как показали исследования последних лет, почти столь же густо, притом без каких-либо длительных перерывов, было заселено и в древности. Относительно низкая урожайность почв Полесья компенсируется и, конечно, еще в большей степени компенсировалась в древности почти неограниченными возможностями для выпаса и содержания скота. В сочетании с другими формами хозяйства этого было вполне достаточно для прокормления населения Полесья. Одним словом, условия для жизни в Полесье были нисколько не хуже, а в некоторых отношениях даже лучше, чем в соседних с ним районах. Вот почему Полесье никогда не пустовало. Чтобы не быть голословным, приведу факты.

Наиболее древние поселения на территории Полесья, судя по имеющимся материалам, относятся к мезолиту. Это, по-видимому, соответствует и действительному времени первоначального заселения Полесья, поскольку в позднелепальолитическое время эта область была затоплена тальми водами отступающего ледника и в силу этого мало пригодна для жизни человека. Обитание было возможно лишь на немногих возвышенностях в пределах Мозырской гряды. Не случайно именно там, но уже за пределами изучаемой нами территории и была открыта известная позднелепальолитическая стоянка у дер. Юревичи — самое древнее и пока что единственное палеолитическое поселение в Полесье.

Мезолитические поселения Полесья, как правило, располагаются на прибрежных дюнах. Сами эти дюны, по утверждениям геологов, возникли не ранее начала периода дриаса и долгое время подвергались переувлажнениям. Лишь в бореальный период, т. е. примерно в VIII—VII тысячелетиях до н. э., в связи с общим потеплением полесские дюны покрываются лесной растительностью и закрепляются. Но и после этого, вплоть до наших дней, многие дюны в местах, лишенных растительного покрова, продолжают раз-

⁸ М. М. Ц а п е н к о. К вопросу о геологической природе Полесья. «Известия Академии наук БССР. Серия геологическая», № 2. Минск, 1947, стр. 100—103.

вейваться. Именно в этих обнаженных ветром местах на поверхности дон мы и находим следы древнейших мезолитических поселений. Вещи, собранные на поверхности этих поселений (а это исключительно кремневые орудия), в типологическом отношении относятся к двум культурам: свидерской и тарденуазской. Свидерскими по типу, например, являются характерные наконечники стрел из пластинок, боковые резцы, концевые скребки и односторонние нуклеусы. Тарденуазскими — небольшие вкладышевые геометрические орудия в виде высоких треугольников и трапеций и небольшие округлые скребки. Нередко и свидерские и тарденуазские кремневые орудия встречаются вместе, на одних и тех же местах. Поселений с более или менее чистыми сериями вещей известно не много. С этой точки зрения свидерскими поселениями могут быть Нобель, Колодно, Галачево, Добронечь, Шумаки и некоторые другие стоянки западных районов Полесья; тарденуазскими — Прилуки, Заказанка, Пища, Выжва, Хабарище, Невир, Одрижин, Любязь, Буйразь, Конотоп, Березно, Каменное и ряд подобных же стоянок, известных как в западных, так и в восточных районах Полесья. В культурно-историческом отношении мезолитические стоянки Полесья вместе с аналогичными памятниками соседних районов Белоруссии и Литвы ближе всего к памятникам так называемого мазовшанского позднепалеолитического и последовавшего за ним мезолитического циклов Повисленья.

Заселение Полесья, начавшееся в мезолите, продолжалось и в неолитическое время. По сравнению с предыдущей эпохой в этот период число поселений значительно возрастает. Как и мезолитические стоянки, они располагались на прибрежных дюнах, реке, притом только поселения, относящиеся к культуре так называемой гребенчатой керамики, — в поймах рек. На поверхности поселений встречается довольно много кремневых орудий и обломков глиняных сосудов. Среди кремневых орудий чаще всего попадаются различные скребки и ножевидные пластинки, листовидные наконечники стрел, небольшие орудия типа пик и клиновидные топоры. Обломки глиняных сосудов, собранные на поселениях, относятся к трем основным культурам: гребенчатой керамики, воронковидных кубков и шаровидных амфор.

Поселения культуры гребенчатой керамики наиболее многочисленны и распространены по всей территории Полесья. Характерной их особенностью является наличие на многих из них микролитических кремневых орудий мезолитических форм. Некоторые из поселений даже расположены на местах старых мезолитических стоянок (Нобель, Носки, Буйразь, Хильчицы и др.). Еще недавно, исходя из чисто формальных соображений, полесские поселения с гребенчатой керамикой вместе с подобными же поселениями соседних районов Польши, Белоруссии и Прибалтики объединяли в одну группу со стоянками с ямочно-гребенчатой керамикой лесной полосы Европы и Азии и считали их прафинскими. Появление

ние этих поселений в интересующих нас районах и далее к западу объясняли поэтому вторжением туда прафинов. Исследования последних лет показали, что эти поселения составляют особую культуру, вернее группу родственных культур, сложившуюся на основе местных мезолитических культур (М. Е. Фосс, Т. Сулимирский, А. А. Формозов, А. Гардавский, Д. Я. Телегин). Наиболее вероятное время существования полесских поселений с гребенчатой керамикой — IV—II тысячелетия до н. э.

В отличие от поселений с гребенчатой керамикой, поселения культуры воронковидных кубков немногочисленны и известны только в западных, соприкасающихся с Польшей районах Полесья (Владинополь, Пища, Цытыля, Ковель, Гридки, Сереховичи, Выжва, Божья Воля, Вулька Качинская, Вулька Щитинская, Хабарище, Невир, Ляховичи, Носки, Колки). Самые южные из них расположены на открытых лёссовых участках, остальные, как обычно в Полесье, — на прибрежных дюнах. Раскопки на поселениях не производились. Судя же по подъемному материалу и району распространения, полесские поселения культуры воронковидных кубков вместе с подобными же памятниками соседних районов Волини и Польши представляют собой окраинную, наиболее удаленную к востоку группу этой культуры, занимавшей тогда в Европе довольно обширную территорию. Долгое время считалось, что эта культура сложилась в Ютландии, а затем распространилась в остальные районы Европы, в том числе и на Полесье (К. Яжджевский). Теперь, после исследований К. Беккера, доказавшего, что памятники Ютландии не являются самыми древними, большинство археологов ищет истоки культуры воронковидных кубков в центральных районах Европы. Т. Сулимирский, например, полагает, что культура эта сложилась в районе между Эльбой и Вислой и что связующим звеном между нею и местными мезолитическими культурами является польская группа культуры гребенчатой керамики (мазовшанская культура). Но как бы ни решился этот вопрос в будущем, в настоящее время почти все исследователи согласны с тем, что в районах к востоку от Вислы, а следовательно, и на Полесье культура эта чуждая, пришедшая с запада. Наиболее вероятное время ее появления и существования на нашей территории — середина III тысячелетия до н. э. (Ю. Н. Захарук). Прекращение функционирования поселений культуры воронковидных кубков в восточных районах ее распространения обычно связывают с внезапным вторжением на эту территорию каких-то новых пришельцев (Т. Сулимирский, Я. Ковальчик). Доказательством этого является картина разрушений и пожарищ, наблюдаемая во время раскопок на поселениях соседних с Полесьем районов (Грудек Надбужный, Лежница, Грабова Гора). Полагают также, что пришельцами этими скорее всего были племена культуры шаровидных амфор, памятники которых появляются в Полесье, на Волини и Подолии в период при-

мерно от 2300 до 2100 гг. до н. э., т. е. сразу же после прекращения функционирования памятников культуры воронковидных кубков.

На территории Полесья пока что известен лишь один памятник культуры шаровидных амфор — погребение у с. Хотешов недалеко от г. Камень-Каширский. Погребение это бескурганное, с труположением в каменном ящике.

В самом начале эпохи бронзы на территории Полесья появляются памятники культуры шнуровой керамики. В настоящее время они известны примерно в сорока пунктах. Все это поселения. Фактически же памятников культуры шнуровой керамики на территории Полесья значительно больше, если учесть места находок каменных и кремневых топоров, кремневых наконечников копий и серповидных ножей, которые в подавляющем большинстве случаев относятся, по-видимому, именно к этой культуре. Раскопки на поселениях не производились, однако на всех них в местах выдувов были собраны обломки характерных глиняных сосудов, в том числе и амфор тюрингского типа (Хотивель). Судя по формам и мотивам орнаментации этих сосудов, полесские поселения культуры шнуровой керамики относятся к нескольким различным группам, точнее культурам. Поселения восточных районов Полесья, например, относятся к среднеднепровской культуре — Велемичи, Буйразь, Хильчицы, Рычево, Слепцы, Миробель, Мозырь, Калинковичи. Некоторые поселения юго-западных районов Полесья — к стщижовской (Тур, Гридки). Принадлежность остальных поселений, находящихся в западных районах Полесья, пока что не может быть установлена столь определенно. Но очень возможно, что в дальнейшем там выделится еще одна группа или культура, отличная от стщижовской. В нее войдут поселения вдоль берегов Припяти и района к северу от этой реки, т. е. территории, на которой в Полесье встречаются сверленные клиновидные топоры висло-неманского типа и тюрингские амфоры, т. е. вещи, в целом не характерные для стщижовской культуры. Тюрингские амфоры к тому же и датируются более ранним временем, чем памятники стщижовской культуры.

Датировать полесские памятники культуры шнуровой керамики можно лишь весьма предположительно и только исходя из датировок, установленных для групп, в которые они входят. Более ранними являются памятники восточных районов, т. е. памятники среднеднепровской культуры — 2100—1500 гг. до н. э. (И. И. Артеменко). Памятники западных районов Полесья, те из них, которые входят в стщижовскую группу, датируются обычно периодом от 1800 до 1400 г. до н. э. (Е. Глосиц).

На смену памятникам культуры шнуровой керамики в Полесье появляются памятники двух близких культур: тшцинецкой в западных районах и сосницкой — в восточных. В основном это поселения, которые в настоящее время известны уже более чем в

сорока пунктах. Кроме поселений, известно также и погребение — курган у с. Черск на Стоходе, раскопанный в свое время Я. Фитцке. Курган содержал погребение с трупосожжением, в котором находились следующие вещи: бронзовый браслет с двумя спиральными щитками, глиняный сосуд, характерного для тшцинецкой культуры вида, и шаровидный сосуд с двумя ушками. Раскопок на поселениях не производилось. Судя же по обломкам глиняных сосудов, собранным на поверхности поселений, самые восточные из них — Митяевичи, Лутьвье, Буйразнь, Слепцы, Ясенец и Калинковичи — относятся к сосницкой культуре, все остальные, т. е. поселения западных районов Полесья, — к тшцинецкой. По аналогии с лучше исследованными памятниками этих культур в соседних районах, поселения, относящиеся к тшцинецкой культуре, могут быть датированы периодом от 1500 до 1200 гг. до н. э. (А. Гардавский), поселения, относящиеся к сосницкой культуре, — второй половиной II — началом I тысячелетия до н. э. (С. С. Березанская, И. И. Артеменко). Иными словами, тшцинецкие памятники в западных районах Полесья доживают вплоть до появления там памятников лужицкой культуры, а памятники сосницкой культуры в восточных районах, в их позднем лебедивском варианте, — до начала железного века, когда они сменяются там памятниками милоградской культуры.

Памятники лужицкой культуры в западных районах Полесья появляются еще в бронзовом веке. Древнейший из этих памятников — бескурганый могильник с трупосожжением — был случайно открыт в 1935 г. около с. Выжва в верховьях Припяти (А. Цынкаловский). Обломки глиняных сосудов, характерных для лужицкой культуры типов, в разное время находили также на песчаных всхолмлениях у сел Божья Воля и Гридки недалеко от Выжвы, Староселья на Стыри, Ремчиц и Колесова в Погорынье. По-видимому, к лужицкой же культуре относятся и обломки глиняных сосудов, собранные около деревень Борисы на Буге, Ляхвичи на Припяти и Островичи в низовьях Ясельды. Все эти памятники, судя по типам глиняных сосудов, вместе с подобными же памятниками соседних районов Побужья и Волыни составляют особую, самую удаленную к востоку ульвовекскую группу лужицкой культуры. Полагают, что эта группа сложилась в верховьях Вепша и Буга примерно в период между 1200 и 1100 гг. до н. э. (А. Гардавский, М. Гедль), а оттуда вскоре распространилась в районы к востоку от Буга, в том числе и на Полесье (Ю. Костшевский). Существовала эта группа памятников вплоть до начала железного века. На одном из поздних ее памятников — поселении у с. Головно в верховьях Припяти — были произведены небольшие раскопки (И. Савицкая). Вскрыты остатки жилища типа полуземлянки, рядом с которым находилась большая яма хозяйственного назначения. Поселение датируется VI—V вв. до н. э. Лужицкие вещи этого же времени — бронзовые браслеты

станоминского типа — были найдены также и у дер. Горбов-Здиров на Ясельде.

На самой южной окраине западных районов Полесья одновременно с лужицкими племенами обитали, по-видимому, и племена висоцкой культуры. Так, судя по сведениям, опубликованным А. Цынкаловским, обломки глиняных сосудов, характерных для этой культуры типов, были собраны в окрестностях с. Городец на Горыни и около г. Сарны на Случи, а у с. Дуброва на Ствице случайно разрушено висоцкое погребение. Находки вещей, характерных для висоцкой культуры, как будто бы имели место и у с. Милановичи в районе Ковеля. Если правильно определена культурно-историческая принадлежность всех этих памятников, то их, как и всю висоцкую культуру, северной окраиной которой они являются, следует датировать временем примерно от X до VI в. до н. э. Культура эта сложилась в зоне контакта лужицкой культуры с культурами украинской лесостепи и является смешанной по своему характеру. При этом, однако, в ней явно преобладают лужицкие элементы. Может быть, поэтому по-своему правы М. Гедль, предлагающий рассматривать висоцкую культуру как наиболее удаленную к востоку локальную группу лужицкой культуры, и В. И. Канивец, считающий соседнюю с запада ульвовекскую группу лужицкой культуры особым вариантом висоцкой культуры. Несмотря на противоположность этих мнений в обоих случаях по сути дела речь идет об одном и том же — о близком родстве висоцкой культуры с лужицкой и о невозможности в настоящее время провести между ними четкую границу.

В восточных районах Полесья в начале железного века получают распространение памятники милоградской культуры. Среди этих памятников известны городища — древнейшие городища в Полесье вообще (Большая Слива, Красная Горка, Дьяковичи, Холопеничи, Ясенец, Моисеевка), неукрепленные поселения (Червоне Поле, Хильчицы, Слепцы), курганные и бескурганные могильники (Дубой, Вулька Орея, Бор Дубинецкий, Погост, Корост).

Городища довольно велики и почти всегда располагаются среди пойменных лугов. Иногда они размещены попарно, одно около другого (Красная Горка, Ясенец). В таких случаях на одном из них, меньшем по размеру, отсутствует культурный слой. По-видимому, такие городища использовались в качестве загонов для скота. В плане городища округлые, обнесены концентрическими земляными валами. Городище более сложной планировки известно лишь у дер. Моисеевки на Припяти. Оно, кстати сказать, в отличие от всех остальных, и расположено не на лугу, а на мысовидном отроге большой возвышенности. Раскопок на городищах не производилось. Не исследовались и неукрепленные поселения. При шурфовке и на поверхности тех и других были лишь собраны обломки глиняных сосудов, характерных для милоградской культуры типов. На городище у дер. Холопеничи, кроме того, были об-

наружены и обломки сосудов культуры штрихованной керамики, а также найден обломок глиняной поделки, по форме напоминающей известные грузики дякова типа.

Могильники, как уже упоминалось, встречаются двух видов: бескурганные и курганные. Первые из них содержат погребения с трупосожжениями — урновые и ямные (Погост, Корост), вторые — погребения с трупоположениями. Из курганных могильников наиболее полно исследован нами могильник у дер. Дубой в низовьях Горыни. Он насчитывает около 60 насыпей, 13 из которых нами раскопано. В большинстве из раскопанных курганов захоронения произведены на уровне горизонта, в том числе и в деревянных срубках, в остальных — в неглубоких ямах под центральной частью насыпи. Покойники лежали на спине, в вытянутом положении, головами к юго-востоку. Во всех случаях у ступней ног покойников стояли глиняные сосуды, а в пяти погребениях под головами находились железные наконечники копий. Курганы, раскопанные на могильнике у дер. Дубой, датируются VI—V вв. до н. э., а могильник у с. Корост — V—IV вв. до н. э. Остальные полесские памятники милоградской культуры, в том числе и могильник у дер. Погост, не могут быть датированы с такой определенностью. Судя же по аналогиям из хорошо изученных памятников приднепровских районов распространения памятников милоградской культуры, все они в целом доживают вплоть до появления в Полесье памятников зарубинецкой культуры, с которыми некоторое время, по-видимому, даже сосуществуют.

В бассейне Случи и Птичи, т. е. на северо-восточной окраине Полесья, известны два поселения, относящихся к культуре штрихованной керамики, — городище у дер. Заградье и селище у дер. Поречье. Обломки глиняных сосудов со штрихованной поверхностью, как уже отмечалось, были обнаружены и на городище милоградской культуры у дер. Холопеничи недалеко от Поречья. Поскольку раскопок на этих памятниках не производилось, время их функционирования мы можем установить лишь весьма приблизительно, исходя из датировок подобных памятников, исследованных в более северных районах Белоруссии. Появляются они там, как известно, примерно в III в. до н. э. и доживают по крайней мере до V в. н. э. (А. Г. Митрофанов). Восточная группа поселений со штрихованной керамикой, в которую входят и упомянутые выше полесские памятники, по своему характеру очень близка к памятникам милоградской культуры и по существу составляет с ними одну культурно-историческую общность.

В западных районах Полесья, там, где в конце эпохи бронзы и в начале железного века обитали лужицкие племена, примерно в III в. до н. э. появляются памятники новой культуры — поморской. Представлены они поселениями и могильниками. Как и лужицкие, поселения неукрепленные, а могильники бескурганные, содержащие погребения с трупосожжениями. Изучены эти па-

мятники сравнительно неплохо. Раскопки, например, производились почти на всех известных могильниках (Тростяница, Скорбичи, Дрогичин, Головно I, Головно II) и на одном из поселений (Кусичи).

На поселении у дер. Кусичи обнаружены остатки наземного жилища, стены которого у основания были обложены камнями. На могильниках вскрыто около 50 погребений. Все они содержали трупосожжения и по особенностям погребального обряда делятся на пять основных типов: ямные, подклешевые, ящичные, урновые и кенотафы. В количественном отношении на всех могильниках преобладают ямные погребения — более половины всех вскрытых. Почти во всех погребениях были обнаружены глиняные сосуды, а в некоторых случаях, кроме того, найдены и фибулы ранне-латенской схемы, кольца, крючки, бусы. Среди глиняных сосудов, кроме типов, характерных для собственно поморской культуры, встречаются формы лужицкие и зарубинецкие, т. е. сосуды предшествовавшей поморской и следовавшей здесь за ней культуры.

Время функционирования полесских памятников поморской культуры — III—II вв. до н. э. Однако более чем возможно, что самые ранние из них появились еще в конце IV в. до н. э., а самые поздние, если исходить из наличия на них глиняных сосудов зарубинецких типов, доживают вплоть до начала I в. до н. э. Памятники эти вместе с подобными же памятниками соседних районов Вольни и Подолии составляют особую, наиболее удаленную к юго-востоку группу, относящуюся к поморской культуре. Территория, занимаемая ими, совпадает с территорией, на которой до этого были распространены памятники лужицкой культуры. Связаны поморские памятники с лужицкими и генетически, что общеизвестно. Некоторые исследователи полагают даже, что памятники поморской культуры в интересующих нас районах являются по сути дела несколько видоизмененными во времени памятниками лужицкой культуры, позднелужицкими, иначе говоря (А. Гардавский, Я. Домбровский).

В конце II в. до н. э. в Полесье, там, где раньше были распространены памятники поморской культуры, и далее к востоку, южнее Припяти, появляются памятники зарубинецкой культуры. Как и поморские, с которыми они связаны не только хронологически, но и генетически, памятники эти представлены неукрепленными поселениями и бескурганскими могильниками, содержащими погребения с трупосожжениями.

Поселения зарубинецкой культуры, как обычно для Полесья, располагаются на небольших песчаных возвышенностях вблизи рек и их притоков или же на окраинах заболоченных речных пойм. В тех случаях, когда около поселений были обнаружены могильники, последние, как правило, примыкали к ним вплотную с напольной стороны. Небольшие раскопки производились лишь на поселениях Велемичи, Рубель и Отвержичи. Открыты остатки

полуземляночных жилищ, около которых находилось большое количество различных ям хозяйственного назначения.

Могильники исследованы гораздо лучше. Два могильника, например, раскопаны почти полностью (Велемичи I—125 погребений, Велемичи II—118 погребений). На остальных могильниках в общей сложности вскрыто еще 111 погребений (Воронино, Отвержичи, Ремель, Буйразь, Черск, Погост). В четырех погребениях были обнаружены остатки трупоположений — по одному только черепу в каждом случае, все остальные погребения содержали остатки трупосожжений. В погребениях с трупосожжением обломки пережженных костей покойников почти всегда ссыпаны непосредственно на дно ямы и лишь в редких случаях находились в глиняных сосудах-урнах. В некоторых погребениях среди обломков пережженных костей покойников или около них находились остатки погребального костра — зола, древесные угольки. В подавляющем большинстве погребений, вскрытых на могильниках, были обнаружены вещи. Чаще всего встречались глиняные сосуды и предметы украшений — фибулы, булавки, подвески, кольца и т. д. Орудия труда и предметы быта попадались редко, состав их весьма ограничен: ножи, пряслица, точильные бруски, обломки зернотерок. Из предметов вооружения найден один лишь железный наконечник копья (Велемичи I, погребение № 116).

Полесские памятники зарубинецкой культуры датируются периодом с конца II в. до н. э. по начало II в. н. э. В территориальном отношении они составляют одну из трех основных групп памятников зарубинецкой культуры. Вопрос о происхождении этой культуры как в Полесье, так и на остальной территории ее распространения до сих пор не решен окончательно. Видимо, культура эта сложилась в Полесье на основе более ранней поморской культуры и оттуда распространилась к востоку, в Приднепровье⁹.

В начале, а скорее всего даже в середине II в. н. э. памятники зарубинецкой культуры в Полесье прекращают свое функционирование. На смену им в западных районах Полесья, начиная со второй половины II в. н. э., появляются памятники совершенно иного типа, иной культуры. Я имею в виду могильники Брест-Трипин,^{*} Величковичи, Скорбичи, Любомль, Иванчицы, Колки, Велемичи, поселение у с. Милановичи, клад серебряных вещей из Качина, находку известного наконечника копья с рунической надписью на готском языке у с. Супично и т. д. Могильники эти — бескурганые. Курганное захоронение как будто бы было обнаружено только на могильнике в Колках. Наиболее полно исследован могильник Брест-Трипин, на котором нами вскрыто 70 погребений. Все погребения этого могильника, как и

⁹ Подробно об этом см.: Ю. В. Ку х а р е н к о. К вопросу о происхождении зарубинецкой культуры. СА, 1960, № 1, стр. 289—300.

погребения, вскрытые на других могильниках Полесья, содержали остатки трупосожжений. В большинстве случаев это ямные захоронения, обломки пережженных костей покойников в которых перемешаны с остатками погребального костра. Огнем повреждены и вещи, сопровождавшие покойников. Реже на могильниках встречаются урновые захоронения. Поселения, одновременные с могильниками, не исследовались.

Время существования этих памятников — вторая половина II—IV в. н. э. — довольно хорошо устанавливается по вещам, найденным в погребениях. Почти все эти вещи представлены типами, характерными для памятников готско-гепидской культуры низовьев Вислы. Много общего между полесскими памятниками и нижневисленскими наблюдается и в погребальном обряде. Полагаю поэтому, что появление этих памятников на Полесье является прямым следствием переселения сюда какой-то части готов и других родственных им племен в период продвижения их к Черному морю.

Памятники готско-гепидской культуры Полесья прекратили свое функционирование в конце IV в. н. э., т. е. после разгрома гуннами готского союза племен в Причерноморье. Население, которому они принадлежали, покинуло эту территорию, разделив, по-видимому, судьбу своих более южных сородичей, с которыми оно было теснейшим образом связано. Старый проторенный путь из низовьев Вислы к Черному морю через Полесье, однако, не был забыт. В начале V в. н. э. именно по этому пути, как об этом свидетельствует клад из с. Качина, возвращалась в Прибалтику какая-то группа германских племен с далекого юга. Заметим, кстати, что этот несомненно германский клад был зарыт чуть ли не в том же самом месте, где почти 200 лет назад было оставлено известное копьё с готской надписью «нападение» (Сушично). На этот раз, следуя традиции, на вещах из Качина готы должны были бы написать «отступление».

После ухода готов и связанных с ними племен большая часть Полесья некоторое время, судя по всему, не была заселена. Во всяком случае в районах к югу от Ясельды и Припяти пока что не известно никаких памятников, которые можно было бы датировать V и первой половиной VI в. н. э. Лишь на северо-востоке Полесья, т. е. в районе, занятом до этого памятниками культуры штрихованной керамики, куда не доходили готы, в это время мы находим следы обитания все тех же балтийских племен. На хуторе Виртки, например, незадолго до начала второй мировой войны был случайно разрушен курган, содержащий погребение с трупосожжением. Глиняный сосуд, служивший в этом погребении урной, по форме и технике выделки ничем не отличается от сосудов из восточнолитовских курганов V—VIII вв.

Примерно в середине VI в. н. э. в районах Полесья, не занятых балтами, т. е. к югу от Ясельды и Припяти, впервые появляются

ся несомненно славянские памятники. Я имею в виду памятники пражского типа. Это бескуржанные могильники с трупосожжениями (Хорск, Хотомель), неукрепленные поселения (Вулька Угруская, Мотоль, Городище, Либлино, Петриков) и небольшие округлые городища (Хильчицы, Хотомель). Последние, впрочем, не являлись местами постоянного проживания, а были какими-то центрами общественно-религиозной жизни для населения целой округи. Они же использовались в качестве убежищ в случае опасности. В отличие от городищ, на которых не было никаких постоянных жилых сооружений, во время раскопок на селищах обнаружены небольшие жилища в виде прямоугольных землянок и полуземлянок. Обломки глиняных сосудов, собранных на всех этих памятниках, — лепные, пражского типа. Такие сосуды в VI—VII вв. н. э. найдены на памятниках всех славянских племен без исключения. Этим же временем, точнее второй половиной VI и VII в. н. э., датируются и наши памятники.

В VIII—X вв. н. э. характер славянских памятников Полесья заметно меняется. Особенно это касается памятников западных районов Полесья, которые в силу своего положения были более тесно связаны с остальным славянским миром. Там в это время появляются небольшие круглые городища, на которых уже имеются жилые сооружения — землянки и наземные срубные постройки (Любомль, Головно), связанные с ними селища и очень своеобразные могильники с парными курганами. Городища и могильники, как правило, располагаются в низких, заливаемых в половодье поймах рек, селища — на склонах припойменных возвышенностей. Могильники невелики и состоят обычно из двух, четырех, шести или восьми курганов, расположенных попарно, большой и рядом с ним — маленький. В курганах, как правило, находятся погребения с трупосожжениями на уровне поверхности древнего горизонта (Перевалы, Головно, Радость). Обломки пережженных костей покойников разбросаны на небольшом пространстве под центральной частью насыпи и всегда перемешаны с остатками погребального костра. Иногда это пространство ограждено со всех сторон каким-то деревянным сооружением в виде сруба (Головно). Вещей в погребениях, за исключением единичных обломков глиняных лепных и гончарных сосудов, не имеется. На городищах же и селищах резко преобладают обломки гончарных сосудов. Лепные сосуды встречаются там лишь в порядке исключения и сами по себе мало выразительны.

В восточных районах Полесья в VIII—X вв. н. э. общая картина также меняется, хотя и не столь резко, как на западе. Здесь в это время продолжают еще функционировать те же старые городища без постоянных жилых сооружений (Хотомель), появляются новые городища подобного же типа (Бабка), около городищ возникают большие селища, на которых рядами, параллельными валу городища, располагаются полуземляночные жилища с

глинобитными печами внутри (Хотомель, Бабка). И на городищах, и на селищах в течение всего этого периода преобладают лепные глиняные сосуды, в том числе продолжают бытовать и сосуды пражского типа. Вместе с лепными сосудами в одних и тех же комплексах встречаются и гончарные сосуды. Могильники, если не считать случая захоронения остатков трупосожжения в урне на городище у с. Бабка, все курганные. Однако, в отличие от могильников западных районов Полесья, они располагаются на возвышенностях и образуют группы по несколько десятков насыпей в каждой. Погребения, вскрытые на таких могильниках, как правило, содержат остатки трупосожжений (Дружиловичи, Хильчицы, Рычево, Слобода Скригаловская, Борисевичи, Зубковичи). Встречаются как урновые, так и безурновые захоронения.

В этих же восточных районах интересующей нас территории в конце X в. возникает Туров — самый древний город Полесья. Полагают, что возникновение города в этом месте, равным образом как и быстрое его возвышение, объясняется положением на важнейшем торговом пути, связывающем Киев с Балтийским морем (М. Н. Тихомиров). На этом же пути, идущем по Припяти, но далее к западу у г. Антополя, кстати сказать, был найден большой клад саманидских дирхемов, зарытый примерно в середине X в. н. э. Этим же путем шел на ятвягов Владимир, а позже «в лодьях» ходил Ярослав на мазовшан.

Такова в общем археологическая картина районов Полесья, занятых славянами. К сожалению, мы ничего не знаем об археологических памятниках этого времени северо-восточной части Полесья, т. е. районов, заселенных до этого балтами. Оттуда известен всего лишь один клад, найденный у хутора Тесово, недалеко от упоминавшегося уже могильника в Виртках. Клад содержал вещи балтийских типов и был зарыт не позже X в. н. э. (А. Н. Лявданский).

Период XI—XIII вв. н. э. применительно к Полесью вполне можно было бы назвать курганным. Курганов от этого времени осталось великое множество, и распространены они по всей территории Полесья. Располагаются на возвышенностях компактными группами по несколько десятков насыпей в каждой. К сожалению, не во всех районах Полесья курганы исследованы археологами. В западных районах к югу от Припяти, например, курганы не раскапывались вовсе. Известно только, что в кургане, разрушенном у дер. Радеж в верховьях Припяти, были обнаружены остатки какого-то деревянного сруба. Исследованные курганы остальных районов Полесья делятся на четыре основные группы. Две из этих групп распространены в восточных районах Полесья на землях древлян и дреговичей, две — в западных, на северной окраине земли волянян.

Курганы древлян в полесских районах исследовались в Погорынье, по берегам Ствиги и Уборти (Стыдынь, Корост, Горо-

дец, Видибор, Теребежов, Отвержичи, Велемичи, Рокитно, Рычево, Хильчицы, Тепеница, Олевск, Лопатичи, Зубковичи). Все они содержали погребения с трупоположениями. В подавляющем большинстве случаев захоронения произведены на уровне поверхности древнего горизонта, лишь в курганах самых южных могильников иногда встречаются погребения в неглубоких ямах (Стыдынь, Тепеница, Лопатичи, Зубковичи). Насыпи некоторых курганов на этих же южных могильниках у основания обложены камнями. Отличительной особенностью курганов является наличие в насыпи или же на уровне горизонта, т. е. на уровне захоронения, тонких зольно-угольных прослоек. Линзовидные скопления золы и углей встречаются и между курганами (Велемичи). Среди вещей, найденных в погребениях, кроме глиняных сосудов, сделанных на гончарном круге, чаще всего встречаются железные ножи, кресала, поясные пряжки, полтораоборотные височные кольца, перстни и бусы. В погребениях, вскрытых на самых северных могильниках этой группы, примыкающих к Припяти, кроме того, попадаются крупные металлические зерновые бусы дреговичского типа и трехбусинные височные кольца (Теребежов, Велемичи, Рычево). На этих же северных могильниках около покойников иногда находят черепа лошадей. Известно также и отдельное захоронение лошади рядом с курганом (Велемичи).

В восточных районах Полесья к северу от Припяти, т. е. в земле дреговичей, курганы исследовались около деревень Малые Круговичи, Ясенец, Митяевичи, Юзефин, Будча, Погост, Тесово, Стамогиля, Мильковичи, Дьяковичи, Комаровичи, Ванюжичи, Копаткевичи и Мицуры. Кроме того, судя по всему, к этой же дреговичской группе относятся курганы, раскопанные в свое время В. З. Завитневичем на южном берегу Припяти в районе Мозыря (Глиница, Лешня, Скригалов, Слобода Скригаловская, Борисковичи). По внешнему виду эти курганы не отличаются от древлянских. В насыпях курганов отсутствуют, однако, зольно-угольные прослойки. Почти во всех курганах находились погребения с трупоположениями. Погребения с трупосожжениями, не считая более ранних на могильниках в районе Мозыря, известны лишь на могильниках Малые Круговичи и Погост. Захоронения производились как на уровне поверхности древнего горизонта, так и в неглубоких могильных ямах. На насыпях курганов у Малых Круговичей и Ясенца находились какие-то деревянные сооружения в виде частокола, окружавшего место захоронения. Кроме вещей тех же в общем типов, что и в курганах древлян, в погребениях обычны зерновые бусы дреговичского типа. Известны также шарнирные и стеклянные браслеты и височные кольца со свисающими стеклянными бусами-подвесками. Наиболее вероятное время появления описанных выше курганов в районах к северу от Припяти, т. е. на местах, занятых когда-то балтами, X в. н. э. Курганы эти,

таким образом, представляют собой первые несомненные следы славянского заселения этой части Полесья.

Курганы северо-запада Полесья, т. е. районов к северу от верховьев Припяти, представлены двумя разновидностями: обычные курганы с земляными насыпями и курганы, насыпи которых сложены из камней или же обложены камнями у основания. Первые из них встречаются по всей территории в междуречье Буга и Ясельды и далее к югу вплоть до Волыни. Два таких кургана, к сожалению распаханных, нами раскопано около дер. Ратайчицы на р. Лесной к северу от Бреста. Оба содержали погребения с трупоположениями. Покойники лежали в деревянных гробах, на спине, в вытянутом положении. Один из них ориентирован головой на запад, другой — в противоположную сторону. У черепа последнего находилось бронзовое трехбусинное височное кольцо обычного для славянских курганов типа.

В отличие от земляных, каменные курганы встречаются только в небольшом районе к северу от Бреста и составляют довольно компактную группу (Любашки, Лисовщина, Войская, Угляны, Радость, Баранки, Свищево, Ратайчицы, Трогяница, Горки, Хотиново, Шестаково, Коцаники, Кустичи, Величковичи, Ставы, Яцковичи, Щитники, Раковица, Здитово, Чахец, Деревная). Подобные же курганы имеются на соседней территории Польши, но особенно много их известно к северу от Полесья, в Понеманье. Полесские каменные курганы, таким образом, составляют лишь южную окраину этой большой группы однотипных курганных могильников. В Полесье каменные курганы распространены на той же территории, на которой известны и обычные курганы с земляными насыпями, однако почти всегда они составляют отдельные могильники. В последние годы раскопано более сотни каменных курганов интересующего нас района. Почти во всех этих курганах находились погребения с трупоположениями и только в трех — трупосожжения (Войская, Хотиново). Захоронения в курганах с трупосожжениями и в подавляющем большинстве курганов с трупоположениями произведены на уровне древнего горизонта. Погребения в ямах встречаются редко и лишь на некоторых могильниках. В погребениях с трупоположениями покойники всегда лежат на спине, в вытянутом положении, в большинстве случаев головой к западу, однако почти на всех могильниках встречаются и погребения с обратной ориентировкой. В погребениях довольно много вещей: глиняные гончарные сосуды, височные полутораоборотные и S-овидные кольца, перстни, бусы, пряслица, кресала, ножи, поясные пряжки и т. д. Все эти вещи — XI—XIII вв. н. э. Каменные курганы, таким образом, одновременны с обычными земляными курганами как этого, так и остальных районов Полесья, занятых в то время волынянами, древлянами и дреговичами. По мнению В. В. Седова, они принадлежали ятвягам, что вполне вероятно.

Поселения этого периода, если не считать трех древнерусских городов, на территории Полесья не исследовались, хотя известно их довольно много. Городища этого времени примерно вдвое больше городищ предыдущего периода. Наряду с круглыми городищами, известными раньше, появляются мысовые городища, а также городища, расположенные на кромке берега реки и огражденные с напольной стороны подковообразными валами. Почти у всех городищ имеются одновременные с ними селища. Некоторые из таких городищ послужили зародышами известных в Полесье древнерусских городов.

Как уже отмечалось, к концу X в. относится первое упоминание в летописи о Турове — самом древнем городе Полесья, столице отдельного княжества и важном религиозном центре. В начале XI в. в летописи упоминается Берестье — теперешний Брест, а в конце этого века — Пинск, Турийск и Чарторыйск. Примерно в это же время был основан и Давид-Городок. Несколько позже становятся известными еще три полесских города: Зареческ, Мозырь и Небль. Небольшие раскопки производились только в трех из этих городов — Турове, Пинске и Давид-Городке. Во всех случаях исследовались городища, т. е. самые ранние по заселению участки площади, занятой городами впоследствии.

Во время раскопок в Турове установлено, что древнейшие отложения культурного слоя на городище относятся к концу X в. н. э., что соответствует, как видим, и сведениям летописи о начале города. Жилые сооружения, остатки которых обнаружены на городище, представлены небольшими срубными постройками, внутри которых находились печи, сложенные из кирпича. Открыты также остатки кирпичного храма XII в. — древнейшего каменного здания в Полесье. Кроме многочисленных вещей местного производства в Турове встречаются и импортные вещи византийского, сирийского и среднеазиатского происхождения, относящиеся к XI—XII вв.

На месте городища древнего Пинска обнаружены напластования различных эпох начиная с XI в. н. э. К древнейшему периоду относятся остатки срубных построек, многоярусные деревянные мостовые и большое количество различных вещей, в том числе уникальные майоликовые облицовочные плитки и обломок глиняного сосуда с древнерусской надписью.

Небольшие срубные жилища и улицы, вымощенные бревнами, были обнаружены и во время раскопок на городище в Давид-Городке. Около жилищ, относящихся к начальному периоду существования городища, находились какие-то хозяйственные постройки в виде небольших шалашей. Кроме этих сооружений на городище открыты также остатки двухкамерного деревянного храма и более десяти погребений в деревянных гробах. Помимо обломков глиняных гончарных сосудов на городище найдено

много предметов из металла, кости и дерева. В погребениях сохранились обрывки одежды из шелковой ткани восточного происхождения. Р. Якимович, производивший раскопки на городище, полагал, что оно возникло в конце XI или на рубеже XI—XII вв. и было обитаемо еще в XIII в. н. э.

Почти все древнейшие города Полесья возникли на основных водных путях, связывавших Киев с Польшей (Припятско-Бугский путь) и Волынь с более северными славянскими землями (Горыньско-Случский путь). Вдоль этих же путей были найдены и все клады X—XIII в., известные в настоящее время (Антополь, Тесово, Высоцк, Пинск, Людвиши, Брест).

Итак, как видим, нет никаких оснований для утверждений о слабой заселенности Полесья в древности и о перерыве в его заселении, длившемся якобы с конца неолитического времени вплоть до первых веков нашей эры.

Не соответствует действительности и представление о Полесье как о каком-то непроходимом в древности барьере, разделившем балтов и славян и нарушившем тем самым их первоначальное единство. Как уже отмечалось, Полесье довольно густо было заселено и обитаемо начиная уже с мезолита. Причем районы Полесья, занятые различными культурами, а следовательно, и различными этническими элементами, в том числе славянами и балтами, непосредственно соприкасались друг с другом. Никаких пустых, никем не заселенных пространств между ними не было.

В физико-географическом отношении Полесье резко отличается от соседних областей Европы. Казалось, что это должно было бы обуславливать и однообразие культурно-исторических и хозяйственных укладов, возникавших там в древности. Более того, учитывая труднодоступность и известную замкнутость Полесья, можно было бы ожидать также большей стабильности этих укладов и, следовательно, длительного существования и медленного изменения во времени археологических культур, известных нам на этой территории. Одним словом, общая картина исторического развития Полесья должна была бы быть примерно такая же, во всяком случае не менее устойчивая, чем та, которую мы наблюдаем в более северных, сходных по физико-географическим условиям лесных районах Восточной Европы и, в частности, в соседних районах Белоруссии.

В действительности, однако, все обстояло иначе. Одинаковая в общем картина для всего Полесья наблюдается только в древнейший период его истории. Позже, начиная примерно с середины неолитического времени и вплоть до средневековья, Полесье резко делилось на две самостоятельные культурно-исторические области: западную и восточную (рис. 1). Границей между ними на протяжении многих столетий являлась линия, идущая примерно по рекам Ясельде, Припяти (на участке от устья Ясельды до устья Горыни) и Горыни. Большая часть этой археологической

Дата	Западные районы	Восточные районы	Дата
1000	В о л ы н я н е Г о л о в н о П р а ж с к о г о Г о т с к о - г е п и д с к а я	Д р е в л я н е Х о т о м е л ь Д р е г о в и ч и т и п а В и р т к и	1000
0	З а р у б и н е ц к а я	Ш т р и х о - в а н н о й к е р а м и к и	0
	П о м о р с к а я	М и л о г р а д с к а я	
1000	Л у ж и ц к а я	С о с н и ц к а я	1000
	Т ш ц и н е ц к а я		
	С т щ и ж о в с к а я	С р е д н е д н е п р о в с к а я	
2000	Ш а р о в и д н ы х а м ф о р В о р о н к о в и д н ы х к у б к о в		2000
3000		Г р е б е н ч а т о й к е р а м и к и	3000
4000	М з о л и т		4000

Рис. 1. Сравнительная хронологическая схема смены археологических культур в разных районах Полесья

границы почти в деталях совпадает с границей расселения балтов и славян в древности, установленной по языковым данным. Позже Ясельда и Припять стали границей между украинцами и белорусами.

Обратимся к фактам. Примерно до середины III тысячелетия до н. э. Полесье в археологическом отношении было единым, так как на всей его территории были распространены памятники

одной культуры — гребенчатой керамики (рис. 2). Заметим, кстати, что в это время, как и в предшествующий период, Полесье составляло юго-восточную окраину большой культурно-исторической области, охватывавшей повисленско-прибалтийские районы Европы. Племена культуры гребенчатой керамики, как известно, некоторыми исследователями рассматриваются как какая-то крупная этническая группировка, существовавшая на этой территории с мезолитической эпохи, и даже отождествляют ее с балто-славянской языковой общностью (Д. А. Телегин). Если последняя не мифическое понятие, то перед нами завершающий этап ее существования. Последний, поскольку позже мы уже не встречаем археологических культур, общих для областей, занятых исторически известными балтами и славянами. И это, кстати сказать, более чем наглядно видно на примере Полесья, занимающего как раз пограничную между балтами и славянами территорию.

Начиная с середины III тысячелетия до н. э. положение меняется. В районах Полесья к западу от Ясельды и Горыни появляются

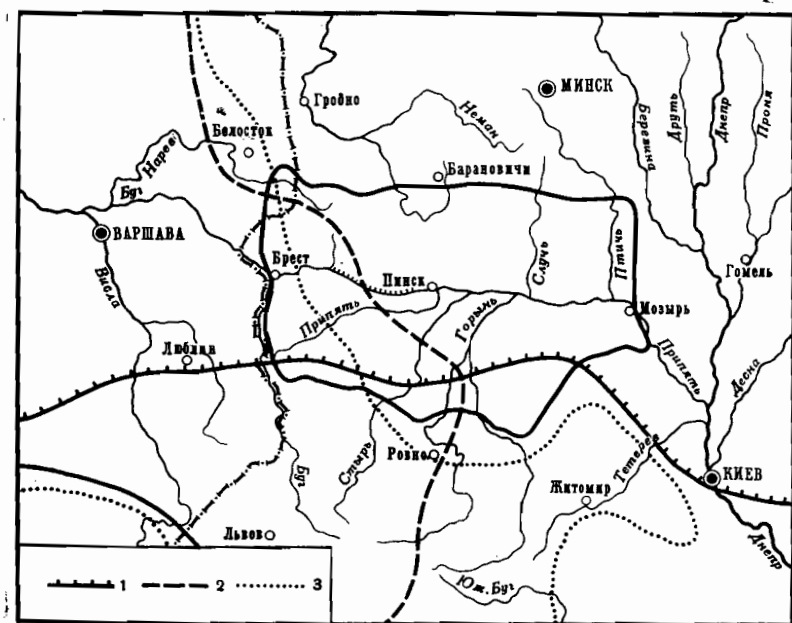

Рис. 2. Полесье в неолитическое время

- 1 — южная граница распространения культуры гребенчатой керамики;
 2 — юго-восточная граница распространения культуры воронковидных кубиков;
 3 — юго-восточная граница распространения культуры шаровидных амфор; сплошной линией на этой и на всех последующих картах обозначены границы Полесья

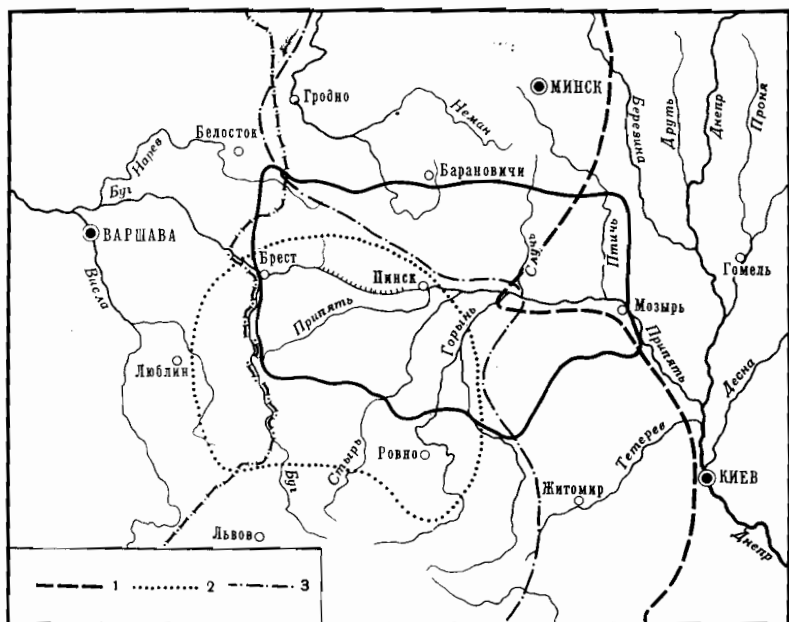

Рис. 3. Полесье в эпоху бронзы

1 — западная граница распространения среднеднепровской культуры; 2 — район, занятый стщижковской культурой; 3 — восточная граница распространения других групп культур шнуровой керамики

ся памятники культуры воронковидных кубков, а затем — шаровидных амфор, основной район распространения которых находился к западу от Полесья (см. рис. 2). В восточных районах Полесья за Ясельдой и Горынью эти культуры неизвестны вовсе, хотя особая, волынская группа одной из них — культуры шаровидных амфор в районах к югу от Полесья — доходит почти до Днепра. Мы ничего не знаем об этнической принадлежности посетителей этих культур, однако нельзя не отметить то обстоятельство, что в Полесье, да и в других местах, исключая небольшой район в низовьях Вислы, они не переходят южной границы максимального распространения балтийских племен, установленной по языковым данным. Отсюда следует, что культуры эти явно не балтийские.

В начале эпохи бронзы в Полесье были распространены памятники двух близких культур, входящих в группу культур шнуровой керамики: стщижковская в западных районах и среднеднепровская — в восточных (рис. 3). И опять-таки границей между ними является все та же линия, идущая примерно по Ясельде, Припяти и Горыни. Поскольку основные районы распространения этих

культур выходили за рамки Полесья, последнее, таким образом, находилось на стыке между ними.

Аналогичная же картина наблюдается и позже, когда в западных районах Полесья появляются памятники тшцинецкой культуры, а в восточных — сосницкой (рис. 4). И на этот раз Полесье находится на стыке между двумя разными культурами, а границей между ними является все та же линия, идущая вдоль Ясельды, Припяти и Горыни.

Деление Полесья на две самостоятельные культурно-исторические области — западную и восточную — еще более четко прослеживается в конце эпохи бронзы и в начале железного века. В конце эпохи бронзы, например, в восточных районах Полесья продолжали, по-видимому, еще существовать памятники сосницкой культуры в их позднем, лебедивском варианте. В западных районах Полесья в это время появляются памятники лужицкой культуры, а на самой южной, пограничной с Вольной окраине этих районов — близкие к лужицким и родственные с ними памятники высоцкой культуры (рис. 5). И те и другие продолжали существовать там еще и в начале железного века, затем их место заняли памятники поморской культуры (см. рис. 5), причем

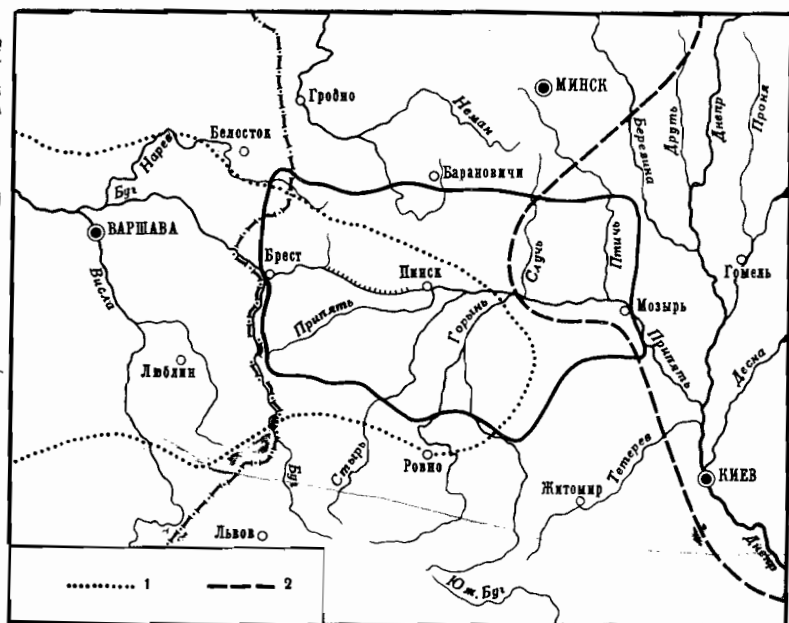

Рис. 4. Полесье в эпоху бронзы

1 — восточная граница распространения тшцинецкой культуры; 2 — западная граница распространения сосницкой культуры

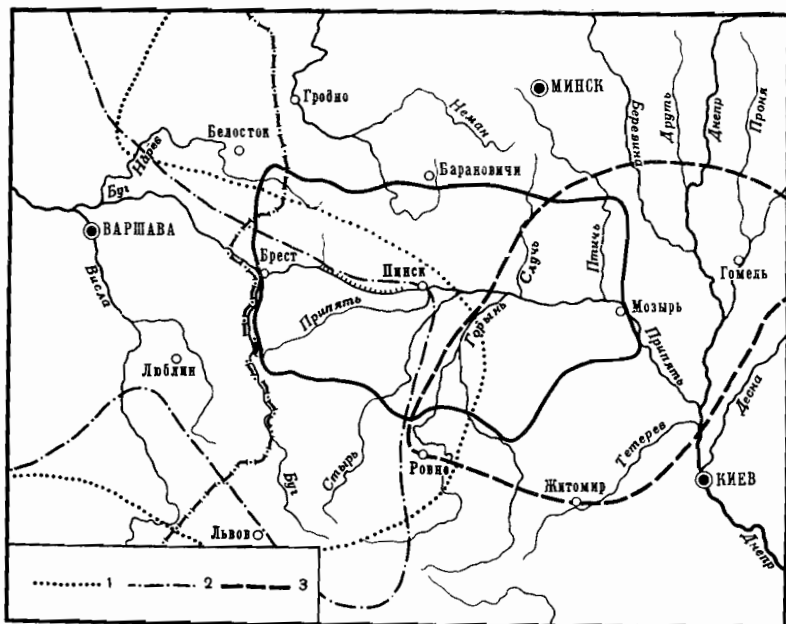

Рис. 5. Полесье в начале железного века

1 — юго-восточная граница распространения лужицкой культуры; 2 — юго-восточная граница распространения поморской культуры; 3 — район, занятый милоградской культурой

территория распространения последних почти до деталей совпадает с территорией распространения памятников лужицкой культуры, с которыми поморские памятники связаны и генетически. Имеются все основания считать эти памятники славянскими. В восточных же районах Полесья в начале железного века распространяются памятники совершенно иного типа — милоградские, а на самой северо-восточной окраине этих районов — родственные им памятники культуры штрихованной керамики (см. рис. 5, рис. 6). Обе культуры принадлежали древним балтийским племенам. Это как очевидный факт признаю всеми по отношению к культуре штрихованной керамики и почти всеми — по отношению к культуре милоградской. Как видим, и в это время наблюдается все та же привычная уже для Полесья картина: западные его районы составляют восточную окраину средне-европейских культур, восточные — являются окраиной культур приднепровских. Граница между ними, как и раньше, проходит по той же линии Ясельда — Припять — Горынь.

Примерно в конце II в. до н. э. на всей территории Полесья к югу от Ясельды и Припяти появляются памятники зарубинецкой

культуры (рис. 6). Культура эта генетически связана с поморской и по сути дела является ее развитием в новых условиях. В восточных районах Полесья, там, где до этого не было памятников поморской культуры, зарубинецкая культура как бы напластывается на чуждую ей милоградскую культуру, что в конечном итоге приводит к постепенному исчезновению последней. Со времен неолита, точнее после неолитической культуры гребенчатой керамики, зарубинецкая культура была первой культурой, объединившей на время западные районы и южную часть восточных районов Полесья в одно целое. Неизвестно, к чему бы это привело впоследствии, если бы во второй половине II в. н. э. с северо-запада в Полесье не вторглись готы и другие родственные им германские племена. Довольно быстро они заняли западные районы Полесья, затем, продвигаясь к Черному морю, на время осели на Волыни и Подолии (см. рис. 6). В восточные районы Полесья готы, судя по всему, не заходили. Неизвестно там пока что и других памятников этого времени. Лишь на самой северо-восточной окраине Полесья, в бассейне Случи и Птичи, по-видимому, про-

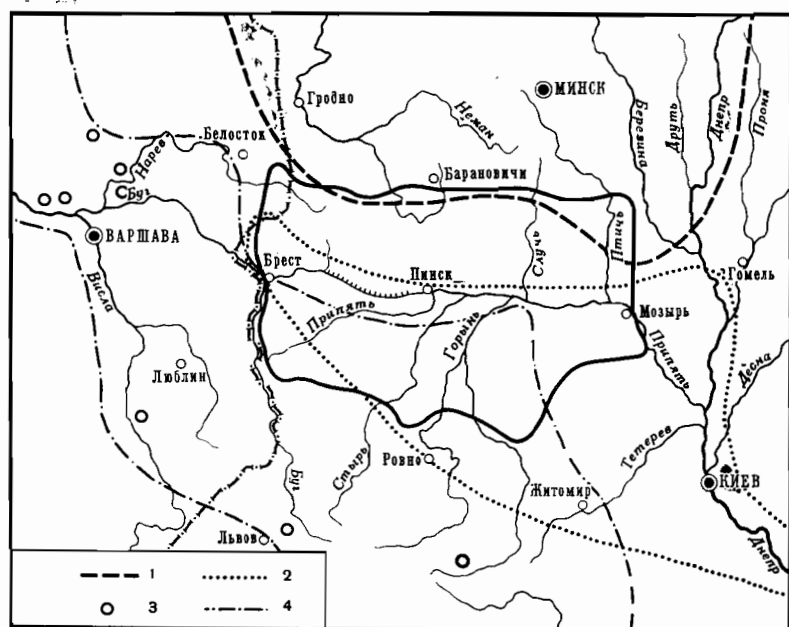

Рис. 6. Полесье на рубеже и в первых веках нашей эры

1 — южная граница распространения культуры штрихованной керамики; 2 — район, занятый зарубинецкой культурой; 3 — германские топонимы (по Т. Лер-Сплавинскому); 4 — юго-восточная граница распространения так называемой готско-гепидской культуры

риода. Памятники пражского типа характерны для всех славянских племен того времени. На территории Полесья они вместе с подобными же памятниками соседних с Полесьем районов Волыни составляют восточную окраину территории, занятой славянами в то время.

Применительно к Полесью и Волыни памятники пражского типа вероятнее всего принадлежали дулебам.

После аварского нашествия, когда связи между отдельными племенами ослабли, одинаковые до этого на всей территории Полесья к югу от Ясельды и Припяти памятники пражского типа распадутся на две различные группы: западную — собственно дулебскую, и восточную — древлянскую. На западе, у дулебов, в конечном итоге это приводит к появлению могильников с парными курганами и поселений типа Головно, на востоке, за Горынью, появляются памятники типа Хотомель, Бабка и т. д., принадлежавшие древлянам (см. рис. 7). Нельзя не отметить при этом то обстоятельство, что как те, так и другие, равным образом как и предшествующие им памятники пражского типа, на севере не распространяются далее линии, идущей вдоль Ясельды и Припяти. Иными словами, судя по тем материалам, которыми мы сейчас располагаем, славяне в это время, т. е. в VI—VIII вв. н. э., в Полесье еще не переходят южной границы расселения древнебалтийских племен, установленной К. Буга по языковым данным применительно ко времени около 500 г. н. э. Когда это произошло впоследствии, мы не знаем. Во всяком случае в V—VIII вв. н. э. балты еще занимали те же самые места к северу от Припяти, на которых раньше жили их непосредственные предки — племена культуры штрихованной керамики. Доказательство этому — могильник на хуторе Виртки.

В самом начале X в. дулебы вместе с другими славянскими племенами, в том числе и со своими восточными соседями древлянами, находившимися тогда уже в составе Киевского государства, участвуют в походе Олега на Царьград. После этого имя их исчезает со страниц наших летописей, уступив место другому наименованию — волыняне. В X—XIII вв. волыняне занимали в Полесье ту же самую территорию к западу от Ясельды и Горыни, что и дулебы в предшествовавший период (рис. 8). На северо-западной окраине этой территории, пограничной с балтами, вместе с волынянами одновременно проживала и какая-то группа ятвягов, оставившая нам каменные курганы (см. рис. 8). Группа эта небольшая и, судя по всему, сильно славянизированная. На западе волыняне граничили с мазовшанами, причем археологическая граница между ними примерно совпадает с языковой границей между поляками и украинцами, установленной К. Ничем для более позднего времени.

В восточных районах Полесья, за Горынью к югу от Припяти, на старых местах продолжали жить в X—XIII вв. и дре-

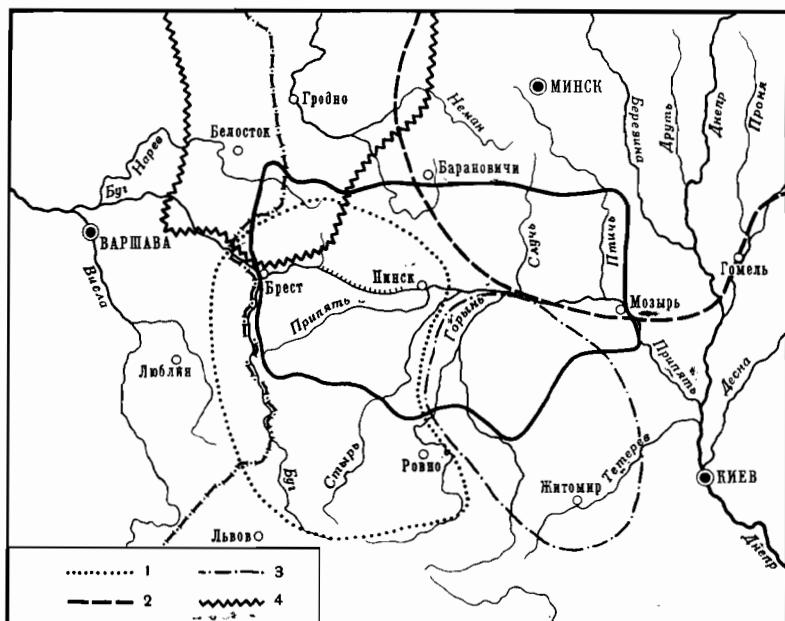

Рис. 8. Полесье в X—XIII вв. н. э.

1 — волыняне; 2 — древляне; 3 — дреговичи; 4 — ятвяги

вляне (см. рис. 8). Археологическая граница между ними и волынянами проходила примерно по Горыни и совпадала с границей между современными западнopolесскими, т. е. собственно волынскими, и среднepолесскими говорами украинского языка. На севере граница расселения древлян проходила по Припяти, обходя с юга небольшую территорию в районе Мозыря, и в свою очередь полностью совпадала с языковой границей между украинцами и белорусами. Раньше эта граница, как уже отмечалось, отделяла славян от балтов. С X в. н. э. в районах к северу от Припяти, занятых до этого балтами, мы находим уже памятники славянских племен дреговичей (см. рис. 8). На западе в районе Полесья дреговичи граничили с волынянами, причем граница между ними, судя по археологическим материалам, проходила примерно по Ясельде. Некоторые исследователи, правда, в область, занимаемую дреговичами, включают и более западные районы Полесья, вплоть до Буга, т. е. до границы с мазовшанами. Но для этого нет решительно никаких оснований. Эти районы, по крайней мере начиная уже с VIII в. н. э., были заняты волынянами, о чем свидетельствует распространение там могильников с парными курганами и поселений того же типа, что и более южные, волынские.

Мы не знаем пока что, когда именно и при каких обстоятельствах дреговичи появились на землях балтов к северу от Припяти. Однако уже теперь можно утверждать, что пришли они туда с юга, из земли древлян. Об этом свидетельствует не только большое сходство между памятниками дреговичей и древлян, но и тот факт, что самые ранние в Полесье дреговичские курганы находятся на южном берегу Припяти, в районе Мозыря. Можно также полагать, что переход дреговичей через Припять, применительно к Полесью во всяком случае, произошел не ранее VIII в. н. э., поскольку ранних славянских памятников пражского типа в районах к северу от Припяти не имеется. Исключение составляет лишь поселение у г. Петрикова, но оно находится на самом берегу Припяти.

К началу II тысячелетия н. э., таким образом, Полесье наконец полностью стало славянским, т. е. одноэтничным. В это же время исчезает и резкое деление Полесья на две различные историко-культурные области — западную и восточную. Уже само по себе это обстоятельство более чем убедительно свидетельствует о том, что указанное деление было обусловлено лишь различием этнической принадлежности обитателей этих областей. Физико-географическими особенностями Полесья, как уже отмечалось, оно не вызывалось.

Деление Полесья на две различные по этнической принадлежности области исключает также возможность локализации в Полесье прародины славян, поскольку последней должна соответствовать единая этническая общность. Мы не знаем, к сожалению, кем именно были обитатели Полесья в глубокой древности. Ясно лишь, что в культурно-историческом отношении западная область Полесья входила в сферу средневропейских культур, восточная — в сферу культур приднепровско-балтийских. И только начиная примерно с середины эпохи бронзы этническая картина заселения Полесья становится для нас более или менее понятной. Имеются все основания полагать, что западная его область с момента появления там памятников лужицкой культуры была заселена славянами, а восточная — древнебалтийскими племенами. Поскольку основная территория расселения тех и других в то время находилась за пределами Полесья, последнее следует рассматривать как пограничную между ними зону.

Что же касается локализации прародины славян, то, исходя из археологических материалов и сопоставления карт распространения различных культур, начиная с неолита и вплоть до средневековья, учитывая также установленный лингвистами более поздний характер славянской гидронимии Полесья и Приднепровья по сравнению с Повисленьем и, наконец, принимая во внимание свидетельства самых ранних письменных источников о славянах, можно совершенно определенно утверждать, что прародина эта находилась где-то западнее Полесья, во всяком случае к западу

от неоднократно уже упоминавшейся линии, идущей по Ясельде и Горыни и делившей Полесье в древности на две различные области.

Итак, судя по археологическим данным, следует признать, что только западные районы Полесья в древности входили в область формирования славянской этнической общности. При этом, находясь на периферии этой общности, они не имели решающего значения в процессе этногенеза славян. Поэтому я совершенно согласен с теми из лингвистов, которые рассматривают западные районы Полесья в качестве своеобразного моста, по которому происходило древнейшее переселение славян с запада на восток, из Повисленья в Приднепровье¹⁰.

¹⁰ В. В. Мартынов. Указ. соч., стр. 70.

М. И. Лекомцева, С. М. Толстая

ФОНОЛОГИЧЕСКИЙ КОММЕНТАРИЙ К ПОЛЕССКИМ ДИАЛЕКТАМ¹

1. Предлагаемая работа не претендует на исчерпывающее описание фонологии диалектов Белорусского Полесья, она ограничивается лишь указанием на некоторые явления или фрагменты фонологических систем, заслуживающие внимания с типологической точки зрения.

Полесье привлекательно, во-первых, как специфически организованный диалектный комплекс, развивший максимум логических возможностей исходной системы, причем современные диалекты Полесья находятся в разном отношении к этой исходной системе, отстоят от нее на разном расстоянии и отмечены различными структурными инновациями. Во-вторых, Полесье дает представление об особенностях функционирования диалектов в условиях, которые в настоящее время следует признать достаточно архаическими, если учесть интенсивный процесс нивелировки современных диалектов.

Включение диалектного материала в типологические исследования, несомненно давно назревшее, сталкивается, однако, с некоторыми методологическими трудностями, связанными, в частности, с характером диалектной нормы и с необходимостью реконструирования диалектной системы из множества идиолектных систем.

Наблюдения над языковой ситуацией в Полесье не подтвержда-

¹ Материалом для этой статьи послужили полевые записи и наблюдения авторов, участвовавших в экспедициях 1963, 1964 и 1965 гг., причем М. И. Лекомцевой собран материал в селах Хоромск (Хр.) Давыдгородского района, Ольманы (Ол.) и Городная (Гр.) Столинского района и Лопатин (Лп.) Пинского района; С. М. Толстой — в селах Олтуши (Ол.), Орехово (Ор.), Радеже (Рд.), Луково (Лк.) Малоритского района, Кармельсы (Кр.) на территории Украинской ССР, Сварынь (Св.), Кокорица (Ккр.) Дрогичинского района, Здитово (Зд.), Спорово (Сп.) Березовского района, Зосинцы (Зс.), Кочице (Кч.), Головичицы (Гч.), Буда Головичицкая (Бд.) Ельского района, Голубица (Гл.), Дяковичи (Дк.), Дорошевичи (Др.) Петриковского района. Записи из с. Конопот (Кп.) Наровлянского района любезно предоставил авторам Н. И. Толстой.

ют того весьма распространенного мнения, что диалект лишен, в противоположность литературному языку, нормы и стилиевой дифференциации. Поскольку диалект как средство общения функционирует в условиях междиалектной интерференции и в определенном соотношении сосуществует с литературным языком (в данном случае — с белорусским и русским), постольку диалектная норма становится необходимым фактором, соблюдающим внутреннее единство и относительную устойчивость диалекта и регулирующим его отношения с другими языковыми системами. Диалектная норма проявляется не в том, что некоторые элементы рассматриваются как запрещенные, а в том, что они осознаются как принадлежащие иной системе (соседнего диалекта или литературного языка), причем такое разграничение вполне отчетливо в сознании говорящих на диалекте. Для диалектной нормы вообще характерна малая категоричность и малая стабильность, с чем несомненно связано и большее расхождение идиолектных норм. Степень этого расхождения и категоричность нормы, кроме того, зависит от различной проницаемости разных уровней языка для инородных элементов. Что касается произносительных норм, то они допускают значительную вариативность относительно фонетической шкалы, например, в диалекте Лк.: *кѳт* — *кут* — *ку^т* — *кѳт* 'кот' или *п'еч'* — *пѳч'* — *п'ѳч'* 'печь'; в диалекте Ом.: *урѳзал*, *урѳзал*, *р'ѳзал'и*, *р'ѳзал'и*, *р'ѳжѳ*, *р'ѳжѳ*; причем такие параллели не всегда могут быть возведены к фонетике соседних диалектов. Во многих случаях фонетические варианты лексики кажутся, например, взрывное *г* в словах: *газ*, *газѳик*, *сагаѳн*, *г(в)бѳди*, *гѳнсор*, *гаѳрѳцѳ*, *геркѳтыты*, иногда также *нога*, *черга*, *шваѳгер* или аканье на фоне сплошного оканья: *асѳна*, *харѳшѳ*.

Понятие стиля в применении к диалекту может быть конкретизировано ссылкой на тот факт, что говорящие на диалекте, как правило, не смешивают элементы фольклорного и бытового языков (ср. разговорной форме *кач'ка* соответствует в фольклоре *ѳѳтоѳѳка*: *сплынаѳе ѳѳтоѳѳка по Дунаѳю* — из свадебной песни, Хр.), представляющих довольно близкий аналог книжному и разговорному стилям литературного языка. Разговорный стиль диалекта, кроме того, располагает некоторым активным запасом архаических параллелей к современным элементам (прежде всего лексическим). Язык же фольклора, обслуживающий целый комплекс диалектов и выполняющий, таким образом, роль междиалектного (или наддиалектного) «литературного» образования, может быть сопоставлен с некоторыми литературными языками, общими для целого культурно-исторического комплекса (латынь, церковнославянский и т. п.).

2. В Полесье мы встречаемся с тем известным фактом, что фонологическое разнообразие диалектной области обеспечивается прежде всего за счет разнообразия в о к а л и ч е с к и х систем,

тогда как консонантизм оказывается достаточно стабильным. Однако в области вокализма диалектные различия не сводятся к инвентарным и даже к дистрибутивным (в элементарном смысле сочетаемости фонем) различиям, а ощутимы лишь, если оставаться в пределах синхронных отношений, на уровне 1) вокалической структуры целого слова, 2) лексической (или словарной) мощно-сти отдельных элементов фонологической системы².

Вокалический инвентарь насчитывает от пяти до семи членов. Суммарная система полученная объединением элементов, входящих в различные позиционные подсистемы разных диалектов, включает следующие звуковые типы:

и	ы	у	ÿ	
(иe)	(ыэ)	(уo)	(ÿo)	(ÿи)
e	ô			
e	o			
a				

Фонетическая реализация этих элементов отличается значительной вариативностью даже в пределах одного говора:

ê, ô — закрытые напряженные гласные, занимают область от среднего подъема почти до верхнего, иногда слабо дифтонги-зируются и выделяя элементы верхнего подъема в начале и в конце произнесения;

e, o — открытые ненапряженные гласные; варианты их располагаются по подъему от среднего до нижнего;

a — варианты *a* располагаются по нижнему подъему от переднего до заднего ряда;

и, ы — имеют сближающиеся между собой варианты;

ÿ — передний лабиализованный гласный верхнего подъема (в международной фонетической транскрипции);

(иe), (ыэ), (уo), (ÿo), (ÿи) — дифтонги³.

Фонологический состав вокализма определяется с учетом, во-первых, того, что дифтонги и напряженные гласные фонологически не противопоставлены, а находятся в отношении либо свободного варьирования, либо дополнительного распределения, во-вторых, с учетом фонологического статуса *и* и *ы*. По сравнению с привычной постановкой вопроса об этих фонемах, в данном случае дело облегчается одним дополнительным обстоятельством, свидетельствующим в пользу отнесения различий между ними к палатальности — непалатальности предшествующего согласного: *ы* и *и* не свободны по отношению к открытости слога и ударению, *и* стремится ограничиться ударными позициями и — еще

² П. И. и ч. Опыт структурной классификации диалектных различий в славянской языковой области. Сб. «Общеславянский лингвистический атлас». М., 1965.

³ Характеристика полесских дифтонгов дана в статье Т. В. Назаровой, публикуемой в настоящем сборнике.

более последовательно — закрытым ударным слогом (*хлиў — хлыва́*), то же распределение палатальности наблюдается и в других парах, где отношение независимого (согласный) и зависимого (гласный) члена кажется бесспорным (*жа́ба — жаба́мы*). Таким образом, обязательные элементы фонологической системы: *а — о — у — е — ы*, которыми в большинстве диалектов ограничивается вокалический фонемный инвентарь; дополнительные элементы, присущие меньшему числу диалектов:

$$\begin{array}{cc} \hat{o}, & \hat{e}, \\ \widehat{yo}, & \widehat{ie}, \end{array}$$

к которым можно свести все многообразие напряженных гласных и дифтонгов, приведенных выше.

3. Наиболее регулярные п о з и ц и о н н ы е ограничения в области вокализма связаны в полесских диалектах с тремя признаками: 1) с ударением, 2) с лабиальностью предшествующего согласного, 3) с палатальностью предшествующего согласного, причем эти признаки действуют как изолированно, так и в сочетании друг с другом. Рассмотрим их последовательно (применительно к диалектам с 5-членной системой вокализма).

1) У д а р е н и е. Безударный (в некоторых случаях только предударный) вокализм противопоставлен в большинстве полесских диалектов, причем как акающих, так и окающих, ударному вокализму по ряду признаков, редуцирующих безударную систему на один или два элемента сравнительно с ударной. Этими подверженными редукции элементами являются чаще всего гласные среднего подъема *о* и *е*, устраняемые в безударных позициях в пользу гласных крайних (верхнего и нижнего) подъемов, так что наиболее типичны такие соотношения:

I. Ударн. Безударн. II. Ударн. Безударн. III. Ударн. Безударн.

а	}	а	а	а	а
о		о	}	у	о
у		у		е	у
е		е		ы	е
ы		ы		ы	ы

Кроме этих трех безусловно доминирующих типов в полесских диалектах представлены, однако значительно реже и обычно непоследовательно, противоположные системы, в которых элиминируются гласные верхнего или нижнего подъема в пользу средних гласных:

IV. Ударн. Безударн. V. Ударн. Безударн. VI. Ударн. Безударн.

а	}	о	а	а	а	а
о		у	о	}	о	о
у		е	у		у	у
е		ы	е		е	е
ы		ы	ы		ы	ы

Схема I, как видим, соответствует простейшему механизму а к а н ь я. Полесское аканье, распространенное в сравнительно небольшой зоне по обе стороны от Припяти, само по себе не нуждается в особой трактовке, отличной от известных трактовок этого явления, однако проблема аканья требует обращения к другим сходным явлениям безударного вокализма, и в этом отношении полесские диалекты представляют весьма благоприятный материал.

Схема IV отражает явление, обратное аканью и развивающееся на стыке акающих и окающих диалектов, вероятно, как гиперизм оканья, воспринятого акающими диалектами.

Многочисленные примеры замены этимологического *a* через *o* (т. е. нейтрализации среднего и нижнего подъемов) в предударном и заударном положении дает диалект с. Конотоп (Кн.) близ Наровли: *спос 'йбо, ноч 'аў, долá, сполá, кожў, Нотáша, накожў, зов 'йдово-вал 'и, зопол 'йл 'и, нозáд, но рўк 'и 'на руки ', н 'икоко 'йх, н 'ўхот ', жéхот ', плáкот ', слўхоjt 'е, поjўхола, сáхор, пр 'ўкозк 'и* и т. д.

О к а ю щ и е диалекты Полесья лишь в редких случаях воплощают элементарный тип оканья, не налагающий ограничений на состав безударного вокализма сравнительно с ударным. Как правило, безударный вокализм окающих диалектов испытывает весьма сильные ограничения, сопоставимые с аканьем (если понимать его в широком смысле — как некоторый общий принцип организации вокализма). В первую очередь следует отметить так называемое у к а н ь е, т. е. устранение в безударном положении *o* в пользу *y* (нейтрализация верхнего и среднего подъемов, тогда как при аканье — нижнего и среднего). Уканье в его максимальном объеме (сильное укание) характеризует все безударные позиции за исключением конечного (открытого) слога. Ниже приводится материал диалекта Св. с сильным уканием: *сул 'бно, бул 'эзна, бурудá, на путулкў, пулутнó, пулувына, јаґудн 'йк, хвујина, пу 'дрэ-рыву, ур 'йхи 'орехи ', увад 'овод ', рубóта, пудлóґа, вујна, пуд снупáмы, уўс 'ана 'овсяная ', ґулувá, хурóшуґо, рузўувбр, вурут-нйк, зузўл 'а, ублáва, самул'бт, вузэлы 'возили ', бујэлыс 'а 'боя-лись ', нурус 'é 'поросенок ', нурус 'л 'é, буўáто, буб 'é, 'бобы ', рустá 'растет ', ґулуб 'éј 'голубой ', кура́ 'кора ', стужéлы 'стояли ', прáмурузок, на м 'áдувц* и т. д. Слабые варианты укания ограничиваются предударными слогами, из них в большей степени подвержены уканию позиции после губных согласных, затем — после задненёбных и в меньшей степени — после остальных согласных и в абсолютном начале. Общее распределение позиций, релевантных для укания, выглядит так:

	Предударная	Заударная
Губные	1	5
Заднеязычные	2	6
Остальные согласные	3	7
Абсолютное начало . .	4	

Цифры обозначают степень обязательности уканья в данной позиции от высшей (1) до низшей (7), при этом все семь позиций реализуются только в случае сильного уканья, слабые же варианты уканья могут затрагивать либо 1—4, либо 1,2, либо 1 позиции. Распространенность разных типов уканья в полесских диалектах находится в обратной зависимости от силы, т. е. чаще всего встречается слабое уканье, затрагивающее лишь предударные позиции после губных. Внутри одного диалекта сила уканья может колебаться от идиолекта к идиолекту и даже иногда может быть непостоянной у одного и того же лица.

Среди приведенных выше схем вокализма V схема обратна схеме II, подобно тому как связаны I с IV и III с VI схемы. В действительности, однако, не известны диалекты, которые последовательно воплощали бы тип V, но спорадически такого рода нейтрализация (верхнего и среднего подъема) в безударном положении встречается, ср. *кросына* (Св.), *чоу́н* (Лк.), *кокоры́за* (Ол.), *на костáх* 'на кустах' (Лк.), *радоуа* (Лк.), *на соду́* 'на суду' (Кн.), *росáлка* (Сп.), *моти́ а́* 'обман' (Сп.), *бо́йши́к* 'буяшник, куст ягод, называемых буяками' (Дк.), *уро́мны́ц и́* (Зд.), *подбо́у́* 'пудов' (Зд.), *тома́н* (Ор.), *Совбо́роу́* (Ор.), *Копáлэ* 'Купалы' (Ор.), *коку́шка* (Рд.), *боды́нок* (Лк.), *мошчы́ны* 'мужчины' (Лк.), *коню́ца* 'куница' (Лк.), *шчоры́* (Сп.), *чожáяэ* 'чужие' (Ор.), *кроу́ав и́на* (Гл.), *орожáя* 'урожай' (Зс.), *кол ту́рны́е* (Кн.).

Аналогично организована подсистема нелабиализованных безударных гласных (*ы, е*), которые также могут 1) различать верхний и средний подъем в одних диалектах, 2) нейтрализовать их в пользу верхнего — в других и 3) в пользу нижнего — в третьих. В последних двух типах неразличения, как и в сфере лабиализованных гласных, играет роль положение безударного слога относительно ударного, однако здесь имеет место противоположная зависимость: заударные слоги в большей степени, чем предударные, подвержены нейтрализации, тогда как в случае лабиализованных гласных — наоборот. Второй тип (схема III) иллюстрируется материалом диалекта Сп.: *сылб, быры́, дэры́вом, нымá, умыр-ла́, лыжы́т, выдрб, двына́сат, жэрыб я́, тыпэр, шыпту́н, нычбу́ы* и т. д. Третий тип (схема VI) представлен в диалекте Ол. и Св.: *сэд и́тэ* (инф.), *кбсэ* (им. мн.), *бурудáтэ* (им. мн.), *рузбóтэвала, зрбáлэ, покэ́нулэ, постáвэу́, бóртнэк, купэ́на, сэротá, вьмэ́тэ, вбэ́мо, хобы́лэ, зэмбóу, збэ́влэ, купл а́лэ, звэ́а́јно, вэбрэ́кывало, постáвлэ, вэпэ́сал, ву́шэ 'уши', пэ́лэ 'пила', розвэ́влас а́, повэ́у́брывало, прэдэ́рајуца, мэ́нү́е, спэ́влэ, запэ́влэ, прыхб́дэ́лэ, покрэ́влэс а́ 'покривились', сэ́джү́ 'сизу', лэ́твэ́н 'литвин', ү́лэца́ 'улица', зү́ул хá* 'иволга'. Вообще генерализация среднего подъема за счет верхнего (или нижнего) в безударных позициях носит, видимо, не самостоятельный характер, а подчинена сходным явлениям ударенного вокализма, о чем будет сказано дальше.

В целом роль признака ударения в полесских диалектах может

быть охарактеризована тем, что он упорядочивает распределение подъёмов гласного между ударной и безударной позицией так, что средний подъём устраняется из безударных позиций, а крайние (верхний и нижний), наоборот, утверждаются в нил. При этом полесским диалектам чужды ассимилятивные или десимилятивные отношения ударных и безударных гласных.

2) Л а б и а л ь н о с т ь. Этот признак согласного активно воздействует, во-первых, на лабиальные гласные, повышая их подъём, во-вторых, на высокие гласные, сообщая им лабиальность, т. е. после лабиального

$$\begin{array}{cc} \text{o} > \text{y} & \text{ы} > \text{y} \\ \text{y} & \text{y} \end{array}$$

О стимулирующем воздействии лабиальности предшествующего согласного на уканье говорилось выше; здесь же будет отмечено второе явление, свойственное диалектам Восточного Полесья (к востоку от линии Горынь — Лань), — запрещение сочетаний лабиализованного согласного с нелабиализованным гласным верхнего подъёма независимо от ударения. Ср. материал Гц. и Бд.: *худбуу* (им. мн.), *бабу* (им. мн.), *мүло* 'мыло', *үрибуу* (им. мн.), *вүјдуд*, *привүкну* 'привыкну' и т. д. Преимуществом с лабиализацией предшествующего согласного связана и нейтрализация в безударном положении подъёмов (нижнего и среднего) у нелабиализованных гласных *a* и *e*: *валбс* ', *проман* 'ау', *варстоу* 'вёрст', *памашает* 'е, *у пат'ох* 'впятером', *побас* 'эдоват', *с'еварноју*, *сварнүл*, *барбза*, *вал* 'ика, *пудман* 'ит, *ман* 'е, *паск* 'и, *Пріпат* ', *барүт* ', *варх* 'и, *мат* 'эл 'ица, *паравас* 'олка, *памаш* 'ен 'ије, *вачэр-ница*, *мадвэдица*, *прыпакáје*, *базрука* 'безрукая', *сарад* 'йна, *пүј-дам*, *запрашáјет*, *күчар*, *помбүам* 'поможем', *крас* 'јан 'е 'крестьяне', *пастап* 'енъ, *үрахá* 'греха' род. ед., *кóран* ', *зарновым*, *на-вáжно*, *вэрас*, *саб* 'е и т. д.

3) П а л а т а л ь н о с т ь. Признак палатальности предшествующего согласного в полесских диалектах в малой степени участвует в формировании безударного вокализма и не накладывает существенных ограничений на его состав, если не считать яканья и еканья некоторых диалектов восточного Полесья. В ударной же позиции после палатального *i* и *j* во многих диалектах регулярно нейтрализуется противопоставление *a* и *e* в пользу *e*⁴: *јéчоды*, *ч'ес* 'час', *јéлова*, *т'эчунут*, *д'еич* 'эта, *св'это*, *пјетница*, *поправ-л'этыс* 'а, *пэрэјэзујеш*, *зајеждж'эјут*, *пјэты*, *конопл'эны*, *заул'э-дујем*, *сымн'э* (им. ед.), *бојэлыс* 'а, *јэчны*, *вјэжа* 'вяжет', *јéблоко*, *уз'эў* 'взял', *јет* 'ол 'дятел', *үор'эчы*, *скл'энка*, *бл'эшка*, *подр'эд*, *з'ет* ', *дэрэўл'эна*, *вс'экы*, *јэсын* ' 'ясень', *үр'эдка*, *пјэны* (Ол. Ор.),

⁴ Противоположное явление — нейтрализация *a* и *e* в пользу *a* — свойственно диалектам нижней Припяти (как вообще диалектам украинского Полесья и части белорусских диалектов) (см. Т. В. Назарова. Звук *Е* в говірках нижньої Прип'яті. «Питання експериментальної фонетики». Київ, 1963).

так что соотношение ударной и безударной позиции (*jéyoda — jayodn'ík, jéсын' — jasén'na*) передается тем же распределением подъемов (средний — нижний), что и в безударном вокализме после твердых согласных.

4. Системы вокализма, содержащие более пяти членов, отличаются от пятичленных только составом ударного вокализма, тогда как в безударном положении дополнительное противопоставление по напряженности в серии средних гласных (*o, e — ô, ê*, или *yo, ye*) нейтрализуется, устраняется в пользу ненапряженных (resp. недифтонгизированных) гласных. Ср. соотношение ударного и безударного вокализма в диалектах центрального Полесья Гр., Ом. и Хр.:

Под ударением	В безударном положении		
и	у	и	у
ê, ie	ô, yo		
е	о	е	о
а		а	

5. Наиболее яркие диалектные различия на территории Полесья относятся к фактам диахронической фонологии. Именно в диахроническом плане они получают наиболее адекватную и экономную интерпретацию, тогда как при строгом синхронном описании они могут остаться незамеченными. Речь идет о фонологических процессах, очевидно самых младших в истории отдельных диалектов или групп диалектов, приведших к их существенному расхождению относительно диахронической оси, но не нарушивших грубых парадигматических и синтагматических характеристик фонологических систем этих диалектов. К этим процессам принадлежат переход *e → a*, переход *y → e*, а также различная рефлексация правосточнославянского *o* в новых закрытых слогах (*o, i, y, yo, yi*), различная рефлексация **ě* и т. п. На первый взгляд, рефлексии таких явлений на синхронном уровне ощутимы лишь при количественных оценках объема или мощности отдельных элементов системы или при формулировании правил фонологического и фонетического перевода с одного диалекта на другой (возможного ввиду идентичности словаря). Однако состояние диалектной статистики не позволяет пока рассчитывать на серьезные результаты. Все же во многих случаях явления подобного рода, отключенные от актуальных фонологических закономерностей, получают отражение на следующей, морфонологической ступени анализа, где фиксируются специфические правила чередований, например, *a — нуль* (*дан' — дн'е*) или *и — а* (*мид — маду*).

Упомянутый выше переход *e → a*, вообще известный в диалектологической литературе по Белоруссии и Украине⁵, однако,

⁵ См. «Нарысы па беларускай дыялекталогіі». Мінск, 1964, стр. 32; Г. Ф. Ш и л о. Південно-західні говори УРСР (на північ від Дністра). Львів, 1957, стр. 43.

не описан в его наиболее полном варианте, зафиксированном в ряде полесских диалектов (Ор., Кр.), где он не имеет регулярных ограничений. Ср. *траба*, *звэрху*, *вал* 'мо', *дан* ', *ўжá* 'уже', *ман* 'чы', *пан* 'пень', *набо* 'небо', *змарз*, *мэдвадына*, *дарава* 'дерево', *барáзына*, *шча* 'еще', *варх* 'верх', *двáры*, *молодáј*, *бар'эу*, *овáчка*, *слонáчник*, *зáрн'ат* 'зэрен', *ра́д'ка*, *та́плаја*, *вэчáртэ*, *чэтвáр*, *дáвјат* 'девят', *дáс'ат* 'десять', *врэ́мне* 'время', *овáс*, *далáко*, *одáжа*, *да* 'где', *па́ршиј* 'первый', *тра́пл'ат* 'треплют', *за зáмл'у*, *облáтају*, *р'áбра*, *дáрүајут*, *вузáн'кы* 'узенький', *рвáмо*, *паравáсло* 'перевясло', *тапа́р'ика* 'теперь', *жмáн'а*, *та́рница* 'терка', *тра́мо* 'трём' 1 мн., *са́рцэ*, *үра́чка*, *мэна́* 'мне', *вáчэр*, *малáјки*; *бэра́* 'берет', *идá* 'идет', *роста́*, *мэта́*, *кладá*, *несá*, *цветá* 'цветет', *капал* 'уш', *парабрóсыўс'а*, *бу́да* 3 ед. от гл. 'быть', *сб́нца* им. ед., *в́сохна* 3 мн., *рашы́тн'ак'и*, *клáнына* 'клен', *сáла* 'сёла', *мáлыц* 'мелет', *лáшэ*, *ша́пча* 'шепчет', *попы́тајта* 2 мн. повелит., *ца́ркава*, *трас'ут* 'тресут', *тра́т'а* 'третья', *салó* 'село', *жывá* 3 ед., *крас́ныј* 'крестный', *знáјета* 2 мн., *сма́рт*, *пóла* 'поле', *баз* 'сирень', *ста́рн'э* 'стерня', *ста́жка*, *үра́бл'а* 'гребля', *повáрныта* 'повернете', *сарп*, *жна́ц*, *кравáц* 'швец', *упада́ш*, *вазлá* 'везла'. Этот процесс существенно изменил словарное распределение и мощность фонемы *a*, сравнительно с диалектами, где такого процесса не было, но мощность фонемы *e* резко не изменилась из-за сопутствующего перехода *ы* → *e* (известного, правда, и другим диалектам, не знавшим перехода *e* → *a*). Ср. *пéшут*, *робэ́тэ* (инф.), *прыбэ́ў*, *машэ́ны*⁶, *чэ́сты* 'чистый', *дэ́рка*, *кормэ́ты*, *ў́с'т'а* 'листья', *бóртнэк*, *з'вэ́скамэ*, *нашлэ́*, *лохачэ́*, *бруснэ́цэ* им. мн., *малэ́на*, *орабэ́на*, *зэ́мно*, *э́нэј* 'иней', *дэ́м* 'дым', *сэ́рэј* 'сырой', *сэ́пл'ат* 'сыпят', *вэ́взэлэ*, *жэ́ў* 'жил', *вэ́пэсаў* 'выписал', *кэ́да* 'кидает', *ву́шэ* 'уши', *ў'маүазэ́нэ*, *копэ́цэ* 'копны', *нэ́з'ко* 'низко', *нэ́тк'и*, *тэ́хо*, *простэ́т* 'просит', *бэ́л* 'бил', *столэ́* 'стола', *јазэ́к* и т. д.

6. Вокализм начала слова в большинстве полесских диалектов существенно ограничен. К явлениям начала слова здесь относятся: 1) протетические согласные *в*, *ј*, *ү*, в некоторых случаях свободно варьирующие; 2) отпадение начального гласного; 3) мена начального гласного в связи с разной устойчивостью различных гласных в этой позиции; 4) отпадение этимологических *в*, *ј*, *ү*, восприятых как протезы, в том числе и перед сонантами *р*, *л*⁶; 5) добавление начального гласного, обычно наиболее устойчивого.

Примеры: 1. *вбүныво* (Шестовичи), *вурóл* 'орел' (Св.), *до ву́кря́жны*, *вэ́чэн* 'очень' (Лк.), *вуружа́ј* (Лк.), *вү́с'те* (Сп.) *вужы́* (Зд.), *вучы́тыл* (Сп.), *вү́дочк'и* (Др.), *з'вам'эры́к'и* (Ор.), *вэ́сна* 'осна' (Ор.), *Вбл'а* 'Оля' (Ор.), *з'вухáмы* (Ор.), *вбэ́ро* (Св.), *вбүтуш* 'Ол-

⁶ Типологически это сходно с распределением густого придыхания в древнегреческом перед гласными *и* и *р*.

туш' (Ор.), *вужын'н'ик* (Св.), *вэхо* (Лп.), *вобструй* (Св.); *йбўтуш* 'Олтуш' (Ол.), *йўтрэн'н'а* (Ол.), *йўва* (Серые), *йэн'ий'иней'* (Св.); *ўол'хобы* (Ол.), *ўўл'л'ик* 'улей' (Ол.), *ўўлыца* (Ор.), *ўўнчиј* (Рд.), *ўбэро* (Ор.), *ўоліј* 'масло' (Ор.), *ўэва* 'ива' (Ор.), *ўбстра* (Сп.), *ўэришб* 'ерши' (Сп.), *ўодын* 'один' (Зд.), *ўуз'ербм* (Сп.), *ўондораќб* 'юбки — андараки' (Ккр.), *ўонўчы* (Ккр.), *ўараб'йна* (Ляховичи), *ўистбрија* (Лк.). 2. *Л'л'э* 'Илья' (Св.), *рўжије* 'оружие' (Св.), *длэца* 'оттепель' (Св.), *лимін* 'алюминий' (Св.), *ўблка* 'иголка' (Сп.), *марыќанцы* 'американцы' (Лк.), *ўр'нома* 'агронома' (Лк.), *колбт* 'около́т' (Св.), *раштáнт* 'арестант' (Св.), *ўурк'и* 'огурцы' (Сп.), *кушэрка* 'акушерка' (Ол.), *ўлыца* (Гл.), *л'эшнына* 'ольха' (Дк.), *стбрија* 'история' (Ол.), *ўорбт* 'огород', *ўорбднэ* 'овощи' (Ор.), *ќроп* 'кипяток' (Св.), *нўча* 'онуча' (Ом.), *вэч'ичк'и* 'овечки' (Гр.); 3. *анд'ўк* (Ол.), *анэчы* (Лк.), *антир'эсно* (Ол.); 4. *ладбўшка* 'гладышка' (Ол.) *эјэц* 'яиц' (Сп.), *ихтáр'иў* 'гектаров' (Зд.) *озмэцца* 'возьмется' (Зд.), *дов'эц* 'вдовец' (Зд.), *орностај* (Зд.), *орабухы* 'воробьи' (Зд.), *рабушчык* 'воробей' (Св.), *рыбўт* 'гребут' (Сп.), *рэбўл'ники* 'гребцы' (Сп.), *ачмэн* (Сп.), *олйна* 'ветка' (Зс.), *рўбка* 'печь' (Сп.), *рбшы* 'гроши' (Др.), *ўворот* 'выворот' (Гл.), *ўўшла* 'вышла' (Гл.), *рибў* 'грибы' (Гр.), *рэбўнка* 'гребенка' (Гр.); 5. *изм'эшаны* (Ол.), *орабэна* 'рябина' (Ол.), *ардибл* 'радиола' (Лк.), *амшар'йна* (Гц.).

7. В области консонантизма, в целом достаточно стабильного, в полесских диалектах обращают на себя внимание следующие факты, связанные прежде всего со специфическим проявлением ряда фонологических противопоставлений.

1) Звонкость — глухость. На значительной территории⁷ противопоставление глухих и звонких согласных осуществляется во всех позициях, в том числе и перед паузой и перед согласными, однако в последних двух случаях представлен вариант, занимающий на шкале звонкости промежуточное положение между соответствующим звонким и глухим. Этот средний вариант может распространяться иногда и на другие позиции, тогда его неустойчивость приводит к свободному варьированию глухости — звонкости: *нбз'ат* ~ *нбс'ат* 3 мн. (Ол.), *долекáтно* ~ *долегáтно* (Ол.), *слыжала* ~ *слышала*, *ов'эдэж'и* ~ *ов'эч'и* (Ол.), *грас'ывы* ~ *крас'ывы* (Ол.), *гл'ўјэ* ~ *кл'ўјэ* (Ол.), *бол'áкэ* ~ *пол'áкэ* (Ор.); *рубáжэчка* (Св.), *габыэна* 'кабина' (Св.), *ў'бедраќáх* 'в батраках' (Св.), *болтаўска губэри'ија* (Лк.), *по чэртаќў* (Лк.), *скипитáру* (Ол.), *дуўбўка* 'духовка' (Зд.), *побоўорыло* 'погорело, повыгорело' (Сп.), *ховбрыт* (Сп.), *лбток* 'лодок' род. мн. (Сп.) *ўмўрно* (Сп.), *ў маказын'и* (Сп.), *холбдны* 'голодный' (Сп.), *хўзка* (Св.), *аўтббузом* (Гл.), *пáзв'иско* 'пастбище' (Лк.), *у Рáдошэ* (Рд.), *хвос'т'áмы* 'гвоздями' (Зс.); а также, возможно, и формы: *д'этушка* 'дедушка' (Ол.), *жолўток* (Ол.), *флáка* 'флага' род. ед. (Ол.),

⁷ См. «Дыялекталазічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963, карты № 45, 46.

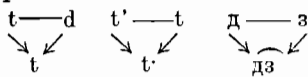
у *л̆шат*'и (Св.), если исключить здесь морфологическое выравнивание основы.

2) П а л а т а л ь н о с т ь. В полесских диалектах мощность противопоставления по палатальности весьма невелика, прежде всего за счет позиций перед *e*, *ы*, где в одних диалектах выступают почти исключительно твердые, в других — полумягкие согласные, в третьих наблюдается свободное варьирование твердых и мягких (или полумягких): с *̆йно* ~ *̆сйно*, с *̆йно* ~ *̆сйно* (Гр.), в *̆едр̆о* ~ *̆вдр̆о* ~ *̆вадр̆о* (Хр.). В позиции перед гласными заднего ряда, как правило, отсутствует палатальность в группах: 1) *p*, 2) губных, 3) заднеязычных согласных. Показательно, что именно в этих группах, и, кажется, только в них, развиваются этимологически и позиционно не мотивированные палатальности: *p* *̆ѣба* 'рыба' (Св.), *p* *̆ука́* (Св.), *ровэр* *̆а́* им. мн. (Лк.), *дохтор* *̆а́* им. мн. (Лк.), *p* *̆ўй* 'ров' (Лк.), *пор* *̆а́* (Лк.), *p* *̆а́ма* (Лк.), *костр* *̆а́* род. ед. (Лк.), *др* *̆обы* (Лк.); *m* *̆е* 'мы' (Св.), *m* *̆ѣшы* 'мышь' (Св.), *баб* *̆ѣ* им. мн. (Св.), *баб* *̆ўй* род. мн. (Св.), *m* *̆иш* 'мышь' (Зд.), *рук* *̆* род. мн. (Св.), *p* *̆иж* 'год' (Св.), *крук* 'круг' (Св.). В группе шипящих распределение палатального и непалатального вариантов может зависеть от ударения: *ж* *̆а́ба* ~ *жаба́мы*, *ж* *̆а́ти*, *ш* *̆а́пка* (Ор.). В Хр. у одних информантов в ударном слоге *ч* мягкое, а в безударном — твердое: *ч* *̆а́сто* ~ *зачасту́ју*, *пч* *̆блы* ~ *у* *пчолы́*, *ч* *̆от* ~ *чоты́р'и*, *чосно́к*, *тон* *̆ч* *̆ѣ́* ~ *зачѣп* *̆и́т*, *ч* *̆брны́* ~ *чэрн* *̆и́цы*, *ч* *̆у́ла* ~ *чужу́ју*, *в'ѣчур*, *ч'бвэн* ~ *чоу́н* *̆и́*, *ч* *̆и́сты* ~ *боу́атчы*, *хоч* *̆* ~ *хобчэш*, *ноч* *̆* ~ *ночка*; у других информантов, наоборот, в ударном слоге *ч* твердое, а в безударном — мягкое: *ч* *̆брны́* ~ *л* *̆и́ч* *̆и́ца*, *испэ́чбш* ~ *ч* *̆епэ́ч*. Спорадически встречается свободное варьирование твердых и мягких шипящих: *шыр̆о́ка* ~ *ш* *̆иро́ка* (Зд.), *ш* *̆еро́н* ~ *шэр̆о́н* (Зс.).

3) А ф ф р и к а т и в н о с т ь. Свистящие и шипящие аффрикаты *ц*(*ц*'), *дз*(*дз'*), *ч*(*ч'*), *дж*(*дж'*) в ряде диалектов вступают в отношении свободного варьирования со своими фрикативными коррелятами *с*(*с'*), *з*(*з'*), *ш*, *ж*. Ср. *цатана́* (Ол.), *концѣрвы* (Ол.), *п'ѣнција* (Сп.), *аванцом* (Зд.), *оц* *̆ѣчка* 'осечка' (Ол.) — *рыжэ́с* 'рыжец' (Ол.), *хлбэ́с* (Зд.); *дзана́мо* (Ор.), *ма́дзат* (Св.), *подзы́чэ́јут* (Ол.), *дзана́мо* (Лк.) *дзана́јца* (Лк.), *бдз* *̆еро* (Ол.), *ходз* *̆а́ин* (Ор.); *чос* 'шоссе' (Сп.) — *шты́ры* 'четыре' (Лк.); *д'ж* *̆арылы* 'жарили' (Ол.), *са́джа* (Лк.), *удроджа́ј* 'урожай' (Гр.) *ходжу́* 'хожу' (Гр.) и т. п. Аффриката *дз*, кроме того, может выступать на месте смычного *д*; *дзобро́* (Ол.), *трудо́дн* *̆и́* (Ол.), *дзальы́* (Ол.), *ходзы́лы* (Ор.), *л* *̆у́дзэ́* (Ол.), *дзр̆о́ва* (Ор.).

В приведенных фактах полесского консонантизма можно видеть отражение того своеобразного состояния системы, при котором кардинальные консонантные противопоставления: по глухости —

звонкости, по палатальности и по прерывности, имеют тенденцию к нивелированию, причем в наиболее независимых позициях:

(где t — глухой шумный, d — звонкий шумный, $\underset{\sim}{t}$ — средний между глухим и звонким, t' — полумягкий).

4) То же нивелирование противопоставления характерно в ряде случаев для свистящих и шипящих аффрикат и проявляется в фактах ц о к а н ь я: *үлбүэк* (Ор.), *рукавбүкы* (Ор.), *по цым* (Рд.), *п'иц* 'печь' (Рд.), *ц'асы* (Лк.), *вбц'ур* (Сп.), *урбц'ыско* (Сп.), *яцм'ын* (Сп.), *цолов'ик* (Сп.), с одной стороны, и *чэп'ам'и* 'цепами' (Св.), *хл'ипча* 'хлебца', род. ед. (Лк.), *танч'үжүт* (Лк.) — с другой.

Свистящий палатальный c' довольно часто имеет шепелявый характер: *мэс'ү*, *с'екү*, *с'в'иёжа* (Хр.), *с'ерён* (Зс.), *с'ип'йт* (Сп.) и др., однако это обычно не нарушает его фонологической противопоставленности шипящим: *мэс'ү* — *машү* (Хр.).

5) Весьма неустойчивое положение в консонантизме полесских диалектов занимает j . Об этом свидетельствуют многочисленные взаимные замены $j - н'$, $j - л'$, $j - д'$, не затрагивающие лишь интервокальных позиций и конца слова, ср. *сэм'ү* 'семью' (Ор.), *јемцы* 'немцы' (Ол.), *стар'якүю* 'старенькую' (Ор.), *үлб'яны* 'глиняный' (Сп.), *кул'түрјеј* 'культурней' (Ор.); *здорб'л'е* (Гр.) *күл'бышэү* 'Куйбышев' (Ор.), *јүстро* 'зеркало' (Ол.); *зд'ила* 'сьела' (Ор., Сп.), *јакују* 'благодарю' (Лк.), *јед* 'дед' (Св.), *јет'ол* 'дятел' (Ол.). Варьирование $j - н'$ особенно характерно для позиции после губных: *жэрэб'ја* — *жэрэбн'это*, *рум'янок* — *румн'анаја*, *спом'яну* — *п'амнэты*, *м'ясны* — *мн'есо*, *м'як'йна* — *мн'ак'йна* и т. д.

6) В тех системах, где j после согласных отсутствует или присутствует только на стыке префикса и корня, можно говорить о наличии г е м и н а т. Большая их часть соответствует в других диалектах (или идиолектах) сочетаниям согласный + j^8 : *вес'эл'је* (Хр.) — *вес'эл'л'е* (Гр.), *з'эл'је* — *з'эл'л'е* (Гр.), *кут'ја* — *кут'т'а* (Гр.), *кор'эн'је* (Хр.) — *кор'эн'н'е* (Гр.), *руж'б* (Ом.) — *руж'б* (Ол.), *пород'ыл'ја* (Ом.) — *пород'ыл'л'а* (Гр.), *з'јис'т* (Хр.) — *з'з'исты* (Гр.).

Но геминаты могут соответствовать и другим сочетаниям: *л'л'анэ* (Гр.) — *л'н'анэ* (Хр.), *пэрэд'крэшиш'анајем* (Ол.) — *крэшч'н'је* (Хр.), *нэшч'с'е* (Ол.) — *шч'ас'т'е* (Гр.), *трүдно* — *трүдно* (Хр.).

В диалекте Гр. обнаруживается связь геминат с ударением: они появляются в позиции непосредственного контакта с ударной гласной: *л'л'анэ*, *з'з'исты*, *кор'н'н'е*, *з'эл'л'е* и т. д., обязательно перед гласной.

⁸ Поэтому геминаты могут трактоваться как позиционные варианты сочетаний согласных с j в определенных морфологических условиях.

В интервокальной позиции встречается немотивированное удвоение согласных: *ённыј* (Ор.) 'иней', *у́л'л'иј* (Ор.) 'улей'.

7) Не затрагивая вопросов слоговой структуры слова в полесских диалектах, хотелось бы отметить лишь одно явление, отражающее, видимо, неустойчивый слоговой статус сонорных *л* и особенно *р*, — редукцию их вокального окружения: *разбрѹ* 'разберу' (Ол.), *дрѹна* 'дерна' (Хр.), *тарѹлбк* 'тарелок' (Ол.), *брѹт* 'берут' (Св.), *бурѹбу* 'бородою' (Св.), *врабушка* (Св.), *кломѹтроу* (Св.), *дрѹв'ина* (Шестовичи), *урѹнѹма* 'агронома' (Лк.), *дѹрво* (Лк.), *брѹит* 'фырчит' (Лк.), *стѹрн'ѹ* 'стерня' (Кр.), *дрѹб* 'дерн' (Кр.), *зрѹо* (Кр.), *смрѹйт* 'пахнет' (Хр.), *прѹвы* 'первый' (Хр.), *дрѹво* (Хр.), *крѹбок* (Хр.), *крѹст*, *крѹта* (Хр.), *тврѹд'ен'к'и* (Хр.), *выѹрѹбывајут* (Сп.), *пѹрбок* 'парубок' (Зд.), *урѹсподрѹа* 'хозяина' (Зд.), *прѹбрѹваты* 'вспахивать' (Сп.), *стѹрлѹа* 'стрела' (Бд.), *браскл'ѹт* 'бересклет' (Бд.), а также обратную этому дополнительную вокализацию: *нарѹвыца* (Ол.), *паратызѹны* (Зд.), *зарѹн'ица* (Бд.) и др.

8) Просодические системы большинства полесских диалектов характеризуются динамическим ударением, подкрепленным противопоставлением систем ударного и безударного вокализма, а иногда и различием в консонантизме ударных и безударных слогов.

В диалекте Ом., по крайней мере у некоторых информантов, ударные слоги выделяются едва заметно.

Противопоставления долгих и кратких гласных не наблюдается, хотя обычно напряженные гласные и дифтонги — долгие, остальные — краткие.

Из особенностей интонации следует отметить своеобразную восходящую фразовую интонацию в диалекте Сп., обычный конец фразы с понижающейся интонацией, после которой идет «ну?» с резко повышающейся интонацией. Это же «ну?» служит утвердительным ответом на вопрос (Хр.).

Очень интересны модели речитатива, на который переходят в волнующих ситуациях, типы музыкальной интонации жалобы, причитания, почти ритуально построенной ругани, сообщения волнующих новостей. Однако все эти вопросы еще ждут своего экспериментального исследования.

ТЕКСТЫ

1.//а колыб'/ја чула так// булѹ два брѹты / од'ѹн бауѹаты / друрѹј н'ишчы зус'им/ јѹсты нѹмѹ чоуѹ//прышѹл вѹл'иқдѹн'/посн'и-далы / пушлѹ бѹчыты / тој своуѹ жѹты/тој своуѹ//бауѹатыј кѹжѹ/ ѹ нас хорѹшѹ жѹты/а ѹ моуѹ брѹта/дывытыс'а нѹ мѹжна//а јоуѹ жѹнка кѹжѹ/то ја ѹс'о робл'ѹ//онѹ тоуѹ брѹта нѹ бѹчылы/а тој брат/у коуѹ нычѹрѹ жѹты/чул//у друрѹуѹо вѹл'иқдѹн'а цѹлу нуч'пыл'новѹл/засѹл ѹ хлыв'и/прыхѹдыц свин'ѹ/уз'ѹл дѹбру штѹку/

вылиз и заколол свин'у/прышбол до хаты//рано захобыц до баўа-
тоуо хаты/жоуо жынкi нэмá//Пытáје/шо ты сам?/дэ жынка?//кáжэ/
нэ знáју/шо ў вэчур пушлá//ходí/жа тоб'и покажý/дэ твојá жынк-
ка//óто так чароўн'акáм доводыц'а//

Луково, 1963.

2*. // ој нэма / нэма / Над' бчы ў дóму /
ој пóшла óна до пáна бóуа /
зáјшла óна пуд рáјскэ двэры /
просíты батэјка на вэсэлэчко /
ој вэсэлэс'а / мóје дыг'áтко /
ој рад бы ўстáты / нэ моуу замк' иў подн'áты /
пэ́ршыј замóчок / тра́ва мура́ва /
дру́уыј замóчок / жóўтыј пэсóчок /
трэ́т'иј замóчок / соснóва дóска //
нэ мóуу ўстáты и замк' иў подн'áты //

Олтуш, 1963.

3.//колыс' вэлáс' такаја лэгэнда/тоўста хвојíна булá/ и óт
дедэ/на тэс' так'íх тоўстэх хвојéх/стáвылэ вўл'л'а својí//вот як
в том вўл'л'ов'и/пч'óлы ројэц'á//и шоу мэдв'íд'/а бáба там по-
лóла бул'бу/и мэдв'íд' прáмо идá до тáј бáбэ//бáба зл'акáлас'á
по пэ́ршу/но ш'о зрób'иш/втыкáты нэ втэчáш//а в'ин пр'ијшóу
до тóј бáбэ/и настáвл'е јеј лáпу/ну бáба давáј дывытыс'а на ту
лáпу/и зобáч'ила занóзу//заўнáу занóзу тудé/нэ мóжэт в'ин сам
добу́ты//ну бáба вэт'áнула занóзу/но/и мэдв'íд' так подыв'íлс'á
на бáбу/и пошóу в л'ис/ну пошóу в л'ис/забраўс'а там/на хвóји
мад/вэбраў /и пр'ин'ís тэј бáбы/оддáу м'íд.

Орехово, 1962 (Запись Н. И. Толстого)

4.//накачáл однóу үурбóу с'н'éуу/пóтым друуу́ју/и сáжы наст-
рыкáу/ды вóчы поробыў/тáмака нос ссáжы/истáўл'áэм и моркóу-
ку/ а нав'эрх в'едрó / шáпка/ а рўк'и / ўз'áу м'ат'óўку/да поза-
стрыкáу у пэ́ршу үурбóу / да и ўс'о//и д'éда так сáмо //
по дубрów'и рас'т'é б'ер'эз'н'ичок/ травá рас'т'é/суснá бува́је/д'е
боуáто зас'áд'е хвóјн'ику/ соснá там самáја / там порос'л'á//хвóјн'ик
н'е пускáје пáросткоу/ ол'хá/ б'ерóза / пускáје// хмуз'н'áк по л'е-
сý д'е зас'áд'е/мнóуо такóј дробноты//из л'есу волóка прот'áүивáје/
травá рас'т'é/ хмуз'н'áк нízко/ водá бува́је/ вэрбн'ичок/ бэрóз-
ка/ рак'íта//

Кочище, 1964.

* В данном поэтическом тексте обращает на себя внимание специфическая расстановка ударений, подчиненная ритмической схеме и отличная от нормальной, свойственной разговорному стилю.

5. // на маслену / веснѹ клѣкат' / д'ѣт'и соб'ирајуца /
 jej веснá / рѣj краснá /
 да пок'ѣн' сáн'и /
 да бер'ѣ кол'бса /
 т'и н'ѣ вѣд'ѣт /
 д'ѣвоч'ка б'бса /
 ч'и н'ѣ ст'оѹч'и /
 ст'упоч'ку пр'бса /

ф_крж'ок ж'онк'и/молоды́је и стар'ѣjšíше/соб'ирáл'ис' на шл'а-
 ху/на д'еревн'и/ и спувáл'и // на тр'оицу / н'ич'оґо н'ѣ роб'ѣлы /
 кл'бном с'ѣкл'и кл'бн / татарн'ик у луз'ѣ рвáл'и /пок'идáл'и у
 двор'ѣ / ѹ хáт'и / за_окна кл'он /ґол'јѣ с'ѣкл'и / и фтыкáл'и /
 к'оло пор'бá//

д'ѣт'и / п'ерѣд купáлным ивáном / скáч'ут / клад'ут оґн'á / дер-
 кач'ѣ / што хáту / мет'ут / ост'опк'и / дровá / наклад'ут н'ѣскол'ку
 ґруб'ѣј оґн'ѣј д'ѣс'ат' / од'ѣн за друґ'ѣм / и скáч'ут / вр'од'ѣ ох'от'а-
 ца / рáдыје / роґч'ут //

Хоромск, 1965.

6.//колыс' / жен'ѣх был / закл'учѣл'и пас'т'ѣ /жыд'б'уск'и зґуб'н
 / вольт / жыц'ѣ / плат'ѣл'и ґр'ошы / харч давáл'и // тој жен'ѣх
 / пас'ѣ ѹс'ѣ л'ѣто / за пастухá // а бáт'ко з_мáт'ер'ју / зад'умаѣл'и
 јеґб' жен'ѣт'и и вон / н'ѣ знáл т'уж'ѣ д'ѣѹк'и // и бáт'ко и мáт'и /
 н'ѣ пытáл'и јеґб' / ч'и прáв'ица / ч'и н'ѣ/

ур'езал'и хл'ѣба / и поѹл'ѣтра в'отк'и / пошл'ѣ до тоґб' свáтá /
 и вып'ил'и / хл'ѣб' свуј / пок'ѣнул'и / а свáт / свов'б' ур'язал //
 ґѣто у_нас кáжут' / зам'ѣн'ил'и хл'ѣб' / в'ысватал'и д'ѣѹку / за
 тоґб' жен'ѣхá / б'ѣж' жен'ѣхá / зап'оины зр'об'ѣлы / пр'их'од'ѣт /
 тој жен'ѣх / до_д'ому / по хáрч' и перемен'ѣт'и од'ѣжу // а мáт'и
 з бáт'ком / кáжут' / уже мы т'ѣб'ѣ / сын'ок / зап'ѣл'и / н'ѣв'ѣсту
 т'ѣб'ѣ уз'á л'и / а в'он отв'ѣч'áје / как'ѹ же уз'áл'и / так'ѹ так'ѹ
 уз'áл'и / а в'он / и слов'ѣчка н'ѣ сказаѹ // н'ѣ л'уб'ѣл'ис'á//

Ольманы, 1965.

7. //у друґ'ѹју н'ѣд'ѣл'у / зб'ирáл'ис'á / и пр'иґот'овл'áл'и на
 вес'ѣл'је // мол'бл'и ж'ѣто ѹ жорнáх // коров'јá / п'ироґ'ѣ п'ек-
 л'ѣ / и ѹ тој коровáј / с'ох'и р'ѣзал'и з_д'ѣр'ѣва / и цацк'ѣ шукáл'и
 / квѣтк'и так'ѣје / бумáґу р'ѣзал'и / и н'ѣткáм'и обм'от'овал'и /
 на т'ѣје с'отк'и / у тој коровáј // а т'ѣсто хор'б'шеје из ж'ѣтá // и
 пр'иґот'овл'áл'и хол'од'ѣц' / с'в'ин'ѣну ѣл'и т'ѣл'б'нка / р'ѣзал'и /
 и б'бршч з_ґр'ѣбáм'и и з_м'јáсом / и р'ѣбу / ѹс'о рáзом // сыр'оватку
 вáр'ат / пш'он'ом засыпáј'ут' / з_м'б'лок'ом вáр'ат' / заб'ѣл'коју заб'ѣ-
 л'ивáјут' / и н'ѣ сол'ат' / бл'ѣнц'ѣ / п'ирожк'ѣ п'ѣк'ѹт' / и сыр
 моч'áјут' / и сáло прáґут' / сыр'оґо сáла на в'ес'ѣл'је н'ѣ // выво-
 локáјут' м'јáсо / и на м'ѣск'ѣ клад'ут' // об'б'јд'ут' в'отк'оју / и
 д'ѣл'ат' коровáј / друґ'ок д'ѣл'и /

н'е стóж/ коровај у / жыт' и /
пóра т'еб'е́ розд'ел'йт'и /
свát'ејка роз'н'ев' ит'и /
да трéба жеу́ пов'ес'ел'йт'и /
а короваја́ розд'ел' ит'и /

да берé / дружок / пóяс ч'ерес пл'еча́ / червóным пóясом п'ер'е-
пора́жывајеца / и ножém р'и́же / и п'эрвы раз /

/ јес'т' у на́шеу́ молодбóу ба́тка /
прóсим бб́га /
дару́jem коро́ваја //

и вон'и́ беру́т / и на тар'илку / кладу́т үрóшы // молодб́ј и молодá
с'ид'ат' на пóсад'и у двóх / фп'ир'ит' / у молодóуоу үул'áјут / и рóд
заб'ира́јет молодб́ј / и јед'ет до молодб́ј / в'ечур үул'áјут / и заб'-
ира́јут скрýн'у и молодýју //

Ольманы, 1965.

8. //јак умрé / мб́јут / нара́жывајут пухорóн'ника / и кла-
ду́т на прот'ивну лáву ў пóкут'е // је с'в'еч'еч'ка / то пал'ат // на
дру́г'иј д'ен' / зб'ира́јут л'уд'еј / да рóб'ат домýжу / т'еп'ер' /
скл'е́ном зову́т' / из дупчóк смолóвых / крестá рóб'ат' / дубóвоуоу
ил'и хвојóноуоу / и звóн'ат' /

быў / быў / да не́ма /
быў / быў / да не́ма /

пун и д'ак пр'ихóд'ат / и заб'ира́јут ётоуоу пукóјн'ика у цёрков' /
отпáву рóб'ат' / и н'есу́т на мóүлик'и // закопáјут' / зан'есу́т
корóув'и и крестá / назáт у цёркву / на м'йесто / и прыхóд'ат на
пом'инк'и // и тут прыуотóвл'ено / на двóр'е / в'едрó вóдý стои́т
и квáрта / руч'н'ик в'ис'ит' / умыва́јуца / ут'ира́јуца / и иду́т' /
за стóл зал'езáјут' / што у коуó је // то и выставл'áје // јак'и
боуáты умрé / то и вóтк'а / и кáша / и сáло прáжено / сырóват-
ка / боршч / хл'и́ба напекýт п'ирожкóф / а бл'инцóф н'е // јак
б'едн'áк / то кто-н'ибу́т' фс'о однó / н'ёкто зан'ес'е́ / и фс'о од-
нó / навáр'ат боршчу́ / и кáшы пшóнној / и п'ирóуóф нап'екýт /
вóтк'и хут' однá бутылка / да постарáјуца // хут' и быў мед / на
пом'инк'и н'е выставл'áл'и //на стол'е́ / ф'с'а чíста стои́т / н'е
пр'иб'ера́јут / и вóду / стáв'ат ф' пóкут'е //

на роздвó / роб'ил'и үв'ездý / кóло / да обмотáјут бумáгоју /
да цв'ётáм'и / б'йлу / жóлту / с'ин'у / и запáл'ат с'в'и́еч'ку / кó-
ло в'ел'икоје / с'ин'оје / кóло покру́ч'ивајут / св'и́еч'ку ф' с'е-
ред'ину / зб'ира́јуца и д'йу́к'и и хлóпцы рáзом / и б'еру́т үв'ездý /
и пытхóд'ат пуд'окнó до хоз'áина / и үовóр'ат /

дóбри в'еч'óр томý /
кто в' ё́том домý /
д'áд'ку / д'áд'ку /

ч'и вам засп'ива́т'и /
кол'átku /

р'йтко / ктó н'е хóч'ет / ај / ид'йт'е до_дóму /

н'ема́ кому́ хорова́т' /
да вам п'ироу́и дава́т' /

и воны́ отвеч'áјут /

н'ехáј твова́ вола́ /
зјед'áт оводы́ /
што н'е дајо́ш кол'ады́ /

а кто отв'еч'áје / сп'ева́јт'е / и хоз'áјка выно́сит п'ироу́а / ка́жут' /

тоб'и́ / хоз'áјка /
пуст' рос'т' é колосóк /
јак éтыј пирожóк /

м'ешка́ нос'и́л м'ешкóну́с / д'и́ўк'и н'е нос'и́л'и // на но́выј үуд /
хоз'áин / в окно́ стýкајет /

мóрбз / мóрбз /
ход'и́ кут'јé јес'т'и /
прóс'им бóуа и г'еб'á /
ход'и́ кут'ји́ јé с'т'и /
јак н'ејд'éш г'еп'ер'а /
то н'ејд'и́ н'икóл'и /
н'и на порос'áта /
н'и на јаґн'áта /
н'и на г'ел'áта /

јак дóс'иўк'и / то п'екл'и́ бóрону / плу́га /
кла́ли у ша́н'у / и н'есл'и́ ў пол'е //

Ольманы, 1965.

// јак жéн'аца / пáл'ат солóму на ўл'ицу / и п'ер'ејéждајут чéрес
оу́бн' / на купáлу н'е пал'и́л'и / на што пал'и́т'?

Ольманы, 1965.

/дóс'еўк'и / јак дос'éјут / нап'екýт хл'éба / и разнóс'ат по хата́х//
на за́пуск'и корова́ј спекýт / на санк'и́ поста́ват' / и јез'д'ат/
/ в'есну́ кл'и́ч'ут' /

в'есна́ красна́ /
што ты в'и́н'есла /
ч'и кусóк хл'éба /
ч'и кусóк са́ла /

на дру́ґиј д'ен' / д'еу́ч'áта појýт / хóд'ат круг с'елá //

Ольманы, 1965.

9. // на роздво / кол'адн'ик'и / пёрвово дн'а / кол'аду сп'е-
вајут' / на шчодр'ика д'елајут' козу / шобку обкл'еивајут' кбжеј /
на рожк'и звезду / ч'асом ослá ил'и кон'á в'едут' / на тр'ох кру'
лэј / морбза зовут' /

мѳрбз / мѳрбз /
ход'и кут'т'у јѳс'т' /
јак н'ејд'ѳш /
так н'еј д'и /
н'е мѳрбз' /
и јагн'уч'к'и /
и коз'уч'к'и /
и хоз'аина мовѳ /
у дорѳз'и //

Городная, 1965.

10. // жен'их пр'исылајет матку / соулáсна л'и д'иўка / вѳтк'у
// венкá накладывајут' / ден' ч'и два здѳржыт'и // дарат' / мушч'и-
ны ўрѳшы / а жѳнш'ины / воз'мут' пáлку / стўкајут' наст'ўл'-
н'ик / и ведут' до мѳлодоѳо // ўтром ўстајут' / с мўзыкој / у хл'ив'и /
знѳва берут' / пјут' / коровáја печ'ут' / и ўс'ўј родн'ѳ раздадут' /
ўдѳвы н'е м'ис'ат до коровáја ит'и / тѳл'ко бáб'и шч'ас'л'иѳвы / ме-
дѳк стáв'ат' / птáшок нарѳб'ат' / и скáч'ут' / чомў н'е!

Городная, 1965.

11. // на трѳицу / вод'ил'и кустá из кл'ѳну / д'ифч'áта // поуб'и-
рáл'ис'а ў кл'ѳн / пр'ивјáзывајут' круѳѳм / адн'и ўлазá видно //
тѳл'ко аднў обвјáжу: / онá пос'ер'ѳд'ин'е / сп'евајут' /

трѳица / прес'в'атáја бѳѳорѳд'ица /
кто пос'ѳје л'ѳн /
н'ехáј зарѳд'ица //

Велута, 1965.

12. // на пáску / порѳс'ѳнка / закѳн буў // исп'екут' у п'еч'ѳ /
на сáночк'и полѳжут' // н'есут' до бáт'ушк'и с'в'ат'ит' јáјца / п'и-
роу'и ис пшен'ицы својѳј робѳты / п'ирѳх круўлој быў / х'итра
бáба јáйчком помáже // на рѳжесѳ / н'ѳ д'ѳлал'и порѳс'ѳнка //
мл'инн'и бѳл'и / у ватракáх ил'и у жорнáў нам'ѳл'е //

ш'одрѳчн'ик'и /

дѳбрыј в'ѳчур / пане ўспѳдáру /
ты дозѳв'лиш п'ѳс'н'у засп'ѳват' /
твуж'дѳм повел'ичувáт' /

дѳўѳо појут' /

да жыв'и здѳрѳвы /
со своѳм дрўѳгом /
и с семѳјкоју /
и с худѳшкоју /

пéрвово мл'инца / исп'ечо́пи на пич'одре́ц / мо́лода́ја д'еу́ка выб'е-
жы́т на двор / и кл'и́ч'ет

т'у — т'уу́ /
по́јеш мо́ју кут'у́ /
а́,́дэ саба́ки забр'ешут /
ту́ды замуш по́длу́ /

и пото́м саба́ци даст //

я́к умрэ покóжн'ик / ста́вл'ат' кану́н / мет л'јут в во́ду хо́лод-
ну́ју / и крýшат п'ироу́а // у́жé с мо́ул'иц пр'иду́т / сад'а́цца ф'с'е
сво́ја с'емја́ / и по тры́ ра́за че́рна́ет / а пото́м у́жé ф'с'е / сво́ја
с'емја́ пéрвој јис'т' / пото́м ста́вл'ат' са́ло / мја́со / с'ел'о́тк'и
/ р'и́бу / боршч / ка́шу ис пшо́на́ как зако́н / к'ис'е́л' / мл'ино́у
н'е п'еку́т' / то́л'ко п'ироу́и́ //

на ра́доу́н'ицу н'есу́т ја́јца / п'ироу́и́ / мја́со / ва́рено́је са́ло
и пéрвово дн'а / и на дру́уји / на во́лочо́ны // ја́к пом'ина́јут' /
то и сы́рэ мја́со ре́жут / зрóбл'ат' б'ин'у́к //

по с'ерéд'ин'е поста́ / хр'есцы́ ис хл'е́ба с'п'еку́т / и кр'ест л'е-
жа́л / как пасту́х вы́гон'ит / то ф'то́рбу даду́т / и са́ло сы́ре́је //
кр'ест то́л'к'и сво́ему́ пастуху́ / а ја́к сус'едни́ј / то хл'е́б и са́ло //

на п'етра́ / роб'и́л'и с'еб'е́ ко́лыск'и / то́л'к'и на п'етра́ //
хлóпцы / жонк'и́ вел'и́к'и́е ко́лышуца //

на купа́ла по́јут /

т'еп'е́р'а но́ч'ка н'ев'ел'и́ч'ка /
н'евы́спалас'а ч'аровн'и́ч'ка /
т'иш'е́р' купа́јло /
а за́фтра Ива́н //

д'еу́к'и и хлóпцы / кладу́т оуо́н' // оуо́н' бул'шо́ј / кру́улыј / в'ех-
т'а зрóб'ат // в'ехт' / на бул'шо́ј па́лце / вы́со́ко го́р'и́т // д'еу́к'и
и хлóпцы / постолы́ зб'ира́јут / со с'м'е́тн'ика / и на купа́ла
но́с'ат // остóнк'и пр'ино́с'ит д'еу́чинка / пока́ н'ес'от / н'икому́
н'е го́вор'и́ / н'е оз'ира́јс'а / и к'и́нут' в оуо́рот / што́п капу́сту
[черви] н'е јел'и / то́л'к'и чы́ста д'ево́ч'ка / и помо́уа́јит //

Хорожск. 1965.

Т. В. Назарова

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ВОКАЛИЗМА УКРАИНСКИХ ПРАВОБЕРЕЖНОПОЛЕССКИХ ГОВОРОВ

Для украинской диалектологии противопоставление правобережно- и левобережнополесских (в литературе часто средне- и восточнополесских) говоров является традиционным¹, хотя до широкого обследования территориальных диалектов для атласа украинского языка это разделение основывалось на явно недостаточном материале. В особенности расплывчатым оставались лингвогеографические показатели Правобережного Полесья² в связи с крайне слабой изученностью как говоров непосредственно правобережнополесского, или среднеполесского³, типа, так и говоров северо-западной Волыни (западно- или волынско-полесская группа) и невозможностью поэтому провести более или менее четкие границы смежных ареалов. Завершение части атласа укра-

¹ См. К. П. Михальчук. Наречия, поднаречия и говоры Южной России в связи с наречиями Галичины. «Труды этнографическо-статистической экспедиции в Западно-русский край», т. VII, вып. 2. СПб., 1877, стр. 490 и карта; Ф. Т. Ж и л к о. Рисунки в диалектологии украинской мовы. Київ, 1955, стр. 63 и карта; он же. Говори української мови. Київ, 1958, стр. 18 и карта.

² В дальнейшем термин «Правобережное Полесье» обозначается район собственно правобережнополесских, или среднеполесских, ареалов без Волынского Полесья, охватывающего территорию к западу от р. Горыни.

³ Имеются записи П. П. Чубинского, сделанные по программе И. П. Новицкого в нескольких правобережнополесских селах (в 60-х годах XIX в.). Эти записи, содержащие часто отрывочные факты, а также отдельные сведения из неспециальных, преимущественно этнографических, описаний были основным материалом для характеристики Правобережного Полесья в первых обобщающих диалектологических работах (К. П. Михальчука, А. И. Соболевского). Изучение говоров этого края долгое время отставало от других диалектных районов. Из работ более или менее обобщающего характера (хотя и на ограниченном материале) можно назвать лишь статью В. А. Каминского «Отчет о поездке в Волынское Полесье для изучения народных говоров летом 1910 г.» (ИОРЯС, т. XVI, кн. 4. СПб., 1911); остальные работы касаются говоров отдельных населенных пунктов (П. Г л а в к и й. Говірка с. Блеставиці на Київщині. «Український діалектологічний збірник УАН», кн. I. Київ, 1928; П. С. Л и с е н к о. Фонетичні і морфологічні особливості говірок Димерського району на Київщині. В сб. «Полтавсько-київський діалект — основа української національної мови». Київ, 1954). Говорам северо-восточных районов Правобережного Полесья посвящено несколько опубликованных статей автора и «Лингвистический атлас Нижней Припяти», находящийся в печати.

инского языка, охватывающей основные районы Полесья и Среднее Поднепровье, а также картографирование говоров Поднепровья, Волыни и соседних земель⁴ дает возможность выделить ряд полесских, в том числе специфически правобережнополесских ареалов, и указать на некоторые структурные особенности этой диалектной группы, представляющие из-за архаичности и своеобразия их значительный интерес для восточнославянской диалектологии.

Рассмотрение некоторых из этих специфических правобережнополесских диалектных особенностей в области вокализма на фоне общеполесских ареалов является предметом настоящей статьи⁵.

С юга правобережнополесские ареалы достаточно четко очерчиваются общими северноукраинскими изоглоссами, которые в большинстве своем являются границами более широких (северноукраинских — южнобелорусских) ареалов: например, различие ударных и безударных рефлексов *ě*, *e*, а также *o* и *e* в новых закрытых слогах (далее — *tot*^(?), *tet*^(?)⁶), отсутствие новой фонемы /i/, оппозиция безударных /e/: /i/, некоторые морфологические и лексические реликты и т. д.

По материалам атласа, эти границы проходят примерно от Днепра севернее Киева на запад, к Новоград-Волынску. Далее они частично загибаются к северу в междуречье Случи и Горыни, достигая на левобережье Горыни границы БССР, частично продолжают на запад через Луцк и Владимир-Волынский до государственной границы. Собственно правобережнополесские ареалы выделяются между Днестром и Горынью; ареалы к западу от Горыни представляют преимущественно волыньско-полесский тип, для которого характерно сочетание северноукраинских и южных, в основном волыньских, явлений.

С северной стороны правобережнополесские ареалы либо продолжают на территории Белоруссии, либо замыкаются на границе с говорами, подвергшимися более или менее интенсивному белорусскому влиянию (в районах нижней Припяти, севернее Овруча Житомирской обл., севернее и северо-восточнее Сарн Ровенской обл.).

В отношении количества фонемных единиц в ударной позиции правобережнополесские ареалы не вычлениаются из общеполесских

⁴ Атлас украинского языка (Полесье, Среднее Поднепровье и соседние земли) подготовлен к печати отделом диалектологии Института языковедения им. А. А. Потебни АН УССР: картографирование той части атласа, которая охватывает западные области УССР, завершается в Институте общественных наук Львовского государственного университета.

⁵ Материалом для статьи послужили личные наблюдения в полесских районах Киевской, Житомирской и Ровенской областей УССР, в том числе магнитофонные записи, выполненные совместно с А. Н. Залеским. Использован также рукописный архив и карты атласа украинского языка, находящиеся в Институте языковедения им. А. А. Потебни АН УССР и в Институте общественных наук Львовского государственного университета.

⁶ В статье приняты следующие обозначения: *t* — любые согласные, *v* — губные, *d* — переднеязычные зубные, *š* — шипящие.

(если считать общеполесскими ареалы, охватывающие и украинское, и белорусское Полесье) и представляют семифонемную систему /i/ — /ie/ — /e/ — /a/ — /o/ — /yø/⁷ — /y/, количественно соотносительную с соответствующей системой белорусского Полесья⁸. Безударный вокализм объединяет украинское Правобережное Полесье с той частью белорусской территории, в говорах которой сохраняется оканье⁹ (пятифонемная система /i/ — /e/ — /a/ — /o/ — /y/); он отличается от вокализма левобережного (Задесенского) Полесья с недиссимилятивным аканьем.

В ударном вокализме дифференцирующими являются противопоставления лабиализованных — нелабиализованных гласных и гласных различных степеней подъема, причем в противопоставлении по подъему включаются и гласные с неоднородным (смена от верхнего к среднему) подъемом /ie/, /yø/. В отличие от ударного, в безударном вокализме противопоставление гласных по однородности — неоднородности подъема не реализуется в связи с тем, что сфера функционирования этих фонем во всех полесских говорах ограничена ударением (ударный вокализм), а для /yø/ — еще и характером слога (новый закрытый слог). Условия дистрибуции других фонем не зависят от ударения и характера слога, однако в некоторых случаях ограничительным является консонантное окружение. Зависимость дистрибуции и звуковой реализации фонем от соседства твердых или мягких согласных рассматривается при характеристике соответствующих гласных фонем.

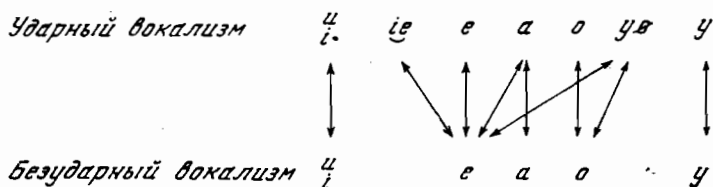
В связи с различительной ролью ударения, проявляющейся не только при синхронном сопоставлении ударного и безударного вокализма, но и в рефлексации ряда древнейших гласных, особое значение приобретает установление этимологических тождеств между элементами ударного и безударного вокализма. Этимологически тождественные элементы различаются в зависимости от позиционных условий (ударный — безударный слог, твердый — мягкий соседний согласный и т. д.). В связи с этим между ударными и безударными фонемами существуют определенные позиционно-этимологические связи, специфичные для более или менее широкого диалектного ареала. Так, в зависимости от характера рефлексации *ě*, *e*, *tot*⁽¹⁾, *tet*⁽¹⁾ в ударных и безударных позициях, а также учитывая стойкость оппозиций безударных /o/ : /y/, /o/ : /a/,

Условно обозначаем как /yø/ фонемы, соответствующие в конкретных системах рефлексам o, e в сочетаниях tot⁽¹⁾, tet u, подобно /ie/, противопоставленные другим гласным по неоднородности — однородности подъема.

⁷ Ср. «Нарысы па беларускай дыялекталогіі». Мінск, 1964, стр. 14—15 и карта на стр. 20.

⁸ См. «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Пад рэдакцыяй Р. І. Аванесавы, К. К. Крапівы і Ю. Ф. Мацкевіч. Мінск, 1963, карта № 3 (дале — ДАБМ); «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы, уступныя артыкулы, дзве дзінныя матэрыялы і каментарыі да карт». Мінск, 1963, стр. 277—282 (дале — ДАБМ, каментарыі)

$/e/ : /i/$ (в отличие от других говоров, в том числе и полесских). устанавливаются следующие позиционно-этимологические связи между ударными и безударными фонемами в Правобережном Полесье (стрелками обозначается соотносительность ударных и безударных гласных):

Для удобства рассмотрения из этой схемы можно выделить (по вертикали) отдельные фонемные группы, представляющие либо этимологические тождества, например $/i\bar{e}/ - /e/ (<\bar{e})$, $/\bar{a}/ - /e/ (<e)$, либо комплексы структурно и этимологически связанных элементов, например $/\bar{e}/ - /e/ - /\bar{a}/$, где тождество $/\bar{e}/ - /e/ (<e, \bar{a})$ структурно связано (компонентом $/e/$) с тождеством $/\bar{a}/ - /e/ (<e)$.

По характеру структурно-этимологических связей эти группы частично отражают общеполесские и общеукраинские закономерности. Собственно правобережнополесскими являются ареалы, образуемые некоторыми из этих групп и противопоставленные общеполесским ареалам в связи с модификацией элементов на фонемном уровне либо в связи с особенностями звуковой реализации отдельных фонем.

Поэтому в соответствии с задачей настоящей статьи более подробно будут охарактеризованы именно те группы, которые в каком-либо отношении представляются специфичными для Правобережного Полесья; остальным фонемным соответствиям будет дана более общая характеристика.

Противопоставление ареалов вокалических структур в связи с модификацией отдельных фонемных единиц на Правобережном Полесье проявляется лишь в ударной позиции и обусловлено многообразием типов лабиализованных фонем неоднородного подъема (дифтонгов), условно объединенных в схеме знаком $/y\bar{o}/$. На основе артикуляционно-акустических признаков в группе $/y\bar{o}/$ выделяются фонемы $/yo/$, $/\bar{y}i/$, $/\bar{y}e/$, противопоставленные друг другу по ряду и степени лабиализации и образующие различные микроструктуры $/y/ - /yo/ - /o/$, $/y/ - /y\bar{y}i/ - /i/$, $/y/ - /y\bar{y}e/ - /e/$ ¹⁰, как правило, не сосуществующие в одном и том же говоре. Многообразие типов фонем в группе $/y\bar{o}/$ связано с вариативностью

¹⁰ Ф. Т. Жук. Фонологічні особливості української мови в порів'язанні з іншими слов'янськими. Київ, 1963, стр. 12—13.

рефлексов tot¹¹, tet. В безударной позиции /yø/:/o/, /yø/:/e/ нейтрализуются в /o/, /e/, т. е. существуют характерные для всего Полесья соответствия /yø/ — /o/ (к^иуон', к^иџин', к^иџен' — кон'к^а — кон'к^а) и /yø/ — /e/ (п^ир'ин'џос — в'инес¹¹ — пр'инес^иу). Атлас украинского языка показывает достаточно пеструю картину рефлексации tot¹¹, tet в полесских говорах, однако большая часть правобережнополесских диалектов в этом отношении однородна. На Правобережном Полесье выделяется обширный ареал /yo/, простирающийся от Днепра до междуречья Уборти и Случи и далее, разреженный вкраплениями других ареалов, до Горыни. Этот ареал продолжается в белорусском Полесье (см. ДАБМ, карта № 35).

Звуковая реализация /yo/ достаточно разнообразна. Не останавливаясь подробно на генезисе, а также акустико-артикуляционных особенностях полесских дифтонгов¹², выяснение которых требует широкого экспериментально-лабораторного анализа¹³, отметим, что неоднородность их артикуляции в большинстве случаев зависит от смены подъема¹⁴ (всегда — от высшего к низшему) в пределах одного ряда¹⁵ в единицу времени, в основном совпадающую с единицей длительности других гласных звуков¹⁶. Следует также иметь в виду неоднократно отмечавшийся в литературе факт несовпадения каждого из элементов полесского дифтонга с соответствующими гласными звуками ([yo] ≠ [y], [o]; [iə] ≠ [i], [e]) и обычную невозможность вычленения и обособленного произношения этих элементов, а в связи с этим — квалифика-

¹¹ Формы типа в'ин'џос, в'ин'џок, отмеченные спорадически в Правобережном и Левобережном Полесье, как и некоторые другие с дифтонгами в безударной позиции, объясняются чаще всего морфемной аналогией.

¹² Раннюю литературу по этому вопросу, начиная с А. А. Потемби, см.: I. Г а л ю н. Як досліджувано українські дифтонги (нарис з історії дослідів над українською мовою). «Записки Історично-філологічного відділу УАН», кн. IX. Київ, 1926; кн. X., XII. Київ, 1927; В. Г а н ц о в. Характеристика поліських дифтонгів і шляхи їх фонетичного розвитку. «Записки Історично-філологічного відділу УАН», кн. II—III. Київ, 1923; О. К у р л о. Спроба пояснити процес зміни о, е в нових закритих складах у південній групі українських діалектів. Київ, 1928; W. K u r a s z k i e w i c z. Z badań nad gwiazdami rubżnosno — mażoruskimi, RSL, t. X, 1936. Из позднейших работ см.: Ф. Г. Ж и л к о. Голосні неоднорідного творення («дифтонги») в українській мові. «Українська мова в школі», 1962, № 3; о н ж е. Возникновение дифтонгов в украинском языке (древние о, е в новых закрытых словах). В сб. «Вопросы теории и истории языка». Л., 1963.

¹³ Экспериментально-лабораторное исследование дифтонгов одного говора Черниговской обл. см.: В. М. Б р а х н о в. До акустичної характеристики північноукраїнських дифтонгів. В сб. «Питання експериментальної фонетики». Київ, 1963.

¹⁴ Известны случаи, когда неоднородность артикуляции зависит от спада лабиализации в пределах одного подъема, например [y^уi]. Следы такого дифтонга отмечены, например, в говоре с. Пески Кобринского района Брестской обл. БССР (к^ит, сті^л, к^ит').

¹⁵ В. Г а н ц о в. Указ. соч., стр. 121.

¹⁶ В. М. Б р а х н о в. Указ. соч., стр. 48.

цию полесских неоднородных гласных как звуков, отличных от известных в некоторых европейских языках дифтонгов (например, нем. [oi], [ai], [au]), и условность их транскрипционного написания.

В украинских полесских говорах отмечены неоднородные гласные с разным соотношением длительности и интенсивности артикуляции в начальной и конечной ее стадии (т. е. преимущественно на разных подъемах): сохраняется тип гласных, по-видимому более древних, с равной длительностью обеих фаз при сравнительно большей интенсивности артикуляции в начальной или конечной фазе, чем акустически создается впечатление нисходящего или восходящего дифтонга (условно — [ẏo], [ẏe], [ẏi], [i̇e], [ẏé], [ẏí], [i̇é], а также гласные с неравной длительностью и интенсивностью артикуляции обеих фаз (условно — [ẏ^o], [ẏ^e], [ẏⁱ], [ẏ^o], [ẏ^e], [ẏⁱ], [i̇^e], [i̇^e]), где, очевидно, сказывается тенденция к постепенному выравниванию подъема. В пределах каждого из этих звуков акустически различается ряд вариантов, обусловленных степенью выравнивания начальной и конечной фаз¹⁷. Независимо от акустического сближения с гласными [o], [y], [i], [e], [i] эти варианты в полесских говорах всюду выступают как реализаторы фонем неоднородного образования, сохраняя соответствующие позиции [ẏ^o] : [y], [ẏ^o] : [o], [i̇^e] : [i], [i̇^e] : [e] и т. п.

Для Правобережного Полесья наиболее характерной реализацией /yo/ следует считать неоднородные гласные, утратившие равную длительность и интенсивность обеих фаз звука. Более древний тип, как правило [ẏo], встречается преимущественно в центральной части ареала (северная Житомирщина), чаще у старшего поколения, однако и здесь, параллельно с [ẏo], наблюдаются звуки [ẏ^o] и [ẏ^o]. Еще меньшей стабильностью характеризуются окраины ареала (очевидно, в связи смеждialeктными контактами).

Так, в говорах нижней Припяти (северо-восточный край правобережнополесского ареала) отмечены [ẏ^o], [ȯ] (в районе интенсивного белорусского влияния) и [ẏ^o], [ẏ] (в полосе, отграничивающей подвергшиеся белорусскому влиянию нижнеприпятские говоры от остальных правобережнополесских): ст^{yo}л, к^{yon'}, пост, мо^y, голо^yука, молод^yу^yбⁱ ж^yу^yбⁱнци, др^yу^yбⁱзд, жер^yу^yбⁱвна, к^yу^yбⁱтна, поросна, крот, коро^yй^yн 'ик, погон, о^yй^yсишче (север Чернобыльского района

¹⁷ Так, в ряду, обозначенном [ẏ^o], можно было бы выделить по крайней мере несколько вариантов — [ẏ^o], [ẏ^o], [ȯ]... безусловно различающихся с [o] более или менее уловимыми изменениями подъема, напряженностью и т. д. В белорусских полесских говорах наблюдается аналогичная вариативность реализаторов фонем, обозначаемых в белорусской диалектологической литературе [é], [é] (см. «Нарысы...», стр. 23, 36—37).

Киевской обл.); *вул*, *хвуст*, *бул* ^и, *муст*, *хвуйн*^и *ік*, *стуг*, *настул*^н *н*^и *ік*, *зурка*, *сул*^и, *укруп*, *ослун*, *густ*^и, *косогур*, *перехуд*, *жунка*, *греб*^і *ју* *нка*, *пчул*, *ножу*^у, *кушчу*^у (юго-восток Чернобыльского района); в некоторых говорах смежной полосы наблюдается параллелизм вариантов [y^o] и [y^o].

Аналогичное сосуществование [y^o] и [y^o] замечено и в некоторых других правобережнополесских говорах, хотя в самых общих чертах можно установить следующую относительную зависимость реализации /yo/ от общего характера говора (возможны разнообразные отклонения): для территорий, подвергшихся белорусскому влиянию, более характерно [y^o], районы, сохраняющие типично украинские правобережнополесские черты, как правило, охвачены ареалом [y^o], [y^o]. Наибольшей пестротой рефлексов tot^o, tet отличаются говоры западных районов правобережнополесской группы¹⁸. Ареал [y^o], достигая правобережья Уборти, разреживается вкраплениями [y^o] и [y^o], которые в некоторых говорах акустически весьма приближаются к монофтонгам [o], [y], однако сохраняют соответствующие оппозиции. Например:

[y^o] — звук напряженной закрытой артикуляции, утративший смещение подъема¹⁹, но сохранивший спад лабиализации в начальной фазе (с. Каменка Олевского района Житомирской обл.) — *р*^у*од*: *нар*^о*д*; *с*^у*ок*: *кус*^о*к*; *б*^у*ор*: *бор*^т^и; *г*^у*ор**ка*: *гор*^д*и*; *т*^у*ок*: *пат*^б*к*^и *і*;

[o] — звук однородного, среднего (с небольшим повышением) подъема, ровной лабиализации (в отличие от [y^o]), закрытый, напряженный (с. Копище²⁰ Олевского района Житомирской обл., 2 км от белорусской границы) — *ст*^о*л*: *ст*^о*л*^а; *г*^о*д*: *по*^г*о**д*^а; *во*^р*от*: *во*^р*о**т*^а; *ш*^о*чка*: *ш*^о*к*^и *і*;

[y^o] — параллельно с [y^o] — звуком высокого подъема с ослаблением лабиализации в конечной фазе (с. Сехи²¹ (Томашгород)

¹⁸ П. Г. П р и с т у п а. Рефлексы давнього наголошеного о в нових закритих складах на території західних говорів української мови. «Дослідження і матеріали з української мови», т. II. Київ, 1962, стр. 135—142 и карта.

¹⁹ У старшого поколения смещение подъема иногда сохраняется: пок^уо^т, р^уо^д, к^уо^н и т. д.

²⁰ Записи В. Каминского из с. Копище (1910 г.) в соответствующих позициях фиксируют [yo], [y] (см. В. К а м и н с к и й. Отчет о поездке в Волинское Полесье..., стр. 90—91). Сопоставление одновременных записей может свидетельствовать об активной монофтонгизации [yo] и падении лабиализации монофтонга за 50 лет, однако не исключена возможность, что обозначения В. Каминского в какой-то мере индивидуальны; так, например, в его записях дифтонги встречаются и в позициях, исключающих их органическое (открытые безударные слоги) или аналогичное возникновение. Современное об-

²¹ В записях из с. Сехи, приведенных П. П. Чубинским (см. «Груды этнографическо-статистической экспедиции...», стр. 513—514), соответствующий рефлекс обозначен *у*.

Рокитновского района Ровенской обл.) — *пост^убл, к^убкка, кол^убдка, рещ^утка, ж^убнка, лѣб^убдка, ву^он, дву^ор, ну^ож, р^уо^ини, пан^уо^й, ворог^уо^й*. В подобных говорах удается проследить некоторую позиционную зависимость: [у^о] чаще сохраняется после губных и перед [й] (возможны и отклонения);

[у^о] — звук высокого подъема с понижением его и незначительным ослаблением лабиализации в конечной фазе (с. Селец Дубровицкого района Ровенской обл.) — *плу^от: плут; ру^ок: руж* (род. п. мн. ч.); *су^ок: суж; пу^он: пун*.

Ареалу /уо/ (в разных звуковых реализациях) фонологически противопоставлен ареал неоднородного гласного /^уи/, различающегося с /уо/ по месту образования (передне-средний ряд) и отсутствию лабиализации в конечной фазе. По данным атласа, компактный ареал /^уи/ находится на Левобережье, где выделяется, помимо того, еще и ареал /^ѳе/ (неоднородный гласный среднего ряда со спадом лабиализации в конечной фазе). На Правобережье отмечены лишь вкрапления /^уи/, изредка — /^ѳе/, причем в районах, соседних с территориями монофтонга [i] (< o, e) — в Волынском Полесье²², на Брестщине²³, в Подлясье²⁴, а также и в западной части исследуемого Правобережного Полесья²⁵, преимущественно по нижней Случи и Горыни (вкрапления /^уи/). Например, [^уи] — звук неоднородного (высокого — среднего) подъема, с более интенсивной артикуляцией в конечной фазе и с начальной лабиализацией (с. Немовичи Сарненского района Ровенской обл.): *пл^уит, в^ѳѳкна, в^ѳѳн, ст^ѳиг, сн^ѳип, р^ѳист, кр^ѳип*; у некоторых информаторов наблюдается смещение ряда: [у^ѳ] — *с^ѳѳм, дом^ѳѳѳка, кор^ѳѳѳка, в^ѳѳз*.

Отдельные вкрапления в ареал неоднородных гласных представляют немногочисленные говоры по Горыни и Случи, в которых наблюдается весьма интересная особенность — своеобразная консонантизация начальной фазы дифтонга, т. е. развитие на его основе сочетания согласного с гласным. Такой тип рефлексации известен в некоторых украинских говорах Воронежской обл. (*стѳег, квен[?], свѳл, стѳиг, квин[?], свѳл[?]* параллельно с *ст^ѳег, к^ѳѳен[?], с^ѳѳел[?], ст^ѳиг, к^ѳѳин[?], с^ѳѳил[?]*); он истолковывается как результат своеобразного развития дифтонгов [уѳ], [уѳ] в условиях изолированных го-

²² В. А. Каминский. Отчет о поездке по Волынскому Полесью для изучения народных говоров летом 1913 года. ИОРЯС, т. XIX, кн. 2. СПб., 1914, стр. 79—80, 87.

²³ ДАБМ, комментарий, стр. 386, 387, 391.

²⁴ М. Kondratyuk. Wokalizm białorusko-ukraińskich gwórz powiatu Hajnowskiego. «Slavia orientalis», т. XIII, 3. Warszawa, 1964, стр. 340.

²⁵ П. И. Приступя. Указ. соч., стр. 140.

воров в иноязычном окружении²⁶. О наличии подобного рефлекса в говорах Правобережного Полесья можно было бы предполагать на основании скупых и мало надежных сведений, приводимых А. И. Соболевским²⁷, но дополненные указаниями В. Каминского²⁸ эти факты рассматривались как свидетельство существования в полесских говорах звука [уэ]²⁹.

Записи 1965 г. в с. Сарны Сарненского района Ровенской обл. выявили соответственно t[ol]t³⁰, t[el]t звукосочетание t[we]lt (с билабиальным согласным), либо у молодежи — t[ve]lt (с лабиодентальным согласным). Например (от информаторов разных поколений):

после зубных: *ствел* 'стол', *твек* 'ток', *здвер* 'здор', *Антвен* 'Антон', *свел* 'соль', *свем* 'сом', *свек* 'сок', *возвэу* 'возов' (род. пад.), *жеребцвэу* 'жеребцов' (род. пад.);

после губных: *пвел* 'пол', *мвекст* 'мост', *бвек* 'бок'; в говорах Воронежской обл. после губных и сонорных консонантный элемент выпадает (*пел*, *вен*, *ослэн*)³⁰, в говоре с. Сарны он выпадает лишь после [в] преимущественно у молодежи (*вел* 'вол', *вез* 'воз'), у старшего поколения сохраняется слабый консонантный призвук (*в^шел*, *в^шез*, изредка даже *ввез* 'воз');

после сонорных: *рвекст* 'рост', *гврем* 'гром', *порвэг* 'порог', *дрвет* (укр. дріт), *поклвэн* 'поклон', *лвэжок* (укр. ліжко), *сл'вез* 'слез' (род. пад.);

после шипящих и [j]: *жвэнка* 'жонка', *шчвэтка* 'щетка', *јвеј* 'ей' (дат. пад.);

после [г], [к], [х]: *квен* 'конь', *квэшка* 'кошка', *гвекст* 'гость', *пастухвэу* 'пастухов' (род. пад.).

Характер согласного в сочетании [we] подтверждается различием [we]: [ve] — *гврем* 'гром': *рвем* (1 л. мн. ч. глагола), *поклвэн* 'поклон': *вэна*, но *вез* 'воз' — *овэс* (различие отсутствует). Лабиодентальный характер согласного у молодежи подтверждается отсутствием соответствующего различия (*гврем* — *рвем*, *свек* 'сок' — *свэкор*).

Прослеживаемое на сравнительно небольшом отрезке времени изменение [w] > [v], а также явно недавняя утрата согласного

²⁶ А. Бескровный. К вопросу о природе дифтонгического рефлекса о в переходных сев.-украинских говорах Воронежской губернии. «Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского». Л., 1928, стр. 149, 151; Л. П. Комиссарова. До питання про рефлексі давніх о, е в говорах української мови. В сб. «Праці XI Республіканської діалектологічної наради». Київ, 1965, стр. 178; Г. Т. Соломська. Склад голосних фонем південно- та північноукраїнських говірок Воронежчини. В сб. «Питання літературознавства і мовознавства», вип. I. Харків, 1965, стр. 75—76.

²⁷ А. И. Соболевский. Опыт русской диалектологии. Литографированное издание. Малорусское наречие. Киев, 1911, стр. 27—29.

²⁸ В. А. Каминский. Отчет о поездке в Волинское Полесье..., стр. 79, 83.

²⁹ См. О. Курилова. До питання про походження північноукраїнських рефлексів о — ue, we, wu, e. «Збірник комісії для дослідження історії української мови», т. I. Київ, 1931, стр. 80—81.

³⁰ А. Бескровный. Указ. соч., стр. 149.

элемента после [в] (*вез, вел*) свидетельствует о достаточно быстром развитии данного рефлекса, предположительно $[\underline{y}é] > [\underline{y}e] > [we]$, хотя по данным, приведенным А. И. Соболевским, приходится признать, что уже к 80-м годам прошлого века в сарненском говоре в соответствующих позициях $[\underline{y}é]$ уже, по-видимому, не отмечалось³¹.

Записи для атласа выявили аналогичный рефлекс также в с. Смородск Дубровицкого района Ровенской обл.³²: *твѣк* 'ток', *пвѣжн* 'а' 'пожня' *грецкѣвѣѣѣ* (укр. 'грецковье'), *свишка* 'сошка', *рвидни* 'родный', *пвизно* 'поздно' и т. д.

Единичный пример консонантизации начальной фазы $[\underline{y}i]$ отмечен в говоре с. Немовичи (*твѣк* 'ток' при последовательном *кѣин*, *вѣиз* и т. д.).

Все указанные факты свидетельствуют о консонантизации первой и прояснении в монофтонг последующей фазы неоднородного гласного. Однако имеются случаи консонантизации, при которой сохраняется неоднородность гласного либо наблюдается тенденция к прояснению первой его фазы. Подобные факты отмечены нами спорадически в говоре с. Речица Гоцанского района Ровенской обл., где при преимущественном $[y^o] < o, e$ у женщин пожилого возраста наблюдалось $[v\underline{y}^o]$, $[v\underline{y}^o]$, $[v\underline{y}^o] < o, e$: *твѣк* и *твѣок*, *ствѣл* и *ствѣол*, *пвѣжн*, *рвѣжн*, *пвѣжн* (кроме позиций после губных и [л] — *пѣжн*, *лѣжн*). Наличие параллельных структур с $[v\underline{y}^o]$ и $[v\underline{y}^o]$, а также обычное для более молодых информаторов указание на прежнее распространение структур типа *кѣот*, *тѣок*, склоняет к предположению о закономерном развитии $[v\underline{y}^o]$, $[vo] < [y\underline{o}]$, сосуществующем в этом говоре с $[y^o] < [\underline{y}o]$, возможно, в результате междиалектных контактов. Структуры типа *кѣот*, *тѣок* представляются результатом контаминации этих двух типов развития неоднородных гласных, хотя рефлекс $[y^o]$ оказался более жизнеспособным, так как отсутствие консонантного элемента поддерживается единством фонемной структуры морфем. Сочетание $[v\underline{y}^o]$ представляет, по-видимому, начальную стадию консонантизации. Подобный единичный факт отмечен также в с. Тынное (*кѣин* 'ми твор. пад. от конь').

Консонантизация как результат расщепления дифтонгов с интенсивной конечной фазой — единичное явление в полесских

³¹ А. И. Соболевский приводит замечание издателя песен из с. Сарны, напечатанных в «Вольнских губ. ведомостях» 1880 г., № 2—8, о том, что дифтонг *ye* произносится как *ve*, но что *ye* правильнее выражает народное произношение» (А. И. Соболевский и др. Указ. соч., стр. 29). Возможно, имеется в виду $[ye]$ или $[we]$.

³² П. I. Пристипа. Указ. соч., стр. 140.

говорах. Выясняя его причины³³, следует учесть тот факт, что исчезновение дифтонга с консонантизацией вокального элемента изменяет количественный состав системы вокализма и может рассматриваться как проявление тенденции к упрощению фонемного состава в количественном отношении, подобное которому наблюдается иногда при взаимодействии структурно противопоставленных явлений³⁴. В данном случае естественно предположить контакты системы с меньшим количеством элементов (недифтонгические говоры) и системы с неоднородными гласными. Пограничное (на рубеже дифтонгических и недифтонгических ареалов) положение говоров с консонантизацией элемента дифтонга подтверждает это предположение (см. карту). Однако для большинства полесских говоров подобное развитие дифтонга нехарактерно. Типичным является процесс постепенного выравнивания артикуляции неоднородного гласного путем ослабления начальной или конечной его фазы. Как уже отмечалось, в большинстве правобережно-полесских говоров этот процесс не приводит к ликвидации соответствующих оппозиций; собственно монофтонгизация, т. е. неразличение гласных по признаку однородность — неоднородность подъема, наблюдается преимущественно на окраинах исследуемого ареала, т. е. в зонах междиалектного взаимодействия. Так, южный рубеж (Ровно — Новоград-Волинск — севернее Киева) представлен монофтонгом [и], широкой полосой ограничивающим северные говоры от южных (с монофтонгом [i]) не только на Правобережье, но и на Левобережье Днестра (*кин*?, *вил*, *виз*, *стил*, *поріг*). Кроме того, на окраинах правобережно-полесских дифтонгических говоров, на рубеже их с монофтонгическими ([и] или [i]) единичными вкраплениями выделяются монофтонги [e] (*вел*, *вез*, *вен*, *стег*, *стел*, *лѣ*, *рег*, *реў*, *жѣнка*, *слез* 'слѣз', *порѣг*, *постѣл* — юго-восточная часть Правобережного Полесья³⁵), а также, шире, [y] (*вуз*, *вул*, *вун*, *стуг*, *стул*, *лѣ*, *руг*, *руў*, *жѣнка* — западные районы исследуемого ареала³⁶). По данным атласа, монофтонг [y] отмечен и в говорах правобережья Сейма (близ г. Глухова на Сумщине), на рубеже говоров с монофтонгами [i], [и], [o]

³³ Объяснение [y], [we] польским влиянием, предложенное О. Курило (указ. соч., стр. 82), вряд ли приемлемо прежде всего потому, что призвук [y] в польских говорах, развивших сочетания [yo], [ye] и подобные, возникал перед *o* независимо от характера слога (это видно и из примеров, приводимых О. Курило, — *puole*, *guora*), в таком случае неясна его позиционная ограниченность (только в *ióci*?, *tét*) в Полесье (см. К. Nitsch. *Wybór pism polonistycznych*, t. IV. *Pisma dialektologiczne*. Wrocław — Kraków, 1958, стр. 34—35).

³⁴ Например, при взаимодействии аканья и оканья (см. Р. И. Аванесов. Вопросы образования русского языка в его говорах. «Вестник МГУ», 1947, № 9, стр. 147).

³⁵ Материалы атласа указывают на [e] в селах Котовка Радомышльского района Житомирской обл. (параллельно с [u]), Новая Гребля Бордянского района Киевской обл., Обуховичи Иванковского района Киевской обл.

³⁶ По данным атласа, центральные и северные районы Ровенской обл. (см. П. И. Приступа. Указ. соч., стр. 138 и карта).

[o] образует ареал, вытянутый узкой полосой вдоль северо-восточной границы УССР и связанный, очевидно, с восточнобелорусским и южнорусским соседством). Помимо этого четко очерченного ареала, монофтонг [o] спорадически рассеян в Полесье параллельно с вариантами [yo], однако его возникновение объясняется чаще внешними причинами (преимущественно степенью зависимости от русского или белорусского, а иногда и украинского литературного языка ³⁷).

Монофтонгические говоры, распространенные отдельными вкраплениями или очерченными изоглоссами на рубеже дифтонгического ареала, также представляют собой признаки проникновения вокалической (ударной) системы с меньшим ³⁸ числом компонентов в систему с большим числом и являются, следовательно, показателями контактов этих систем. В этом плане говоры с расщеплением и с монофтонгизацией дифтонгов можно рассматривать как полярные проявления одного процесса — разрушения дифтонгической системы в результате контактов разноколичественных систем вокализма. Влияние междиалектного взаимодействия на разрушение полеской дифтонгической системы тем возможнее, что в Полесье оказались заторможенными те внутренние структурные преобразования, которые привели к исчезновению дифтонгов в других украинских говорах и были следствием тенденций, противоположных вызвавшим в свое время дифтонгизацию. Ввиду этого естественно предположить усиление роли внешних факторов. Специфику общих проявлений тенденции к расшатыванию дифтонгической системы помогает раскрыть характеристика отдельных фактов монофтонгизации.

Монофтонг [y] во многих правобережнополесских говорах определяется позиционными условиями (после губных, перед [ʝ]), темпом речи или возрастом говорящего (старшее поколение чаще сохраняет варианты /yo/) и сосуществует с [y^o], [ỵ], даже [ỵ^o] ³⁹,

³⁷ В дифтонгических говорах влияние украинского литературного «икавизма» проявляется либо в замещении диалектного рефлекса литературным [i], что наблюдается редко, либо чаще в активизации процесса органической монофтонгизации ([j^o] > [y], иногда [y^o] > [o]). Так, например, в с. Каменка Олевского района Житомирской обл. при

y
[o], [yo] у большинства информаторов наблюдалось [o] у школьников. Чаще [o] свидетельствует о наследии русских элементов (см. Ф. Т. Ж и л к о. Фонологічні особливості..., стр. 19).

³⁸ При условии возникновения монофтонга в позициях іѣ, іѣ' — уменьшение числа фонем на две единицы.

³⁹ Параллелизм [y], [yo] в западной части Правобережного Полесья см. П. І. П р и с т у п а. Указ. соч., карта. Есть основания предполагать, что в говорах северо-восточной Сумщины, где материалы атласа отмечают [y], также встречается [ỵ] (см. В. Б е л я в с к и я. Народный говор уездного гор. Глухова (Черниговской губернии). РФВ, 1903, № 3—4, стр. 300).

сохраняя тем самым оппозицию /yo/ : /y/. Тенденция к количественному выравниванию контактирующих вокалических систем, таким образом, проявляется здесь на звуковом уровне, что составляет, по-видимому, первый этап разрушения дифтонгической системы. В лингвогеографическом отношении ареалы [y] недостаточно четки, разрежены, выделяются с известной степенью условности.

Монофтонг [и] характером выявления значительно отличается от [y]. Его ареал компактен, четко очерчивается на территории густого пучка изоглосс, разделяющих издавна контактирующие диалектные группы, лишь в некоторых говорах южной Черниговщины [и] отмечается параллельно с вариантами /йи/ независимо от позиционных условий (т. е. сосуществуют системы с /и/ и /йи/). В правобережнополесских районах [и] выступает последовательно, в большинстве случаев не противопоставляясь [и] < *ы*, *i* (*кин* 'конь' — *кин* 'кинь', *тик* 'ток' — *тйкати*, *вил* 'вол' — *вила*, западнее Горыни [и]-рефлексы *о* и *i*, *ы* различаются).

Традиционно [y], [и], [e] возводятся к дифтонгам: с более интенсивной начальной артикуляцией — для [y] ([йо], [йи]), с интенсивной конечной артикуляцией — для [и], [e] (соответственно [йи], [йе])⁴⁰. Характер выявления [y] не оставляет сомнения в органическом его развитии из вариантов /yo/. Аргументом для подобного развития [и] служит существование в центральной и юго-восточной Черниговщине ареала [йи], на который наслаивается ареал [и]. Однако в Правобережном Полесье, кроме отдельных случаев в западной его части, не отмечено [йи] и, ввиду преимущественного распространения [yo], окаймление с юга широкой полосой [и] без промежуточного между [yo] и [и] ареала [йи] является, с точки зрения органического развития дифтонгов, немотивированным. Кроме того, при органическом происхождении [и] < [йи], учитывая последовательность выявления [и] на четко очерченном ареале, можно было бы ожидать по крайней мере в соседней с [и] с севера полосе дифтонгических говоров распространения неоднородных гласных с более интенсивной конечной артикуляцией и со спадом начальной лабиализации. Однако для большинства правобережнополесских говоров в этом отношении трудно установить определенную закономерность, хотя в целом преобладает тип с более интенсивной начальной артикуляцией и лабиализацией⁴¹. В черниговских говорах [йи] также является зву-

⁴⁰ Ф. Т. Ж и л х о. *Нариси...*, стр. 66.

⁴¹ Так, например, в говоре поселка Малин Житомирской обл., расположенного в южной части дифтонгического ареала на границе с ареалом [и], материалы атласа фиксируют неоднородный гласный с более интенсивной начальной артикуляцией: *ву^{оэ}*, *ру^{ог}*, *лу^{оа}*, *домі^{оу}*ка, *сту^{оа}* и т. д.

ком с преимущественной начальной интенсивностью артикуляции⁴². В связи с этим возникает предположение, что монофтонг [и] не только фонетически развивался из [ÿи] (такой процесс, очевидно, происходил в некоторых говорах, например в черниговских), но и мог возникать иным путем.

По материалам атласа, монофтонг [и] распространен в тех северных говорах, где рефлексом *tě, tět'* является [i] (*m'in', m'lo, d'io, s'ino, l'ic', xl'ib, n'ishk'i* и *njishk'i, v'iter* и *vjiter, k'ic'il', s'im*), т. е. где, в отличие от дифтонгических (из *ě*) говоров, сформировалось различие слогов с [i] (<*ě, e*), [и] (<*i, y*) — [t'i]: [ti] (*l'ic: lis, m'lo: pot'illya, s'ino: syn'ij*). В соседних с юга говорах, где *o, e* > [i], эта оппозиция охватывает и [t''i] < tot''; tet, т. е. *l'ic, osl''in: lis, l'ine; m'lo, m''ik: pot'illya, t'ikati; s'ino, s''il': syn'ij, sila*. Исходя из установленного факта несовпадения во времени формирования [i] < *ě* и [i] < *o, e*⁴³, можно предположить, что в период возникновения в этих говорах [i] < *o, e* рефлексация *ě* > [i] охватила не только южные говоры, но и соседнюю с ними полосу на границе с Полесьем, говоры, где еще сохранились к тому времени рефлексы tot''; tet, противопоставленные [i] (дифтонги или монофтонги, возникшие фонетически). В результате этих преобразований на южной границе полесского ареала оказались смежными говоры со следующими оппозициями слогов: с севера — [t'i] (<(tě): [ti] (<ti, ty) при [tyot], [t'yt], [tyt] и т. д. из tot''; tet; с юга — [t'i] (<tè), [t''i] (<tot''; tet) : [ti] (<ti, ty), т. е. в южной группе рефлексy *o, e* (tet) в новых закрытых слогах утратили различие с рефлексами *ě, e* (tet') и оказались втянутыми в оппозицию /i/ : /и/. Благодаря междиалектным контактам на рубеже этих групп возникла переходная полоса, где под влиянием южной группы оппозиция /i/ : /и/ также распространилась на рефлексy tot''; tet. Однако, в отличие от южных говоров, здесь сохранилось свойственное полесским диалектам различие рефлексов tot''; tet и *tě, tět'*, поэтому оппозиция /i/ : /и/ в переходной группе реализовалась противопоставлением следующих слогов — [t'i] (<tě): [ti] (<t'i, ty), [ti] (<tot''; tet). Произошло, следовательно, замещение рефлекса tot''; tet, противопоставленного [i] независимо от однородности или неоднородности артикуляции, монофтонгом [и], также противопоставленным [i].

Из этого следует:

1. Монофтонгу [и], возникшему нефонетически, в результате замещения фонемных единиц, мог предшествовать любой неодно-

⁴² См. свидетельство В. М. Ганцова о нисходящем характере дифтонгов в Остерском и Новелецком районах Черниговщины, т. е. в районах, смежных с районами распространения [и] (В. Ганцов. Указ. соч., стр. 136—137).

⁴³ См., например, О. П. Безпалько, М. К. Бойчук, М. А. Жовт обрюх С. П. Самойленко, І. Й. Тараненко. *Історична граматика української мови*. Київ, 1962, стр. 155.

родный гласный либо фонетически развившийся монофтонг (не [i]). Это в особенности существенно для Правобережного Полесья: на Левобережье естественно допустить и процесс фонетического образования [и] < [y̥и] ⁴⁴.

2. Монофтонг [и] нефонетически мог развиваться лишь в говорах, взаимодействующих с говорами ареала «икавизма». Этим объясняется его компактная распространенность в пограничной южнополесской полосе, а также рассеянная — на Волинском Полесье. Последний факт может служить одним из доказательств полесской основы в Волинском Полесье и разрушения ее благодаря экспансии с юга говоров с монофтонгом [i]. Естественно, что образование [i] в южных говорах во времени предшествовало возникновению южнополесского [и] ⁴⁵. Отмеченные в некоторых

говорах южной части ареала [и] монофтонги [и], [i] < tot' ⁴⁶, tet (viz, vin, стил, тик, поріг) представляют собой, очевидно, результаты дальнейшего взаимного влияния ареалов с [i] и [и] ⁴⁶.

Монофтонги [e], [e], известные в отдельных говорах юго-восточной окраины Правобережного Полесья на рубеже с ареалом [и], являются, по-видимому, следствием фонетического развития [y̥e], однако наблюдается тенденция к замещению [e] > [и]. Так, например, в говоре с. Новая Гребля Макаровского района Киевской обл. у старшего поколения при медленном темпе речи [e] < tot', tet и [e] < e не различается: вел, вез, стел, тек, кен', двер, шчѣтка, жѣнка, лед и т. д. Однако более типично для говора противопоставление [e] : [e], заметное при нормальном темпе речи у большинства информаторов — тек 'ток': Тѣкл'а; стел 'стол' — тѣлиц'ц'а; двер 'двор': двѣри. У молодежи часто [и]: двир, стил, кин' и т. д.

Таким образом, для дифтонгов с интенсивной начальной артикуляцией фонетически закономерной является монофтонгизация с редукцией конечной фазы; для дифтонгов с интенсивной конечной

⁴⁴ См. Ф. Т. Ж и л к о. Південночернігівські говірки, перехідні до полтавських. «Діалектологічний бюлетень», вип. V. Київ, 1955, стр. 48—49.

⁴⁵ О сравнительно позднем возникновении [и], например на юге Черниговщины, свидетельствует анализ местных исторических документов XVIII в., фиксирующих дифтонги (написания с у) и изредка монофтонг [и] (см. Г. І. Ф і л і п о в а. Деякі особливості вокалізму говірок Прилуччини Чернігівської обл. «Наукові записки Харківського державного педагогічного інституту ім. Г. С. Сковороди», т. XXV, Філологічна серія. Харків, 1957, стр. 109—110).

⁴⁶ Материалы атласа фиксируют [u], [i], например, в селах Корытище Черняховского района Житомирской обл., Гостомеле Киево-Святошинского района, Заборье, Крушинка, Васильковского района на Киевщине. О монофтонгах [u], [i] см. также Ф. Т. Ж и л к о. Голосні неоднорідного творення..., стр. 21.

артикуляцией — расщепление либо редукция начальной фазы. Во всех случаях возможно замещение нефонетически развившимся монофтонгом ⁴⁷.

Лабиализованные дифтонги	у ^о	у ^и	у ^е	у ^о	у ^и	у ^е
Монофтонгизация	у	у	у	о*	и	е
Расщепление	—	—	—	во	ви	ве
Замещение **	и	и	и	и	и	и

* [o] — чаще нефонетического происхождения.

** Для всех дифтонгов возможно несистемное замещение монофтонгом [i].

Дифтонги с более интенсивной конечной стадией могли развиваться двояко; однако консонантизация нарушает единство фонемной структуры морфемы независимо от парадигматических изменений. Очевидно, поэтому в говорах с расщеплением дифтонга наблюдается замена сочетания «[в] + гласный» монофтонгом ⁴⁸. Помимо того, редукции начального элемента без консонантизации его способствует и тенденция к замещению различных по характеру рефлексов монофтонгом [и], сравнительно близким в артикуляционно-акустическом отношении к конечному элементу гласных [у^и], [у^е]. На Правобережном Полесье между дифтонгическими говорами и волинско-полесским ареалом [i] не развилось четкой переходной полосы [и] подобно южной окраине дифтонгической территории. Возможно, еще и поэтому в отдельных западных говорах Правобережного Полесья проявилось расщепление как весьма своеобразный тип развития неоднородных гласных, не возникший (а может быть, и не сохранившийся) в других районах контактов дифтонгических и недифтонгических систем, где следствием этих контактов был ареал [и].

Специфика звуковой реализации некоторых фонем в правобережнополесских говорах выясняется при характеристике неоднородных гласных в позициях *tě*, *tét'*.

В правобережно- и левобережнополесских говорах в этих позициях выступают варианты /ie/. Безударное соответствие *tě*,

tet' — звук [e] : *ɔ'ied* — *деди*, *л'ies* — *л'есѣк*, *кам'іен'н'е* — *ка́мен'*.

⁴⁷ Имеются в виду правобережнополесские говоры, для которых не характерны неоднородные гласные переднего ряда типа [y^и], могущие фонетически развиваться в [i].

⁴⁸ Помимо указанного выше параллелизма структур типа *кв^от*, *кв^ит*, *кв^ет* (с преимуществом последних) в говоре с. Речица Гоцанского района Ровенской обл., интересны факты, приведенные П. Поповым из говоров окрестностей Путивля (Сумской обл.), где наблюдается замещение монофтонгом [e] дифтонгического рефлекса типа [ye], который, по свидетельству П. Попова, акустически воспринимается как [ve]: *сквек* 'скок' 'квѣшка' 'кюшка' (см. П. Попов. Діалектологічні спостереження на північно-східному кордоні України. «Записки Історично-філологічного відділу УАН», кн. VII—VIII. Київ, 1926, (отдельный оттиск), стр. 8).

В отношении смен подъема и большей или меньшей интенсивности артикуляции между вариантами /ie/ и вариантами лабиализованных неоднородных гласных существует относительное соответствие, т. е. реализаторами /ie/ выступают звуки [i^e], [i^e], [i^e], [i^e], [i^e] (переднего ряда со смещением подъема от высокого к среднему). Как и лабиализованные неоднородные гласные, варианты /ie/ отражают тенденцию к постепенному выравниванию подъема. Подобно вариантам /yo/, звуки [i^e] и [i^e] наблюдаются непоследовательно и преимущественно в центральной части ареала. В территориальном распределении [i^e] и [i^e] можно установить лишь самые общие, часто нарушаемые закономерности: в говорах, подвергшихся белорусскому влиянию, заметнее [i^e], [e], ближе к южным окраинам полесского ареала часты [i^e], [i]. В особенности заметна монофтонгизация [i^e] > [i] в юго-западных и отчасти западных говорах Правобережного Полесья, где, в отличие от центральной части исследуемой территории, ареалы вариантов /yo/ и /ie/ не всегда совпадают. Так, например, в говоре с. Рудня Дубровицкого района Ровенской обл. отмечено:

пол, кот, гр^ом, но л'іто, н'існ'а, д'ід, т'іло ^у ^у 49.

Варианты /ie/ выступают после этимологически мягких согласных, поэтому хотя позиция перед [i^e], в отличие от [yo], [yⁱ], [y^e], является позицией неразличения согласных по твердости — мягкости, однако имеются большие возможности для звуковой вариативности реализаторов /ie/ благодаря отвердению согласных. Для многих украинских говоров характерно неразличение твердости — мягкости некоторых согласных фонем, в частности губных, шипящих, /р/ в связи с отвердением соответствующих звуков. В Правобережном Полесье процесс диспалатализации нескольких групп согласных, в отличие от большинства других украинских говоров, охватил и позиции перед ударными рефлексамі *ě, e* (перед *t'*), благодаря чему возникло несколько специфически правобережнополесских ареалов звукосочетаний, соответствующих *tě, tét'*.

1. Сочетания рефлексов *ě, e* с губными (v).

В правобережнополесских говорах представлено несколько типов сочетаний — соответствий *vě, vé* (*t'*). Для северной части

49 В некоторых говорах, по материалам атласа — монофтонгических с [i], удастся проследить едва заметное понижение подъема в конечной фазе артикуляции — [i^(e)] (благодаря противопоставлению с [i] в заимствованных или русских словах — *сам'ін: mⁱ(e)н', м'іа'іч'єја: л'і(e)с* — с. Речица Гоцанского района Ровенской обл.). Оппозиция [t' i] : t' i^(e) здесь представлена весьма ограниченно из-за отвердения согласных перед *i*.

ареала преимущественно характерны сочетания губных (различной степени мягкости, чаще — полумягких) с [ie], [i^е], [i^е], [e], [i]: *в'іера*, *п'ієшк'і*, *б'ієлі*, *б'ієдни*, *міра* и т. д. Иногда, в зависимости от степени мягкости предыдущего [v], первый компонент [i^е] несколько расширен: [i^е], [i^е]: *в'ієхот'*, *п'ієсн'а* (с. Старая Красница Чернобыльского района Киевской обл.). В отдельных говорах, южнее ареала [v'ie], [v'ie], благодаря диспалатализации губных возникают позиционные варианты /ie/ — звуки [ie], [i^е], [i^е], [и], [e]. Ареалы [vie] наблюдаются, например, на севере Киевской обл.: *б'ієлі*, *б'ієгт'і*, *в'ієтер*, *п'ієч* (с. Толстый Лес Полесского района Киевской обл.), *свієжи*, *п'ієна*, *мієсто* (с. Стечанка Чернобыльского района), *п'ієсн'а*, *вієтер*, *квієтка*, *лобієй* (с. Мартыновичи Полесского района), а также в западной части Правобережного Полесья.

Наибольшим и характерным для Правобережного Полесья является ареал сочетаний [vjie], [vji], развившихся благодаря расщеплению исконного *v' > [vj]* (диспалатализация с выделением мягкости в самостоятельную артикуляцию) и охвативших почти всю северную Киевщину, значительную часть северной Житомирщины и отдельные говоры Ровенщины: *в'ієра*, *в'ієтер*, *в'ієник*, *в'ієхот'*, *б'ієлі*, *б'ієдно*, *об'ієд*, *поб'ієг*, *п'ієсн'а*, *п'ієшк'і*, *п'ієч*, *м'ієсец* (и *мн'ієсец*). Параллелизм [vjie] // [vie], [vji] // [vi] возникает, как правило, лишь в результате аналогического выравнивания основ в пределах парадигмы (*тоб'іє* // *тобіє*, *на верб'і* // *на вербі*): сочетания [vie], [vi] преобладают над [vjie], [vji] после согласных (с^{''}*мієт'т'є*, с^{''}*мієх*, з^{''}*вієр*). Отдельные вкрапления [vjie], [vji] перед рефлексами *ě* известны кое-где на Черниговщине и на Сумщине (южнее Глухова)⁵⁰, однако лишь на Правобережном Полесье они составляют характерную черту значительного диалектного массива.

2. Сочетания рефлексов *ě*, *e* с [p].

Отсутствие фонематической мягкости /р/ в правобережнополесских говорах отразилось и на позиционной мягкости перед рефлексами *ě*, *e*. Для большей части ареала характерны сочетания [rie], [ri^е], [ri^е], [ри], [ри]: *горієх*, *рієдко*, *тар'ієлка*, *горієлка*, *гриєх*, *на горі* (по материалам атласа, изоглосса [р] в

⁵⁰ В. Белявский. Указ. соч., стр. 303.

этой позиции проходит южнее других границ специфически правобережных ареалов и доходит до Житомира). Широта и компактность ареала диспалатализованного [p] в этой позиции обусловлена не только тенденциями украинских правобережнополесских говоров, но и влиянием соседних белорусских диалектов⁵¹. Лишь в немногих переходных говорах на украинско-белорусской границе в районе нижней Припяти отмечены сочетания [pʲie], [pʲie] как реликт, заторможенный междиалектными контактами.

В говорах устья Припяти и нижнего Тетерева перед рефлексами *ě, é* (t') распространены сочетания [pʲ], [pʲ]: *pʲieчка, pʲiedко, грʲieх, на горʲі*. Это связано с аналогичным развитием исконной мягкости *p'* и в позиции перед ударенным рефлексом *e* (благодаря чему возникло различие *рад: pʲад; раз: грʲаз'*) на рубеже с обширным левобережным ареалом различения /p/ : /p'/ перед [a]. Развитие двухфонемных сочетаний из исконно мягких согласных — результат диспалатализации, хотя и специфической, поэтому с фонетической точки зрения оно не противоречит тенденции к отвердению *p'*, характерной для правобережнополесских говоров. Однако выделение [j] сохраняет различие /p/ : /pʲ/ перед [a], что фонологически сближает эти говоры с говорами соседнего Левобережья, где /p/ : /p'/ перед [a]. Следовательно, возникновение сочетаний [pʲie], [pʲi] в данном случае отражает тенденции обеих соседних диалектных групп и является показателем междиалектных контактов⁵².

3. Сочетания рефлексов *ě, é* с [ж], [ч], [ш], [дж] (š) и [ц]. Диспалатализация шипящих охватила указанные позиции во многих говорах северной Киевщины, Житомирщины, частично Ровенщины и способствовала возникновению сочетаний [šie], [šie], [šie] (*чʲieпок, на кл'учʲie, шʲiest', кошʲiel', у кошʲie, на межʲie, ножʲie, обручʲie*), хотя ареал [šie] ([šie], [šie]) уже и разреженнее ареала [rie] ([rie], [rie]...). То же можно сказать и об ареале [cie] (*чʲieli, чʲien, чʲieчка, у молоцʲie*), разреженном вкраплениями [cie] с позиционно смягченным [ц'] на территории последовательной диспалатализации [ц'] во всех позициях (*хлбнец, вʲулица, цацка* и т. д.), которая распространена не только в Правобережном Полесье (от р. Стыра до Днепра у устья р. Тетерева), но и на Левобережье. Как и [rie], сочетания [šie], [cie] поддерживаются белорусским соседством.

⁵¹ ДАБМ, комментарии, стр. 381—382.

⁵² Отмеченное в нижнеприпятских говорах [pʲie] (*pʲieчка, черʲien, пострʲienки*) — свидетельство незавершенности [p'] > [pʲ], связанной, быть может, со сравнительно поздним возникновением этого процесса.

В целом гласный [ие] (с вариантами, обусловленными разной интенсивностью артикуляции) после согласных, подвергшихся диспалатализации и в других позициях, составляет характерную особенность Правобережного Полесья. Сочетания [ри^ие], [ш^ие], [ци^ие], ареалы которых продолжают в Белоруссии, могут объясняться общими процессами диспалатализации в соседних украинских и белорусских говорах, однако развитие [vj^ие], [vj^и] замкнутым ареалом в украинском Правобережном Полесье свидетельствует и о специфических локальных тенденциях.

4. Своеобразны сочетания рефлексов \acute{e} , $\acute{e}(t')$ с группой зубных согласных [д], [т], [з], [с], [н] (d) и [л]. В отличие от рассмотренных выше [v], [š], [ц], [р], группа [d] и [л] последовательно сохраняет различие по твердости — мягкости во всех украинских говорах и подверглась позиционной диспалатализации лишь перед исконным *i*, а также *e* (кроме позиций *te*^{''}). Перед рефлексами \acute{e} , $\acute{e}(t')$ большинство правобережнополесских, как и других украинских диалектов, сохраняет исконную мягкость [d^ʲ], [l^ʲ]: *д'ієд*, *д'ієўка*, *д'ієло*, *т'ієло*, *т'ієсто*, *на ноз'іє*, *на коз'іє*, *с'ієно*, *с'ієтка*, *на кон'іє*, *стерн'іє*, *л'ієс*, *л'ієсто*. Исключения составляют говоры южнее и юго-восточнее Сарн (Сарненский, частично Рокитновский и Березновский районы на Ровенщине, юго-запад Олевского района на Житомирщине)⁵³, где распространен сравнительно компактный ареал [die] (чаще варианты [d^иe], [d^иi], [d^и], [d^иe], [d^иi]).

Например: *ди^иед*, *ди^иежка*, *ди^иеўка*, *ди^иєло*, *ти^иєн'*, *ти^иєсто*, *кози^иє*, *си^иєно*, *си^иєм*, *к'іси^иєл'*, *сни^иєг* (с. Немовичи Сарненского района Ровенской обл.); *дид*, *дєд*, *недел'а*, *подит'*, *тило*, *тело*, *тєсни*, *си^иу*, *сејат'*, *сусєд*, *снєг* (с. Каменка Олевского района Житомирской обл.); *тило*, *ди^иежка*, *сусід*, *си^ино* (с. Тынное Сарненского района Ровенской обл.).

Диспалатализация [d^ʲ] перед рефлексами \acute{e} отмечена также в отдельных говорах Брестщины и на Подлясье (по краям брестского ареала, выделенного ДАБМ)⁵⁴.

Материалы атласа свидетельствуют о взаимосвязи сочетаний [die] с характером согласного перед рефлексом \acute{e} в безударной позиции: сочетания [die] отмечены в тех говорах, где согласные

⁵³ Далее условно — Сарненская группа говоров.

⁵⁴ ДАБМ, карта № 57 (учесть опечатки); ДАБМ, комментарии, стр. 174—176; см. также П. П. Чучка. Деякі особливості українських говірок Брестського району Білоруської РСР. «Праці XI Республіканської діалектологічної наради». Київ, 1965, стр. 164; W. Kuraszkiwicz. Українська диспалаталізація в гварачах подільських. «Z polskich studiów slawistycznych», seria II. Warszawa, 1963, стр. 32—33; М. Кондратиук. Указ. соч., стр. 341.

[d] перед *e*, *i* отвердели и, следовательно, соответственно *dě* в безударной позиции выступает [de]: *деди*, *деўк'і*, *телá*, *сенокос*, *седлó*, *у снегú*. Сопоставление соответствующих карт ДАБМ также выявляет сочетания [die], [di] лишь в говорах с отверждением согласных [d'] перед безударным рефлексом *ě*: *дыжка*, *дыўка*, *тысто*, *телó* — *стенá*, *стынá*, *сыдлó*, *дыл'áнка*⁵⁵. Показательны в этом отношении сочетания [lie]: их ареал меньше по сравнению с [die] и также выявляет структурную связь сочетаний [л] + *ě* и [л] + *i*, *e*. В западной части правобережнополесских говоров смягчение [л] перед *i*, *e* заходит южнее, чем смягчение группы [d], т. е. имеется ряд говоров, где сосуществуют сочетания [di], [de], [л'і], [л'е]: *тихо*, *дик'і*, *ходил'і*, *течé*, *делá*, *сила*, *селó*, *нітка*, *несу*, но *л'іхо*, *л'іст*, *л'ежáт*, *л'ебед'* (села Томашгород, Сновидовичи Рокитновского района Ровенской обл.); [d'і], [de], [л'і], [л'е]: *ход'іл'і*, *зернó*, но *зел'éни* (с. Миляч Дубровицкого района Ровенской обл.).

Ареал [л'і], [л'е] при [di], [de] в правобережнополесских говорах является продолжением соответствующего ареала, окаймляющего говоры Брестщины⁵⁶, и свидетельствует о позднейшем отвердении группы [d'] сравнительно с [л'] перед гласными переднего ряда⁵⁷.

Ареалы [die] и [л'і], [л'е] частично взаимно перекрещиваются; в районах совмещения обоих ареалов распространены сочетания [die], [л'іe], например в с. Немовичах: *ди'ед* — *дэдóк*, *ди'еўка* — *деўк'і*, но *л'іес* — *л'есóк*, *л'іезти* — *пол'езáй*, *кал'іна* — *кол'іе-но* и т. д.⁵⁸

В говорах, сохраняющих [л'] перед *i*, *e*, отмечено сочетание [л'іe]: *у сел'іе*, *ліес*, *ліето* — *ліпа*, *ліхо*, *леўшúн*.

Иногда [л'] акустически настолько близок к [л'], что при отсутствии оппозиции [л'] : [л'] перед гласными переднего ряда лишь сопоставление с [л'і] других говоров либо с [л'і] в русской речи дает возможность определить характер сочетаний: *л'іес*, *л'іеб*, *л'іеў*, *нал'іево*, *кол'іено*, *пол'іено* — *ліхо*, *ліпа*, *л'екáје* при *б'ед*, *т'ен'* и т. д. (с. Каменка Олевского района Житомирской обл.). В говорах с [ли], [ле] перед ударенными рефлексами *ě* выступает

⁵⁵ Ср. ДАБМ, комментарии, стр. 326, 328, 474—476.

⁵⁶ Ср. ДАБМ, карты № 48, 56; W. Kuraszkie wicz. *Ukrainśka dyspalatalizacja...*, стр. 34.

⁵⁷ Z. Ossowski. *Zagadnienie językowe Polesia*. В кн. «Pierwszy zjazd sprawozdawczonaukowy, poświęcony ziemiom wschodnim w Warszawie». Warszawa, 1936, стр. 9 и сл.

⁵⁸ То же в подляских говорах, соседних с брестскими (см. М. Кондратиук. *Указ. соч.*, стр. 341—342).

[л]: ^ехл^ей, хл^еб, л^ес, при л^іпа, л^іхо (с. Тынное Сарненского района Ровенской обл.).

Приведенные факты свидетельствуют о существовании определенной связи между характером сочетаний *dě*, *lě* и сочетаний *di*, *de*, *li*, *le*. Так как в полесских и частично в волинско-полесских говорах оппозиция /*ě*/ : /*e*/ в безударном положении нейтрализовалась в /*e*/ с закономерным для системы говора качеством согласного перед [e], можно предположить, что развитие [d^іe], [л^іe] в говорах с сочетаниями [de], [le] является результатом аналогии к последним, т. е., очевидно, прежде всего к позициям с безударным *ě*. Происходит выравнивание качества согласных перед ударным и безударным *ě*. Однако отсутствие подобных фактов в большинстве говоров с [de], [le] и локализация их на сравнительно небольшой территории западной части правобережно-полесского ареала заставляет искать причины действия названной аналогии.

Объяснение этого явления, достаточно своеобразного для восточнославянских диалектов, видимо, следует искать, сопоставляя сочетания *dě* в ударных и безударных позициях в соседних с правобережнополесской диалектных группах, с которыми западные правобережнополесские говоры находились в контактах. Соответственно с противопоставлением ареалов твердости — мягкости согласных перед рефлексами *ě* в ударной и безударной позиции можно выделить следующие группы сочетаний *dě* — *dě* в Правобережном Полесье и соседних с ним диалектах, указанные в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

Говоры	Рефлексы <i>ě</i> с предшествующими согласными		
	ударная позиция	безударная позиция	Примеры
Украинские правобережнополесские (центральная часть)	d ^і e	de	d ^і ed — деди
Сарненская группа	d ^і e	de	ди ^і ед — деди
Белорусские правобережнополесские	d ^і e	d ^e	дз ^і ед — дз ^і еді
Волинско-полесские (в том числе брестские)	d ^і i	di, di ^e	d ^і id — ліді, ди ^e ді
Волинские и другие южные	d ^і i	d ^і i	d ^і id — d ^і idі

Из указанных в таблице выделяются три группы с идентичными (относительно твердости — мягкости) согласными перед ударными и безударными рефлексами *ě*: сарненская, белорусско-полесская и волинская (южноукраинская). Лингвогеографическое сопоставление их ареалов показывает, что сарненская группа поч-

ти соприкасается на юго-западе и на северо-востоке соответственно с волынским и белорусским ареалами (в данном случае к белорусскому типу относим ареал [d'i], [d'e], распространившийся на северо-восточных окраинах Ровенщины и на северо-западе Житомирщины). Образованию сочетаний [die] по аналогии с [de] (<dě) могло способствовать двустороннее влияние этих диалектных групп, в особенности воынской, воздействие которой проявляется и в некоторых других особенностях, как, например, в распространении в западной части Правобережного Полесья протетического [г] ⁵⁹ (*горáти, Гóл'ка, Гандри́й, гóзеро* — с. Немовичи Сарненского района Ровенской обл.).

Взаимодействие говоров, имеющих соотношение [d'ie] — [de], с говорами, характеризующимися соотношением [d'i] — [d'i] или [d'ie] — [d'e], способствовало распространению принципа неразличения согласных перед ударными и безударными рефлексами и в тех говорах, где это различие сохранялось. Более активной, таким образом, оказалась тенденция к выравниванию фонемной структуры морфем, однако в связи с закономерными для этих говоров диспалатализованными сочетаниями [de] выравнивание происходило путем отвердения [d'] перед ударными рефлексами *ě* по аналогии с [d] перед безударными соответствиями *ě*.

В Подлясье сочетания [die], [d'ie], [di], [di] также развились на рубеже говоров с диспалатализацией и с палатализацией [d] перед *i, e* ⁶⁰. Это подтверждает предположение о возникновении этих сочетаний в результате выравнивания с безударными позициями в условиях контактов с ареалом палатализации [d] перед [ě] независимо от ударения.

В отдельных случаях наблюдается расщепление [d'] > [d] перед рефлексами ударных *ě, e* (t') (как переходный этап отвердения): *д'јед, дјед, д'јéўка, д'јети, дјéти, д'јéжка, т'јéло, т'јéсто, седјéт', ходјéм, сјéно, л'јéс, хл'јéб, л'јéзти, хл'јéў, обручјé, ножјé, ковал'јé, сподниц'јé* (с. Сарны) ⁶¹.

⁵⁹ Я. В. Захреська. Явище протези в західних говорах української мови. «Дослідження і матеріали з української мови», т. IV, Київ, 1961, карта 2.

⁶⁰ W. Kuraszkiiewicz. *Ukraińska dyspatalizacja...*, карта; М. Кондратиук. Указ. соч., карта на стр. 343.

⁶¹ В связи с расщеплением в этом говоре лабиализованных неоднородных гласных [æ] < [yе] может возникнуть предположение о консонантизации начального элемента [iэ] > [jэ] через стадию [iэ]. В таком случае [je] должно было бы последовательно сохраняться во флексиях после мягкого согласного основы (т. е. должны были бы существовать формы типа на земл'јé, на стерињé, немá земл'јé подобно существующим в говоре формам на вербјé, на травјé при пјеч, вјéник и т. д.). Однако во всех формах существительных основой на мягкий зубной согласный в парадигме ед. ч. заметно выравнивание основ, т. е. сохранение их мягкости: на стери'јé, на земл'е при л'јес, снјег. Это в данном случае свидетельствует о «консонантном» происхождении [j]. Кроме того, если допустить развитие [je] < [iэ], останутся неясными причины отвердения [d'] перед [je].

Помимо рассмотренных ареалов специфическими правобережно-полесскими являются ареалы реализаторов фонемы /i^и/ (<i, ы). В отличие от других украинских диалектов, в том числе и полесских (украинских и белорусских), для правобережно-полесских говоров характерна фонема /i^и/, которая реализуется в звуке [i^и] — переднего ряда высокого подъема или [и^и] — переднего ряда, высокого, чуть пониженного подъема⁶² (оба варианта не смягчают предшествующих согласных). Дистрибуция /i^и/ не ограничивается ударением или соседством твердых — мягких согласных, хотя качество предыдущей согласной влияет на звуковую реализацию /i^и/: вариантом после мягких согласных выступает звук [i].

Ареал /i^и/ примерно совпадает с территорией распространения /ie/ (в Правобережном Полесье), однако в этих пределах территориальное распределение звуковых реализаторов /i^и/ зависит от позиции.

После переднеязычных для северных районов Правобережного Полесья в говорах, не смягчающих [d] перед *i*, чаще отмечен звук /i^и/: *дiм*, *дiк'i*, *дiтiна*, *тiн*, *тiхо*, *нiтка*, *нiва*, *сiр*, *кбзи*; чем ближе к южным окраинам ареала, тем последовательнее наблюдается [и]: *дихаје*, *дикун*, *ти*, *тихо*, *пани*, *сич*, *морбзи*. В крайних северных районах, где распространено смягчение [d] перед *i* под влиянием соседних белорусских говоров, звуки [и^и], [и] выступают соответственно *ы*: на месте *i* после смягченных согласных позиционным вариантом является [i]. Различительная функция принадлежит согласным — *ти*: *т'iхо*; *сiн*: *с'ин'i*; *дiм*: *д'ик'i*; *кбзи*: *з'имá* (север Чернобыльского района Киевской обл., северо-запад Овручского и север Олевского районов Житомирской обл., большая часть Рокитновского и Дубровицкого районов Ровенской обл.). В отдельных говорах на рубеже ареалов [d'i] и [di] наблюдаются сочетания [d'i] (<di): *с'ин'i*, *с'ила*, *нiтка* (Лелев Чернобыльского района Киевской обл.).

В говорах с отвердением [d] перед *i* звук [и] как позиционный вариант /i^и/ выступает в некоторых флексиях в результате морфологических процессов: *немá* *п'тесн'i*, *на тую* *в'ишн'i*.

После шипящих — [и^и] преимущественно в северных районах, [и] — в южных, хотя четкую закономерность установить трудно:

⁶² J. Ziłyński. *Opis fonetyczny języka ukraińskiego*. Kraków, 1932, стр. 15.

жывіот, *жівіот*, *шiт*^и, *шiт*^и, *шупшiна*, *чiтiт*^и. В некоторых говорах, близких к белорусскому ареалу, спорадически наблюдается частичное смягчение [ч], [ш] перед *i* — архаизм, задержанный, возможно, междиалектными контактами: *ч'iсто*, *ч'iтiт*^и, *шiрбк'i* (Чистоголовка Чернобыльского района Киевской обл.).

После [ц] в говорах с диспалатализацией *ц'* — последовательно [и]: *циган*, *циркiн*, *хлiнци*, *цикат*^и; с приближением к ареалу [ц'] учащаются сочетания [цi], [ц'i] (*хлiнци*, *сподниц'i*).

После губных наиболее типичной реализацией /i/ является [i] с незначительным смягчением [v]: *б'it*^и, *п'it*^и, *б'ik*, *п'itiт*^и, *в'it*^и, *в'i*, *м'it*^и, *м'ило*, *м'i*^и⁶³, хотя бывают случаи отвердения губных: *bit*^и, *mit*^и, *мiло*. Сочетания губных с [i] заходят южнее других сочетаний с [i]; чем ближе к южным окраинам ареала, тем заметнее расширение [i] > [и]: *ви*, *вилк'i*, *миша*, *пилi*, *била*. На северной границе правобережнополесского ареала распространены сочетания [v'i] < *vi*, *vy*: *в'i*, *м'i*, *м'ило*, *м'или*, *м'it*^и, *б'it*^и, *б'ik*, *м'иша*, *п'ил*, которые частично заходят и на территорию белорусского Полесья⁶⁴.

После [р] реализация /i/ подобна позициям после [v]: на северных окраинах — [p'i]: *p'is*, *тр'i*, *p'iba*, *кр'иша*, *кр'иса*, с удалением на юг — постепенное расширение [i] > [i] > [и]: *гр'иб*, *p'iba*; *pis*, *гpри*, *pit*^и; *рис*, *три*, *рикiе*.

После [л], [л'] для большей части ареала характерно [и]: *липа*, *лихо*, *лиси*, *воли*; *лицiе*, *коли*, *стол'i*, *м'ил'iе*. Своеобразную особенность представляет микроареал в западной части Правобережного Полесья. Как уже говорилось, сочетания [л'i] здесь заходят далее на юг, чем [d'i], т. е. существуют говоры с [di], [л'i]. В таких говорах (часть Сарненского и Рокитновского районов на Ровенщине) в соответствии с неразличением *ti* — *ty* не различаются сочетания *ли*, *лы*, которые, в связи с мягкостью [л'] перед *i* реализуются в [л'i] < *ли*, [л'i] < *лы*: *л'ихо*, *л'ист* — *постол'i*, *стол'i*, *вол'i* (имен. пад. мн. числа), *б'ел'iе*, *м'ил'iе*, *б'ел'ix*, *м'ил'ix* (Сновидовичи, Томашгород, Ельно Рокитновского района, Сарны, Немовичи Сарненского района). В го-

⁶³ Определить характер сочетаний [v'i] помогает сопоставление с русскими [v'i].

⁶⁴ См. Н. Т. Вацаревич. Аб рэалізацыі ненаціскага гукa ч у беларускіх гаворках. «Працы Інстытута мовазнаўства ІАН БССР», вып. VII. Мінск, 1960, стр. 118.

ворах с различием [d'i]: [ди] соответственно [l'i]: [ли] (*л'ист:*
лиси; кол'і: м'ілије).

После заднеязычных, как и в других полесских говорах, выступает чаще всего [i] со смягчением предыдущего согласного: *р'у¹к'і,*
пастух'і, к'ісли, х'ітри, нбг'і.

Артикуляционно-акустические признаки /i/ ^и свидетельствуют прежде всего о тенденции к сохранению в правобережнополесских говорах старого *i*, что характерно и для соседнего белорусского ареала, однако на украинском Полесье, в отличие от белорусского, согласные перед *i* в большинстве случаев отвердели. Кроме того, возникновение /i/ < ^и *ы* в Правобережном Полесье дает основание предполагать здесь несколько иной, по сравнению с другими украинскими говорами, путь формирования фонемы — заместителя *ы, i*. Если для большинства украинских говоров решающими в звуковом совпадении *ы* и *i*, т. е. сочетаний *ti, ty*, были артикуляционные изменения старого *i*, структурно связанные с диспалатализацией согласных ⁶⁵, то в правобережнополесских говорах общеукраинский процесс слияния *ы, i* выразился в артикуляционном сближении *ы* с *i* при определенной стойкости звукового ряда *i*. Если допустить, что в северных украинских говорах отверждение согласных перед *i, e* могло развиваться несколько позже, чем в других украинских диалектах (учитывая некоторые общие тенденции в развитии полесских украинских и белорусских говоров), то можно предполагать, что общеукраинский процесс ликвидации различия *ti: ty* мог распространяться в Правобережном Полесье при условии сохранения некоторыми согласными смягчения перед *i* (возрастающего с приближением к белорусскому ареалу).

Распространение неразличия *ti — ty* в говорах, сохранявших [v'], [p'], [š'] либо развивших под белорусским влиянием [v'], [p'], [l'] перед *i*, способствовало возникновению специфических сочетаний [v'i], [vi] < *vy*, [p'i], [pi] < *py*, [l'i] < *ly*. Микроареалы [v'i] известны и в некоторых других районах, в частности на украинско-белорусском пограничье Черниговщины и Сумщины ⁶⁶, они также объясняются распространением общеукраинской закономерности в говорах, где в условиях междиалектных контактов существовали сочетания [v'i] < *vi*.

Возможно, что замедленная диспалатализация некоторых согласных в правобережнополесских говорах была тесно связана с характером полесского *i*, с отсутствием тенденции к его пониже-

⁶⁵ А. Крымский. Украинские диалекты, т. I, вып. 2. Киев, 1908, стр. 208б — 209а, Е. Ф. Карский. К вопросу об отвердении (неумягчительности) звуков *e* и *i* в малорусском наречии. Киев, 1904, стр. 4; О. Шахматов, А. Крымский. Нариси в історіі української мови. Київ, 1924, стр. 65.

⁶⁶ См. П. Попов. Указ. соч., стр. 3.

нию и расширению, в чем можно видеть одно из общих украинско-белорусских полесских проявлений. Предположительно стойкость звукового ряда *i* могла поддерживаться отсутствием /i/ < ě, tot, tet⁶⁷ — структурная связь, сохранившаяся в украинских правобережнополесских говорах по причине их архаичности и стабильности.

Рассмотренные ареалы составляют специфику Правобережного Полесья в области вокализма. Остальные группы соотносительных в ударной — безударной позициях фонем отражают более общие закономерности.

Соотношение /á/ — /e/ этимологически восходит к *e*, 'а в ударной и безударной позициях. Зависимая от ударения рефлексация *e* — характерная черта правобережных и левобережных полесских говоров: св'áто — свети, м'ясо — месоj'ед, кн'аз' — кнежи, чел'áдник — чéл''ед', рад — реди, п'ят' — пети, дес'á-ти — десетина, гл'áну — глед'iet'', колб'ез' — колод'áжни, зерн'áтко — зérнето, кол'áдка — кóл''еди и т. д. Как и рефлексы ě, соответствия *e* в полесских говорах отражают старые различия ě : e, *e* : e, которые в соответствии с системой диалектов — предков полесских говоров (в связи с дифференцирующей в отношении гласных среднего подъема ролью ударения) на определенном этапе были ограничены ударной позицией.

В известной связи с рефлексацией *e* находится характерная для правобережно- и левобережнополесских говоров зависимость от ударения сочетаний [já] — [jel] (<ja): як — jek'í, jáйца — jéйцé, jáдра — jéдрó, jáшни — jечm'ен', jaz' — jез'ie, jáрма — jермó, jáлоўка — jелоўник. По данным атласа, территория соотношений [já] — [jel] уже, по сравнению с [t'á] — [te] (<te), и на южной окраине ареала окаймляется полосой [já] — [ji]: jáйц'а — jéйцé⁶⁸. В западных районах Правобережного Полесья соответствие ареалов [t'á] — [te] (<te) и [já] — [jel, ji] (<ja) нарушено. Однако и в центральной части правобережнополесского ареала [e] < *e* отмечено последовательное по сравнению с [jel] < ja, лишь на южных окраинах наблюдаются отклонения [i] < *e* (колод'iz')⁶⁹; сочетания [jel, ji] < ja часто выступают параллельно с [ja], [ja]: jéйцé — jaйцé, jek'í — jak'í. Предположительно соотношение

⁶⁷ На структурную связь рефлексации ě и i неоднократно указывали (см. П. Ж и т е ц к и ђ. Очерк звуковой истории малорусского наречия. Киев, 1876, стр. 125; М. Ф. Н а к о н е ч н ы ђ. До вивчення процесу становлення ђ розвитку ф'онетичної системи української мови. В сб. «Питання історичного розвитку української мови». Харків; 1962, стр. 137—138; О. П. Б е з п а л ь к о и др. Історична граматика..., стр. 162; Ф. Т. Ж и л к о. Голосні неоднорідного] творення..., стр. 19; он же. Фонологічні особливості..., стр. 17—18).

⁶⁸ П. Г л а д к и ђ. Говірка с. Блиставиці..., стр. 101.

⁶⁹ Там же.

[ja] — [je] (<ja) возникло в результате распространения различения рефлексов *e* в зависимости от ударения на позиции с этимологическим корневым 'а (ja), т. е. по аналогии с безударным рефлексом *e* звук ['a] (<'a, ja) > ['e']⁷⁰.

Диспалатализация перед [e], с одной стороны, усиливает различие морфем с корневым рефлексом *e* (различаются гласный и согласный элементы [t'á] — [te]), с другой стороны, в морфемах с соответствиями ja ([já] — [je]) оставляет различительным лишь гласный. В связи с этим тенденция к единству фонемной структуры морфем могла более интенсивно проявиться в выравнивании сочетаний [já] — [je], и между структурами с рефлексами *e* и структурами с соответствиями ja возник определенный разрыв. Этим, возможно, объясняется несовпадение ареалов [t'á] — [te] и [já] — [je] в некоторых районах Полесья, а также частый параллелизм безударных [je], [ja]. Нужно учесть также и лучшие фонетические условия для [je] > [ji], по сравнению с [te] > [t'i].

Выравнивание сочетаний [t'á] — [te] также наблюдается в особенности в тех случаях, когда диспалатализация охватила позиции перед [a]: *градка* — *гредá* > *градá*; *рад* — *редí* > *радí*. В членах парадигм с подвижным ударением возможны изменения [te] > [t'a] по аналогии к другим словоформам в связи с выравниванием основ членов парадигмы: *т'агти*, *т'агнý* (ср. *т'агне*, *т'агнеш...*), *д'ад'к'í* (*д'ад'ко*, *д'ад'ку...*).

Таким образом, в правобережно- и левобережнополесских говорах этимологическая основа /e/ весьма расширена именно в безударной позиции в связи с зависимой от ударения рефлексацией ряда гласных среднего подъема. Дистрибуция /e/ ограничена диспалатализацией согласных (кроме безударных [je]); в говорах, развивших под влиянием соседних белорусских сочетания [t'e], реализаторы /e/, напротив, отмечаются лишь после мягких согласных (за исключением позиций типа *oble* *oble*, *те* *dim'a*).

Соотношения [t'á] — [te], [já] — [je], [ji] в известной мере ограничивают дистрибуцию фонемы /a/, которая, независимо от ударения сочетаясь с твердыми согласными, в позициях после мягких согласных выступает преимущественно под ударением. Сфера безударного ['a] ограничена флексиями, заимствованиями и позициями, подвергшимися аналогическому выравниванию.

⁷⁰ Возможно, соотношению [já] — [je] в известной мере способствовало частое сохранение в правобережно- и левобережнополесских говорах сочетаний [je] < je в начале слова

(*Jeубба*, *Jeрема*, *Jeутух*, *Jeлина*), изменившихся в [ja], [jo] во многих других диалектах. По аналогии к исконному [je], а также к [je] < ja безударный [e] sporadически возникает и на месте [i] в начале слова, если перед ним развился протетический [j]: *jeбна* 'шкоча', *jeндик* 'индюк', *jeржа* (укр. 'іржа'), *jeржедт*⁷¹ 'ржать'. Материалы атласа отмечают такие структуры во многих правобережнополесских говорах.

Соотношения /á/ — /a/ (после твердых согласных), /ó/ — /o/, /ý/ — /y/ в правобережнополесских говорах не имеют специфических особенностей и отражают более архаическое состояние, не подвергшееся влиянию инноваций. Так, для Правобережного Полесья в целом не характерно нарушение оппозиций безударных /o/: /y/ (уканье) и /o/: /a/ (аканье), например *дошит¹* : *душит¹*; *істоі'іт^к* : *істун'іт^к*; *соч'іт^к* : *суч'іт^к*; *раді* : *роди* : *руді*; *воли* : *вали*; *сомá* : *самá*; *коті* : *кати*; *доју* : *дају*. Несистематические изменения [o] > [ó] наблюдаются лишь в западной части правобережнополесского ареала в определенных позиционных условиях (в соседстве с губными или [j]): *пошóй*, *побráй*, *ројчáк*, *вонá*, *сповáк*, *бот'в'ін'н'е* (с. Копище Олевского района Житомирской обл.). Аканье заходит на Правобережное Полесье лишь в крайней северо-восточной оконечности ареала ⁷¹, в целом в исследуемых говорах оно встречается лексикализованно, в отдельных структурах (*батв'іна*, *матов'іло*, *начóйк'і* ⁷²).

Что касается дистрибуции указанных фонем, то, помимо /a/, ограничения соседством мягких согласных имеет фонема /o/. Независимо от ударения сфера функционирования [o] ограничена флексиями (формы типа *кон'ом*, *земл'оју* и *конém*, *земл'еју* употребляются параллельно с преимуществом последних; безударные флексии -*оју*, изредка -*ом* более распространены в западной части ареала: *долбн'оју*, *в'ішн'оју*, редко — *колбдез'ом*), а также заимствованиями и прочими случаями несистематического характера. Лишь на северных окраинах ареала под влиянием соседних белорусских говоров спорадически встречается [ó] < [é] (*з'ел'óни*, *с'бл. оз'óбра*).

Указанные особенности украинского правобережного вокализма с учетом дистрибуции фонем и этимологических связей изложены в табл. 2.

Завершая характеристику специфики украинского правобережнополесского вокализма, следует также отметить, что, несмотря на общеполесский (украинско-белорусский) характер многих важнейших явлений, в Правобережном Полесье развились локальные ареалы, выделяющие его, даже на основе лишь вокальных черт, в самостоятельную единицу среди полесских и других украинских говоров. Сопоставляя эти ареалы с соседни-

⁷¹ Об этом подробнее см. Т. В. Назарова. Аканья в говорах Нижньої Прип'яті. «Діалектологічний бюлетень», вип. IX. Київ, 1962. Здесь не рассматриваем случае перехода безударного [a] > [o], связанного с взаимопроникновением аканья и оканья.

⁷² Структуры *хал'ба*, *качáн*, *багáти*, *манастір*, *хам'іт* свойственны и другим украинским диалектам.

Общеславянские соответствия	Фонемы	Звуковая реализация		Примеры
		после t	после t'	
Ударный вокализм				
i, ы	и i	и i i, и	'i	и <u>й</u> <u>і</u> <u>і</u> дім, дік'і, тихо, ти, в'і, р'іба, х'ітр'і
ě, t[e]t'	ie	<u>и</u> е, <u>и</u> е	'ie	д <u>и</u> ед, р <u>и</u> едко, л'і <u>е</u> с, с'і <u>е</u> но, п <u>и</u> ешк'і
е, ь	е	е	—	и ідé, Тéкл'а, метé, несé, верх, рéд'ка
а, ę	а	а	'а	бáт'ко, дат'³, рад, д'áл'ко, т'áгно, јáдра
о, ъ	о	о	'о **	дóл'а, стóл'а, вóл'а, кон'óм
t[o]t', t[e]t	yo*	<u>yo</u>	'yo	ст <u>yo</u> л, к <u>yo</u> н', ж <u>yo</u> нка
	ye	<u>ye</u>	'ye	ст <u>ye</u> л, к <u>ye</u> н', ж <u>ye</u> нка
	yi	<u>yi</u>	'yi	ст <u>yi</u> л, к <u>yi</u> н', ж <u>yi</u> нка
у, ґ	у	у	'у	дух, т <u>у</u> ча, в <u>у</u> лица, л'у <u>д</u> и, п <u>у</u>
Безударный вокализм				
i, ы	и i	и i i, и	i	и <u>і</u> <u>й</u> <u>і</u> <u>і</u> гóді, диміт, стóлик, щипл'á, сін'і, житн'і, л'і <u>е</u> тн'і
е, ь, ę, ě, ja	е	е	(j)e	тел'á, нес <u>у</u> , ведрó, бедá, пáмет', јелина, јейцé
а, ę		а	'а **	бат'к'і, ради, с'абри
о, ъ	о	о	'о **	стог'і, коровáĳ, долóн'о <u>у</u> , сон
у, о	у	у	'у	душá, курчá, л'ушн'á, зáмуж

* Варианты неоднородных гласных, связанные с различной интенсивностью артикуляции, не приводятся.

** Реализация ограничена флексиями и случаями несистематического употребления.

ми белорусскими, можно заметить, что некоторые из них сформировались в результате тесных контактов и общих тенденций в развитии полесских говоров украинского и белорусского Правобережья. Такими являются ареалы, продолжающиеся на Белорусском Полесье, например ареалы сочетаний [риe], [šie], возникшие в результате диспалатализации согласных ⁷³.

⁷³ Подобный более широкий ареал, охватывающий и белорусские и украинские полесские (в том числе и левобережные) говоры, образует диспалатализация [ц'].

Для некоторых замкнутых украинских правобережнополесских ареалов в качестве подосновы также усматриваются тенденции, общие для диалектов — предков полесских (украинских и белорусских) говоров. Так, предполагаем, что подосновой для возникновения фонемы /i/, отличной в артикуляционно-акустическом отношении от фонемы — заместителя *i*, *ы* в других украинских говорах, была характерная и для белорусских говоров тенденция к сохранению в Полесье давнего *i* и смягчения (полумягкости или, вблизи современных белорусских ареалов, мягкости) некоторых предшествующих согласных. При этих условиях развитие общеукраинского неразличения *ti* — *ty* в украинском Правобережном Полесье способствовало возникновению специфически правобережнополесских сочетаний с /i/.

Эти факты можно рассматривать как одно из свидетельств существования в древности большего диалектного единства украинского и белорусского Полесья, выражавшегося в большем количестве общих ареалов (в данном случае — вокальных и частично консонантных) сравнительно с современным состоянием. Дифференциация украинских и белорусских процессов в области вокализма и прежде всего развитие общеукраинского неразличения *ti* — *ty* и белорусского различия [t'i] : [ty], связанного с палатализацией согласных перед гласными переднего ряда, способствовали самостоятельному развитию некоторых явлений при сохранении многих общих ареалов. Эти предварительные выводы тем более нуждаются в подтверждении анализом материала на других уровнях ⁷⁴, что именно Правобережное Полесье представляется одним из наиболее стабильных в лингво-этническом отношении районов, изоглоссы которого могут отражать чрезвычайно древние диалектные отношения.

Интересно также развитие некоторых инноваций в западной окраине правобережнополесского ареала, что, очевидно, отражает контакты с говорами южной группы, распространившимися и в Волынском Полесье. Следует отметить общность некоторых явлений (например, диспалатализация [d] перед *ě*,

⁷⁴ Так, например, в своеобразной зависимости от фонетических процессов (образования сочетаний [t'i] — [ti] < *i* находится оформление некоторых грамматических категорий, в частности инфинитива в Правобережном Полесье. Развитие территориально противопоставленных соответствий *ti* — сочетаний [t'i] (белорусские говоры) — [ti] (украинские говоры) вызвало противопоставление инфинитивов на -t'i : -t'i (копáт'и : копáт'и). Распространение известной многим восточнославянским диалектам тенденции к сокращению инфинитивного суффикса привело к преобразованию этих фонетически противопоставленных форм (копáт'и : копáт'и > копáт' : копáт'), что подтверждается совпадением изоглосс [t'i] : [ti] и копáт' : копáт' в Правобережном Полесье. Подробнее см. Т. В. Назарова. Инфинитивы на -т у середньополіських говорах. В сб. «Питання граматики і лексикології української мови». Київ, 1963.

é (t') для западных районов Правобережного Полесья и окраин брестского ареала, где также взаимодействовали говоры полесского и южного типа).

ОБРАЗЦЫ ПРАВОБЕРЕЖНОПОЛЕССКОЙ ДИАЛЕКТНОЙ РЕЧИ

сперва́ худáмент кладéце / тод'íе пудвáлини / потуом арцаб'í
ставет / тод'íе ошч'эп'íни / на ошч'эп'íни кладу́цце трамк'í / ста-
но́вецце крòкв'í // пот'у́ом прилáтујеце лáтам'í // до трамк'у́бу при-
б'íвáјеце корòбочка / шоб не булò просв'íетоу // зак'íдáјуце ст'íен-
к'í / мох кладу́т мéжду дòсок шчоб тепл'íе // лугк'í на óкна /
ра́ма стау́л'ејут // поvéрх трамкá накривáјут стóлу / тод'íе оп-
шал'óвујут лугк'í / о́коници рòбет / усерéдин'í шчекоту́рет // двé-
ри зашчéпл'ујуце зашчепкоју / колис були í зáре шче је ў когò
закрутк'í / а то кл'áмк'í // хáту кријут хто чим мòже / солóмоју //
шхвером / череп'и́цоју / очерéтом / гóнтоју / дранéју // п'íеч рò-
бет / у печ'íе је зáслонка / печу́орка / чéл'уст'а / чер'íен / кучка //
ју́шка затикáт кóм'íна / а колис булò зáткало // трéба загрéбти з
пéчи жар / пóпел в'íгребат трéба / да трéба нак'íдат дрòва // це
ўже јак п'íеч íзрòбет / то хáта готòва //

(Записано в 1962 г. в с. Бобер Полесского района Киевской обл. от Грищенко Марии Хоминичны, 1907 г. рождения, малограмотной).

Отрывок из сказки

булò два брáти / багáти í б'íедни // багáти живé до не знáје /
шо јогò íзјéсти / шо јогò íспít / а у б'íедного кускá хл'íеба не-
мáје / а д'íети рòдеце / з гóлоду стáли ўже д'íети ум'íрát // вуон
пошóу до багáтого брáта í кáже / позич мен'íе / брáте / хл'íеба /
бо д'íети ум'íрáјут // а багáти кáже / ја тоб'íе не позичу / а јак в'í-
колиш однé óко / дак дам чвэртку хл'íеба // б'íедни в'íколоу со-
б'íе дне óко // и тої даў јому хл'íеба //

(Записано в 1962 г. в с. Мартыновичи Полесского района Киевской обл. от Самойленко Евдокии Александровны, 1900 г. рождения, малограмотной).

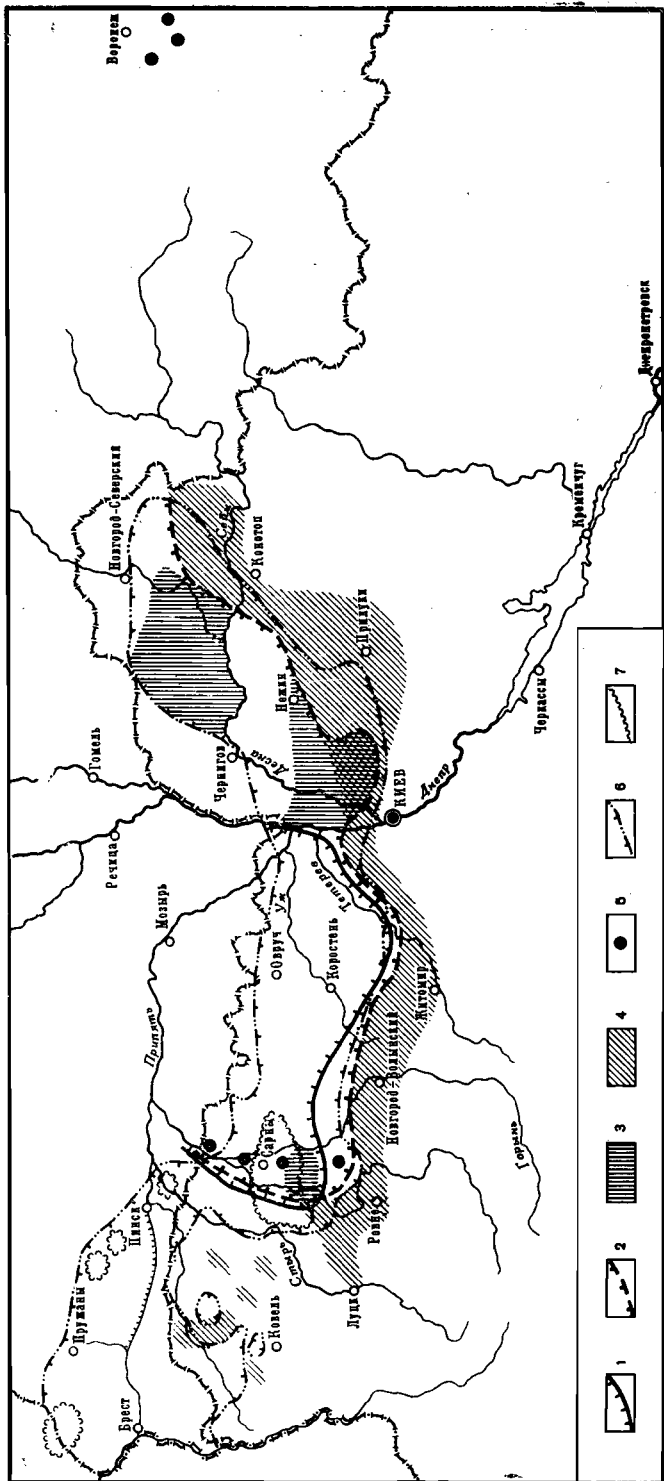

Рис. 1. Основные изоглоссы украинского правобережнополюского вокализма

1 — $\bar{I} < i, y;$ 2 — рефлекс tot^c , tet , противопоставленные /и, /и/; 3 — $[y]k, [y]elt < tot^c, tet;$ кун', кун'; 4 — $[u]r < tot^c, tet;$ кун', кун'; 5 — $[w]k, [w]elt, [w]olt < tot^c, tet;$ квен', квен', квен'; 6 — $[d] < tot^c, tet;$ дед', дед'; 7 — $[d] < tot^c, tet;$ дед', дед'; 8 — $[l] < tot^c, tet;$ лед', лед'; 9 — $[l] < tot^c, tet;$ лед', лед'.

ја вам раскажу́ / јак хл'еб печу́т' / ул'іла́ води́ / розмешала́
ў дежци́ з мукóју́ / за нoч ук'ісло / јак сухá дежка // урáнци налі-
ла́ води́ і замесіла́ / шoб л'еп'іт' у рука́х / а тоди в'іробл'ájem бó-
хона та ў печ //

ка́жут' / с'ої́ бұз'ко с чoлoвика́ пошóу // булó три брáти / јім
даў бoг — oднoму́ дну́ рoбóту / другóму — дру́гу / а трéт'oму
даў шoб вуж'и́ / йашчeрк'і́ / жаб'і́ / черeпáх'і́ да ў мешóк позб'і-
раў // шoб не булó с'о́йе пáкoсти // бoг с'oму́ дајé мешкá // на /
да занeси́ / шoб ук'інуў у јáмку да шoб вoнó там задушилoсo //
тої́ н'уoc / н'уoc / а јoму́ інтeресу́је / шo вoнó там је ў мешкú // ја
розјажу́ мешкá да побáчу / нixтó не знáтимe / да пóтим закапáју //
йoму́ бач схoтелoсo // розјазáў — і розбeглoсo те ўce по ўc'oї́
земл'іe // а тоди бoг пoстáв'іў йoгó бұз'кoм / шoб зб'іраў да јіў /
то // јeс' јіх і зáре //

(Записано в 1965 г. в с. Каменка Олевского района Житомир-
ской обл. от Мидловец Василины Никифоровны, 1907 г. рoжде-
ния, малограмотной).

А. С. Соколовская

ОПЫТ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ БЛИЗОСТИ ДИАЛЕКТОВ

(на материале названий одежды и обуви
Припятского Полесья)

Близость диалектов друг к другу в сфере лексики или их различия описываются обычно путем выделения небольшого числа отдельных, чаще всего изолированных лексем. Для каждой лексемы устанавливается ее наличие или отсутствие в конкретной группе говоров, на конкретной территории. Таким же образом определяется и различие в семантике.

Наиболее четко такой метод применяется в лингвогеографических исследованиях, где на каждое слово (от лексемы к семеме или от семемы к лексеме¹) составляется карта и вычерчиваются изоглоссы. Затем производится работа по выявлению возможного пучка изоглосс.

Перед лингвистикой (resp. диалектологией), однако, стоит задача определения лексической (и лексико-семантической) близости не на основе отдельных фактов, а на основе сравнения целых групп лексики обширных семантических полей, насчитывающих в своем составе значительное число лексем. Необходимость такого сравнения очевидна. Оно требует при этом использования статистического метода.

При изучении лексики Полесья были приняты определенные критерии степени лексической близости диалектов внутри полесской диалектной зоны, между лексически достаточно однородными зонами, разнородными зонами и так называемыми «смежными», т. е. зонами некоторого лексического смешения.

Вычисление производилось по трем формулам.

¹ Здесь и в дальнейшем терминам «лексема» и «семема» употребляются в понимании Н. И. Толстого (см. Н. И. Толстой. Из опытов типологии славянского словарного состава. «Вопросы языкознания», 1963, № 1).

Первая формула ²:

$$Q = \frac{ad - bc}{aa + bb},$$

где Q — показатель степени лексической близости говоров A и B ; a — количество лексем, которые есть и в говоре A и в говоре B ; b — количество лексем, которые есть только в говоре A ; c — количество лексем, которые есть только в говоре B ; d — количество лексем, которые отсутствуют в говорах A и B .

Подобным образом устанавливается степень лексической близости говоров попарно. Числовые данные для a, b, c, d получаются из сводной таблицы, которая составляется по следующему принципу:

Лексема	Семема	Населенные пункты		
		А	В	С
X	α	+	+	—
Y	β	—	+	—

Следует отметить, что в эту сводную таблицу включались не все лексеммы, зафиксированные в обследованных пунктах, а только те, которые обозначали реалии, отмеченные на территории всех говоров данной диалектной зоны. В качестве единицы счета принималась лексема, манифестирующая одну семему. На основании вычислений по первой формуле была составлена табл. 1.

Эти данные могут быть представлены на карте (рис. 1).

Вторая формула ³:

$$P = \frac{k + 1}{n + 2},$$

где P — показатель степени лексической близости говоров A и B ; k — количество лексем, общих для говоров A и B ; n — количество реалем, общих для говоров A и B .

В сводную таблицу, из которой брались числовые данные для вычислений по второй формуле, в отличие от сводной таблицы для подсчетов по первой формуле, включались и лексеммы, обозначающие реалии, отмеченные не во всех пунктах обследованной зоны, т. е. учитывалось соотношение лексики и реалей. Но если в первом случае в сводную таблицу включались и абсолютные синонимы, то вычисления по второй формуле предусматривали

² Эта формула была использована Чекановским для определения генетической близости языков на материале фонетики и грамматики (*J. Czekanowski. Wstęp do historii Słowian. Poznań, 1957, стр. 71*).

³ Эту формулу использовал Ю. Тарнацкий для определения степени близости говоров Западного Полесья на материале лексики (*J. Tarnecki. Studia porównawcze nad geografią wyrazów (Polesie — Mazowsze). Warszawa, 1937, стр. 36*).

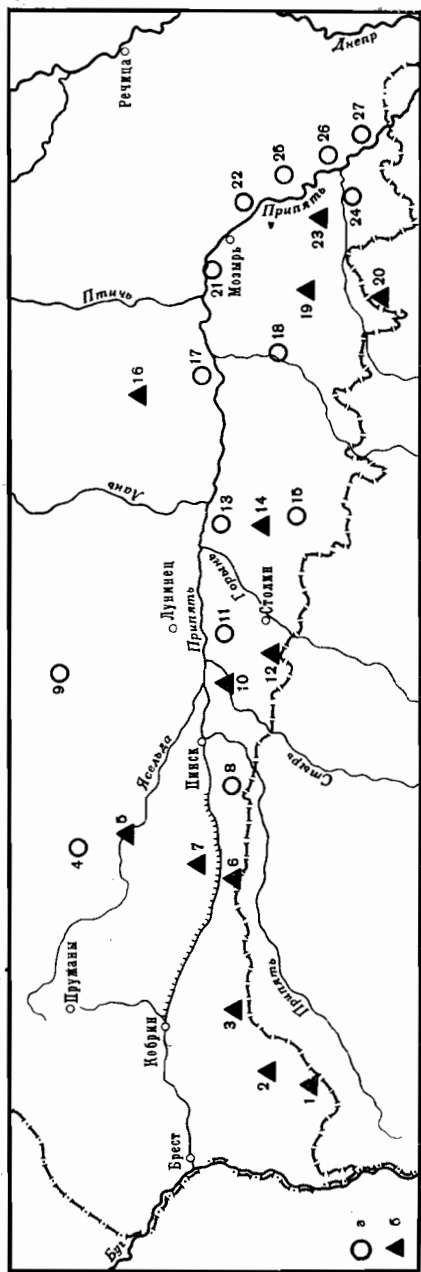

Рис. 1. Степень лексической близости говоров (по формуле Чекановского)

а — с 781 по 720; б — с 719 по 616; 1 — Орехово; 2 — Олтуш; 3 — Луково; 4 — Здитово; 5 — Спорово; 6 — Сварынь; 7 — Заречна; 8 — Одринки; 9 — Велуза; 10 — Лопатки; 11 — Боричевичи; 12 — Городная; 13 — Рубель; 14 — Ольшаны (с 781 по 720); 15 — Велье; 16 — Пуховичи; 17 — Голубица; 18 — Кочиче; 19 — Кочиче; 20 — Зосинцы; 21 — Шестовичи; 22 — Выбики; 23 — Головчицы; 24 — Антонов; 25 — Конотоп; 26 — Дерновицы; 27 — Довляды

Населенные пункты	Бориче- вичи	Конотоп	Голубица	Велута	Шестови- чи	Довляды	Релье	Дернови- чи	Одрижин	Бибичи	Здитово	Рубель	Антонов
Боричевичи		832	852	767	827	769	826	785	900	782	910	950	784
Конотоп	832		900	849	861	934	824	990	786	901	778	761	912
Голубица	852	900		815	895	830	786	802	831	896	839	781	866
Велута	767	849	815		803	840	869	854	762	822	695	871	765
Шестовичи	827	861	895	803		805	787	772	805	852	792	717	820
Довляды	769	934	830	840	805		783	991	773	883	705	702	904
Велье	826	824	786	869	787	783		773	818	749	851	909	716
Дерновичи	785	990	802	854	772	991	773		746	848	740	693	880
Одрижин	900	786	831	762	805	773	818	746		738	883	811	695
Бибичи	782	901	896	822	852	883	749	848	738		756	681	711
Здитово	910	778	839	695	792	705	851	740	883	756		791	695
Рубель	950	761	781	871	717	702	909	693	811	681	791		651
Антонов	784	912	866	765	820	904	716	880	695	711	695	651	
Злодин	752	886	881	816	866	877	746	834	727	941	625	648	935
Городная	811	810	750	867	752	737	852	806	764	759	817	868	716
Ольманы	856	741	702	927	766	680	905	692	799	710	716	901	651
Лопатин	822	807	778	897	815	766	866	815	754	753	719	837	752
Заречка	910	756	852	642	779	719	848	710	863	716	919	788	706
Орехово	791	668	711	718	746	726	817	667	785	683	801	718	626
Пуховичи	795	809	877	778	819	792	736	758	832	880	717	691	840
Кочище	764	843	865	833	833	847	650	848	689	858	581	655	859
Сварынь	816	650	725	787	749	623	782	582	828	637	847	780	657
Головчицы	736	857	796	730	831	872	602	857	677	843	640	636	840
Зосинцы	754	741	795	782	809	780	655	790	751	797	701	682	796
Луково	792	601	590	708	681	590	518	660	726	623	752	708	635
Спорово	817	721	724	731	642	651	826	618	776	666	928	751	586
Олтуш	761	637	600	687	591	627	717	595	613	598	650	712	628

соотношение «реалема — лексема», как 1 : 1, т. е. если было несколько лексем, выражающих одну семему, то бралась только одна лексема, и при этом та, которая была тождественна русской литературной лексеме, исключалась.

В результате подсчетов по второй формуле была составлена табл. 2.

Эти данные могут быть представлены на карте (рис. 2).

Средний показатель степени лексической близости каждого говора ко всем остальным — среднее арифметическое показателей степени лексической близости одного говора к остальным.

На основании подсчетов по первым двум формулам была установлена степень близости говоров друг к другу внутри изучаемой диалектной зоны. Говоры с наибольшим средним показате-

Таблица 1

Злодин	Городная	Ольмана	Лопатин	Заречка	Орехово	Пуховичи	Кочице	Сварынь	Головичи	Зосинцы	Луково	Спорово	Олгуш	Средний показатель степени лексической близости говоров
752	811	856	822	910	791	795	764	816	736	754	792	817	761	781
886	840	741	807	756	668	809	843	650	857	741	601	721	637	773
881	750	702	778	852	711	877	865	725	796	795	590	724	600	766
816	867	927	897	642	718	778	833	787	730	782	708	731	687	763
866	752	766	815	779	746	819	833	749	831	809	681	642	591	756
877	737	680	766	719	726	792	847	628	872	780	590	651	627	749
746	852	905	866	848	817	736	650	782	602	655	518	826	717	749
834	806	692	815	710	667	758	848	582	857	790	660	618	595	745
727	764	799	754	863	785	832	689	828	677	751	726	776	613	742
941	759	710	753	716	683	880	858	637	843	797	623	666	598	740
625	817	716	719	919	801	717	581	847	640	701	752	923	650	735
648	863	901	837	788	718	691	655	780	636	632	708	751	712	729
935	716	651	752	706	626	840	859	657	840	796	635	586	628	727
	645	708	706	692	672	785	857	631	827	778	635	538	580	726
645		831	803	809	660	755	601	742	602	651	681	738	619	721
708	831		893	763	752	631	720	802	655	772	688	626	583	721
706	803	893		671	712	681	735	659	694	721	605	635	531	720
692	809	763	671		775	699	570	876	656	661	787	723	682	719
672	660	752	712	775		640	638	836	696	721	905	667	926	706
785	755	631	681	699	640		765	611	771	698	595	652	474	704
857	601	720	735	570	638	765		566	502	828	566	421	566	698
631	742	802	659	876	836	611	566		556	546	862	750	782	692
827	602	655	694	656	696	771	502	556		827	500	448	495	686
778	651	772	721	661	721	698	828	546	827		496	471	506	685
635	681	638	605	787	905	595	566	862	500	496		681	894	647
538	738	626	635	723	667	652	421	750	448	471	681		621	643
580	619	583	531	682	926	474	566	782	495	506	894	621		616

лем степени лексической близости в данном случае находятся на востоке Припятского Полесья (по Припяти от Петрикова до пересечения Припятью границы БССР с УССР). Это значит, что лексика этих говоров является наиболее общей по отношению ко всем остальным изучаемым говорам. На западе Припятского Полесья находим говоры с наименьшим показателем степени лексической близости, т. е. говоры, лексика которых является более специфической по отношению к лексике остальных изучаемых говоров.

При наличии определенных изменений в системе названий важно знать, как осуществилось перераспределение семем внутри семантического поля⁴. Для этого оно разбивается на пары

⁴ См. Н. И. Толстой. Из опыта типологии славянского словарного состава. «Вопросы языкознания», 1963, № 1, стр. 36.

Населенные пункты	Голубица	Дернови- чи	Конотоп	Бориче- вичи	Довляды	Пуховичи	Бибки	Злодин	Антонов	Спорово	Здитово	Кочище	Шестови- чи
Голубица		731	724	691	731	815	747	727	700	685	645	761	786
Дерновичи	731		920	675	899	731	761	809	800	637	647	743	621
Конотоп	724	920		687	852	713	761	798	802	628	644	765	659
Боричевичи	691	675	687		608	642	654	642	625	725	741	641	696
Довляды	731	899	852	608		700	753	780	773	618	644	742	678
Пуховичи	815	731	713	642	700		591	674	714	670	663	684	685
Бибки	747	761	761	654	753	591		785	833	652	652	755	666
Злодин	727	809	798	642	780	674	785		826	641	596	783	685
Антонов	700	800	802	625	773	714	833	826		604	598	764	678
Спорово	685	637	628	725	618	670	652	641	604		822	655	667
Здитово	645	647	644	741	644	663	652	596	598	822		615	640
Кочище	761	743	765	641	742	684	755	783	764	655	615		704
Шестовичи	786	621	659	696	678	685	666	685	678	667	640	704	
Лопатин	698	631	631	815	614	674	640	613	494	696	685	568	652
Зосинцы	753	733	712	654	674	685	700	720	708	563	581	725	708
Одрижин	641	576	511	711	560	618	580	542	543	745	723	571	655
Головчицы	696	744	730	580	744	666	728	734	798	511	591	728	648
Велье	655	687	700	560	670	685	652	656	629	609	622	625	652
Заречка	624	555	563	695	559	619	574	552	570	691	705	553	579
Городная	607	631	619	642	621	645	595	560	562	644	626	568	582
Сварынь	584	552	559	663	540	581	544	565	557	641	638	545	555
Велута	648	614	631	662	580	659	636	576	590	655	633	552	629
Рубель	625	666	614	629	619	587	568	591	584	580	637	580	618
Ольманы	616	578	561	617	570	622	563	544	558	555	577	529	545
Луково	595	562	600	654	549	563	558	552	506	682	552	524	585
Орехово	531	500	513	658	519	518	506	488	507	622	646	525	580
Олтуш	459	470	470	577	458	442	482	460	506	553	557	476	506

семем, в пределах которых происходит перегруппировка лексем.

Теоретически возможны три основных типа семантической перестройки:

а) перестановка

$$\begin{array}{l} X - \alpha \rightarrow Y - \alpha \\ Y - \beta \quad X - \beta, \end{array}$$

где X, Y — лексемы, α , β — семемы;

б) генерализация:

$$\begin{array}{l} X - \alpha \\ Y - \beta \end{array} \quad X < \alpha \quad \text{или} \quad Y < \beta$$

Таблица 2

Лопатин	Зосинца	Олрижин	Головичи	Велье	Заречка	Городная	Сварьнь	Велуга	Рубель	Ольманы	Луково	Орехово	Олгуш	Средний показатель степени лексической близости говоров
698	753	641	696	655	624	607	584	648	625	616	595	531	459	647
631	733	576	744	687	555	631	552	614	666	578	562	500	470	647
631	712	511	730	700	563	619	559	631	614	561	600	513	470	643
815	654	711	580	560	695	642	663	662	629	617	654	658	577	633
614	674	560	744	670	559	621	540	580	619	570	549	519	458	632
674	685	618	666	685	619	645	581	659	587	622	563	518	442	627
640	700	580	728	652	574	595	544	636	568	563	558	506	482	627
613	720	542	734	656	552	560	565	576	591	544	552	488	460	626
494	708	543	798	629	570	562	557	590	584	558	506	507	506	623
696	563	745	511	609	691	644	641	655	580	555	682	622	553	619
685	581	723	591	622	705	626	638	633	637	577	552	646	557	618
568	725	571	728	625	553	568	545	552	580	529	524	525	476	618
652	708	655	648	652	579	582	555	629	618	545	585	580	506	617
	620	702	618	596	645	677	609	677	645	653	605	585	512	613
620		613	751	633	558	589	522	562	600	555	523	500	467	608
702	613		602	628	747	656	717	634	577	630	686	619	540	605
618	751	602		595	542	533	527	562	550	568	494	440	425	596
596	633	628	595		602	634	571	581	660	674	518	488	480	595
645	558	747	542	602		623	723	620	559	620	654	658	577	591
677	589	656	533	634	623		577	624	630	700	536	524	506	582
609	522	717	527	571	723	577		577	543	630	774	667	655	578
677	562	634	562	581	620	624	577		570	589	548	459	488	576
645	600	577	550	660	559	630	543	570		674	500	494	447	568
653	555	630	568	674	620	700	630	589	674		536	494	459	563
605	523	686	494	518	654	536	774	548	500	536		712	666	563
585	500	619	440	488	658	524	667	459	494	494	712		777	535
512	467	540	425	480	577	506	655	488	447	459	666	777		496

в) внешняя замена:

$$\begin{array}{ccc} X - \alpha & X - \alpha & Z - \alpha \\ Y - \beta & Z - \beta & \text{или} & Y - \beta \end{array}$$

где Z — лексема, перешедшая из другой пары семем⁵.

Остальные типы представляют собой различные комбинации трех основных.

За исходные типы пар семем избираются наиболее частые:

$$\begin{array}{c} X - \alpha \\ Y - \beta \end{array} \text{ и } X < \alpha$$

⁵ Ср. В. В. Мартынов. Проблема славянского этногенеза и методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. «Советское славяноведение», 1965, № 4, стр. 79

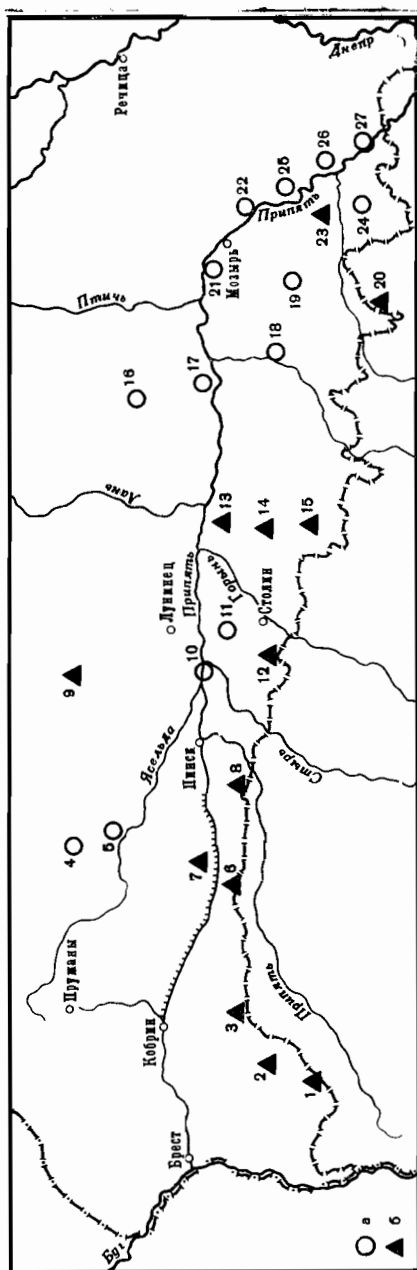

Рис. 2. Степень лексической близости говоров (по формуле Тарнацкого)
 а — с 647 по 613; б — с 612 по 496; список пунктов тот же, что на рис. 1

Семемные пары, в которых одной семеме соответствуют две и более лексемы, и пары с однокоренными лексемами не брались за исходные, так как на основании эмпирических данных они не являются частыми. Исходная семемная пара различным образом изменяется в говорах. Эти изменения могут быть выражены как определенная операция или сочетание операций. Возможные виды операций приведены в табл. 3.

Таблица 3

№ п/п	Виды операций	Примеры операций	Веса операций *
1	Прибытие ** одной однокоренной лексемы	$X - \alpha$ $XX_1 - \alpha$ $Y - \beta$ $Y - \beta$	2
2	Прибытие одной лексемы другого корня	$X - \alpha$ $XZ - \alpha$ $Y - \beta$ $Y - \beta$	3
3	Прибытие двух однокоренных лексем	$X - \alpha$ $XX_1 - \alpha$ $Y - \beta$ $YY_1 - \beta$	4
4	Прибытие двух лексем другого корня	$X - \alpha$ $XZ - \alpha$ $Y - \beta$ $YV - \beta$	5
5	Частичная перестановка . . .	$X - \alpha$ $X - \alpha$ $Y - \beta$ $XY - \beta$	6
6	Полная перестановка	$X - \alpha$ $Y - \alpha$ $Y - \beta$ $X - \beta$	7
7	Выбытие одной лексемы . . .	$X - \alpha$ $X < \alpha$ $Y - \beta$ $Y < \beta$	8
8	Выбытие двух лексем	Данная операция возможна лишь в сочетании с другими операциями	9

* Веса приписываются соответственно сложности операций. Сочетание операций оценивается как сумма весов простых операций. Отсутствию перестройки семантической семемной пары для данного говора приписывается вес 1.

** Понятия «прибытие» и «выбытие» имеют относительный характер.

Число теоретически возможных сочетаний операций равняется 255. Но не все возможные сочетания операций осуществимы в данном случае. Это происходит в силу того, что, например, такие операции, как полная перестановка и выбытие одной лексемы, не могут сочетаться, а выбытие двух лексем реализуется только в сочетании с другими операциями. Поэтому число лингвистически осуществимых сочетаний операций для данного материала значи-

КОЗЫРЬОК $\begin{cases} \alpha & \text{'мужской летний головной убор с козырьком'} \\ \beta & \text{'козырек фуражки'} \end{cases}$

Населенный пункт	Лексемы		Семантические перестройки	Вес семантических перестроек
	Семема α	Семема β		
Одрижин	козырьок	лопáтка	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow \begin{matrix} X - \alpha \\ Y - \beta \end{matrix}$	9
Орехово	"	копéток	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow \begin{matrix} X - \alpha \\ Y - \beta \end{matrix}$	9
Боричевичи	"	кóзыр	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow \begin{matrix} X - \alpha \\ X_1 - \beta \end{matrix}$	8
Заречка	"	козырьнiц'а	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow \begin{matrix} X - \alpha \\ X_1 - \beta \end{matrix}$	8
Луково	"	пазур	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow \begin{matrix} X - \alpha \\ Y - \beta \end{matrix}$	9
Олтуш	"	козырьок копытóк	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow \begin{matrix} X - \alpha \\ XY - \beta \end{matrix}$	3
Сварынь	кузэрóк кузэрка	рамушóк	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow \begin{matrix} X - \alpha \\ Y - \beta \end{matrix}$	9
Шестовичи	козырьок	козырьок	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix}$	1
Здитово	" козырка	пирó	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow \begin{matrix} X - \alpha \\ Y - \beta \end{matrix}$	9
Спорово	козырьок	козырьнó	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow \begin{matrix} X - \alpha \\ X_1 - \beta \end{matrix}$	8
Бибики	казырькóука	казырьок	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow \begin{matrix} X_1 - \alpha \\ X - \beta \end{matrix}$	8
Антонов	козырькóваја шáпка	козырьок	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow \begin{matrix} Y - \alpha \\ X - \beta \end{matrix}$	9
Злодин	козырьок	"	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix}$	1
Голубица	"	"	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix}$	1
Пуховичи	казырькóука	кóзыр	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow \begin{matrix} X_1 - \alpha \\ X_2 - \beta \end{matrix}$	12
Зосинцы	козырьок	козырьок	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix}$	1
Кочище	фуражка	"	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow \begin{matrix} Y - \alpha \\ X - \beta \end{matrix}$	9
Головчицы	"	"	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow \begin{matrix} Y - \alpha \\ X - \beta \end{matrix}$	9
Дерновичи	козырьок	"	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix}$	1
Довляды	"	"	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix}$	1
Конотоп	"	"	$X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix} \rightarrow X < \begin{matrix} \alpha \\ \beta \end{matrix}$	1

Населенный пункт	Лексемы		Семантические перестройки	Вес семантических перестроек
	Семема α	Семема β		
Лопатин	"	"	$X < \begin{smallmatrix} \alpha \\ \beta \end{smallmatrix} \rightarrow X < \begin{smallmatrix} \alpha \\ \beta \end{smallmatrix}$	1
Городная	козѣрок	козѣрок	$X < \begin{smallmatrix} \alpha \\ \beta \end{smallmatrix} \rightarrow X < \begin{smallmatrix} \alpha \\ \beta \end{smallmatrix}$	1
Велута	козырѣва шапка	козырѣк	$X < \begin{smallmatrix} \alpha \\ \beta \end{smallmatrix} \rightarrow Y - \alpha \\ X - \beta$	9
Рубель	казырѣк	казырѣк	$X < \begin{smallmatrix} \alpha \\ \beta \end{smallmatrix} \rightarrow X < \begin{smallmatrix} \alpha \\ \beta \end{smallmatrix}$	1
Ольманы	козырка	"	$X < \begin{smallmatrix} \alpha \\ \beta \end{smallmatrix} \rightarrow X_1 - \alpha \\ X - \beta$	8
Велье	"	козырык	$X < \begin{smallmatrix} \alpha \\ \beta \end{smallmatrix} \rightarrow X_1 - \alpha \\ X - \beta$	8

тельно меньше числа возможных сочетаний операций в математическом смысле. Оно равно 49.

Степень лексической близости говоров исследуемой диалектной зоны к смежным зонам была установлена по третьей формуле⁶.

$$\delta = \left(\sum_{i=1}^n \sqrt{p_i q_i} \right)^2,$$

где δ — показатель степени лексической близости говоров A и B ; p — веса семантических перестроек для пункта A ; q — веса семантических перестроек для пункта B .

Для сравнения было взято 18 пар семем, которые по-разному преобразовывались в говорах:

- 1) козырѣк $X < \begin{smallmatrix} \alpha \\ \beta \end{smallmatrix}$ 'мужской летний головной убор с козырьком'
'козырек фуражки'
- 2) одѣжа $X - \alpha$ 'общее название одежды'
плáце $Y - \beta$ 'белье'
- 3) с'вѣтка $X - \alpha$ 'длинная верхняя одежда из домотканого сукна'
кúртка $Y - \beta$ 'короткая верхняя одежда из домотканого сукна'
- 4) кожúх $X - \alpha$ 'длинная одежда из овчины'
поúшúбок $Y - \beta$ 'короткая одежда из овчины'
- 5) кúртка $X - \alpha$ 'верхняя короткая суконная одежда, род пиджака, из домотканого сукна'
андарáк $Y - \beta$ 'юбка из домотканого сукна'

⁶ Ю. И. Л е в и н. Система лингвистических объектов, обладающих общими свойствами. «Вопросы языкознания», 1964, № 4, стр. 115.

ОДЕЖА X — α 'общее название одежды' ПЛАЦЕ Y — β 'белье'

Населенный пункт	Лексемы		Семантические переобработки	Вес семантических переобработок
	Семема α	Семема β		
Одрижиш	одэжа	одэжа	$X - \alpha \rightarrow X < \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y < \beta$	8
Орехово	олажа	олажа	$X - \alpha \rightarrow X < \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y < \beta$	8
Боричевичи	одежа	плаце	$X - \alpha \rightarrow X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y - \beta$	1
Заречка	"	одэжа	$X - \alpha \rightarrow X < \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y < \beta$	8
Луково	"	"	$X - \alpha \rightarrow X < \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y < \beta$	8
Олтуш	плац'ц'а	плац'ц'а	$X - \alpha \rightarrow Y < \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y < \beta$	8
Сварынь	одэжа	одэжа	$X - \alpha \rightarrow X < \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y < \beta$	8
Шестовичи	одэежа	плац'е	$X - \alpha \rightarrow X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y - \beta$	1
Здитово	одэжа	одэжа плац'а	$X - \alpha \rightarrow X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow XY - \beta$	6
Спорово	"	"	$X - \alpha \rightarrow X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow XY - \beta$	1
Бибики	адз'ожа	плаце	$X - \alpha \rightarrow X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y - \beta$	1
Автонов	одэежа плаце	" латок	$X - \alpha \rightarrow XY - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow YZ - \beta$	9
Злодин	одз'ожа	плац'це	$X - \alpha \rightarrow X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y - \beta$	1
Голубица	одэежа	"	$X - \alpha \rightarrow X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y - \beta$	1
Пуховичи	"	плаце	$X - \alpha \rightarrow X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y - \beta$	1
Зосинцы	" плаце	"	$X - \alpha \rightarrow XY - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y - \beta$	6
Кочице	"	"	$X - \alpha \rightarrow XY - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y - \beta$	6
Головчицы	одэежа плаце	одз'ежа	$X - \alpha \rightarrow XY - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow X - \beta$	6
Дерновичи	одежа	плац'ц'а	$X - \alpha \rightarrow X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y - \beta$	1
Довляды	"	"	$X - \alpha \rightarrow X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y - \beta$	1
Конотоп	"	"	$X - \alpha \rightarrow X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow Y - \beta$	1

Населенный пункт	Лексемы		Семантические перестройки	Вес семантических перестроек
	Семема α	Семема β		
Лопатин	одѣжа	плац'це	$X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow X - \alpha$ $Y - \beta$	1
Городная	од'ѣжа	плац'це	$X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow X - \alpha$ $Y - \beta$	1
Велута	одзѣжа	"	$X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow X - \alpha$ $Y - \beta$	1
Рубель	одзѣжа	плаце	$X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow X - \alpha$ $Y - \beta$	1
Ольманы	одз'ѣжа	одз'ѣжа	$X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow X < \alpha$ β	8
Велье	одзѣжа	бел'б	$X - \alpha$ $Y - \beta \rightarrow X - \alpha$ $Z - \beta$	11

- 6) сподніца $X - \alpha$ 'несуконная юбка'
хварту́х $Y - \beta$ 'фаргук'
- 7) ногавіцы $X < \alpha$ 'нижние мужские штаны'
 β 'верхние мужские штаны'
- 8) коўнір $X < \alpha$ 'воротник'
 β 'пояс юбки'
- 9) коўнір $X - \alpha$ 'воротник'
појасніца $Y - \beta$ 'пояс фартука'
- 10) коўнір $X - \alpha$ 'воротник'
појасніца $Y - \beta$ 'пояс штанов'
- 11) коўнір $X - \alpha$ 'пояс юбки'
појасніца $Y - \beta$ 'пояс штанов'
- 12) коўнір $X < \alpha$ 'пояс юбки'
 β 'пояс фартука'
- 13) појасніца $X < \alpha$ 'пояс фартука'
 β 'пояс штанов'
- 14) клин $X - \alpha$ 'клин в проеме рукава'
крэсла $Y - \beta$ 'клин в штанах'
- 15) рбспорка $X < \alpha$ 'разрез у пояса штанов'
 β 'разрез у пояса юбки'
- 16) учкўр $X - \alpha$ 'завязки у штанов'
поўрбзы $Y - \beta$ 'завязки у юбки'
- 17) учкўр $X - \alpha$ 'завязки у штанов'
поўрбзы $Y - \beta$ 'завязки у фартука'
- 18) поурбзы $X < \alpha$ 'завязки у юбки'
 β 'завязки у фартука'

Для этих 18 пар семем были вычислены веса семантических перестроек (см., например, таблицы 4, 5).

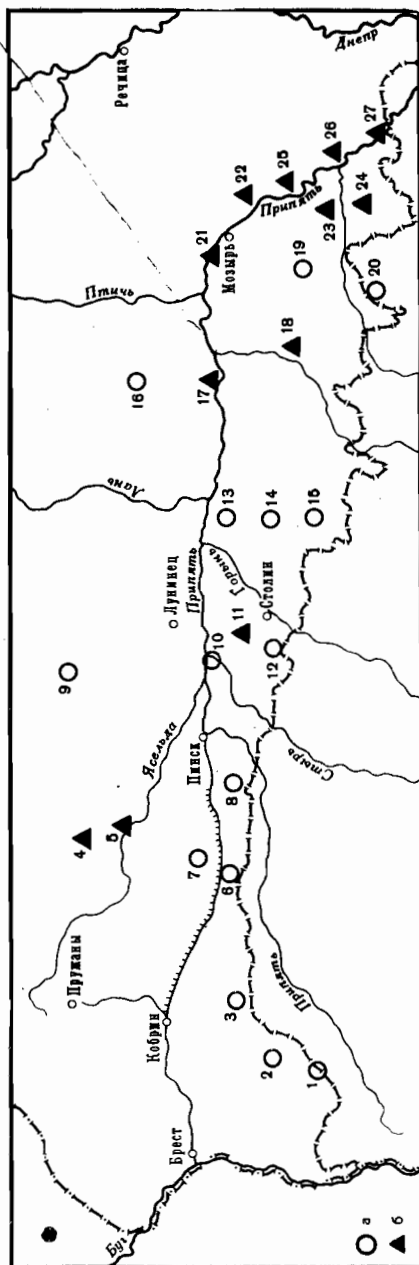

Рис. 3. Степень лексической близости говоров (по формуле Левина)

а — с 154 по 102; б — с 104 по 52; список пунктов тот же, что на рис. 1

Населенный пункт	Орехово	Луково	Велье	Велута	Олтуш	Рубель	Городная	Сварынь	Заречка	Одрижин	Ольмавы	Пуховичи	Зосинцы
Орехово . . .		266	246	234	252	199	216	216	177	177	193	161	164
Луково . . .	266		266	222	256	180	231	225	188	177	177	151	159
Велье	246	266		210	243	180	202	246	174	169	228	166	154
Велута	234	222	210		210	199	190	188	196	193	188	156	137
Олтуш	252	256	243	210		180	202	207	177	164	164	144	146
Рубель	199	180	180	199	180		161	139	137	159	188	125	159
Городная . . .	216	231	202	190	202	161		159	161	142	156	130	130
Сварынь	216	225	246	188	207	139	159		169	156	159	123	132
Заречка	177	188	174	196	177	137	161	169		169	144	144	110
Одрижин	177	177	169	193	164	159	142	156	169		151	125	112
Ольмавы	193	177	228	188	164	188	156	159	144	151		119	103
Пуховичи . . .	161	151	166	156	144	125	130	123	144	125	119		90
Зосинцы	164	159	154	137	146	159	130	132	110	112	108	90	
Кочице	164	151	161	154	135	149	135	123	102	119	110	102	110
Лопатин	156	149	151	177	156	146	139	117	151	151	130	112	104
Шестовичи . . .	146	139	137	135	132	164	112	104	117	90	83	114	112
Еоричевичи . . .	137	139	123	149	125	149	110	110	121	123	108	90	123
Спорово	125	125	128	135	123	66	94	100	110	94	72	125	69
Антонов	144	123	139	108	121	102	102	94	83	79	92	108	76
Головчицы . . .	144	132	123	114	123	123	102	110	98	96	92	102	96
Здитово	121	114	121	128	112	104	90	92	98	100	77	104	62
Злодин	117	112	119	100	108	83	94	88	94	69	97	108	66
Голубица	90	77	94	92	81	88	69	61	83	69	58	104	53
Ембики	90	77	86	81	74	62	71	64	71	55	67	81	40
Конотоп	79	69	71	71	64	83	59	48	53	61	49	64	61
Довляды	76	67	67	67	64	79	56	48	52	61	46	61	58
Дерновичи . . .	74	66	66	66	48	77	55	48	52	59	46	59	58

На основании таблиц семемных пар была составлена сводная табл. 6, из которой брались числовые данные для p и q .

Результаты подсчетов по формуле Ю. И. Левина представлены в табл. 7.

Эти данные представлены также на карте (рис. 3).

Подсчеты по формуле Левина показывают, что зона с наибольшим средним показателем степени лексической близости говоров располагается в западной части Припятского Полесья (между пунктами Орехово — Одрижин). В данном случае средний пока-

Таблица 7

Кочише	Лопатин	Шестовичи	Бурличевичи	Спорово	Антонов	Головичицы	Здигово	Злодин	Годубица	Бибини	Конотоп	Довляды	Дерновичи	Средний показатель степени лексической близости говоров
164	156	146	137	125	144	144	121	117	90	90	79	76	74	154
151	149	139	139	125	123	132	114	112	77	77	69	67	66	150
161	151	137	123	128	139	123	121	119	94	86	71	67	66	150
154	177	135	149	135	108	114	128	100	92	81	71	67	66	144
135	156	132	125	123	121	123	112	108	81	74	64	64	48	142
149	146	164	149	66	102	123	104	83	88	62	83	79	77	127
135	139	112	110	94	102	102	90	94	69	71	59	56	55	125
123	117	104	110	100	94	110	92	88	61	64	48	48	48	122
102	151	117	121	110	83	98	98	94	83	71	53	52	52	120
119	151	90	123	94	79	96	100	69	69	55	61	61	59	116
110	130	83	108	72	92	92	77	97	58	67	49	46	46	113
102	112	114	90	125	108	102	104	108	104	81	64	61	59	110
110	104	112	123	69	76	96	62	66	53	40	61	58	58	103
	100	96	92	88	102	88	96	72	66	56	64	61	59	102
100		94	121	76	59	76	77	64	55	45	48	45	45	102
96	94		94	92	79	92	85	81	83	53	76	72	71	98
92	121	94		67	58	79	69	53	52	38	45	45	45	91
88	76	92	67		104	88	114	90	94	62	50	50	49	89
102	59	79	58	104		85	94	86	76	79	52	50	48	87
88	76	92	79	88	85		76	66	72	49	45	42	41	87
96	77	85	69	114	94	76		66	72	48	50	48	46	84
72	64	81	53	90	86	66	66		71	69	49	48	46	78
66	55	83	52	94	76	72	72	71		66	44	41	40	69
56	45	53	38	12	79	49	48	69	66		34	32	31	59
64	48	76	45	50	52	45	50	49	44	34		49	48	55
61	45	72	45	50	50	42	48	48	41	32	49		45	53
59	45	71	45	49	48	41	46	46	40	31	48	45		52

затель степени лексической близости определялся по количеству и сложности перестроек семемных пар. Эмпирические наблюдения показывают, что эти перестройки возникают под влиянием внешних контактов. Таким образом, полученные данные могут быть интерпретированы как результат наибольшей близости говоров Западного Полесья к говорам неполесских смежных территорий.

Л. Т. Выгонная

К СИСТЕМНОМУ ОПИСАНИЮ ПОЛЕССКИХ НАЗВАНИЙ ЗЕМЕЛЬНЫХ УГОДИЙ

Настоящая статья ставит своей задачей показать возможности системной интерпретации полесской земледельческой лексики, собранной нами во время Полесской лингвистической экспедиции 1963—1965 гг.¹

Земледельческая терминология (и ее часть — наименования земельных угодий) организована в виде не строго замкнутой микросистемы, связанной с микросистемами географического ландшафта, сельскохозяйственных культур и т. п. При этом микросистема названий земельных угодий, находясь в зависимости от системы организации внешнего мира (от географических, экономических и социальных факторов), обладает некоторой автономностью, т. е. чисто внутрilingвистическими особенностями своей структуры.

Этот факт выдвигает ряд дополнительных требований к методике сбора и описания материала. Наиболее ответственным моментом работы является корректный, построенный на едином основании семантический анализ. Точная регистрация значений требует в каждом конкретном случае установления места слова в лексической системе (микроболе) говора. Поэтому и при полевой работе, и при обработке материала в виде словарных статей или иных лексикологических штудий требуется не только толкование или перевод слова, но и выяснение тех отношений, в которые вступает данное слово с другими словами, служащими для номинации элементов внешнего мира (реалем и гносем).

При таком подходе к материалу необходимо использовать ряд положений и приемов анализа, выработанных в целях типологического рассмотрения славянского словарного состава и требующих выделения и сравнения ряда семантических микрополей².

¹ См. Л. Т. Выгонная. *Полесская земледельческая терминология*. «Лексика Полесья». М., 1968.

² Н. И. Толстой. *Из опытов типологического исследования славянского словарного состава*. ВЯ, 1963, № 1; В. В. Мартынов. *Проблемы славянского этногенеза и*

При описании семантических изменений или сдвигов, широко наблюдаемых и в исследуемых нами полесских говорах, целесообразно использование таких терминов-понятий, как лексема (звуковая оболочка слова) и семема (значение слова, его содержание).

Теория микрополей позволяет по-новому взглянуть на сложные лексико-семантические процессы и описывать их в ряде случаев в терминах семантических дифференциальных признаков и их иерархических отношений, устанавливая лингвистическую сегментацию ограниченного семантического пространства (микрополя) и корреляцию лексем в пределах сегментов (микросетки).

Обращаясь к названиям-терминам земельных угодий, зафиксированным в полесских диалектах, мы можем установить, что они различаются на основании ряда семантических дифференциальных признаков, располагающихся в определенном иерархическом порядке: 1) 'обрабатываемость'; 2) временной признак — 'постоянно обрабатываемый' ('необрабатываемый'); 3) признак величины ('небольшой' — 'большой'); 4) признак географического положения ('лесной' — 'нелесной').

Первый признак — 'обрабатываемость' — является в данной группе предельно обобщающим. Выделение других видов земельных угодий производится на основе более частных семантических дифференциальных признаков 'обрабатываемости' ('необрабатываемости').

Как правило, обработанные участки называются *полем*. Например: «Поорáли грутка, дрэнину вы́робиў на по́ле» (Лк.)³. То есть, прежде чем стать *полем*, земля должна быть обработана. Или: «Біў за́пуст, за́пусти́ли по́ле, до́вго нэ го́рэцца» (Лх.). То есть, с прекращением обработки поле перестает быть *полем*, а превращается в *полеток*, *запуст*, *злог* и т. д.

Лексемой, выражающей семему 'необработанный участок вообще', является лексема *гора*.

Географический термин *гора*, вовлекаясь в систему наименований земельных угодий, часто утрачивает свое основное значение — 'высокое место' — и обозначает 'непригодные для обработки участки', 'редко обрабатываемые участки'. Притом такой участок не используется не из-за возвышенного характера местности, а из-за бедности почвы или по ряду других причин. Например: Горá дэ выгорáје (Рх.)⁴. Более того, согласно экономико-

методы лингвогеографического изучения Припятского Полесья. «Советское славяно-ведение», 1965, № 4.

³ Список сокращений населенных пунктов: Вт.— Велута, *Вл.— Велье, Гр.— Городная, Дк.— Дяковичи, Кн.— Конопот, Лп.— Лопатин, Лк.— Луково, Лх.— Ляховичи, Ол.— Олтуши, Ом.— Ольманы, Рб.— Рубель, Рх.— Рухча, Слн.— Симоновичи, Хр.— Хоромск.

⁴ Сообщено В. Л. Вереничем. В дальнейшем прием сокращения Рх.

географической характеристики Полесья, гряды и холмы⁵ служат здесь основными площадями пахотной земли⁶.

Подобная оценка рельефа сообщена также информаторами из дер. Олтуш. «Очэн' нискаја мэснос'ц' не дајэ ржанóје, хлібноје пóлэ. Жытницка сэјут на вышпых местáх, на аржанóм пóли, дэ высо́ко, лубин и жыта, л'óн на срéдних пол'áх, крэ́пко ниско не мо́жа бы́ц', пó нйшпых мэснос'ц'áх садыты барбóли». В той же дер. Олтуш в разговоре о полях записано: «Якэ́ тáм пóле — о́днá гора́». В действительности по высоте в Олтуше *поле* ничем не отличается от *горы*. Единственным различительным признаком этих участков является 'обрабатываемость'. В других полесских пунктах такое представление о *горе* как 'необрабатываемой земле' выражено также достаточно четко. «Гора́ за тó, пш'ó покíнулы сэ́яты жегó» (Лп.). «На горы́ не рóдзиц', у гíч идзé, бó тáм ниско, во́да сто́йц'» (Дк.).

Показательно также, что *гора* часто используется для объяснения значения других наименований необрабатываемых участков, подобно тому, как *поле* для обрабатываемых. Например: «Плэ́шжáк гора́: пёсok на jóј, не рóдзиц', як óруг', тó жегó не чапл'áют» (Вл.). «По́литок, тó гóры лежáт', а чэрэс годý тры́ гóрэ́ изно́у» (Гр.). «Пэ́шчугá — тó гóры такíе, выгоны» (Гр.). «Пы́джар — тó плохáя земл'á, гора́» (Рб.) и др.

Следовательно, по первому признаку земельные участки разделяются на *поля* и *горы* ('не поля'). Следующим семантическим дифференциальным признаком, разграничивающим термины земельных угодий, является длительность 'обрабатываемости' ('необрабатываемости'). Среди *полей* выделяются, с одной стороны, *старополиця* 'давно обрабатываемый участок', с другой — *новина* 'впервые обрабатываемый участок', а среди необрабатываемых — *злог* 'некоторое время необрабатываемый участок'⁷ и *паша* 'постоянно необрабатываемый участок'.

Затем актуальными становятся признаки величины и местонахождения участка (в Полесье, как правило, положение участка относительно леса).

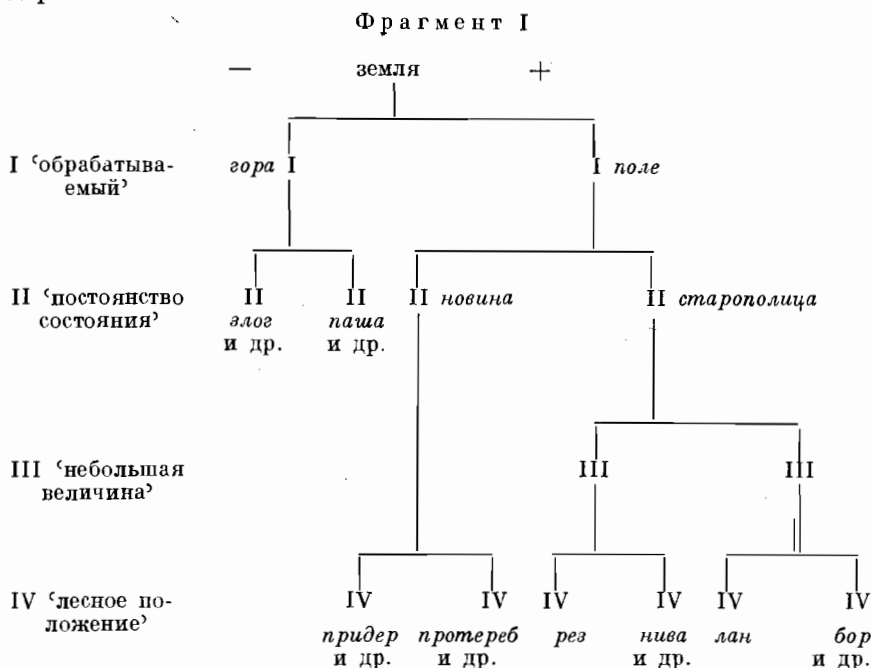
Например, *новина*, если она расположена в лесу, называется *протеребом*, а если прибавлена к нелесному массиву — *выдранкой*, *придером* и т. д. *Старополиця* небольшого размера в лесу именуется *нивой*, не в лесу — *резочкой*; а большого размера соответственно — *бором* и *ланом*.

⁵ Как географический термин в Полесье *гора* — холм или гряда.

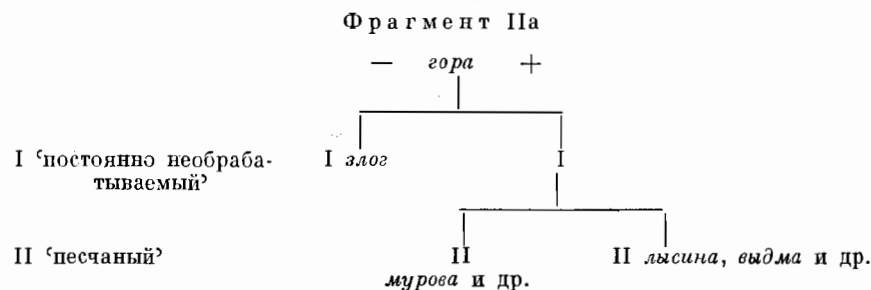
⁶ См. характеристику рельефа Полесья, данную Ю. Г. Саушкиным: «Песчаные формы рельефа занимают значительную часть Полесья. По большей части песчаные гряды и холмы покрыты лесами, но они же служат местами расселения жителей Полесья, на них находится почти вся пашня» (Ю. Г. Саушкин. Географические очерки. М., 1947, стр. 120).

⁷ Другие наименования временно необрабатываемых участков см. Л. Т. Выгонная. Полесская сельскохозяйственная лексика. «Лексика Полесья». М., 1969.

Систему терминов можно представить при помощи следующего дерева:

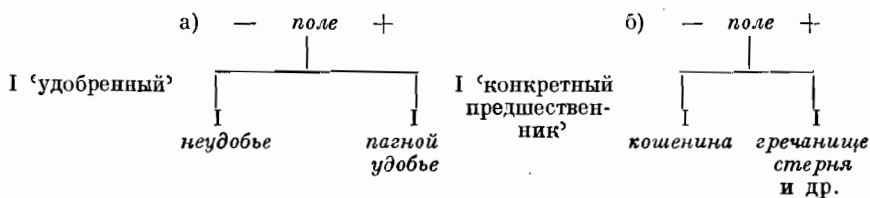
Кроме этой группы признаков для характеристики земельных участков существенны еще некоторые, менее связанные между собой группы признаков, соотносимые с отдельными звеньями дерева. Так для характеристики необрабатываемых земель релевантен признак качества участка ('песчаный' или 'непесчаный').

Для дифференциации обрабатываемых земель тоже используются признаки, связанные с качеством почвы, с помощью которых участки оцениваются в зависимости от а) удобрённости, видов на урожай и б) культуры — предшественницы в севообороте.

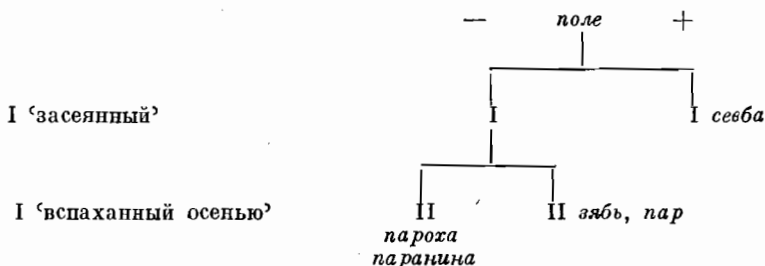
Соответствующий фрагмент дерева отражает эти два возможных варианта:

Фрагмент IIб

Обрабатываемые участки дифференцируются также в зависимости от конкретного вида их обработки.

Фрагмент III

Перечисленные группы признаков применимы лишь к части терминов — названий земельных угодий, так как существуют термины, связанные с различного рода социальной оценкой земель⁸.

Реальные лексико-семантические различия между отдельными полесскими говорами (группами говоров) проявляются в 1) наборе лексем, 2) инвентаре семем и 3) дистрибуции лексем в ограниченном семантическом пространстве⁹.

Одни лексемы, обозначающие земельные участки, известны на всей полесской территории: *загон* 'определенной величины вспаханный участок'; *зябрь* 'участок, вспаханный осенью'; *полянка* 'небольшой лесной участок'; и т. д. Другие лексемы характерны только для восточного или только для западного (например, *злог* 'временно необрабатываемый участок', *видма* 'песчаный участок') Полесья. Наконец некоторые лексемы зафиксированы только однажды: *запуст* 'временно необрабатываемый участок,

⁸ Во многих полесских пунктах еще помнят достаточно обширную терминологию, связанную с частным землевладением, с использованием примитивных сельскохозяйственных орудий. Например, среди названий, передающих меры в зависимости от полевых работ, — *гонь*, *загон*, *покос* и др.; названия земель общего пользования — *сервитут*, *частного пользования* — *грунт*, *морз*, *надел* и др.

⁹ См. Н. И. Т о л с т о в. Указ. соч.

(Лх.), *здуховина* 'постоянно необрабатываемый участок' (Вт.) и др.¹⁰

На основе дифференциальных признаков, рассмотренных выше, различия в инвентаре семем и дистрибуции лексем можно представить в виде дерева, матрицы и сетки-модели. Для наглядности построим фрагмент сетки-модели, основанный на двух дифференциальных признаках: 'величины' и 'положения'. Возможные сочетания признаков представлены в табл. 1.

Т а б л и ц а 1

№ п/п	'лесной'	'небольшой'	
1	+	—	'в лесу большого размера'
2	—	+	'не в лесу небольшого размера'
3	—	—	'не в лесу большого размера'
4	+	+	'в лесу небольшого размера'
5	+	×	'в лесу безотносительно к размеру'
6	×	+	'небольшого размера безотносительно к положению'
7	—	×	'не в лесу безотносительно к размеру'
8	×	—	'большого размера безотносительно к положению'

Табл. 2 отражает лексико-семантические различия, существующие в девяти полесских пунктах.

Она же позволяет на едином основании проводить сравнение лексико-семантических особенностей отдельных говоров одновременно по ряду показателей.

1. По тому, какие лексемы используются для обозначения одних и тех же семем в говоре, по их количеству.

В нашем случае можно констатировать, что общий список лексем: *бор, нива, пасека, поле, полянка, резочка*. Максимальное число лексем, зафиксированных в одном пункте, пять (Кн.).

¹⁰ Западным Полесьем считается территория западнее границы Ясельда — Припять — Горынь.

Таблица 2*

№ п/п	Рх. Хр.	Рб.	Лл. Ол	Вл. Ол.	См.	Кн.
1	—	—	—	бор	—	—
2	нива	нива	—	—	—	резочка
3	—	—	—	—	—	—
4	полянка	полянка	нива, полянка	нива, полянка	нива, полянка	полянка
5	—	—	—	—	бор	пасака
6	—	—	—	—	—	—
7	—	поле	—	поле	нива поле	нива
8	поле	—	поле	—	—	поле

* Порядковый номер данной таблицы соответствует одному из семантических дифференциальных признаков, представленных в табл. 1. Минус означает, что «простая лексема» для данного участка сетки-модели не отмечена (см. Н. И. Т о л с т о й, Указ. соч., тр. 36). Например, в дер. Рубель 'большой земельный участок' называется *вэликэ пбле* (клетка 3,8), 'небольшой участок' *безотносительно к положению* — *малэжэ пбле* (клетка 8), *большой участок в лесу* — *вэлика леснэ пбюка* (клетка 1) и т.д.

Как видно из таблицы, одинаковый набор лексем не всегда говорит о существовании тождественных отношений. Например, в деревнях Рубель и Олтуш при наличии одних и тех же лексем — *нива*, *поле*, *полянка* — наблюдается разный набор семем: в дер. Рубель — 'не в лесу небольшого размера', 'не в лесу безотносительно к размеру' (в таблице вторая и седьмая клетки) и 'в лесу небольшого размера'; а в дер. Олтуш — 'в лесу небольшого размера', 'большого размера безотносительно к положению' (в таблице четвертая и восьмая клетки). Разный набор семем при одинаковом наборе лексем отмечен также в деревнях Велье и Симоновичи.

2. Сравнение можно проводить и по набору семем (см. количество и порядковые номера заполненных клеток).

В нашем случае набор семем колеблется от двух (Ол.) до пяти (Кн.). При этом одной семеме в одном и том же пункте соответствуют одна или две «простых лексем». Например, 'небольшой участок в лесу' в дер. Конотоп — *полянка*, а в дер. Олтуш — *полянка* и *нива*.

Если в каком-то говоре наблюдается существование двух лексем, соответствующих одной семеме, то при этом система разли-

чительных признаков может усложняться путем редупликации уже использованного признака. Например, в дер. Велье *нива* и *полянка* 'небольшие участки в лесу', но *нива* — участок больший, чем *полянка*, т. е. снова используется признак величины для дальнейшей градации по размеру.

3. На основе таблицы можно также установить амплитуду колебания ¹¹ отдельных лексем. Наиболее «устойчивыми» элементами в анализируемой группе терминов являются лексемы *полянка*, *пасака*, *резочка*. Все остальные лексемы оказываются более «подвижными». Например, *бор* 'в лесу большого размера' и 'в лесу безотносительно к размеру', *поле* 'не в лесу безотносительно к размеру' и 'большого размера безотносительно к положению'. Наибольшей амплитудой колебания обладает лексема *нива* (в таблице во второй, четвертой, седьмой клетках).

Рассмотрение выбранной нами группы сельскохозяйственной лексики приводит к выводу, что ее специфичность следует искать в первую очередь не в наборе лексем, а их распределении (*поле*, *нива* и др.).

Поэтому важно выяснить ту систему семантических дифференциальных признаков, с помощью которых можно описать целую группу сельскохозяйственных терминов. Очевидно, что существенными признаками значения слова следует считать такие, которые лежат в основе противопоставления каждой отдельной лексемы другим лексемам, составляющим вместе с нею один предметно-синонимический класс.

Установление набора семантических дифференциальных признаков связано с определенными трудностями, однако позволяет осуществить описание материала на едином основании.

Полученный таким образом материал дает возможность проводить сопоставление с данными других диалектов с учетом тех сложных лексико-семантических отношений, которые существуют в каждом говоре (группе говоров).

¹¹ Н. И. Толстой. Указ. соч., стр. 36.

В. А. Москович

ИЗ ПОЛЕССКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

(опыт типологического сравнения семантического поля цветообозначений в полесских говорах с говорами других славянских и контактирующих с ними языков)

1. ПОСТАНОВКА ЗАДАЧ

В настоящей статье представлена попытка разрешения следующих задач:

1) разработать методику типологического сравнения семантических полей цветообозначений различных говоров;

2) провести на основе этой методики типологическое сравнение нескольких групп говоров;

3) определить некоторые закономерности семантического варьирования отдельных лексем на территории рассматриваемого лингвогеографического ареала;

4) изучить вопрос о проницаемости разных слоев исследуемой лексики при языковом контакте.

Эти задачи разрешаются в основном на материале белорусских и украинских говоров полесского и карпатского ареалов с привлечением по мере необходимости материала говоров других языков этих ареалов ¹.

2. ФОРМА ПРЕДСТАВЛЕНИЯ МАТЕРИАЛА

При непосредственной записи фиксировался номер образца цвета и соответствующее ему название. В целях типологии семантического поля разных говоров удобно представить этот материал в форме таблицы (см. табл. 1). По вертикали и горизонтали размещаются семь цветовых компонентов: 1) красный, 2) желтый, 3) зеленый, 4) синий, 5) белый, 6) черный, 7) серый. Каждый из

¹ Всего исследуется 36 различных типов семантических полей. Список говоров и часть собранного материала представлены в третьем и четвертом разделах статьи. Материал собран автором во время диалектологических экспедиций 1953—1964 гг.

компонентов имеет три модификатора: а) светлый, б) средней светлоты, с) темный. Все названия говора размещаются внутри таблицы. Например, название фиолетового цвета попадет в квадрат с координатами: 4а, б, с, \times 1б, название коричневого цвета — в квадрат 1а, б, с \times 7б и т. д.

В таблице отмечаются лишь слова общей подсистемы. Слова специализированных подсистем указываются только в виде индекса, поскольку они терминологичны и типологически иррелевантны.

Если особых лексем, не совпадающих с лексемами общей подсистемы, в говоре более семи, система получает индекс ОР — очень разветвленная, если их более четырех — Р — разветвленная, менее четырех — НР — неразветвленная².

Помимо индекса разветвленности, указывающего на количество особых лексем в специализированных подсистемах, желательно отразить при типологической характеристике черту, обратную разветвленности — меру использования лексем общей подсистемы в специализированных подсистемах. Назовем эту черту шириной дистрибуции. Выделяются лексемы, лексическая дистрибуция которых от говора к говору варьирует в пределах выражения одного и того же цвета. Каждая из этих лексем характеризуется своей амплитудой колебания лексической дистрибуции. Место лексемы данного говора в сетке — максимальной амплитуде дистрибуций служит характеристикой ширины дистрибуции. Строятся три сетки амплитуд — для лексем *сивый*, *рудый*, *гнедой*. Для этого фиксируются все их дистрибуции в рассматриваемых говорах. Каждая из этих дистрибуций занимает одну из клеток сетки. Затем материал каждого говора в отдельности накладывается на сетку, и по конфигурации лексем на сетке мы судим о ширине дистрибуции лексемы. Если во всех трех сетках дистрибуция лексем широкая, т. е. одна и та же лексема занимает клетки и общей, и специализированной подсистемы, то семантическому полю данного говора приписывается индекс ШД — широкая дистрибуция; широкой дистрибуции в двух сетках соответствует индекс СД — средняя дистрибуция; в одной сетке или при отсутствии широкой дистрибуции во всех трех сетках — УД — узкая дистрибуция³.

Материал специализированных подсистем — названия мастей животных, цвета лица и волос человека — не отражается в форме таблиц и сеток. Это в основном терминология, не имеющая первостепенного значения для типологической характеристики семантического поля. Малоинтересная в этом отношении, она, од-

² Границы степеней разветвленности установлены эмпирическим путем, и потому они не вполне строгие.

³ Описанный выше метод разработан Н. И. Толстым в статье «Из опытов типологического исследования славянского словарного состава» (ВЯ, 1963, № 1, стр. 29—45).

Образец заполненной таблицы типологии семантического поля цвета
(переходный украинско-белорусский говор дер. Орехово Брестской обл.)*

	1 (красный)			2 (желтый)			3 (зеленый)			4 (синий)			5 (белый)			6 (черный)			7 (серый)				
	a	b	c	a	b	c	a	b	c	a	b	c	a	b	c	a	b	c	a	b	c		
1 (красный)																							
2 (желтый)																							
3 (зеленый)																							
4 (синий)																							
5 (белый)																							
6 (черный)																							
7 (серый)																							

* 1 — чырвоны, 2 — жоўты, 3 — зялёны, 4а — н'ебелы, 4б, с — сыны, 5 — бiлы, 6 — чорны, 7 — сьбавы, 1б, с × 4б — лохачовы, 1а × 4б — сяр'ён'евы; 1 × 7б — рыжны, 1б × 6а — бутрачковы, 1б × 5а огон'ковы, 1б × 1б — ващ'оны, 1а, б × 5б ружовы, 2б × 1а — папарачковы, 2б × 6б цыгловы.

нако, заставляет взглянуть на семантическое поле цвета с новой точки зрения — с точки зрения меры общности этой лексики в говорах географически близких и далеких. Она обращает внимание и на проблему проницаемости лексики при языковом контакте в свете взаимоотношения языка и культуры. Лексемы специализированных подсистем приводятся в виде списков.

3. ОПИСАНИЕ ОБЩИХ ПОДСИСТЕМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ В РАССМАТРИВАЕМЫХ НАМИ ГОВОРАХ⁴

Украинско-белорусские говоры Полесья

I. Дер. Орехово Малоритского района Брестской обл. 1 чырво́ный, 2 жо́ўтый, 3 зыл'о́ный, 4а н'ебе́сный, 4б, с с́ний, 5 бі́лы, 6 чо́рны, 7 с́вы, 1в, с × 4в лохачо́вы, 1а × 4в сыр'е́ный, 1 × 7в ры́жы, 1в × 6а бурачо́вы, 1в × 5а огон'ко́вы, 1в × 1в вышн'о́вы, 1а,б × 5в ружо́вы, 2в × 1в помаранчо́вы, 2в × 6в цыгло́вы.

II. Дер. Здитово Березовского района Брестской обл. 1 чырво́ный, 2 жо́ўтый, 3 зыл'о́ный, 4а голу́бый, 4б, с с́ний, 5 бі́лы, 6 чо́рны, 7 с́вы, 1в,с × 4в сыр'е́ный, 1 × 7в т'ма́ны, 1в × 6а бурачо́вы, 1а,б × 5в ро́зовы, 1в × 1в вышн'о́вы, 2в × 7в пыг'а́ны, 2в × 5в кило́вы.

III. Дер. Спорово Березовского района Брестской обл. 1 чырво́ный, 2 жо́ўтый, 3 зыл'о́ный, 4а голу́бый, 4б, с с́ний 5 бі́лы, 6 чо́рны, 7 с́вы, 1в,с × 4в сыр'е́ный, 1а × 7в ры́жы, 1в,с × 7в т'ма́ны, 1в × 6а бурачо́вы, 1а,б × 5в ро́зовы, 1в × 1в вышн'о́вы, 2в × 6в цыгло́вы.

IV. Дер. Симоновичи Дрогичинского района Брестской обл. Запись Ф. Д. Климчука. 1 чырво́ный, 2 жо́ўты, 3 зыл'о́ный, 4а голу́бы, 4б,с с́ны, 5 бі́лы, 6 чо́рны, 7 с́вы, 1в,с × 4в жагодо́вы, 1 × 7в ры́жы, 1в × 6а бурачо́вы, 1а,б × 5в ро́зовы, 1в × 1в вышн'о́вы, 2в × 6в кырпичны́, 4в × 4в волошко́вы 1в × 1с черн'а́вы.

V. Дер. Борычевичи Пинского района Брестской обл. 1 чырво́ный, 2 жо́ўты, 3 зыл'о́ный, 4а н'ебе́сный, 4б, с с́ний, 5 бі́лы, 6 чо́рны, 7 с́вы, 1 × 4в бэзо́вы, 1 × 7в т'ма́ны, 1в × 6а бурачо́вы, 1а,б × 5в ро́зовы, 1в × 1в вышн'о́вы, 2в × 6в цыг'ля́ны, 4в × 4в волошко́вы, 2в × 7в поло́вы.

VI. Дер. Шестовичи Петриковского района Гомельской обл. 1 чырво́ны, 2 жо́ўты, 3 зыл'о́ны, 4а голу́бы, 4б,с с́ны, 5 бі́лы, 6 чо́рны, 7 с́вы, 1в,с × 4в сыр'е́ный, 1 × 7в кары́чны, 1в × 6а бурачо́вы, 1а,б × 5в ро́зовы, 1в × 1в вышн'о́-

⁴ Из-за недостатка места мы не приводим описания всех обследованных говоров, а ограничиваемся только белорусскими и украинскими говорами.

вый, 2b × 6b кирпичный, 2b × 1a оранжовый, 4b × 4b васыл'кóвый, 4b × 6b карандашнóвый, 7b × 7a чмáрый.⁵

Украинские говоры на территории
Прикарпатья и Карпат

VII. С. Залисса Чортковского района Тернопольской обл. 1 чырвóный, 2 жóвтый, 3 зылóный, 4a н'еб'есный, 4b, c сýнный, 5 бйлы́й, 6 чóрный, 7 сýвый, 1b, c × 4b гранатóвый, 1 × 7b бронзóвый, 1b × 6a бурачкóвый, 1a, b × 5b ружóвый, 1b × 1b вышнéвый, 2b × 1a помаранчóвый, 7b × 5b попел'áвый, 2b × 6b цэгл'áный.

VIII. С. Шуро-Копивка Тульчинского района Винницкой обл.⁶ 1 чырвóный, 2 жóвтый, 3 зелéный, 4a голубýй, 4b, c сýнный, 5 бйлы́й, 6 чóрный, 7 сýвый, 1b, c × 4b фиолéтовый, 1 × 7b рудýй, 1b × 6a бурачкóвый, 1a, b × 5b ружóвый, 1b × 1b вышнéвый, 2b × 1a помаранчóвый, 4b × 4b васил'кóвый.

IX. С. Яремча, Яремченского района Ивано-Франковской обл. 1 чырвóный, 2 жóу́тый, 3 зелéный, 4a сýнный, 4b, c голубýй, 5 бйлы́й, 6 чóрный, 7 сýвый, 1b, c × 4b филéтовый, 1 × 7b кавóвый, 1b × 6a бурачкóвый, 1a, b × 5b ружóвый, 2b × 1a помаранчкóвый, 1b × 1b вышнéвый, 2b × 5b нэла́нный, 4b × 5b нэб'ас'кый.

X. С. Луги Раховского района Закарпатской обл. 1 чырвóный /чэрвэ́ный, 2 жóу́тый, 4 зылéный, 4a я́сный, 4b, c голубýй, 5 бйлы́й, 6 чóрный, 7 сýвый, 3b × 5b травнýй, 1b, c × 4b лилóвый, 1 × 7b брумáткый /кавóвый, 1b × 6a бурачкóвый, 1a, b × 5b ружóвый, 2b × 1a наранджéвый, 7b × 5b каминнýй, 2b × 6b тыглóвый, 2b × 5b дурнá, 4b × 5b ныбóвый, 1b × 1b вышнéвый.

XI. С. Испас Вижницкого района Черновицкой обл. 1 чырлéный, 2 жóу́тый, 3 зылéный, 4a сýнный, 4b, c голубýй, 5 бйлы́й, 6 чóрный, 7 сýвый, 1b, c × 4b лилижóвый, 1 × 7b кафóвый, 1b × 6a бурачкóвый, 1a, b × 5b ружóвый, 1b × 1b вышнéвый /жáрый, 2b × 1a помаранчóвый, 2b × 5b цытронóвый, 2b × 6b цыглóвый, 4b × 5b нэбэ́сный, 2a × 1a кукурудз'óвый /курúдз'áный, 2b × 6a палéный, 3a × 5b трав'я́ный, 1a × 4b багрóвый, 2b × 5 кребóвый⁷.

⁵ Почти без изменений система цветообозначений говора дер. Шестовичи повторяется и в говорах украинского Восточного Полесья. Это показали результаты ответов на вопросы, разосланный по нашей просьбе преподавателем Житомирского педагогического института Н. В. Никончуком (контрольные пункты: Житомирская обл.— с. Гошия Оеручского района; с. Старая Котельня Попельнянского района; с. Стрива Новоград-Вольского района; с. Слипичи Черняховского района; Киевская обл.— с. Пичуки Васильковского района).

⁶ Эта система характерна и для других пунктов Подолиш— с. Кашперивка Каватинского района, с. Яруга Ямпольского района и др. В течение 1958—1964 гг. мы провели сплошное обследование говоров Черновицкой обл., охватив около 90 населенных пунктов. В украинских говорах Буковины существуют две системы названий цвета, имеющих много общего. Гучульские и буковинские говоры,

XII. С. Волчинец Глубокского района Черновицкой обл. 1 чырво́ный, 2 жо́утый, 3 зыла́ный, 4а сы́ний, 4b,c голу́бый, 5 бы́лый, 6 чо́рный, 7 сы́вый, 1b,c × 4b лили́ový, 1 × 7b бу́рый, 1b × 6a бурачо́вый, 1b × 6b бурдо́вый / багро́вый, 2a × 1a куру́з'а́ный, 2b × 6a пры́крый, 2b × 5b ламо́вый, 1b × 1b пыча́ный, 1b × 5c дывизи́ový, 7b × 6a зилиза́ový, 7b × 5b сы́рый.

XIII. С. Иванкивци Кицманского района Черновицкой обл. 1 чырво́ный, 2 жо́утый, 3 зыла́ный, 4а сы́ний, 4b,c голу́бый, 5 бы́лый, 6 чо́рный, 7 сы́вый, 1b,c × 4b лили́ový, 1 × 7b кафо́вый, 3a × 5b трав'я́ный, 3a × 2a салато́вый, 2a × 1a куру́з'а́ный, 2b × 1a памаранчо́вый, 1b × 1b вы́шнёвый / пры́крый 2b × 6a пале́ный / горо́ный, 2b × 5c кремо́вый, 4b × 5b н'еб'о́ский, 4b × 6a гранато́вый, 1 × 7a бронзо́вый, 1b × 6a бурачо́вый, 2c × 2c багро́вый, 7a × 6a бу́рый.

XIV. С. Грозинцы Хотинского района Черновицкой обл. 1 чырла́ный, 2 жо́утый, 3 зыла́ный, 4а голу́бый, 4b,c сы́ний, 5 бы́лый, 6 чо́рный, 7 сы́вый, 1b,c × 4b лили́ový, 1 × 7b кори́шчо́вый / кафо́вый, 2b × 1a сконти́ový, 3a × 5b трав'я́ный, 3a × 5a капуст'а́ный, 1a,b × 5b ро́зовый, 2a × 1a кукуру́з'а́ный, 1b × 1b вы́шнёвый, 1b × 6b бурачо́вый, 1a × 4b багро́вый, 2a × 1a гарбузо́вый, 2c × 2c жа́рый, 4b × 4b каминцо́вый.

XV. С. Сокиряны Сокирянского района Черновицкой обл. 1 чырво́ный, 2 жо́утый, 3 зыла́ный, 4а голу́бый, 4b,c сы́ний, 5 бы́лый, 6 чо́рный, 6 сы́рый, 1b,c × 4b бузо́вый / лили́ový, 1 × 7b кофэ́ный, 1b × 6a бурачо́вый, 1a,b × 5b рожа́ый, 1b × 1b вы́шнёвый / жа́рый, 2b × 1a ора́нжový, 2b × 5b соло́м'я́ный, 1b × 6a скумпі́ový.

Русские говоры

XVI. С. Белая Криница Глубокского района Черновицкой обл.

XVII. Дер. Савальня Кирсановского района Тамбовской обл.

Румыно-молдавские говоры

XVIII. С. Острица Черновицкого района Черновицкой обл.

XIX. С. Мольница Герцаевского района Черновицкой обл.

XX. С. Станилешти Новоселицкого района Черновицкой обл.

XXI. Г. Сороки Сорокского района Молдавской ССР.

Путильского, Вижицкого, Сторожинецкого, Ваишовецкого, Заставьянского, Кицманского и Садгорского районов характеризуются одной системой названий цвета; северобессарабские говоры Хотинского, Кельменецкого и Сокирянского районов — другой.

Изоглосса, разделяющая ареалы этих систем, совпадает с административной границей Садгорского и Хотинского районов (бывшая — 1812—1918 гг. — государственная граница России и Австро-Венгрии). Это позволяет допустить, что отличительные признаки обеих систем развились именно в период государственного разделения и являются следствием частичного прекращения контактов говоров в это время.

Мы приводим здесь в целях экономии места лишь наиболее характерные системы цветообозначений гуцульских и северобессарабских говоров.

Г о в о р ы и д и ш

- XXII. С. Лугины Олевского района Житомирской обл.
XXIII. Г. Борщев Борщевского района Тернопольской обл.
XXIV. С. Вильховец Каменец-Подольского района Хмельницкой обл.
XXV. С. Яруга Могилев-Подольского района Винницкой обл.
XXVI С. Вистерничены Молдавской ССР.
XXVIII. Г. Болград Болградского района Одесской обл.
XXVIII. Г. Хуш Ясской обл. Социалистической республики Румынии.
XXIX. Г. Черновцы УССР.

Б о л г а р с к и й г о в о р

- XXX. Г. Болград Одесской обл.

А л б а н с к и й г о в о р

- XXXI. С. Каракурт Болградского района Одесской обл.

Г а г а у з с к и й г о в о р

- XXXII. С. Кубей Болградского района Одесской обл.

П о л ь с к и е г о в о р ы

- XXXIII. Говоры Малопольши.

С е р б о х о р в а т с к и е г о в о р ы

- XXXIV. С. Самобор, срез Загреб, Хорватия

Ц ы г а н с к и е г о в о р ы

- XXXV. Карпатско-цыганский говор
XXXVI. Говоры северного диалекта.

4. ТИПОЛОГИЯ ОБЩИХ ПОДСИСТЕМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ

Проведенное нами унифицированное описание семантических полей цвета в ряде говоров позволяет перейти к оценке типологической близости этих семантических полей.

Для этого необходимо последовательно рассматривать каждую пару говоров, выделять совпадающие и несовпадающие цветообозначения и по их соотношению определять меру соответствия семантических полей друг другу.

Измерение типологической близости удобно проводить при помощи формулы

$$\delta_1 a, b = \frac{s^2}{kl}, \quad (1)$$

где $\delta_1 a, b$ — мера близости семантических полей говоров a и b ;
 k — количество цветообозначений в говоре a ; l — количество

цветообозначений говора b ; s — количество цветообозначений, общих для a и b .

Формула (1) применима в тех случаях, когда все элементы семантического поля равноценны по значимости. Однако в нашем случае различия двух говоров по одним цветообозначениям более существенны, чем различия по другим. Если в одном говоре для обозначения синего цвета употребляется два слова, а в другом — только одно, то это различие намного характернее такой, предположим, черты, как наличие в первом говоре отдельного слова, обозначающего малиновый цвет, и отсутствие подобного слова во втором. Для того чтобы учесть различную значимость цветообозначений, мы приписываем каждому цветообозначению определенный вес. Основным цветообозначениям — компонентам нашей таблицы припишем вес 2. Так как все остальные цветообозначения кодируются в таблице как сочетание двух основных, выразим их вес величиной вдвое меньшей — 1.

Подсчитав для каждой пары говоров сумму весов совпадающих цветообозначений⁸ и суммы весов всех цветообозначений каждого из говоров в отдельности, можно вычислить меру близости семантических полей с учетом весов их элементов по формуле:

$$\delta_2 a, b = \frac{\left(\sum_{(a,b)} m_i \right)^2}{\sum_{(a)} m_i \cdot \sum_{(b)} m_i}, \quad (2)$$

где $\delta_2 a, b$ — мера близости a и b ; $\sum_{(a,b)} m_i$ — сумма весов элементов, совпадающих в a и b ; $\sum_{(a)} m_i$ — сумма весов всех элементов a ; $\sum_{(b)} m_i$ — сумма весов всех элементов b ⁹.

Формула (2) представляет собой формулу (1), усовершенствованную в том отношении, что она дает возможность учитывать различную значимость рассматриваемых элементов. $\delta_1 a, b$ может принимать значения от 0 до 1.

В результате вычислений по формуле (2) мы получили 630 цифр, характеризующих меру близости каждой пары описанных нами говоров (табл. 2). Сравнение этих цифр приводит к следующим выводам:

1. Общее количество цветообозначений каждого говора характеризует его типологическое своеобразие в отношении данного семантического поля: чем больше цветообозначений в говоре, тем система цветообозначений данного говора более удалена от ос-

⁸ Совпадающими считаются только цветообозначения, занимающие одну и ту же клетку типологической таблицы.

⁹ См. Ю. И. Левича. Об описании системы лингвистических объектов, обладающих общими свойствами. ВЯ, 1964, № 4.

Типологическая близость семантических

	I	II	III	IV	V	VI	VII	VIII	IX	X	XI	XII	XIII	XIV	XV	XVI	XVII	XVIII
I		0,77	0,78	0,79	0,73	0,79	0,82	0,79	0,78	0,65	0,69	0,63	0,55	0,65	0,73	0,63	0,64	0,45
II			0,93	0,88	0,88	0,78	0,92	0,96	0,84	0,85	0,73	0,62	0,54	0,69	0,66	0,68	0,69	0,46
III				0,88	0,88	0,85	0,84	0,88	0,77	0,78	0,67	0,61	0,53	0,69	0,72	0,80	0,69	0,43
IV					0,83	0,81	0,88	0,83	0,80	0,81	0,70	0,65	0,51	0,66	0,69	0,71	0,66	0,45
V						0,74	0,80	0,76	0,73	0,74	0,64	0,58	0,51	0,60	0,62	0,64	0,59	0,39
VI							0,78	0,89	0,78	0,75	0,68	0,57	0,55	0,64	0,67	0,63	0,64	0,44
VII								0,88	0,84	0,78	0,74	0,62	0,59	0,63	0,73	0,68	0,70	0,50
VIII									0,88	0,74	0,70	0,64	0,62	0,66	0,75	0,71	0,80	0,45
IX										0,85	0,80	0,68	0,65	0,64	0,72	0,82	0,69	0,56
X											0,62	0,69	0,60	0,59	0,67	0,69	0,64	0,50
XI												0,60	0,67	0,66	0,69	0,65	0,56	0,43
XII													0,53	0,51	0,64	0,55	0,62	0,32
XIII														0,81	0,84	0,58	0,59	0,37
XIV															0,90	0,62	0,63	0,35
XV																0,70	0,60	0,46
XVI																	0,75	0,54
XVII																		0,48
XVIII																		
XIX																		
XX																		
XXI																		
XXII																		
XXIII																		
XXIV																		
XXV																		
XXVI																		
XXVII																		
XXVIII																		
XXIX																		
XXX																		
XXXI																		
XXXII																		
XXXIII																		
XXXIV																		
XXXV																		
XXXVI																		

тальных говоров, чем меньше цветообозначений в говоре, тем меньше индекс его удаленности.

2. Мера типологической близости соответствует генетической классификации говоров: украинские, русские, болгарский, польский и сербохорватский говоры ближе друг к другу, чем к румыно-молдавским, обнаруживающим в свою очередь тесную близость между собой.

3. Языковые контакты вызывают разрушение генетической близости: из говоров идип, исключительно близких друг к другу

полей цвета рассматриваемых говоров

XXIX	XX	XXI	XXII	XXIII	XXIV	XXV	XXVI	XXVII	XXVIII	XXIX	XXX	XXXI	XXXII	XXXIII	XXXIV	XXXV	XXXVI
0,41	0,41	0,43	0,55	0,52	0,77	0,73	0,55	0,55	0,45	0,43	0,81	0,51	0,54	0,77	0,66	0,46	0,62
0,43	0,39	0,39	0,53	0,55	0,84	0,79	0,53	0,53	0,49	0,52	0,79	0,55	0,59	0,77	0,79	0,50	0,67
0,39	0,39	0,42	0,53	0,49	0,84	0,79	0,53	0,53	0,49	0,52	0,79	0,55	0,59	0,77	0,79	0,50	0,67
0,45	0,45	0,32	0,56	0,53	0,87	0,83	0,56	0,56	0,52	0,55	0,83	0,58	0,62	0,80	0,74	0,52	0,70
0,36	0,36	0,44	0,49	0,45	0,79	0,75	0,49	0,49	0,45	0,48	0,75	0,43	0,48	0,73	0,66	0,42	0,70
0,41	0,41	0,38	0,56	0,52	0,77	0,74	0,56	0,56	0,45	0,48	0,81	0,51	0,55	0,78	0,66	0,58	0,62
0,45	0,45	0,52	0,60	0,56	0,84	0,79	0,60	0,60	0,49	0,52	0,83	0,55	0,59	0,84	0,71	0,50	0,67
0,41	0,46	0,49	0,63	0,59	0,79	0,83	0,61	0,63	0,52	0,54	0,91	0,58	0,62	0,83	0,83	0,66	0,70
0,42	0,50	0,42	0,60	0,56	0,83	0,80	0,60	0,60	0,49	0,52	0,87	0,55	0,59	0,84	0,71	0,56	0,67
0,46	0,46	0,48	0,56	0,52	0,77	0,81	0,58	0,58	0,46	0,43	0,81	0,51	0,55	0,85	0,73	0,52	0,62
0,40	0,40	0,42	0,48	0,45	0,67	0,64	0,48	0,48	0,45	0,42	0,70	0,44	0,47	0,73	0,57	0,45	0,53
0,31	0,35	0,33	0,54	0,50	0,67	0,71	0,47	0,47	0,50	0,46	0,71	0,49	0,46	0,62	0,70	0,38	0,59
0,35	0,34	0,40	0,52	0,49	0,65	0,63	0,52	0,52	0,49	0,46	0,63	0,43	0,46	0,59	0,61	0,44	0,52
0,41	0,37	0,53	0,50	0,47	0,69	0,65	0,50	0,50	0,41	0,43	0,73	0,46	0,49	0,63	0,66	0,45	0,55
0,38	0,43	0,50	0,58	0,54	0,79	0,75	0,58	0,58	0,48	0,51	0,75	0,47	0,51	0,72	0,68	0,48	0,57
0,45	0,50	0,41	0,54	0,50	0,74	0,71	0,54	0,54	0,44	0,46	0,73	0,49	0,53	0,75	0,71	0,45	0,59
0,40	0,39	0,47	0,60	0,49	0,83	0,79	0,53	0,53	0,49	0,52	0,79	0,48	0,52	0,69	0,71	0,50	0,67
0,72	0,88	0,82	0,65	0,68	0,43	0,47	0,65	0,65	0,61	0,64	0,49	0,63	0,72	0,48	0,46	0,67	0,36
	0,82	0,64	0,74	0,70	0,53	0,44	0,47	0,47	0,63	0,60	0,40	0,63	0,60	0,50	0,38	0,56	0,34
	0,60	0,68	0,71	0,47	0,47	0,49	0,68	0,63	0,63	0,67	0,45	0,71	0,52	0,50	0,43	0,63	0,38
		0,72	0,63	0,47	0,49	0,72	0,72	0,61	0,64	0,44	0,61	0,57	0,48	0,54	0,59	0,32	
			0,95	0,66	0,69	1	1	0,85	0,90	0,85	0,61	0,85	0,76	0,60	0,59	0,75	0,38
				0,60	0,64	0,95	0,95	0,90	0,5	0,64	0,90	0,85	0,49	0,62	0,79	0,48	
					0,95	0,66	0,66	0,61	0,65	0,87	0,60	0,57	0,92	0,96	0,55	0,73	
						0,69	0,69	0,64	0,68	0,82	0,55	0,52	0,79	0,90	0,51	0,76	
								1	0,85	0,90	0,61	0,85	0,80	0,60	0,66	0,75	0,45
									0,85	0,90	0,61	0,85	0,80	0,60	0,66	0,75	0,45
										0,95	0,56	0,79	0,75	0,49	0,70	0,63	0,47
											0,59	0,84	0,79	0,52	0,66	0,67	0,50
												0,63	0,67	0,79	0,81	0,45	0,43
													0,95	0,55	0,61	0,71	0,53
														0,67	0,57	0,67	0,50
															0,71	0,44	0,67
																0,49	0,84
																	0,37

($\delta_2 > 0,90$), выделяются говоры XXIV и XXV, резко приблизившиеся к славянским говорам (мера близости к славянским говорам от 0,65 до 0,87, к говорам идиш — от 0,61 до 0,69).

Карпатский говор цыганского языка более близок к романским ($\delta_2 > 0,56$) и германским ($0,51 < \delta_2 < 0,79$) говорам, оказывавшим на него сильное влияние, чем к славянским ($0,38 < \delta_2 < 0,65$), влияние которых было слабее. Наоборот, говоры русских цыган ближе к славянским говорам ($0,52 < \delta_2 < 0,70$), чем к романским ($0,32 < \delta_2 < 0,36$) и германским ($0,45 < \delta_2 < 0,50$).

Генетически неродственные говоры могут сильно сблизиться в результате интенсивного контактирования. Так, например, очень близки друг к другу говоры населения в районе г. Болград, находящиеся в контакте около 150 лет: албанский и гагаузский ($\delta_2 = 0,95$), албанский и болгарский ($\delta_2 = 0,63$), албанский и идиш ($\delta_2 = 0,85$), гагаузский и болгарский ($\delta_2 = 0,67$), гагаузский и идиш ($\delta_2 = 0,80$).

4. В результате языкового контакта типологическое своеобразие говоров нивелируется. Характерно, что типичным говором для описанных нами говоров оказывается не «чистый» тип, а «смешанный» говор идиш XXV (наименьшая близость к другому говору $\delta_2 = 0,44$).

5. В зонах языкового контакта с разносторонними влияниями разных языков на данную группу генетически родственных говоров возможно увеличение своеобразия каждого из этих говоров и их типологическое удаление друг от друга.

Так, например, произошло с украинскими говорами Буковины. Говор XII, находящийся в изоляции в районе сплошного массива румынских говоров, значительно удалился от говора XIII, подвергавшегося польским влияниям ($\delta_2 = 0,53$), и говора XIV, испытывавшего и русское и румынское влияние ($\delta_2 = 0,51$).

6. Отсутствие контактов с другими языками или равномерное контактирование разных говоров с одним и тем же близкородственным языком приводит к их типологической близости при сохранении своеобразия каждого из них.

Украинские говоры, Полесья (I—VI), Волыни (VII), Подолии (VIII) и Галиции (IX), находившиеся в течение ряда веков в контакте с польским и русским языками при отсутствии сильных иных влияний, обнаруживают поразительную близость друг к другу ($0,73 < \delta_2 < 0,96$), несмотря на наличие характерных особенностей у каждого из них.

Полученные нами меры близости семантических полей разных говоров дают основание для построения типологии плана содержания.

Более детально мы остановимся на типологическом описании рассматриваемых говоров в следующих разделах в связи с характеристикой специализированных подсистем цветообозначений и их взаимоотношений с общей подсистемой.

5. ШИРИНА ДИСТРИБУЦИИ И РАЗВЕТВЛЕННОСТЬ СИСТЕМ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ РАССМАТРИВАЕМЫХ ГОВОРОВ

Для характеристики ширины дистрибуции цветообозначений рассматриваемых говоров материал каждого из них накладывается на три сетки — амплитуды лексических дистрибуций лексем *рудый*, *сивый* и *гнедой*:

	а	б	в	г
1) <i>сивый</i>	вообще «серый»			
	а		б	в
2) <i>рудый</i>	вообще «темно-красный»		о волосах	о собаке
	а		б	
3) <i>гнедой</i>	вообще «коричневый»		о коне	

При изложении мы не будем каждый раз рисовать эти сетки, а опишем факты, относящиеся к первой сетке, под номерами 1а, б, в, г, ко второй — 2а, б, в и к третьей — 3а, б.

Разветвленность семантического поля цвета выясняется при перечислении особых лексем следующих специализированных подсистем; лицо, глаза, волосы, коровы, кони, свиньи, собаки, овцы, птица. Наряду с прилагательными цвета указываются и соответствующие существительные — клички животных¹⁰.

- I. 1) а) сѣвый б) сѣвый в) сѣвый г) сѣвый
 2) а) рыжий б) рыжий в) рудый
 3) а) рыжий б) гныдый

Л и ц о: гныдый, румяный, бл'едный; в о л о с ы: русый, гныдый, рыжий; к о р о в ы: полóва — Половуха, Гныд'ажа, Лэс'а, Гныд'жа, пэр'и'ста — Пэрин'а («латки б'лого на ний»), дружкóва — Дружкó («корóва переп'асана попэр'эк б'лым»), б'ра; к о н и: п'остры — Пэстр'авка, р'абый («б'ла л'атка и чырвóна»), б'рый, полóвый, каштанóвый, буланóвый; с о б а к и: рудый («то рудый, то т'ил'ки соб'аку назыв'а'ют' рудый»); с в и н ь и: ж'рый.

Индексы системы: УД, ОР.

- II. 1) а) сѣвый б) сѣвый в) с'рый г) сѣвый
 2) а) рыжий б) рыжий в) рудый
 3) а) рыжий б) каштанóвый

Л и ц о: бл'едный, румяный; в о л о с ы: русый, рус'авый, рыжий; к о р о в ы: пасков'ата, чорнор'аба, каштанов'ата, дэришов'ата («быс'ава, мишана, чырвонос'ава»), полóва, г'ныда, Ж'учка — «ч'рна», Малы'на — «чырвóна з б'лым», Зор'ка — «ч'рна з б'лым», Ч'рва «красна з лыснóкою», Р'аба, Крас'л'а. К о н и: гны

¹⁰ Как и в разделе 3, из-за недостатка места мы опускаем описание материала говорок XVI—XXXVI.

дый («сывый»), буланый, каштановатый, мышак («сам сывый, а спына чорнажа»), мышасты, рудый; с о б а к и: рудый.

И н д е к с ы: УД, ОР.

III. 1) а) сывый	б) сывый,	в) с'ырый	г) сывый
2) а) рыжий	б) гныдой	в) ш'арый	
3) а) рыжий	б) гныдой		

Л и ц о: бл'едный, гныдой; г л а з а: с'ири, кары; в о л о с ы: рус'явый, черн'явый, гныдый, ш'арый, пудж'арысты; к о р о в ы: пыр'иста, лыса, рабажа, пудласыста, полов'ажа, муроваста (муроваста — «это похожа на т'игру, була колыс' в Окс'ен'и корова, то пасок гныдого, пасок чорного, пасок гныдого, пасок чорного»), Ластовка — «как сама чорна, а ч'ырыво б'ила», Сор'ока — «как латкы, б'ил'обка, й б'ила по чорному», Красул'а, Вышн'а — «как чыр'она», Зор'ка — «на л'обови мал'ен'ка латочка», Пырыв'языста, Сваха — «как чырыз спыну и чырыз б'оки б'илый пас, табы ручныком обв'азана», Ж'ука — «как чорна», Гныдажа, Пыр'ин'а, Б'елка — «как б'ила»; к о н и: гныдый, лывый, мышоватый, буланый, гырышоватый («чыр'она и по шырстыни б'ила, або чорна и по шырстыни б'ила»), рубл'астый, пыр'истый; с о б а к и: Ж'учык, Ж'учка — «чорный», М'урза — «бы рудый», Б'урык — «бы сывый», Лыска — «з лысынкою», Ш'арык — «ш'арый», Рабчык — «пыр'истый», пудж'арыстый, муровастый.

И н д е к с ы: УД, ОР.

IV. 1) а) сывый	б) сывый	в) с'ырый	г) сывый
2) а) т'маный	б) рыжий	в) рыжий	
3) а) т'маный	б) гныдый		

Л и ц о: рум'яный, рудый, бл'идный; г л а з а: с'ири, кары; в о л о с ы: рыжий, русый; к о р о в ы: Красул'а — «чыр'она», Пар'иста — «била чыр'она», Лыса — «ус'а чыр'она и голова лыса», Ж'ука — «чорна», Гн'едажа — «бы то т'омночыр'она», Половажа — «от сказаты бы на в'ел'мы муцно била то полов'ажа», Зор'ка, Гн'едка, Пудласка — «как пахвы били, а спына чорна»; к о н и: д'арышоватый — «ани чыр'онный, ани пол'овый, такый бы рудый», пол'овый, рубл'оватый, с'ырый — «ани сывый, ани чорный», гныдый, лысыый; с о б а к и: рудый — «одна шерстына чорна, друга ж'оута».

И н д е к с ы: УД, ОР.

V. 1) а) сывый	б) сывый	в) с'ырый	г) сывый
2) а) рыжий	б) рыжий	в) рыжий	
3) а) т'маный	б) гныдый		

Л и ц о: рум'яный, бл'идный; г л а з а: с'ири, кары; в о л о с ы: рыжий, рус'явый, бил'явый, чорн'явый; к о р о в ы: Ж'ука — «чорна», Красул'а — «чыр'она», Вышн'а — «муцно чыр'она», Пар'иста — «чорна латка, била латка», Полова — «ни к чорну, ни к б'елу, ж'оутују подобнују», Гнидажа — «бы чыр'она муцно, бы

чорна кро́хи»; к о н и: мышова́тый, гэрышова́тый, ка́штан, каштанова́тый, була́ный, ры́жий, па́рыстый, гниды́й, с'іры́й — «до б'э-лого подб'ирае́т'ся», сы́вый — «бу́дто т'маный сы́вый», лы́сый; с о б а к и: Жу́к — «чо́рный», Ру́дык — «бы то сы́ва в жо́го ша́рст'», и та́кий вун же, как тигра, та́ки хва́л'ки иду́т», поджа́рыстый — «зв'эрху рыжова́та поло́са, а пу́до спу́дом — жо́ўтый».

Индeксы: УД, ОР.

VI. 1) а) сы́вый	б) сы́вый	в) с'іры́й	г) сы́вый
2) а) черво́ный	б) ры́жий	в) руды́й	
3) а) кары́чный	б) гныды́й		

Л и ц о: румжа́ный, бл'ідный; г л а з а: с'іри; в о л о с ы: ры́жий, ру́сый; к о р о в ы: гн'ида́, поло́ва, бу́ра — «jak у мэні вул бу́у, то у н'ого поло́са св'э́тла, поло́са т'омна, то жо́го зва́ли бу́рый», голу́ба, голу́бка — «на кра́сному бі́лые ла́тки», чма́ри, ры́жи, ру́ди; к о н и: гныды́й, була́ный, р'абый, чма́рый; с о б а к и: руды́й, Ша́рик, Бу́рык; с в и н ь и: жа́рый, рабы́й.

Индeксы: УД, ОР.

VII. 1) а) сы́вый	б) сы́вый	в) сы́рый	г) сы́вый
2) а) бронзо́вый	б) ры́жий	в) ры́жий	
3) а) бронзо́вый	б) гниды́й		

Л и ц о: румжа́ный; г л а з а: ка́ри; в о л о с ы: ры́жий; к о р о в ы: кра́си — «з ла́тками», чо́рнокра́си, черво́нокра́си; к о н и: ка́штан — «чэрво́ный», гниды́й — «чэрво́ный и чо́рный, тэмночэрво́ный», шпак — «бі́лый з сы́вым», ка́рый — «чо́рный», бу́рый — «жо́ўта маст'», була́ный.

Индeксы: УД, ОР.

VIII. 1) а) сы́вый	б) сы́вый	в) сы́рый	г) сы́вый
2) а) руды́й	б) ры́жий	в) руды́й	
3) а) руды́й	б) гниды́й		

Л и ц о: румжа́ный, бронзо́вый; г л а з а: ка́ри, сіри; в о л о с ы: ры́жий; к о р о в ы: руда́, раба́, поло́ва, лы́са, па́рыста; к о н и: гниды́й, ка́рый, шпак — «сы́вый кин'», була́ный, па́рыстый, рабы́й, ка́штан; с о б а к и: Жу́к — «чо́рна», Сирко́ — «сы́ва», Ша́рик.

Индeксы: УД, ОР.

IX. 1) а) сы́вый	б) сы́вый	в) сы́вый	г) сы́вый
2) а) чырво́ный	б) руды́й	в) руды́й	
3) а) каво́вый	б) кра́сый		

Л и ц о: румжа́ный; в о л о с ы: руды́й; к о р о в ы: кра́си — «чэрво́ни», лы́си, чола́ви — «жо́ўта и бі́лэ лы́ца́», ла́си — «чэрво́на, бі́ли по́ясы ма́је», ба́гри — «чо́рни», мін'ка — «бі́ла», плэшка́ва — «бі́ла, жо́ўти ла́ткы ма́је»; к о н и: каштаны́; с о б а к и: руды́й.

Индексы: УД, ОР.

X. 1) а) сывый	б) сывый	в) сывый	г) сывый
2) а) тыгловый	б) рыжий	в) рыжий	
3) а) кавовый	б) чырвоный		

Л и ц о: румяный; в о л о с ы: рыжий; к о р о в ы: таркати, мантыфона — «красни, шыжу вэлыку мажут»; с о б а к и: рыжи, букулајисти; о в ц ы: лажиста — «чорна», голуба — «сыва», вакишиста — «маје паскы на лыци», букулајиста — «на лыци чорна», бразэста — «лицэ билэ».

Индексы: УД, ОР.

XI. 1) а) сывый	б) сывый	в) сирый	г) сывый
2) а) бурачковый	б) рудый	в) рудый	
3) а) кафовый	б) чырвоный		

Л и ц о: румяный; в о л о с ы: рузавый, чырлэный; к о р о в ы: флорика — «капкы бэлого, капкы чорного», Ружана — «цвиты маје як ружа», Мина, Мин'ка — «била», Балэја — «била», тарката (тароблиста), Таролэја, Лыса, Биланэја, Голубанэја, Жовтанэја¹¹, Прианэ — «сыва», Олачанэја — «сыва корова з бэлыми паскама»¹²; к о н и: Дэрэш — «кин', ани чырлэный, ани сывый», Цыган — «чорный», Шымыл' — «бэлый», Фукс — «таркатый, бэлый з чырлэным».

Индексы: УД, ОР.

XII. 1) а) сывый	б) сывый	в) с'ырый	г) сывый
2) а) багровый	г) рыжий	в) рыжий	
3) а) бурый	б) чырвоный		

Л и ц о: румяный; в о л о с ы: бл'ондый; к о р о в ы: таркати, тароли — «бэли з чырвоным», цымэнтал'ни — «бэли», Балэја, Ружана, Флорика, Лыса, Мальэнка — «ни жоўтэјава, ни чырвона такаја»; к о н и: буланый, фукс, чым'эл'е — «ани бэлый, ани сывый», буби — «кин' чырвоный тэмный».

Индексы: УД, ОР.

XIII. 1) а) сывый	б) сывый	в) с'ырый	г) сывый
2) а) чырвоный	б) рыжий	в) рудый	
3) а) кафовый	б) гнидый		

Л и ц о: румяный, бронзовый; г л а з а: кэри, с'ири; в о л о с ы: рыжий, русавый; к о р о в ы: таркати, сымэнтал'ни — «и нэ бэли, и нэ жоўти», Балэја, Ружана, Флорика, Красулэја — «чыр, вэна», Калынка — «тэмночырвэна», Таролэја — «чырвэна з бэлым»

¹¹ Эти клэчки зареєстрированы и украинским писателем М. М. Коцюбинским в описываемом районе во время его поездок по Карпатам (1910—1912 гг.). См. его «Тени забытых предков» в кн. «Повести и рассказы» (М., 1953, стр. 688, 690).

¹² Ср. В. Шухевич. Гучульщина, ч. 2. Львов, 1902, стр. 260.

Ласі́жа, Мін'ка; к о н и: була́ни, тарка́ти, гниди́, каштанови, бу́би, лыси, Цыган, Дэрэш, Лыс'ко, Чипил', Су́ра, Кашта́нка; с о б а к и: Мұр'ек, Цыган, Бобчик, Мұшка, Тэркуш, Фифи, Га́рик, Лыс'кó; о в ц ы: Малья́нка, Сы́вэн', Зірка, Га́лка, Чу́ла; п т и ц а: куры — Руса́лка, Була́нжа, Малья́на, Жо́утобрју́шка.

Индексы: УД, ОР.

XIV. 1) а) сы́вый	б) сы́вый	в) с'и́рый	г) сы́вый
2) а) ры́жий	б) ры́жий	в) руды́й	
3) а) ры́жий	б) гниды́й		

Л и ц о: румя́ный; г л а з а: ка́ри, си́ри; к о р о в ы: Бала́жа, Ружа́на, Флори́ка, Красу́лжа, Калья́нка, Таро́лжа, Мін'ка; к о н и: гниды́й, фу́кс, шымы́л', була́ный, каштановы́й.

Индексы УД, ОР.

XV. 1) а) си́рый	б) сы́вый	в) си́рый	г) си́рый
2) а) чырво́ный,	б) ры́жий	в) руды́й	
3) а) кафо́вый	б) гниды́й		

Л и ц о: румя́ный; г л а з а: ка́ри; в о л о с ы: русы́й, ры́жий; к о р о в ы: раба́, полба́, па́риста, му́ра, гнида́; к о н и: була́ный, гнидо́й, каштановы́й, ры́жий.

6. СПЕЦИАЛИЗИРОВАННЫЕ ПОДСИСТЕМЫ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ. ИХ СВЯЗЬ С ОБЩЕЙ ПОДСИСТЕМОЙ

Сопоставление индексов ширины дистрибуции и разветвленности семантического поля цвета в разных говорах позволяет сделать следующие выводы:

1. Каждая генетически родственная группа говоров характеризуется определенным соотношением ширины дистрибуции и разветвленности: все славянские говоры отличаются сильной разветвленностью при узкой дистрибуции, румынские — сильной разветвленностью при средней дистрибуции.

2. При языковом контакте жесткое соотношение между уровнем разветвленности и шириной дистрибуции, свойственное данной группе родственных говоров, нарушается. До контакта со славянскими говорами говоры идиш, вероятно, характеризовались широкой дистрибуцией при неразветвленности. Это состояние сохранилось в говорах XXVIII и XXIX, находящихся вне сферы влияния славянских языков, и в говоре XXIII, испытывавшем это влияние. Остальные говоры идиш в той или иной мере сблизилась со славянскими говорами: в говорах XXII и XXV узкая дистрибуция и разветвленность, в говоре XXIV — узкая дистрибуция и неразветвленность, в говорах XXVI и XXVII — средняя дистрибуция и разветвленность.

3. Между шириной дистрибуции и разветвленностью существует, вероятно, обратно пропорциональная зависимость: при уз-

кой дистрибуции наблюдается сильная разветвленность (славянские говоры), при широкой — неразветвленность (некоторые говоры идиш), при средней — разветвленность (албанский, гагаузский и другие говоры). Эта зависимость нарушается при языковом контакте, причем разветвленность оказывается более динамичным свойством, чем ширина дистрибуции (ср. среднюю дистрибуцию при сильной разветвленности в цыганских говорах), но и менее устойчивым (ср. узкую дистрибуцию при разветвленности в говорах идиш XXII и XXV и узкую дистрибуцию при неразветвленности — в говоре XXIV).

4. Разветвленность является более изменчивой переменной, так как ее характер тесно связан с типом культуры носителей говора. Говоры городских жителей отличаются неразветвленностью (говоры идиш XXIII, XXVIII, XXIX), говоры сельских — разветвленностью и сильной разветвленностью (остальные говоры идиш, за исключением говора XXIV, где тип хозяйства городской). Ширина дистрибуции независима от типа культуры¹³.

5. Разветвленность связана с типом культуры еще и в том отношении, что она проявляется только в тех специализированных подсистемах, которые развиты в связи с наличием соответствующей отрасли хозяйства. Наиболее яркий пример — сильная разветвленность цыганских говоров в области коневодства и отсутствие специфической лексики в других подсистемах. В славянских говорах Полесья имеются особые слова для обозначения масти свиней в связи с развитием свиноводства, но отсутствует терминология овцеводства. Противоположное явление наблюдается в славянских говорах Закарпатья, где овцеводство играет в хозяйстве первостепенную роль.

7. О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ В СЕМАНТИЧЕСКИХ ПЕРЕХОДАХ

Генетически родственные говоры, несмотря на географическую удаленность друг от друга, обнаруживают тенденцию к сохранению одного и того же типа плана содержания. Так обстоит со славянскими и румынскими говорами. Только интенсивное воздействие окружающих языков с несколько иным построением плана содержания может способствовать изменению первоначального типа. Это видно на примере говоров идиш XXIV и XXV. Тем не менее тенденция к сохранению типа плана содержания заметна и здесь — все остальные говоры идиш обнаруживают общие черты их первоначального типа.

При чрезвычайной устойчивости структуры плана содержания план выражения оказывается очень подвижным. Украинский и сербохорватский говоры, типологически эквивалентные друг

¹³ Термин «культура» используется здесь в том смысле, который ему придают в этнолингвистике.

другу, различаются однако лексемами, заполняющими типологическую решетку. Таким образом, одни и те же лексемы в разных говорах связаны с различными точками плана содержания.

Возникает задача определения закономерностей семантического развития одной и той же лексемы в группе генетически родственных говоров, территориально удаленных друг от друга. Разрешение этой задачи должно проводиться в три этапа: 1) выделение списка лексем, изменяющих свои значения; 2) классификация полученного материала; 3) интерпретация материала.

Следует заметить, что цветообозначения как группа лексики отличаются особым непостоянством и расплывчатостью значений, что заставляет составителей этимологических словарей отказываться от поисков закономерностей изменения значений этих слов. Обычно считают, что здесь «все переходит во все». Этот факт заставляет с большой осторожностью делать выводы по имеющемуся у нас материалу. Кроме того, по этой причине целесообразно ограничиться лишь кругом одной группы говоров, привлекая остальные лишь как типологические параллели. Поскольку славянский материал представлен в нашей работе шире, чем материал остальных языков, изберем его в качестве основного.

Выделим сильные и слабые звенья системы цветообозначений. Сильными назовем звенья, сохраняющиеся по всей славянской территории, слабыми — обнаруживающие в разных говорах замены другими лексемами. Общеславянскими лексемами, не изменяющими своих значений, являются названия белого, черного, желтого и зеленого цветов¹⁴.

Слабыми звеньями являются названия оттенков вышеперечисленных цветов, а также названия серого, голубого, синего, красного, фиолетового и коричневого цветов и их оттенков. В этой обширной зоне слабых звеньев системы цветообозначений происходят семантические изменения соответствующих лексем. Таким образом, дивергенция славянских говоров заранее ограничена наличием сильных звеньев системы и семантические переходы становятся возможными лишь в определенной зоне слабых звеньев. Можно попытаться определить те основные пути в плане содержания, которые проходят лексемы при семантических изменениях. Движение лексем по этим путям происходит в обоих направлениях. Поэтому, зная конечную точку семантического изменения лексемы и пути ее движения к этой точке, можно восстановить весь ход ее семантического развития¹⁵.

¹⁴ Эти лексемы типологически наиболее устойчивы. На этом основании они включаются во все списки наиболее сохраняемых слов, использующихся в целях глоттохронологии (+ название красного цвета) (см. О. С. Широков. Происхождение бессарабских албанцев (опыт глоттохронологии). ФН, 1962, № 4, стр. 26—36).

¹⁵ Классификация типов семантических изменений, приведенная здесь, не вызывает сомнений. Однако в силу того, что мы рассматриваем один и тот же синхронный срез разных говоров, отнесение некоторых изменений к тому или иному типу не всегда бесспорно.

**Семантические изменения как результат потери
или прибавления одного семантического
компонента**

При составлении типологической таблицы мы исходили из понимания цветообозначений как системы, построенной на принципе сочетания семи основных компонентов. Анализ путей семантических изменений цветообозначений подтверждает правомерность такого подхода. Ряд семантических изменений происходит как потеря цветообозначением одного из компонентов значения. Оставшийся компонент и составляет новое значение лексемы. Сюда отнесем тот случай, когда лексема со значением «коричневый» (т. е. красный + серый) приобретает значение «серый»:

укр. *рудый* 'коричневый' (VIII) — *рудый* 'загорелый' (IV, V) — *рудый* 'серый' (о полотне) (I—VI)¹⁶;

укр. *гныйдый* — 'коричневый' (I) — *гныйдый* 'загорелый' (тот же говор);

рум. *murg* 'гнедой' (о коне) (пункты 72, 182, 192, 605, 728, 928 и др.) — *murg* 'серый' (о коне) (пункты 84, 414, 574, 886 и др.)¹⁷;

рум. *вѣныта* 'фиолетово-коричневый' (говоры XVIII, XIX, XXI) — *вѣныта* 'серый' (о корове) (говор XX).

Потеря компонента произошла и в следующих случаях:

укр. *багрый* 'темно-красный' (о корове) (VII) — *багрый* 'черный' (о корове) (IX);

рум. *roib* 'гнедой' (о коне) (пункты 64, 130, 791, 876 и др.) — *roib* 'серый' (о коне) (пункт 723)¹⁸;

рум. *castaniu* 'каштановый' (общерум.) — *castaniu* 'серый' (о коне) (пункт 899)¹⁹.

Семантическое изменение может идти и в противоположном направлении — путем приобретения лексемой еще одного компонента значения:

укр. *т'маный* 'сероватый' (III) — *т'маный* 'коричневый' (т. е. красный + серый) (IV и V);

¹⁶ В деревнях Здитово и Спорово Березовского района Брестской обл. нами была записана широко распространенная на Украине песня:

Ой ты, руда, хбды сјуда,
А ты, чорна, пбстуй там,
А з рудѣју поговбрју
А до тѣбѣ прјјду сам.

Из-за того, что *рудый* обозначает в этих деревнях «загорелый», информанты не понимали смысла песни, основанного на противопоставлении брюнетки рыжей девушке.

¹⁷ Atlasul lingvistic romѣn, Serie noua, vol. 2. Bucuresti, 1956, карты 275, 276.

¹⁸ Там же.

¹⁹ Там же.

рум. *negroiu, negru* 'серый' (о коне) (пункты 105, 284) — *negroiu, negru* 'гнедой' (о коне) (пункты 310, 316)²⁰;

сербохорв. *mirc* 'серый' (о коне) (пункт 991) — *mirc, mrc* 'гнедой' (о коне) (пункты 36, 37, 47)²¹;

турецк. *g'ok* 'серый' (о коне) — *g'ok* 'гнедой' (о коне)²²;
джагатайск. *böz* 'серый' — *böz* 'гнедой' (о коне)²³.

Механизм приобретения лексемами новых семантических компонентов может быть удовлетворительным образом объяснен как результат действия принципа экономии. В говоре I, где *m'má-nýj* известен только в значении «сероватый», «темноватый» информант уточнил значение слова «бурачковый» следующим образом: *это красном'жноје такеје*. В результате многократного повторения подобного рода сложных слов один из его компонентов мог быть утрачен, а оставшийся принимал значение прежнего сложного слова. Таким образом осуществлялись следующие семантические переходы:

польск. *blady* 'бледный' (общепольское) — *blady* 'розовый' (в районе г. Лович) — очевидно как сокращение из *bladoczerwony*²⁴;

польск. *jasny* 'светлый' (общепольск.) — *jasny* 'голубой' (Великопольша, Мазовия, Силезия) — из сокращения *jasnomodry*²⁵;

укр. *jasnýj* 'светлый' (общееукр.) — *jasnýj* 'голубой' (X);

польск. *swiatly* 'светлый' (общепольск.) — *swiatly* 'голубой' (Силезия)²⁶;

польск. *białawy, białasy* 'беловатый' (общепольск.) *białawy, białasy* 'голубой' (на границе Польши и Чехословакии)²⁷.

Вероятно, подобным же образом возникло и румынское *albastru* 'синий' из *alb* 'белый'. Процесс этого перехода уже полностью окончен, о чем свидетельствует широкое употребление конструкции *alb albastru* (XIX) 'голубой цвет, очень яркий' (дословно, по внутренней форме — 'белый — беловатый').

Смежность беловатых, сероватых и сизоватых оттенков в реальном мире приводит к чрезвычайной легкости семантических переходов между названиями этих цветов. К этой группе переходов можно отнести помимо уже перечисленных следующие:

польск. *siwy* 'серый' (общепольск.) — *siwy* 'синий' (Малопольша);

²⁰ Там же.

²¹ Там же.

²² J. Laude-Cirtautas. Der Gebrauch der Farbenbezeichnungen in den Turkdialekten. Wiesbaden, 1961, стр. 69.

²³ Там же, стр. 88.

²⁴ А. Загэба. Nazwy barw w dialektach i historii języka polskiego. Wrocław, 1954, стр. 150.

²⁵ Там же, стр. 36.

²⁶ Там же, стр. 40.

²⁷ Там же.

рум. *sarg* 'желтоватый' (о коне) — *șergoșoi* 'серый' (о коне) (пункт 316)²⁸;

татарск. *kük* 'синий', 'зеленый' — *kük* 'желтовато-серый' (о лошади)²⁹;

рум. *сур* 'серый' — болг. *сур*. 'белый' (о коне) (XXX)³⁰;

словенск. *sinu* 'синий' — *siniasty* 'серый'³¹;

сербохорв. *modar* 'синий' — рум. *modur* 'серый' (о коне) (пункт 2)³²;

сербохорв. *sinji* 'синий' — *sinjast*, *sinjav* 'пепельно-серый' (о сукне)³³;

укр. *голубый* 'синий' (IX—XIII) — рум. *hulub* 'серый'³⁴.

Все указанные выше примеры можно объяснить как результат утери или приобретения нового семантического компонента. Трудность восстановления пути семантического развития заключается в данном случае в исчезновении промежуточного звена. Разумеется, переход «синего» в «серый» происходил потому, что первоначальное название обозначало не только чисто синие, но и нейтральные синева-серые тона. Всегда при семантическом переходе необходимо отыскать то промежуточное звено, в котором присутствуют оба семантических компонента, помогающих объяснить путь семантического изменения³⁵.

Многочисленны факты механического присоединения нового семантического компонента при сохранении прежнего. Эти примеры не требуют разъяснений:

словенск. *žagi* 'ярко-красный'³⁶ — укр. *жарый* 'яркокрасный' (с. Шиловцы Новоселицкого района Черновицкой обл.)³⁷ — *жэры* (о свиньях) 'свиньи в полоску — черную и коричневую вдоль хребта' (I, VI)³⁸;

укр. *рудый* 'рыжий' (общееукр.) — *рудый* 'тигровой масти' (о котах, собаках) (IV, V);

²⁸ «Atlasul...», карты 275, 276.

²⁹ J. Laude-Cirtautas. Указ. соч., стр. 79.

³⁰ Ср. Э. И. Полторацкая-Зеленина. Словарь говора села Суворово Одесской обл. УССР. «Статьи и материалы по болгарской диалектологии СССР», вып. 5. М., 1954, стр. 65—144.

³¹ M. Kalal. Slovensky slovník. Banská Bystrica, 1924.

³² «Atlasul...», карта 276.

³³ F. Iveković, I. Broz. Rječnik hrvatskoga jezika. Zagreb, 1901.

³⁴ P. Jitaru. Glosar regional. «Limba rumană», 1963, № 5, стр. 534.

³⁵ Это звено легко восстановить в следующих случаях: словенск. *rumeni* 'красный' — словенск. *rumeni* 'желтый' (М. Хостник. Словинско-русский словарь. Горница, 1901). Идиш. *gul* 'желтый' (XXII) — *gul* 'рыжий' (о собаке) (XXII).

³⁶ М. Хостник. Указ. соч.

³⁷ Зарегистрировано в этом же значении в других украинских говорах (см. J. Japbш. *Gwaga małoruska Moszkowie i Siuki Naddniestrzańskie*. Львів, стр. 220).

³⁸ Зарегистрировано и в других пунктах Полесья (см. Cz. Pietkiewicz. *Polesie gęszczyńskie*, cz. I. Kraków, 1928, стр. 70). Весьма вероятно влияние литовского языка. См. литовск. *degti* 'гореть' и *deglā* (о свиньях) 'желто-белой масти' (С. Субачюс, район Купишкис Литовской ССР, сообщил А. И. Скупас).

польск. *murduś, murziasty* 'корова темной масти'³⁹;
укр. *мурѹгий* 'темно-серый' (о корове)⁴⁰ — болг. *мурга* 'вороной' (о козе) (XXX) — укр. *мурѹгий* 'полосатый' (о животном) (XV)⁴¹;

укр. *красый* 'красный' (о корове) (IV, V, IX) — *красый* 'пестрый' (о корове) (VII).

Семантические изменения, не входящие в вышеперечисленные схемы

Мы перечислили все основные пути изменения значений названий цвета. Сейчас попытаемся найти объяснение некоторым раритетам, представляющим, однако, несомненный интерес.

Рассмотрим следующий случай:

Лексема *голубый* имеет обычно значения «синий», «голубой». Однако в специализированных подсистемах ряда говоров она употребляется в иных значениях:

- 1) *злуба* (о корове) 'серая'⁴²;
- 2) *голуба* (об овце) 'серая' (X);
- 3) *голуба* (о корове) 'белая'⁴³;
- 4) *голуба* (о корове) 'красная с белыми пятнами' (VI).

Первые три употребления лексемы *голубый* объясняются очень просто как потеря одного из семантических компонентов — «голубовато-серый» → «серый», «светлый + синий» → «белый». Сюда примыкают и те случаи, когда лексемы «зелен» и «син» употребляются в значении «серый» (о конях, овцах)⁴⁴.

Четвертое употребление лексемы *голубый* не вмещается ни в одну из вышеописанных схем семантических изменений. Тем не менее это употребление не кажется при серьезном разборе вопроса удивительным. Вспомним, что система цветообозначений каждого говора состоит из ряда подсистем: общей и нескольких специализированных, терминологических. Подсистемы относительно независимы и замкнуты. Это и делает возможным использование любой лексемы общей подсистемы в другом значении в рамках специализированной подсистемы. Входя в специализированную подсистему, лексема оказывается под влиянием новых факторов. При четкой дифференциации мастей коров в говоре VI *красная*

³⁹ S. L u k a s i k. Pologne et Roumanie. Aux confins des deux peuples et des deux langues. Paris, 1938, стр. 205.

⁴⁰ Там же, стр. 205.

⁴¹ Ср. О. Н. Т р у б а ч е в. Происхождение названий домашних животных в славянских языках. М., 1960, стр. 27.

⁴² В одном из хорватских говоров (см. М. Г. Г р у ж и ć. Imena goveda (Liika). «Zbornik za narodni život i običaje južnih Slavena. Zagreb, knj. 26, sv. 2, 1928.

⁴³ В одном из говоров Боснии (см. Т. К а п а е т. Podvelžje i podvelšci. «Naučno društvo nr Bosne i Hercegovine». Djela, kn. 6, Sarajevo, 1955).

⁴⁴ См. Т. К а п а е т. Указ. соч., а также Ст. М. М и ј а т о в и ћ и Т. Б у щ е т и ћ. Технички радови Срба селака у Левчу и Темнићу. «Српски етнографски зборник», кн. 32. Београд, 1925, стр. 61—62.

корова оказывается общим названием, слово *краснопестрая* неприемлемо в силу принципа экономии, поэтому и открывается возможность слову общей подсистемы *голубáя* занять пустую клетку в специализированной подсистеме. Несколько необычное значение лексемы *голубáя* в специализированной подсистеме объясняется самой природой специализированных подсистем. Каждая специализированная подсистема цветообозначений наименований мастей животных состоит из двух слоев слов: прилагательных цвета — имен нарицательных и соответствующих им существительных — кличек животных по масти, имен собственных. Клички животных обычно образуются от названий мастей. Эта тенденция настолько последовательна, что даже родовое название собаки в славянских языках *ръсь* возводят к корню *ръstrъ*, т. е. «пестрый»⁴⁵. Клички животных как имена собственные не имеют предметного значения, они не значат, а называют. Поэтому столь част отрыв смысла кличек животных от смысла соответствующих им цветообозначений. В обследованных нами румынских говорах Буковины *Ружáна* обозначает либо красную корову, либо красную корову с белыми пятнами и ассоциируется со словом *рúжа* 'роза', *Флорjáна* обозначает красную корову с белыми пятнами и связывается со словом *флбри* 'цветы'. В молдавском говоре ХХI произошло переосмысление: *Флорjáна* — это корова, родившаяся либо на троицу (*ла флбри*), либо в среду, либо в пятницу. Примерно такое же развитие претерпела лексема *Флорjáна* в румынских говорах Олтении, где она означает корову, родившуюся в троицын день (*наскýта ла флбри*). В этих же говорах *Ружáна* обозначает корову, родившуюся в вербную неделю (*наскýта ла русулы*)⁴⁶.

Можно предположить, что подобный же путь прошла и лексема *голубá*. В говоре III засвидетельствована лексема *голубка* — кличка любой красивой коровы. Эта же лексема отмечена нами и в говоре VI со значением «краснопестрая корова». Вполне вероятно, что носители данного говора считали краснопестрых коров наиболее красивыми и перенесли на них кличку *голубка*. Впоследствии под влиянием этой клички прилагательное общей подсистемы *голубый* стало ассоциироваться с краснопестрой мастью коров и приобрело новое значение в рамках специализированной подсистемы⁴⁷.

⁴⁵ О. Н. Трубачев. Указ. соч., стр. 19—20.

⁴⁶ См. St. Pascu. Nume de persoane si nume de animale in țara Oltului. Academia Romina. Studii si cercetari, vol. 26, 1936, p. 152.

⁴⁷ Подобного рода энантиосемия не согласуется с тенденцией к логической непротиворечивости значений одного и того же слова. Поэтому в ряде случаев сосуществование столь противоположных семантем ведет к формальному расщеплению прежде единой лексемы. Литовское литературное *žalias* 'красный' (о корове) формально обособилось от лексемы *žalias* 'зеленый'. То же произошло и в латышском языке: *zāls* 'красный' (о корове), *zāls* 'зеленый' (см. E. Fraenkel. Litauisches etymologisches Wörterbuch. Heidelberg, Lief. 17, 1963).

Конкретные пути приобретения словами общей подсистемы новых значений могли варьироваться, но весьма важен основной принцип: лексема приобрела «необычное» значение потому, что переходила в специализированную подсистему, где само распределение элементов диктовало изменение значения.

Внимательное изучение всех случаев наличия у одной лексемы цветообозначения двух несовместимых цветовых значений приводит к выводу, что сосуществование этих значений является возможным только из-за их принадлежности к разным подсистемам — общей и специализированной. Изолированность этих подсистем относительно друг друга, а также своеобразная организация каждой из них способствуют психологически нечувствительному для носителей говора одновременному сосуществованию двух разных значений у одной лексемы.

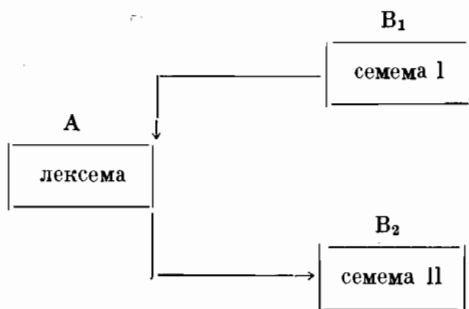
Из семантических изменений, выходящих за пределы поля цвета, отметим три наиболее показательных:

1. Название породы — название цвета: укр. *сымэнтáл'с'ка корóва* 'порода коров, вывезенных из Симментала' (Швейцария) — укр. *сымэнтáл'на* 'желтоватая корова' (XI—XV) — рум. *цыментáлэ* 'желтоватая корова' (XVIII—XX); польск. *gasowy byk* 'племенной бык' — укр. *расóвый бык* 'бык красной масти' (IV, V); рум. *svaițaru* 'швейцарский' — рум. *svait, svaițaru* 'пестрый' (о коне).

2. Цвет поверхности предмета (животного) — иное свойство поверхности предмета (животного): сербохорв. *rud* 'красноватый' — *rudast* 'густой' 'кудрявый' (о шерсти овец); укр. *рун'истый* 'курчавый' (о шерсти) (I, III и др.) — укр. *рун'истый* 'зеленый' (о жите) (VI).

3. Название цвета — название политической принадлежности: укр. *красный* 'красный' (VI) — укр. *красный* 'советский' (VI); укр. *сов'етский* 'советский' (I) — укр. *сов'етский* 'яркокрасный' (о полотне) (I).

При любом семантическом изменении происходит установление связи лексемы с новым содержанием — с новой семемой. Этот сдвиг можно изобразить графически следующим образом:

Слово в первоначальном значении представляет собой единство лексемы А и семемы V_1 , слово в изменившемся значении — единство лексемы А и семемы V_2 . Изменение значения происходит как установление связи между лексемой А и семемой V_2 . Если обе семемы V_1 и V_2 принадлежат к семантическому полю цвета, то они могут связываться с одной и той же лексемой при наличии у них хотя бы одного общего семантического компонента. Семантическое изменение происходит либо путем прибавления к семеме V_1 семантического компонента ($V_2 - V_1$), либо путем утери семемой V_1 семантического компонента ($V_1 - V_2$). Оба цветовых значения — и прежнее, и новое — могут сохраняться в смысловой структуре слова ($A V_1 V_2$) при том условии, что одно из значений относится к общей подсистеме цветообозначений, а второе — к одной из специализированных подсистем.

Любое семантическое изменение происходит в результате некоторого опосредствованного, прошедшего через человеческое сознание, сближения соответствующих семемам V_1 и V_2 предметов или свойств действительности. Если обе семемы принадлежат к одному и тому же семантическому полю, изменение обязательно произойдет путем прибавления или потери семантического компонента, так как семемы семантического поля связаны между собой общими семантическими компонентами. Эта закономерность недействительна в том случае, когда семемы V_1 и V_2 относятся к разным семантическим полям. Семемы V_1 и V_2 не имеют при этом общих семантических компонентов, поэтому семантическое изменение приводит к установлению новых связей между двумя семантическими полями. Если связь двух семем, принадлежащих к разным семантическим полям, оказывается универсальной для многих языков, то можно говорить о семантической закономерности. Таковы пары семем «зеленый» — «молодой», «белый» — «хороший», «черный» — «плохой».

Системная организация семантического поля накладывает ограничения на свободу семантических переходов. Когда семема V_2 уже связана с какой-то лексемой A_2 , семантическому переходу $V_1 - V_2$ через лексему A_1 ставится препятствие в виде слова A_2V_2 . Связь системности семантического поля со свободой семантических изменений внутри этого поля можно показать следующим образом⁴⁸:

№ пункта	«Темно-красный» (о коне)	«Серый» (о коне)	«Пестрый» (о коне)
414	roib	murg	pag
886	roib	murg	bălțat
723	murg	roib	balțat
899	murg	castaniu	dereș
928	roib, murg	bučiu	bălțat
872	roib	dereș	bălân
193	vereș	murg	rotat

⁴⁸ «Atlasul...», карты 275—277.

В пункте 928, например, обе лексемы *murg* и *roib* оказались синонимами, поскольку клетка «серый» оказалась занятой. В пунктах 414, 886, 723 эти лексемы связаны с разными семемами, так как обе клетки оказались свободны. Один семантический сдвиг может вызвать «цепную реакцию» сдвигов в семантическом поле. В пункте 899 лексема *murg* заняла клетку «темно-красный», а в пустую клетку — «серый» — попала лексема *castaniu*, первоначальное значение которой — «каштановый». Семантические изменения, как и фонологические, происходят путем заполнения пустых клеток системы. В пункте 192 лексема *murg* связана с семемой «серый», а пустая клетка — семема «темно-красный» — была заполнена заимствованием из венгерского языка — лексемой *vereş*. В пункте 872 в незаполненную клетку «серый» устремилась лексема *dereş*. При занятии ею этой клетки осуществился семантический переход «пестрый» — «серый».

Вопрос о закономерностях семантических изменений представляет особый интерес для типологии семантики. Изучение путей семантического развития может в ряде случаев послужить основой для построения в целях типологии семантики моделей — эталонов семантических микрополей⁴⁹. Однако мы здесь не идем по этому пути, так как в рамках нашего семантического поля модель — эталон была получена более легким способом. Тем не менее полученный нами материал о закономерностях семантических изменений может быть использован и для построения типологии семантики на иных основах.

8. ВЛИЯНИЕ ЯЗЫКОВЫХ КОНТАКТОВ НА ПЕРЕСТРОЙКУ СИСТЕМЫ ЦВЕТООБОЗНАЧЕНИЙ И НА НАПРАВЛЕНИЕ ИЗОЛЕКС

Под языковым контактом мы понимаем здесь взаимодействие двух языков (говоров) на лексическом уровне, ведущее к взаимному сближению семантики этих языков (говоров). В предыдущих разделах мы уже рассмотрели вопросы, связанные со сближением семантических структур полей цвета двух говоров, а также их характеристик — разветвленности и ширины дистрибуции — при контактировании этих говоров.

Сейчас мы перейдем к описанию процессов, происходящих при лексическом заимствовании — результате языковых контактов, и влияния языковых контактов на географическое размещение тех или иных лексем на определенных территориях. Эти проблемы касаются не только плана содержания, но в первую очередь плана выражения рассматриваемой нами группы слов и потому не могли быть освещены раньше.

При заимствовании лексики критерий существования сильных и слабых звеньев системы цветообозначений оказывается не-

⁴⁹ См. Н. И. Толстой. Указ. соч.

действительным. Вся система цветообозначений в целом подвергается интенсивному воздействию иной системы цветообозначений. Конечный пункт этого воздействия — полная унификация обеих систем. Поэтому каждая пара рассматриваемых нами систем находится на пути к такой унификации. Воздействие одной системы на другую чаще, чем это можно было бы предполагать, носит односторонний характер.

Например, говоры идиш и цыганские говоры подвергались иноязычному влиянию, в свою очередь не оставляя заметного следа на окружающих говорах. Литературные языки самым радикальным образом разрушают структуры диалектной лексики, не испытывая обратного влияния. Отсутствие обратной связи вызывается обычно целым комплексом условий социально-культурного плана. Почему южнорусский говор с. Белая Криница (говор XVI), находящийся в течение нескольких веков в изоляции среди украинских и румынских говоров, заимствовал множество лексем, ничего не дав взамен? Очевидно, потому, что социально-культурная эволюция определялась в целом большим коллективом народонаселения и изолированный островок иноязычного старобрядческого населения (село состоит из 200 дворов), стойко сохранявший свой жизненный уклад, подвергся общим тенденциям, не будучи в состоянии оказать обратное влияние хотя бы в силу своей малочисленности.

Случаи взаимовлияния отмечены нами на Буковине (украинско-румынские) и в Южной Бессарабии (украинско-гагаузско-болгарско-молдавско-албанские). В последнем случае это взаимовлияние носит неглубокий характер и ограничивается преимущественно лексикой специализированных подсистем.

Рассмотрим основные результаты влияния одной системы цветообозначений на другую. Результаты этого влияния вызывают изменения в форме, значении и дистрибуции слов. Когда в говоре В, подвергающемуся влиянию говора А, отсутствует слово, равное по значению заимствованному, то:

а) слово проникает в говор В, сохраняя и прежнюю форму, и прежнее значение:

польск. *granatowy* — укр. *гранатовый* (VII, XIII);

польск. *pomarańczowy* (XXIII) — укр. *помаранчевый* (XI, XIII);

польск. *liliowy* — укр. *лилієвий* (XII, XIII);

польск. *cytronowy* — укр. *цитроневый* (XI);

польск. *krętowny* — укр. *кремевый* (XI);

русс. *оранжевый* — идиш *оранжевы* (XXII, XXV, XXVI, XXVII);

укр. *бурачковый* — идиш *бурачкёвы* (те же говоры);

б) заимствованное слово сохраняет прежнее значение, но фонетически значительно изменяется в соответствии со звуковым строем говора В:

рум. *аламбю* (XVIII, XIX, XX) — укр. *ламбевый* (XII);

польск. *kawowy* (XXXII) — укр. *каф'бовый* (XI, XIII, IV);
укр. *р'бовый* (VI) — рум. *р'бзиви* (XX);
польск. *bronzowy* — идиш *бр'онз* (XXIV);
рум. *алам'бу* (XVIII—XX) — укр. *нэл'ажный* (IX);
польск. *brunatny* — укр. *брум'атный* (X);

в) заполняется та же клетка семантического поля, но материалом говора В — слово калькируется (полная замена формы при сохранении значения):

рум. *ченуш'у* (XVIII—XX) — русск. *зол'бовый* (XVI);
рум. *памын'т'бс* (XIX) — укр. *зэм'аный* (X);
укр. *цыг'л'бовый* (XI) — рум. *карамиз'у* (XIX).

Если при заимствовании место заимствованного в говор В слова уже занято, то возможны следующие случаи:

а) оба слова сосуществуют и употребляется попеременно (две лексемы «обслуживают» одну семему): *чэр'бонный/чыр'л'эный* (XIV), *крас'ный/чэр'бонный* (I—VI), *корычн'эвий/т'маный* (II, IV), *кир'пичный/цыг'л'ажный* (II), *фиолетовый/бэз'бвий* (II), *корычн'евы/бро'жн* (XXII);

б) дистрибуция слова говора В сужается, и освободившееся место занимает заимствованное слово (незначительное фонетическое изменение лексемы при изменении дистрибуции семемы): *гру'в* (только о волосах) — *с'эры* (обо всем остальном) (XXVI, XXVII); *сы'вий* (обо всем, кроме глаз) — *с'ыры* (только о глазах) (II);

в) значение слова говора В сужается, и это место занимает заимствованное слово (незначительное изменение формы при сужении объема значения): *сы'вий* 'темно-серый' — *с'эрый* 'светло-серый' (IV); *ро'ж'бовый* 'темно-розовый' — *р'бовый* 'светло-розовый' (с. Кокорица Дрогичинского района Брестской обл.); *чэр'л'эный* 'светло-красный' — *чэр'бонный* 'красный' (с. Нова Жадова Сторожинецкого района Черновицкой обл.).

Все вышеперечисленные случаи являются тривиальными, и мы их приводим лишь как иллюстрацию различных путей проникновения слов из одной системы в другую при контакте. Подлинно научное освещение вопросов контактирования должно, как нам кажется, проводиться в рамках вначале отдельного изучения двух «чистых» типов, а затем изучения их интерференции в «смешанном» типе.

К сожалению, совершенно неясны критерии выделения «чистых» и «смешанных» типов, а сама процедура полного описания даже микросистем настолько трудоемка, что лингвисты, на словах декларируя необходимость такого подхода, редко идут дальше фонологического уровня⁶⁰.

⁶⁰ Программу подобного рода исследований можно найти в кн. И. Weinreich. *Languages in contact*. New York, 1953.

Мы попытались провести очень несовершенный опыт изучения взаимодействия двух систем цветообозначений на материале влияния украинского литературного языка на украинский говор с. Нова Жадова Сторожинецкого района Черновицкой обл. Система цветообозначений этого говора идентична уже описанной нами системе говора XI. Отметим необычайное богатство системы цветообозначений в этом районе, что в значительной мере объясняется тонко развитым чувством цвета у местного населения⁵¹. Цветообозначения говора были собраны путем опроса 27 информантов — женщин в возрасте 40—60 лет, никогда не выезжавших из села. В какой-то мере это служило гарантией того, что нам удалось получить «чистый» тип. Поскольку «чистота» определялась только относительно украинского литературного языка, контактировавшего с говором не более 16 лет (наш эксперимент проводился в сентябре 1959 г.), можно быть уверенным в достоверности результатов опроса. Затем путем анализа произведений украинской художественной литературы был выделен список цветообозначений украинского литературного языка. Мы должны были по нашей стандартной схеме установить систему цветообозначений современного украинского литературного языка. С этой целью было опрошено 16 преподавателей украинского языка в средней школе. При опросе испытуемые были предупреждены, что крайне желательно получить факты литературной нормы. Списки слов, извлеченных из художественной литературы и полученных от информантов, были сравнены и общие для них элементы включались в систему цветообозначений литературного языка.

Система цветообозначений украинского литературного языка

1 червоний	1b, c × 4b	фиолетовый
2 жовтий	1 × 7b	коричневый
3 зелений	1 × 6a	бурачковый
4a блакитний/голубий	1b × 1b	вишневый
4b, c синій	2b × 1a	оранжевый
5 білий	2b × 6b	цегельний
6 чорний	2c × 2c	жовтогорячий
7 сірий	3a × 2a	салатовий
	4b × 7b	сизий
	1a, b × 5b	рожевий

⁵¹ «Гуцульская колористика проявляется в многогранных формах, например, в цветной мозаичной инкрустации на изделиях из дерева и мягких металлов; в «плетенках» и «сербанах» с геометрическими узорами, выплетенными путем мастерского напизывания мелких разноцветных бусинок; в весенне-пасхальных «писанках» с узорами, выполненными тонким рисунком в природных красках на яйцах; в вышивках на сорочках; в производстве цветных узорчатых ковров; в утонченности орнаментально-цветной посуды; в эстетическом оформлении отдельных частей мужской и женской одежды и т. д. и т. п.» (Б. В. К о б л я н с к и й. Діалекти і літературна мова. Київ, 1960, стр. 212).

1b × 7a	рудий	4b × 4b	ультрамариновый
2b × 5b	золотий	1b × 4a	малиновый
1a × 4b	бузковий	1c × 4c	чорнильний ⁵²

С. Нова Жадова расположено в 17 км от районного центра Сторожинец, в стороне от путей сообщений, к моменту проведения эксперимента не было радиофицировано. Это изолированное положение позволяет считать, что украинский литературный язык еще не смог оказать здесь сильного влияния. Поэтому мы избрали объектом нашего эксперимента не взрослых, а школьников Новожадовской семилетней школы. Это учащиеся 5—7 классов, уже испытывавшие через школу и чтение художественной литературы влияние литературного языка⁵³. Усвоив вначале в семье диалектную систему цветообозначений, учащийся сталкивается в школе с новой для него системой цветообозначений литературного языка. Как это противоречие разрешается в языковой практике школьников в возрасте 9—13 лет?

Был проведен индивидуальный опрос 70 учащихся по обычной процедуре. Если обозначить употребление слова литературного языка +, диалектизма — и выразить количество положительных и отрицательных ответов в процентах (имеется в виду, что 100% — это согласие в ответах всех 70 испытуемых, 50% — 35 испытуемых и т. д.), то полученные данные представляются следующим образом: 1 + червоний 100%, 2 + жовтий 100%, 3 + зелений 100%, 4a + голубий 50% — синий 50%, 4b, c + синий 50% — голубий 50%, 5 + білий 100%, 6 + чорний 100%, 7 + сірий 70% — сивий 30%, 1b, c × 4b + фіолетовий 18% — лілієвий 72%, 1 × 7b + коричневий 24% — кафовий 66%, 1b × 6a + бурачковий 100%, 3a × 5b — трав'яний 50%, 2a × 1a — кукурудз'овий 42%, 1a, b × 5b + розовий 40% — ружевий 60%, 1c × 4c + чорнильний 80% 2b × 1c + оранжевий 100%, 2b × 5b + лимонний 100% 1b × 1b + вишневий 100%.

Цветообозначения, основанные на сравнении с цветом конкретного предмета (типа *вишневий*), совпадают обычно с литературным языком, и потому полностью исчезают из речи детей лишь те слова, где исчезает основа этого сравнения (названия *помаранчевий*, *цитронний* исчезли из речи учащихся потому, что *помаранч* они уже называют *апельсином*, а *цитрину* — *лимоном*).

⁵² Как обычно, приведены лишь те названия, которые были названы без колебаний большинством испытуемых (и которые отмечены и в художественной литературе — в данном случае).

⁵³ Возникает типичная для билингвизма ситуация. Учащиеся общаются с учителями только на украинском литературном языке, на котором ведется преподавание. Литературный язык и говор четко дифференцируются учащимися в соответствующих ситуациях. При опросе учащихся мы просили дать название образцу цвета и по истечении 30 секунд после показа образца цвета записывали ответ.

Очень трудным являлся для наших испытуемых выбор между названиями *с́иний* и *голубый*. В то время как в говоре *голубый* обозначает «синий», в литературном языке его значение — «голубой». Обратное явление — со словом *с́иний*. Как видно из цифры 50%, лишь половина испытуемых усвоила литературную норму. Легко было усвоено учащимися новое для них слово *чорный* (*чёрный*) (+ 80%), тесно связанное со школьным обиходом. Вытеснились слова *кукурудз'овый* (— 42%) и *трав'яний* (— 50%), не имеющие соответствия в литературном языке. Диалектные *каф'овый* и *лалл'овый* начинают также уступать свои позиции. Вытеснено и слово *с'ивый* (— 30%).

Попытаемся определить меру сдвига системы цветообозначений говора по направлению литературного языка, пользуясь обычной формулой измерения типологической близости семантических полей. Будем считать, что если 50% и более испытуемых назвали слово литературного языка, то данный элемент говора совпал с литературной нормой. Близость между системой цветообозначений взрослых носителей говора и системой цветообозначений литературного языка равна 0,55, а между «смешанным» типом и литературным языком 0,64, причем «смешанный» тип остался ближе к «чистому» типу говора, чем к литературному языку — их близость 0,74. Таким образом, как и «смешанный» тип любого явления, система, подвергшаяся влиянию, сохраняет компромиссное положение между обоими полюсами.

После проведения эксперимента в течение всего 1959/60 учебного года на уроках украинского языка мы систематически проводили с испытуемыми упражнения на усвоение и закрепление лексики литературного языка, в частности цветообозначений. Будучи заранее уверенными в том, что учащиеся окончательно перешли к системе цветообозначений литературного языка, мы провели в мае 1960 г. повторный эксперимент. Результат эксперимента оказался, однако, неожиданным. Мы получили те же данные (с незначительными колебаниями в ту или иную сторону), что и в первый раз. Очевидно, уже ко времени первого эксперимента семантическая система языка учащихся достигла под влиянием литературного языка какого-то промежуточного между литературной нормой и говором устойчивого состояния. Это устойчивое состояние является, по всей вероятности, оптимальным компромиссным вариантом между двумя системами и нарушить его трудно. Мы не учитывали и того факта, что большинство времени дети находятся не в школе, а дома — в среде говора.

Можно предположить, что при всяком языковом контакте с сохранением состояния билингвизма и одинакового престижа обеих конкурирующих систем достигается некоторое устойчивое промежуточное состояние «смешанной» системы, когда в дальнейшем контактирование не вносит существенных изменений в «смешанную» систему.

Последнее, на чем мы остановим свое внимание, — это размещение тех или иных лексем на определенных территориях под влиянием языковых контактов. Как уже отмечалось, лексика общей подсистемы цветообозначений легко проницаема при языковом контакте. Например, в результате влияния польского языка в украинских говорах Буковины появились слова *помаранчовый*, *цятронбый*, *гранатбый*, *н'ебес'кий*, под влиянием румынского — *ламбый*, *сконтијбый*. Локализация слов, заимствованных из польского языка, в ареале территорий, находившихся на границах бывшего Царства Польского, является самоочевидным фактом.

Лексика специализированных подсистем цветообозначений гораздо более проницаема при языковом контакте, чем общая подсистема. Это обусловлено более тесной связью терминологии с явлениями культуры. Коневодство занимает в хозяйстве тюркских народов исключительную роль. В результате сравнительно давнего контакта с тюркскими языками в славянских языках появились заимствования в терминологии коневодства: *карый*, *бурый*, *буланый*, *чалый*. Однако эти слова отмечены лишь на территориях, находившихся под татаро-монгольским игом⁵⁴. В южнославянских языках вышеуказанные лексемы не появились. Характерно, что не знает их и румынский язык.

С другой стороны, позднейшее влияние тюркских языков сильно сказалось на коневодческой терминологии южных славян, причем были заимствованы уже другие лексемы: *сур*, *калеш*, *алат*, *журук*, *чхласт* и др. Интересен ареал распространения слова *дэ́рэш*, пришедшего в славянские языки из венгерского. Положение Венгрии в центре славянского языкового мира обусловило распространение этой лексемы во всех направлениях — она попала в южные, западные и восточные славянские языки и в румынский. Два других венгерских слова *шарг* и *таржат* проникли в румынский и цыганский языки, а в славянском мире отмечены в говорах Буковины и Закарпатья, куда они попали не без посредничества румынского языка.

Дальнейшее их продвижение в сферу славянского языкового мира было задержано, очевидно, из-за наличия в славянских языках твердо установившихся обозначений соответствующих мастей — *буланый* и *пестрый*. Это предположение подтверждает тот факт, что лексема *шарг* засвидетельствована и в южнославянских языках, где лексема *буланый* отсутствует⁵⁵.

Лексема *дэ́рэш* закрепились в славянских языках, так как она обозначает сложную масть, для которой у славян не было особого слова. Распространение породы лошадей соответствующей окраски вызвало, однако, необходимость в специальном обозначении.

⁵⁴ W. Kuraszkie wicz. *Nazwy masi końskich dziś i w 1595 r.* «*Jezyk polski*», 1960, t. 29, N 4, стр. 153.

⁵⁵ См., например, «*Zb. za narodni život...*», knj. 20. Zagreb, 1915, стр. 230—231.

Займствование специальной терминологии ускорилось за последнее столетие из-за расширения торговли и обмена между различными областями. Таким образом попали в славянские языки из немецкого названия мастей *Schimmel, Fuks, Schwarz*. Шт. Пашка пишет по этому поводу: «Конь, корова, овца, попавшие на рынок из удаленных областей и купленные там румынским крестьянином, приносят с собой в румынское село иностранное имя, данное им прежними владельцами»⁵⁶.

Лексемы, взятые из немецкого языка, распространены на территории бывшей Австро-Венгрии — в славянских говорах Югославии, Чехословакии и Буковины⁵⁷ — и их заимствование было вызвано включением этих областей в экономическую общность с германоязычными областями⁵⁸.

Как уже отмечалось, специализированные системы цветообозначений состоят из двух наборов лексем: прилагательных — названий мастей и существительных — кличек животных по масти. Первоначальное состояние специализированных подсистем хорошо сохранилось в литовских говорах, где субстантивированные прилагательные — названия цвета служат кличками животных. Такое же состояние наблюдается и в говорах Полесья, где именная славянская лексика представлена в наиболее чистом, свободном от иноязычного влияния виде. Оно характерно и для южнославянских языков. Можно перечислить следующие полесско-сербохорватские изолексы: *lása* — *lasa (lasko)*⁵⁹, *пыр'уцма (Пыр'ин-жа)* — *perova, peroŋa*⁶⁰, *пол'ова* — *plava (plavusa, plavoŋa)*⁶¹, *р'ижа рида (ридовка)*⁶², *р'уда* — *ruda (rudova, rudoŋja)*⁶³, *с'ива* — *siva (sivonja)*⁶⁴, *краса (Крас'уља)* — *krasa (Krasuja)*⁶⁵, *гн'ыд'аја* — *гнеда*⁶⁶, *лыса* — *lisa (liska)*⁶⁷.

Эти изолексы проходят через все славянские территории. Существует, однако, весьма любопытная зона, где часть изолексы прерывается — район Буковины и части Закарпатья.

⁵⁶ St. Pasha. Указ. соч., стр. 151.

⁵⁷ См. «Zb. za narodni život...», knj. 20; A. Gregor. Slovník nářečí slovenskobučovického. Praha, 1959; J. Malina. Slovník nářečí míštického. Praha, 1946. Об этих лексемах о германских говорах см. O. Heilig. Tiernamen und Verwandtes in der Mundart von Ballenberg. «Zeitschrift für deutsche Mundarten», 1910, Heft 4, стр. 359—367.

⁵⁸ Наличие этих лексем в районе польской Силезии объясняется подобными причинами.

⁵⁹ J. Kralić. Krale (u turskoj Hrvatskoj). «Zb. za narodni život...». Zagreb, zv. I, I pol., стр. 96—97.

⁶⁰ F. Ivančević. Polica. «Zb. za narodni život...» Zagreb, knj. 9, zv. I, 1904, стр. 25—144.

⁶¹ J. Kralić. Указ. соч.

⁶² M. G. Grujić. Указ. соч.

⁶³ Там же.

⁶⁴ Т. Капает. Указ. соч.

⁶⁵ Там же.

⁶⁶ «Zb. za narodni život...», knj. 20; Д. Молеров и К. Молеров. Народописни материали от Розложско С—НУ XLVIII. София, 1964, стр. 552.

⁶⁷ J. Kralić. Указ. соч.

Здесь наблюдается полный разрыв между двумя наборами лексем специализированных подсистем цветообозначений. Клички животных по масти — *Балáжа, Ружáна, Флорíка, Мйн'ка* не имеют соответствующих им прилагательных — цветообозначений (XI—XIV). Это в особенности характерно для терминологии овцеводства и крупного рогатого скота. Носители этих говоров вместо того, чтобы пользоваться двумя наборами лексем, обходятся только одним. Поэтому тщетны были наши попытки выявить при опросе информантов соответствующие прилагательные — их в этих говорах не оказалось.

Своеобразное явление исчезновения прилагательных в специализированных подсистемах объясняется сильным влиянием на украинские говоры Карпат румынских говоров. Румынский элемент был основным в волнах валашской колонизации, приходивших в северные Карпаты с юга. Валашская скотоводческая терминология была заимствована многими говорами восточных и западных славян. Она проникла и в Словакию⁶⁸, и в Южную Польшу⁶⁹, и в Чехию⁷⁰ — во все те районы, куда доходили валашские пастухи. Она определила и характер терминологии скотоводства в зоне ее непосредственного влияния — в украинских говорах Буковины и Закарпатья.

Во время собирания наших материалов на Буковине нам часто приходилось делать записи в румынском селе, а затем — в соседнем украинском. И всегда оказывалось так, что названия животных по масти в обоих говорах совпадали.

Вытеснение лексемами румынского языка прежнего состава специализированных подсистем славянских говоров и привело к своеобразной ситуации, когда носители говоров обходятся только одним набором лексем — кличками животных, ставя им при необходимости в соответствие лексема общей подсистемы цветообозначений — такие, как *чёрный, бѣлый* и др.

Скотоводческая терминология в румынских говорах сложилась в свою очередь под влиянием южнославянских языков⁷¹. Об этом свидетельствуют лексем — клички животных в румынских говорах: *Pistra, Breaza, Breazona, Bala, Siva, Plava, Plavui-ca, Murga, Lisei, Mura, Pintena* и др.⁷² Кроме того, в румынских говорах имеются и заимствования из других балканских языков:

⁶⁸ G. Horák. *Narečie Pohorelej. Bratislava, 1955, стр. 183; D. Cranjala. Rumunské vlivé v Karpatech. Praha, 1938.*

⁶⁹ B. Корсчуйска-Жаворска. *Das Hirtenwesen in den polnischen Karpaten. «Viehucht und Hirtenleben in Ostmitteleuropa». Budapest, 1961, стр. 433.*

⁷⁰ J. Belič. *Dolska nářeči na Moravě. Praha, 1954, стр. 133.*

⁷¹ Z. Gođab. *Генетички врски меѓу карпатската и балканската сточарска терминологија и улогата на словенскијот елемент во ова подрачје. «Македонски јазик», 1959, кн. 1—2, стр. 21—22.*

⁷² P. Grădeanu. *O culgere de cuvinte bănăţene. «Materiale și cercetări dialectale», I. București, 1960, стр. 140—141; T. Teahă. *Crâul din valea Crișului Negru. București, 1961.**

laie (и отсюда *balaie, bucalaie*)⁷³ и собственно румынские слова: *Florana, Oacheșă, Rujana, Cîncș* и др.⁷⁴ Вся эта лексика влияла на скотоводческую терминологию карпатских славян. Клички овец по масти полностью обязаны своим происхождением румынскому влиянию (X).

Названия мастей крупного рогатого скота только частично подверглись перестройке. Существуют карпатско-южнославянские изолексы типа *чолѡва, бѹба, лѡса*, в отношении которых трудно решить, являются ли они древними изолексами, или же обязаны румынскому посредничеству.

Таким образом, контакт украинских карпатских говоров с румынским языком вызвал изменения в географическом размещении рассматриваемых нами лексем. Помимо чисто внутривидовых преобразований в семантическом поле отдельного говора, языковые контакты вызывают и территориальную перегруппировку лексем.

9. НЕКОТОРЫЕ ВЫВОДЫ

Проведенное исследование показывает, что при типологическом сравнении семантики говоров первостепенное значение имеет продуманная методика сбора диалектных данных. От качества и формы записи зависит сама возможность типологии семантики, причем требуется большее проникновение исследователя в материал говора, чем при сборе данных в целях изучения других уровней языка.

Желательна унифицированная методика опроса информантов и всесторонняя проверка достоверности записанных материалов. Последний факт приобретает особое значение потому, что именно в области семантики на основе непроверенных данных часто делаются далеко идущие заключения об особенностях мышления народа, говорящего на данном языке, о специфике его мировоззрения и т. д.

В целях типологии семантики особый интерес составляет изучение группы близкородственных говоров. Здесь можно учесть минимальные различия говоров как в плане выражения, так и в плане содержания, изучить возможную связь хозяйственного уклада и типа культуры носителей данного говора с особенностями семантики этого говора. В этом плане многое могут показать характеристики ширины дистрибуции и разветвленности семантических полей говора.

Полесье представляет собой своеобразную лингвистическую область. Интенсивность языковых контактов здесь намного ниже, чем в карпатском ареале. Этим, в частности, объясняется необычай-

⁷³ S. Puscariu. *Laie, Bucalaie*. «Dacoromania», 4, 1924—1926 стр. 720—735.

⁷⁴ Т. Теѡћа. Указ. соч.

ная близость семантики полесских говоров на фоне других славянских говоров.

Языковые контакты менее всего исказили реальную картину первоначальных взаимоотношений этих говоров, и этим самым намного повышается важность полесского диалектного материала для реконструкции предшествующих этапов развития славянских языков. Наше исследование иллюстрирует это наличием стойких полесско-карпатско-балканских изолексов — названий мастей животных.

Наблюдения, приводимые в настоящей работе, носят по необходимости частный характер, будучи ограничены рамками одного семантического поля — цветообозначений. Однако сравнение их с другими материалами этого сборника показывает, что ряд выявленных закономерностей носит более общий характер, чем это могло бы показаться на первый взгляд ⁷⁵.

⁷⁵ Автор выражает свою искреннюю признательность коллективу авторов этого сборника — участникам полесской экспедиции — за постоянное дружеское внимание и поддержку на всех этапах подготовки работы и за существенную критику некоторых спорных положений, содержащихся в ней.

А. А. Кривицкий

ИЗ СЛОВАРЯ ПОЛЕССКИХ РЫБОЛОВОВ

Одним из подсобных трудовых занятий белоруса-полешука было до последнего времени *рыбакаванне*, т. е. рыболовство. Ловля рыбы при этом являлась не просто охотничьим увлечением только нескольких человек в селении или постоянным промыслом группы местных жителей или, наконец, приятным отдыхом и развлечением. Это была дополнительная довольно тяжелая (чаще ночная) работа по добыче пропитания, которой почти круглый год занимались мужчины в каждом крестьянском дворе, если поблизости протекала речка, либо было озеро или даже болото. Вылавливалась рыба прежде всего для своего стола. Вместе с тем она, как и ягоды и грибы, была, так сказать, важнейшим товаром местного «экспорта» на ближайшие рынки (в частности, вяленые вьюны).

Естественно поэтому, что словарь и фразеология местного рыболовства — это не какое-то особое дополнение к местной системе общеупотребительных языковых средств, известное только тонким знатокам этого дела, и тем более не «язык избранных», как, например, профессиональный жаргон ремесленников, а в подавляющем большинстве своих единиц языковые средства широкого местного употребления и повседневного общения. Такой характер имеют, в частности, обозначения трудовых процессов, связанных с ловлей и обработкой рыбы, названия частей тела рыбы, деталей и элементов рыболовных орудий, названия вспомогательных приспособлений, описательные выражения и пр. При обозначении предметов и процессов, связанных с рыболовством, очень широко используются общеупотребительные слова в переносном, фигуральном или условном значении типа *перо* (плавник рыбы), *гребень* (спинной плавник рыбы), *клещи* (клешни рака), *мотыль* (блесна-вертушка, или вообще дорожка), *вилка* или *сохор* (двурогий держак, к которому крепится сачок), *пробка* (поплавок), *молоток*, *довбня* (специальное приспособление для глушения рыбы подо льдом), *сердце* (проход в ловушку), *прутлянка* (снасть из лозовых прутьев), а также слова типа *головка*, *шейка*, *спинка*, *ручка*, *ножка*, *крыло*, *хвост*, *задник*, *вершок*, *спод*, *лапа*, *нос*, *чере-*

во, *ключ*, *шесток*, *цепок* и многие другие подобные им в соответствии с хорошо известным широким терминологическим значением этих слов.

Конечно, как с процессом ловли и обработки рыбы, так и с понятиями о деталях и элементах рыболовных орудий связано много своеобразных, узко «рыбацких» слов и терминологических словосочетаний (выражений). Но больше всего их в номенклатуре местной ихтиофауны и снастей, иначе говоря, среди названий различного рода рыб местных водоемов и названий местных видов рыболовных орудий. Соответствующие сферы более специализированы по отношению к ним лексике, чем другие. Материалы по словарю полесских рыболовов и содержат преимущественно этого рода лексику¹. Из лексики, зарегистрированной как названия рыб, дается около 60 слов. Это не все то, что было отмечено (а тем более, что имеется в говорах). Помещены из числа зарегистрированных названий только те, о значении которых у нас есть определенные данные, и эти данные не вызывают сомнений.

По свидетельству специалистов, водоемы Полесья населяет около 40 видов рыб². Однако местные названия относятся в основном к 25—30 видам. Остальные виды рыб не называются (по крайней мере по имеющимся материалам) либо потому, что не замечаются или не отличаются от других в связи с отсутствием к ним особого практического интереса (минога, голянь, подкаменщик, горчак и прочая мелочь), либо потому, что уже давно не встречаются местным рыболовам (осетр, стерлядь, вырезуб, сазан и др.). Последние, конечно, если и не называются сейчас, то имели, очевидно, свои местные обозначения в прошлом. Эти названия иногда сохраняются в воспоминаниях. Но их значение лишено предметной определенности (*осец' бр говбрац' такаја рыба була, што сѣтку рѣжэ*(?!)) — дер. Шестовичи).

Членение рыб на виды и разновидности, или, так сказать, местная систематика рыб, набор названий и их распределение в разных пунктах имеет свои особенности. Но по представленному материалу об этом судить нельзя. В нем отразились не только местные различия в систематике и названиях рыб, но и разница в полноте и объеме собранного материала в обследованных селениях.

Среди местных названий рыб отмечаются два типа лексических обозначений. Одни лексические обозначения представляют собой

¹ Кроме собственных записей (деревни Лопатин, Велута, Ольманы, Рубель, Хоромск, Шестовичи, Боложовичи) использованы материалы, собранные другими участниками полесских экспедиций — Г. Вейторт (деревни Оврижин, Власовцы, Заречка), Л. Железняк (деревни Конопот, Дерновичи, Довляды), В. Кочановским (деревни Пуховичи, Голубица, Злодин, Антонов, Эдитово, Спорово) и П. Сизедой (деревни Олтуши, Луково, Севарынь).

² В. С. Пенязь. Состав ихтиофауны и темп роста промысловых рыб белорусского Полесья. «Труды комплексной экспедиции по изучению водоемов Полесья». Минск, 1966; А. Ф. Ляшенко. Рыбы нижнего течения р. Припяти. «Труды Института гидробиологии АН УССР», № 93. Киев, 1939.

как бы собственные имена видов рыб (типа *щука*), иначе говоря, между словом и понятием (или представлениями) о виде рыбы наблюдаются непосредственные отношения или прямая связь. Другие лексические обозначения видов рыб выступают в качестве названий благодаря наличию в них особого промежуточного общего значения рыбы с определенными признаками (типа *верховодка*, *плотка*). Это значение как бы опосредствует то, что данный вид рыбы имеет данное название, и наоборот. В материалах эти типы названий различаются характеристикой значения. К названиям первого типа дается только общепринятое в специальной литературе на русском языке название рыбы³ и его латинский эквивалент. Названия второго типа, кроме соответствующих указаний на то, что они называют, сопровождаются дополнительной описательной характеристикой своего значения.

Из лексических названий различных рыболовных орудий представлено около 50 слов.

Рыболовные орудия полесских рыболовов предварительно, по имеющимся материалам, можно разделить на три группы — крючковые, сеточные и ударные.

Крючковые орудия для ловли рыбы — это различные рыболовные снасти в виде шнуров с одним или несколькими крючками на конце, на которых засекается рыба (сама или рыболовом), заглотив маскирующую крючок естественную или искусственную приманку. Разновидностей крючковых рыболовных снастей, распространенных в Полесье, известно пока, по имеющимся материалам, немного. Это различного рода удочки (см. *удка*, *кормак*, *мотыль*) и переметы (см. *перемет*, *перепона*).

Значительно больше различных видов снастей со своими особыми названиями среди сеточных рыболовных орудий. К ним относятся рыболовные снасти с ячеистыми нитяными или густыми лозовыми стенками, куда рыба попадает сама или загоняется рыболовами. Основных типов сеточных снастей два — ловушки и сети.

Ловушки — это небольшие воронкообразные, бочкообразные или даже корытообразные приспособления для захода рыбы из сетевого полотна или лозовых прутьев. Различаются прежде всего передвижные и ставные ловушки.

Передвижные ловушки — наиболее простая сеточная снасть. Они представляют собой обычно приспособления с открытым входом. Ими ловят рыбу у берега в траве, в мелких закоряженных местах, находясь со снастью в воде и загоняя рыбу в нее ногами или ставя снасть с берега, лодки (см. *кошица*, *кломля*).

Ставные ловушки несколько сложнее и многообразнее. Они отличаются от передвижных тем, что имеют, как правило, закры-

³ Л. С. Берг. Рыбы пресных вод СССР и сопредельных стран. М.—Л., ч. I, 1948; ч. II, III, 1949; П. И. Жуков. Определитель рыб БССР. Минск, 1960.

тый или, точнее, глухой вход. Вход у них, иначе говоря, имеет конусообразную вставку с узкой горловиной в конце (см. *сердце*), через которую попадает рыба внутрь ловушки. Найти этот проход и выйти обратно она уже в большинстве случаев не может.

Различаются ставные ловушки между собой тем, что могут иметь один вход (вход с одной стороны, см. *вентер*, *коробка*) или два входа (входы с разных, противоположных сторон, см. *кадушка*).

В отличие от ловушек, сети представляют собой ячеистые полотна, которыми перегораживается водоем или отгораживается часть его.

Сети могут быть одностенные, из одного полотнища, и двухстенные или трехстенные, т. е. из двух и трех сетевых полотнищ.

Одностенные сети приспособляются обычно для ловли передвижным способом (волоком) путем отгораживания какого-либо участка водоема и постепенного сокращения его сближением стенок сети (см. *крыга*, *лата*). Двухстенные и трехстенные сети используются и как передвижные и как ставные. Это позволяет их устройство. Они состоят из одного мелкоячеистого сетевого полотнища и одного или двух крупноячеистых полотнищ по бокам мелкоячеистого. Рыба, пытаясь пройти вперед, проталкивает вместе с собой мелкоячеистое полотно в ячею бокового крупноячеистого полотнища и застревает, запутываясь в полотнищах (см. *сетка*).

Имеются также различные комбинации сетей с ловушками или ловушек с сетями. Одни из них, в которых ловушка играет основную роль, а сеть вспомогательную, являются усложненными ловушками⁴. Такие комбинированные с сетью ловушки, как правило, ставные (см. *жак*, *мережа*, *крылач*). Другие представляют собой сети, комбинированные с обычной ловушкой. Эти снасти передвижные (см. *невод*, *лата*).

Что касается орудий рыболовства последней группы, то это интересно, но мало связанные друг с другом приспособления для накалывания рыбы⁵, глушения подо льдом и пр. Ими пользовались в определенное время, применяя разные дополнительные средства передвижения по водоему, подсвечивая или затемняя. Теперь они применяются редко или находятся под запретом.

Эта предварительная систематика известных по собранным материалам полесских рыболовных орудий с ее условными обозначениями понятий была использована при характеристике значений соответствующих названий конкретных рыболовных снастей.

⁴ Кстати говоря, сетевые полотнища или крылья в такого рода ловушках можно рассматривать как трансформацию гаток, т. е. загородок, которые делаются из колея и ветвей и перегораживают реку в том месте, где ставится обычная ловушка (кош, вентер, кадушка).

⁵ Между прочим, в дер. Велута сохранились воспоминания о деревянных трехзубых острогах.

Кроме названий рыб и снастей, материалы по словарю полеских рыболовов содержат также некоторые специфические названия частей и деталей рыболовных снастей, вспомогательных инструментов и приспособлений рыболовов, а также отдельных действий.

[басий] басы́ м. Ол. см. коробка.

[безряжка] безр'а́жка ж. Лк. ставная сеть см. выкиданка.

[белюга] бел'у́га ж. Влц. Лп. Рб. Хр., белізна ж. Рб. Хр. Бл. Кн. Дн. Дв. жерех *Aspius aspius* L.

[березовка] берб́зовка ж. Ол. Лк. Зд. см. обляк.

[берест] б́ерест м. Ол. Лк. см. глазок.

[берце] б́ерцэ с. Сп. Хр. Гл., б́ил'цэ Ол. Пх., б́ел'цэ Зд. деревянная пластинка для формирования ячеек при вязаньи рыболовных сетей ср. вилица.

[бирулька] биру́л'ка ж. Рб. Хр., б́ирцэ с. Зл. деревянная пластинка в крыле ставных рыболовных ловушек ср. берце.

[биться] б́ицца несов. (о рыбе) Рб. Хр. нерестовать (см).

[бобырь] бобы́р м. Сп., бабу́р Гл. обыкновенный ерш см. ёрш.

[брeдeнь] бр́эден' м. Ол. Лк. Св. Влц. Кн. Дв. см. волок.

[бродник] бродни́к м. Лп. Рб. Хр. Ом. Дн. см. крыга.

[бублица] б́ублица ж. Ан. см. ябрынь.

[вага] вага́ ж. Рб. Ом., важо́к м. Од. Вт. см. груз, ср. потопец.

[вентер] в́енцер м. Зд. Сп. Пх. Гл. Зл. рыболовная ставная ловушка с одним глухим заходом (нитяная или лозовая) см. ятер, нерета, верша, кош ср. кошица, кадушка, жак, мережа.

[веретенница] верац́эл'ница м. Бл. минога *Lampetra planeri* Bloch или ее личинка.

[верховодка] верхово́дка ж. Лп. Рб. Хр. Гл. Зл., верхово́д м. Рб. Хр. уклея *Alburnus alburnus* L. или вообще небольшая рыбка, держащаяся верхнего слоя воды, см. уклея, верхолетка.

[верхолетка] верхол'о́тка ж. Зр. Лп. Ом. см. верховодка.

[верша] в́ерша ж. Ол. Лк. Сп. Зд. см. вентер.

[вершек] в́ершок м., ув́ершок Рб. Хр., ов́ершэк Гл. см. сердце.

[вилица] в́илица ж. Сп. Рб. Хр. Гл., в́илочка ж. Зл. Ан. деревянный ручной челночек для вязанья рыболовных сетей см. игица ср. берце.

[волок] во́лок м. Влц. Лп. Вт. Рб. Ом. средняя передвижная рыболовная одностенная сеть с заходом см. тяганка, бредень, лата ср. невод.

[волошня] волб́шн'а ж. Рб. Хр. Ом., волошн'а́ Сп., волб́с'н'а́ Лк. Зд., волос'н'а́ Св. Гл., волос́ен' ж. Кн. прочная волосяная нить для крючковых рыболовных снастей см. жилка, шнур ср. удка, перемет, перепона, кормак.

[вьюн] в́юн м., в́юнб́к м. Ол. Лк. Св. Зд. Зр. Сп. Влц. Лп. Вт. Ом., у́ю́н, у́ю́нб́к Рб. Хр. Пх. Ан. Кн. Дн. Дв. вьюн *Misgurnus fossilis* L.

[выкиданка] выкида́нка *ж.* Зд. Сп. ставная одностенная или трехстенная сеть *см.* перемета, безряжка *ср.* сетка.

[гачок] гачо́к *м.* Лк. Св. Зр. Влц. *см.* крючок.

[глазок] глазо́к *м.* Дн. Дв. берестяной поплавок (*см.*) в сетевых рыболовных снастях.

[головач] голова́ч *м.* Лп. Ом., голова́шка *ж.* Рб. Хр. голавль *Leuciscus cephalus* L.

[гонка] го́нка *ж.* Ол. *см.* сетка 1.

[груз] груз *м.* Ол. Гл. Ан. Кн. Дн. небольшие хорошо тонущие в воде специальные предметы, прикрепляемые к нижней части рыболовных снастей для улучшения их погружения при рыбной ловле *см.* потопец, лазок, вага *ср.* поплавок.

[днянка] дн'а́нка *ж.* Ан. *см.* обляк.

[долголычик] доу́голычык. Рб. Хр. *см.* остронос.

[дрыгавица] дрыгави́ца *ж.* Ол. *см.* сетка 1.

[еброзь] је́броз' *ж.* Влц., *см.* обляк.

[ёрш] ерш *м.* Зд. Сп. Влц. Вт. Рб. Хр. Ш., јорш Пх. Зл., јорж Зр., жэрш Св., джэрш Ол. Лк., жгир *м.*, джгир Ш., джегир Дн., джегур Кн. ёрш *Aeserina sergna* L.

[жак] жак *м.* Ол. Лк. Зд. Сп. Влц. Лп. Вт. Рб. Хр. Гл. Зл. Кн. Дн. Дв. рыболовная ставная ловушка с одним глухим заходом и сетью (крылом) *ср.* венгер, мережа, крылач; \diamond [∞ однокрылый] ∞ однокрылы две ловушки по краям общей сетки (крыла). [∞ двухкрылый] ∞ двухкрылы одна ловушка с расходящимися от входа сетями (крыльями).

[живчик] живчык *м.* Св. *см.* моль.

[жилка] жы́лка *ж.* Ол. Лк. Св. Зд. Сп. Лп. Вт. Рб. Ом. Гл. Бл. Кн. капроновая нить для крючковых рыболовных снастей *см.* волошня.

[жмака] жма́ка *ж.* обычно жма́ки *мн.* Гл. поплавок в сетях *см.* поплавок.

[жугавка] жу́гавка *ж.* Гл. Бл. Ш. *см.* синявка.

[зазубец] за́зубец *м.* Лп. Рб. Ом. Бл. Ш. за́зубен' *м.* Св. Сп. Гл. Зл. Ан. *см.* крючок.

[заставня] застаўн'а *ж.*, за́стаўка *ж.* Рб. Хр. *см.* кломя.

[заступ] за́ступ *м.* Рб. Хр. зазубрина на рыболовном крючке *см.* зуб.

[зуб] зуб. *м.* Сп. Гл. Зл. Ан., зубе́ц *м.* Пх., зубо́к *м.* Зд. *см.* заступ.

[иглица] игли́ца *ж.* Ол. Пх., гли́ца Лк. Св. *см.* вилица.

[играть] игра́ти *несов.* (о рыбе). Св. нерестовать (*см.*)
[икра] икра́ *ж.* Зд. Сп. Лп. Вт. Хр. Пх. Гл. Ан., кра Влц.,
уякрó *с.* Зр. икра самки рыбы *см.* пуп.
[инструмент] стру́мент *м.* Лк. Св. *см.* статки.

[каблук] каблу́к *м.* Ол. Лк. Зд. Сп. *см.* калач.

[кадушка] каду́шка *ж.* Ол. рыболовная ставная ловушка с двумя противолежащими глухими заходами (нитяная или лозовая) *см.* наставня *ср.* венгер.

[калач] кала́ч *м.* Рб. Ом. круглое ребро в рыболовных ловушках *см.* каблук, обруч.

[калиновка] калина́ука *ж.* Пх. *см.* краснопёрка.

[карась] кара́с' *м.* Ол. Лк. Св. Зрч. Зд. Сп. Влц. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Гл. Бл. Зл. Ш. Ан. Кн. Дн. Дв. карась *Carassius*; \diamond [∞ дикий, желтый, простой] дз'йки, жо́уты, про́сты ∞ карась золотой *Carassius carassius* L. [∞ белый] бе́лы ∞ карась серебряной *Carassius auratus gibelio* Bloch *см.* карпик.

[карп] карп *м.* Ол. Лк. Зд. Влц. Лп. Рб. Хр. Ом. Гл. Бл. Ш., ко́роп Бл. Кн. Дн. карп *Surginus carpio* L.

[карпик] ка́рпик *м.* Ом. *см.* карась.

[клейка] кле́йка *ж.* Зд. Сп. *см.* плотка.

[кломля] кло́мл'а *ж.* Гр. Лп. Дн., кло́мн'а Ол. Зд. Влц., кло́у'н'а Ол. Лк. Св. Сп. Влц. Зл., ко́мл'а *ж.* Лп. Рб. Хр. Зл. Ан. Кн. Дв., ко́мела *ж.* Рб. Хр. рыболовная передвижная ловушка с открытым заходом для ловли рыбы вдвоем в неглубоких местах *см.* кобоша, заставня, колыска *ср.* кошица; \diamond [∞ прутеница] ∞ прутени́ц'а Лп. клomla из лозовых прутьев.

[клопать] клопа́ц' *несов.* Кн. Дв., хлопа́ц' Дн. ловить сомов на квок.

[коблик] ко́блик *м.* Рд. Ол. Лк. Зд. Влц., ко́бел' *м.* Ол. Зд. Сп., ско́блик *м.* Св., ко́убик *м.* Лп. *см.* печкур *ср.* снопурха.

[кобоша] ко́бша *ж.* Гл. Дн. Дв., хо́бша Кн. *см.* клomla.

[кожушек] кожу́шок *м.*, кожу́шек, кожу́шка *ж.* Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. щука вообще и щука средней величины *ср.* щука, щупак.

[колок] ко́лок *м.* Лк. Гл. *см.* тычка.

[колыска] колы́ска *ж.* Од. *см.* клomla.

[коровка] ко́рау́ка *ж.* Зл. *см.* ябрынь.

[кормак] ко́рмак *м.* Гл. Дн. Дв. длинный шнур с тяжелым скользящим грузом и одним-двумя прочными крючками с наживкой, привязанными на поводках к концу лесы *ср.* перемет, перепона.

[коробка] ко́робка *ж.* Бл. Дн. рыболовная ловушка в виде ящика или решета с дыркой в дне для захода рыбы (ставится зимою в прорубях) *см.* кошалка, решето, решетка, басий.

[корок] ко́рок *м.* Рб. Хр., ко́ры *только мн.* Рб. Хр. Бл. *см.* поплавок.

[кош] кош *м.* Св. Од. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Гл. Зл. Ан.

Кн. Дн. Дв. такой же, как и «вентер» (см.), но обычно лозовый ср. кошица.

[кошалка] кошáлка ж. Лп. см. коробка; ◇ [накрыть духи ∞ = ою] накрѣц' духи ∞ = ою Лп. поставить в прорубь снасть.

[кошар] кошáр м. Ол. см. кошица.

[кошица] кошы́ца ж. Лп. Вт. Хр. Ом. рыболовная передвижная ловушка с одним открытым заходом (обычно лозовая) см. топтуха, сак, кошар, ньенька ср. кош, клomla.

[красноперка] краснопѣрка ж. Ол. Лк. Св. Зр. Зд. Сп. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом., краснопѣра ж. Ол. Влц. Рб. Хр., красноп'ёрка ж. Зл. Ш. Ан., краснопѣруха ж. Лп. красноперка Skardinius erythrophthalmus L. см. калиновка, черемуха ср. плотка.

[круглик] кру́глик м. Рб. Хр. см. стовбец.

[крупель] крупѣл' м. Ол. Лк. Влц., кругѣл' Рб. Хр. небольшой лец (см.) ср. лесковка.

[крыга] крыга ж. Ш. Бл. Кн. Дн. Дв. рыболовная передвижная ловушка с широким открытым заходом или небольшая передвижная сеть для ловли рыбы втроем в траве охватом или у берега см. бродник ср. клomla.

[крылач] крылáч м. Зд. Сп. рыболовная ставная ловушка с одним или двумя противоположными глухими заходами (ср. вентер, кадушка) и с одним или двумя крыльями (сетью).

[крючок] кручóк м. Ол. Лк. Св. Зр. Зд. Сп. Влц. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Гл. Бл. Кн. Дн. Дв. металлическая деталь крючковых рыболовных орудий с острой загнутой бородачкой, на которую насаживается приманка для рыбы см. зазубец, гачок ср. удка, перемет, перепона, кормак.

[лазок] лазóк м. Зд. Сп. см. груз.

[лата] лáта ж. Рб. Хр. Ом. см. волок.

[лесковка] лѣскоўка ж. Од. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом., л'áскоўка Ом. Бл. Ш. Ан., ласкѣр м., пласк'ѣр Бл., плѣскаўка м., плескáўка Бл., лѣшчаўка Лк. Ан., лешчáвочак м. Зд. Сп. густера Blissa Vjoekna L., небольшой лец (см.) см. крупель, подлещовка.

[леток] л'отóк м. Ол. Лк. горловина «серца» (см.).

[лец] лешч м. Ол. Лк. Св. Зр. Зд. Сп. Влц. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Гл. Бл. Зл. Ш. Ан. Кн. Дн. Дв., лешчúк м., Зл. Ан. лещ Abramis brama L. ср. крупель, лесковка, подлещи^{ца}.

[линь] лин м. Лк. Зр. Зд. Сп. Вт. Пх. Гл. Бл. Зл. Ан. Кн. Дн. Дв., линóк м. Св. Зр. Зд. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом., лѣник м. Ол. Лк., лин'ók м. Влц. линь Tinca tinca L.

[лобач] лобáч м. Рб. Хр. Ом. небольшая щучка ср. кожушек, щучпачка, синявка.

[марена] марѣна ж. Бл. Кн. Дн. Дв., марóна Рб. Хр. усач Barbus barbatus L.

[мень] мен'ók м. Ол. Лк. Св. Зд. Сп. Влц. Лп. Рб. Хр. Ом.

Гл. Зл. Ан. Дв., мен' м. Рб. Хр. Бл., менту́з м. Зр. Влц. Вт. Дв., ментус, Кн. налим *Lota lota* L.

[мережа] меро́жа ж. Ол. Лк. Влц. Пх., меро́жа Зд. Сп. Зл. две рыболовные ставные ловушки с подходом и глухим заходом, связанные общей сетью (крылом), ср. жак, крылач.

[метка] м'отка ж. Вт. Рб. Хр. Ом., ме́тка Св. Лп. низка рыбы ср. троск.

[меточница] мето́чница ж., мента́чка ж. Дн. маленькая щучка ср. синявка.

[молоко] молоко́ с. Ол. Зр. Сп. Влц. Лп. Вт. Рб. Пх. Гл. Зл. Ан., молочко́ Сп. Зр. Влц., молоч ж. Св., моло́сеј м. Зд. семя самца рыбы, молоки.

[моль] мол' ж. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Гл. Кн. Дн. Дв., мо́л'ка ж. Лп. Зл. Ан. Кн. Дн. Дв., мол'уга ж. Лк. Влц. малек, мелкая рыбешка см. живчик.

[мотыль] мото́йл' ж. Бл. блесна на шнуре, движущаяся в толще воды за лодкой (для ловли хищных рыб).

[накладка] накла́дка ж. Рб. рыболовная наживка для насаживания на крючки, насадка.

[наставня] настау́н'а ж., настау́ка ж. Рб. Хр., настау́ка, наста́ва ж. Сп. Влц. Кн. Дн. Дв. см. кадушка.

[невод] нево́д Ол. Лк. Св. Лп. Вт. Ом. Рб. Хр. Ом. самая большая передвижная рыболовная одностенная сеть с заходом ср. бредень, сетка, волок.

[ненька] нён'ка ж. Лк. см. кошица, \diamond [∞ прутяная] ∞ прут'-ана лозовая снасть, [∞ сеченая] ∞ с'ичена нитяная снасть.

[нерестовать] нересто́вац' несов., нересц'ица несов. Лк. Св. Зд. Влц. Гл. Зл. Ан. выпускать икру и молоки (о рыбе) см. нершить, биться, играть, пуп.

[нерета] неро́та ж. Лп. Вт. Кн. Дн., нерэт м. Ан. см. вентер.

[нершить] нершы́ц' несов. Зд. Сп. см. нерестовать.

[низка] нízка ж. Ол. связка нанизанных предметов, в частности связка рыбы, см. метка.

[обляк] обл'ак м. Гл. Бл., во́блица ж. Кн. Дн. мелкая плотва см. ебрось, березовка, дянка ср. плотка.

[обруч] обру́ч м. Пх. Зл. Ан. см. калач.

[окунь] оку́н' м. Лк. Св. Зр. Зд. Сп. Влц. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Гл. Бл. Зл. Ш. Ан. Кн. Дн. Дв., окуне́ц м. Рб. Хр. Ом., оку́н'чык м. Лк. Св. окунь *Perca fluviatilis* L.

[оловянка] олов'анка ж. Ол. см. груз.

[оплет] опл'от м. Пх. покрытие рыболовных снастей из лозы.

[ости] ости то́лько мн. Ол. Лк. Св. Зд. Сп. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Гл. Зл. Ан. Кн. Дн. Дв., во́с'ци Св. Бл. Ш., го́сти Зр. Влц. острога.

[остронос] остроно́с м. Гл. Ш., острому́с м., остромыс Ш. ерш носарь или донской ерш *Acerina acerina* Guld.

[перемет] перэм'бт *м.* Св. Зл. Ш. Ан. Дв. Дн. длинный шнур с несколькими десятками крючков с наживкой, растягиваемый и укрепляемый на дне водоема *ср.* кормак, перепона.

[перемета] перемэта *ж.* Ол., перем'бта Св. ставная сеть *см.* выкиданка.

[перепона] перэпона *ж.* Ом. длинный шнур с наживленными крючками на поводках, натянутый между двумя колами на определенной глубине (для ловли сомов, щук), *ср.* перемет.

[печкур] печкúр *м.* Вт. Рб. Хр. Ом. Гл. Бл. Зл. Ш. Ан., пешкúр Вт., пескúр Ол. Зр. Влц., песковód *м.* Рб. Хр. Ом. пескарь *Gobio gobio* L. и вообще донная мелкая рыба *ср.* коблик.

[платать] платáц' *несов.* Рб. Хр. Бл. разворачивать вдоль хребта (*рыбу*).

[плотка] плóтка *ж.* Св. Зр. Влц. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Бл. Зл. Ш. Ан. Кн. Дн. Дв., плоти́ца *ж.* Ол. Лк, плотва́ *ж.* Ол. Лк. Зд. Влц. Гл. плотва *Rutilus rutilus* L., плотица (*одна*) и вообще средняя рядовая нехищная рыба внешне типа плотвы (красноперка, подъязок и пр.) *см.* клейка; \diamond [∞ коравая] ∞ корáва Рб. Хр. крупная плотва (с крупной чешуей — «корой») *см.* ябрьнь, [∞ язевая] ∞ jaz'óва Рб. Хр., ∞ jaz'ína Ом., под'язок *см.* смовжик, [∞ красноперая] ∞ краснопéра Рб. Хр. красноперка *см.* красноперка.

[повх] поўх *м.* Рб. Ом. пескарь *см.* печкур; \diamond [∞ колючий] ∞ кол'úчы Ом. ерш, *см.* ерш.

[подлещовка] подлещо́ўка *ж.* Кн. Дн. Дв., пудлэ́пчик *м.* *см.* лесковка.

[подъязь] подjáз' *м.*, подjáзик *м.* *см.* смовжик *ср.* язь.

[полов] полóв *м.* Рб. ловля, добыча; \diamond [∞ рыбы] ∞ рыбы рыболовство. Хоро́шы полóв ры́бы бу́де.

[полотно] полотно́ *с.* Лк. Св. Зд. *см.* тенето.

[поплавок] поплаво́к *м.* Св. Сп. Вт. Ом. Пх. Гл. Зл., по́плаў *м.* Лп. Рб. Хр., плаво́к *м.* Св. Пх. Гл. Зл. Ан., плаве́ц *м.* Ан., сплавóк *м.* Св. небольшой специально обработанный кусок легкого материала, прикрепляемый к верхней части рыболовных снастей для удержания их от погружения на дно при рыбной ловле, *см.* корок, глазок, жмака *ср.* груз.

[потопец] потопéц *м.* Бл. Зл., потопо́к *м.* Бл., то́плиник *м.* Зр. *см.* вага, важок.

[придуха] прыдúха *ж.* Ол. Лк. Вт. Ом. Ш. Кн. Дн. Дв. недостаток кислорода в воде подо льдом.

[присох] присíх *м.* Ол. двурогие деревянные вилы, к которым прикрепляется сачок или небольшие передвижные простые ловушки в виде сачка.

[пуц: пускать ∞] пускáти пу́на Зд. Сп. метать икру, молоки *см.* нерестовать.

[редь] рэдз' ж. Рб. Хр. Ом., рэз' Бл. Зл. Ш. Ан., рэж Ол. Лк. Св. Сп., р'аж Лк., рижá ж. Св. крупноячеистое полотно в рыболовных снастях *ср.* тенето.

[режовка] рэжóука ж. Влц. Пх. Гл. Зл. Ан. Кн. Дн. Дв. *см.* сетка 1, *ср.* редь.

[решето] рэшэто *с.* Кн. Дн. *см.* коробка.

[решотка] рэшóтка ж. Дв. *см.* коробка.

[рыба] рýба ж. Ол. Лк. Св. Зр. Зд. Сп. Влц. Од. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Вл. Пх. Гл. Бл. Ш. Ан. Кн. Дн. Дв. рыба.

[рыбак] рýбáк м. Лк. Св. Сп. Влц. Лп. Хр. Ом., рýбáлка м. Кн. Дв. рыболов.

[рыбаковать] рýбáкóвати *несов.* Лк. ловить рыбу, заниматься рыболовством.

[сак] сак м., сакóвиско м. Сп., сакóвiхно м. Пх. *см.* кошица.

[свировка] свирóука ж. Пх. *см.* сетка 1.

[сердце] сёрцэ *с.* Ол. Лк. Св. Сп. Пх. вставной суживающийся вход в рыболовных ловушках *см.* устье, вершек.

[сетка] сётка ж. Лк. Св. Зд. Сп. Лп. Вт. Рб. Ом. Пх. Дн., сет' ж. Пх. Гл. 1. рыболовная трехстенная сеть Св. Зд. Сп. Лп. Вт. Рб. Ом. Пх. Дн. *см.* свировка, режовка, гонка, дрыговица. 2. сетевое полотно Лк. Св. *см.* тенето.

[сетно] сетнó *с.* Пх., сётишчэ *с.* Зд. Сп. *см.* тенето.

[сняявка] син'áука ж. Бл. Зл. Ш., синiца ж. Ом. маленькая щучка, шурунок *ср.* лобач.

[слизун] слизún м., слызунéц Зл. Лп. Рб. Хр. Ом. 1 ерш *см.* ерш Лп. Зл. Рб. Хр. Ом., 2. голец *см.* снопурха Ом., вообще небольшая склизкая рыба.

[слинявец] слиневец м. Рб., слiн'авец Лп. *см.* слизун.

[смовжик] смóўжык м. Лп. небольшой язь, подъязок *см.* подъязь *ср.* плотка.

[сморкач] сморкáч м. Ант. Рб. Ом. *см.* сопляк.

[снасть] снас'ц' ж., чаще снас'ци *мн.* Влц. Лп. Вт. Хр. Ан. *см.* статки.

[снопурха] снóпурха ж., снéпурка ж. Лп. Ом., сóпурка ж. Вт. Рб. Хр. голец *Nemachilus barbatus* L. и щиповка *см.* щипавка.

[сом] сом м. Ол. Лк. Св. Зр. Влц. Рб. Хр. Ан. Кн. Дн. Дв., сомóк м. Вт. Ом. Пх. Гл. Зл. сом *Silurus glanis* L. *ср.* сомик.

[сомик] сóмик м. Ол. Лк. 1. *см.* сом; 2. американский сомик *Ameiurus nebulosus* Le Sueur.

[сопляк] сопл'ák м. Сп., соплiвец м. Ол. Рб. Хр. *см.* ерш.

[статки] стáтки *только мн.* Ол. Лк. орудия, приспособления, снасти; ◇ [рыболовные ∞] рýболóуныје ∞ орудия рыбной ловли *см.* снасть, инструмент.

[ствобец] стоўбе́ц *м.*, стоўпе́ц *ш.* Кн. елец *Leuciscus leuciscus* L. *см.* круглик.

[судак] судак *м.* Лп. Рб. Хр. Ом. Бл. Ш. Кн. Дн. Дв. судак *Lucioregca lucioregca* L.

[тенето] це́нето *с.* Гл. Зл. Ан. Рб. Хр. Ом. Кн. Дн. Дв., цин'отка *ж.* Влц. мелкоячейстое полотно для рыболовных сетей *см.* полотно, сетно *ср.* редь.

[товстокора] тоустоко́ра *ж.* Ш. *см.* коравка *ср.* плотка.

[тоня] то́н'а *ж.* Ол. Лк. Св. Сп. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Гл. Кн. Дн. разовый прогон (протяжка) рыболовной сети, невода.

[топтуха] топту́ха *ж.* Дн. *см.* кошица.

[троск] троск *м.* Вт. связка «меток» (*см.*), обычно 100.

[тычка] ты́чка *ж.* Ол. Пх. Зл., прыты́ка *ж.* Ан., прыты́к *м.* Сп., прытычы́на *ж.* Лк. шестик для закрепления у дна ставных рыболовных снастей *см.* колок.

[тяганка] ц'а́ганка *ж.* Дн. Дв. *см.* волок.

[угорь] уго́р *м.* Ол. Лк., ва́нго́р Рб. Хр. Ом., ва́нгер Лп., ва́нгож Гл., ва́нгор Влц. угорь *Anguilla anguilla* L.

[удилище] уди́л'но *с.* Лк. Кн. Дв., ву́дз'я́л'но Гл. Вт., уди́лно Ан., ву́дилно Св., ву́долно Лп., ву́дильшчэ *с.* Ол., уди́л'нишчэ Пх., гу́дишча *с.* Зрч., уди́лишчэ *с.* Рб. Хр., ву́длышчэ Сп. удилище, гибкий шестик для удочки *см.* удка.

[удка] ву́дка *ж.* Св. Лп. Вт. Рб. Хр. Кн. Дн. Дв., у́дка Ол. Лк. Зд. Сп., гу́дка Зр. Влц., ву́тка Ан. удочка, крючковая рыболовная снасть с удилищем *ср.* кормак, перемет.

[уклея] укля́ја *ж.* Ол. Лк., кля́ја Ол., окля́ја Влц. *см.* верховодка.

[устье] у́с'це *с.* Ан. *см.* сердце.

[хватка] хва́тка *ж.* Лп. подсак, подъемник для ловли рыбы.

[черемуха] че́рэмуха *ж.* Ш., ца́рэмуха Гл. Кн. Дн. *см.* красноперка.

[чернокол] чарнако́л *м.* Влц. *см.* сомик.

[чехонь] чахо́н' *ж.* Гл., чахо́н'а *ж.* Кн. Дн., чахо́нка *ж.* Дв., че́шка *ж.* Ш. чехонь *Pelucus cultratus* L.

[чмурить] чму́рыц' *несов.* Кн. Дн. Дв., жму́рыц' Дн. Дв. ловить рыбу с подмучиванием воды.

[шнур] шнур *м.* Лк. Рб. Хр. Бл. прочная тонкая веревочка для донных жилковых рыболовных снастей *см.* волошня.

[шпент] шпент *м.*, шпентик *м.* Лп. щуренок *ср.* лобач.

[шпилька] шпил'ка *ж.* Лк. прутик для низания рыбы *ср.* метка.

[щипавка] шчыпавка *ж.* Лк. щиповка *Cobitis taenia* L., голец *см.* снопу́рха. Окун' за жи́й хорошо́ берэ́цца Лк.

[щука] шчúка *ж.* Ол. Лк. Св. Зр. Эд. Влц. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Бл. Зл. Ш. Ан. Кн. Дн. Дв. щука *Esox lucius* L. самка, крупная *ср.* щупак, кожушек.

[щупак] шчупáк *м.* Ол. Лк. Св. Зр. Эд. Сп. Влц. Вт. Рб. Хр. Ом. Гл. Бл. Зл. Ш. Кн. Дн. Дв. щука самец, крупная *ср.* щука, кожушек.

[щупачка] шчупáчка *ж.* Рб. Хр. Зл. Кн. Дн., шчупáрачка *ж.* Зл. небольшая щучка *ср.* лобач.

[щупеля] шчупел'á *с.* Лк. Сп., шчупел'áтко *с.* Сп. щуренок *ср.* щука, щупак.

[ябрынь] jáбрын' *ж.* Ол. Лк. Эд. крупная плотва *см.* коравка, бублица *ср.* плотка.

[язь] яз' *м.* Ол. Лк. Эд. Сп. Влц. Лп. Вт. Рб. Хр. Ом. Пх. Гл. Зл. Ан. Кн. Дн. Дв., ўјас' Св., яз'úк *м.* Лк. Ом., яз'úчка *ж.* Лк., яз'учóк *м.* Лп., jáз'ик Лп. Вт. Рб. Хр. язь *Leuciscus idus* L. *ср.* смовжик.

[якорец] якорéц *м.* Влц. Бл. Кн. Дв. двухподдевный или трехподдевный рыболовный крючок *ср.* крючок.

[ятер] jáт'ор *м.* Лк., jéтир Влц. *см.* венгер.

В. Л. Веренич, А. А. Кривицкий

ЛЕКСИКА ГОРОДЕНСКИХ ГОНЧАРОВ

Километрах в 40 на юго-восток от Пинска недалеко от районного центра г. Столина находится Городная (*Городна́*), издавна известная на Пинщине и вообще в Полесье, а также в юго-западных районах центральной Белоруссии и в прилегающих к Пинщине районах севера Украины разнообразными гончарными изделиями. Жители Городной, *городя́ны* были в этих краях в прошлом почти единственными производителями простой, а позже и обливной кухонной и прочей хозяйственной глиняной посуды, которой они снабжали население деревень, местечек и городов окрестных районов Белоруссии и Украины (в радиусе до 200 км). По словам местных ремесленников, их конкурентами в этом деле были лишь гончары дер. Кривица Дубровицкого района (Украина), а также белорусские синявские (дер. Синявка Клецкого района, недалеко от г. Барановичи) и пружанские гончары (Пружанский район, севернее г. Бреста). Изделия кривичских гончаров городенцы считают даже лучшими. Кривичские горшки *крэпчэ́шы́је за на́шы, там глі́на чэ́рна, а як горшчэ́к выпали́цца, то бэ́лі аж сьні́*. Но с ними приходилось конкурировать городенцам преимущественно на территории Украины (Дубровица, Сарны, Степань). Горшки производились также пружанскими мастерами. Пружанская посуда, как и городенская, светлая, но местные гончары обычно особым образом чернили свои изделия в копти (потом по черни делалась роспись гончарным ножом). Однако пружанская посуда заходила на юго-восток не дальше Дрогичина. Синявские изделия, по мнению городенцев, несколько хуже по качеству: *там горшкі ра́бі*, т. е. серые с темными пятнами. Речь в данном случае идет не об уровне мастерства ремесленников, а прежде всего о качестве материала и связанным с этим внешним видом изделий, их прочностью и долговечностью.

Городная — одно из древнейших поселений на территории Пинщины. До начала второй мировой войны Городная считалась местечком, в котором ежемесячно 10-го числа проводились ярмарки. Крестьяне из окрестных деревень привозили сюда зерно, овощи

и фрукты, продукты животноводства, предметы домашнего изготовления: холст, сукно, деревянную посуду, бороны, сани, телеги и запасные части к ним, словом все, что производилось в крестьянском хозяйстве. Происходил натуральный обмен. Взамен они возвозили из Городной кирпич и глиняную посуду.

Городная окружена болотами (*морбч'ами*) и лесами. Сенокосных угодий здесь вообще нет, пастбищ мало, на небольших песчаных участках пахотной земли собирали скудные урожаи картофеля, ржи и овса. До недавнего времени в Городной совершенно не было садов, не выращивали овощей и многих других сельскохозяйственных культур. Естественно, что сельское хозяйство не могло быть для городнянцев единственным источником дохода. Женщины, подростки во время сезона занимались сбором ягод и грибов и заготовкой их для нужд семьи и на продажу. Но основным подспорьем в хозяйстве городенца было гончарное производство и изготовление кирпича. Гончарное производство развито в Городной с незапамятных времен и подобно навыкам работы в сельском хозяйстве передавалось из поколения в поколение. Гончарный круг и печь для обжига глиняной посуды (*зброн*) были необходимым инвентарем в каждом самостоятельном хозяйстве городенца. Гончарное дело считалось в Городной главным занятием и основным источником доходов. Примерно до 1950 г., когда в Столинском районе было построено три кирпичных завода, городенцы занимались ручным изготовлением *цэгли сырбўки* (кирпича-сырца) и *пал'онки* (обожженного кирпича). Весь запас кирпича продавался на месте, в Городной.

Наличие больших запасов качественных глин издавна определяло характер экономики и род занятий городенцев, сделав их потомственными ремесленниками-гончарами, а Городную — одним из центров гончарного производства в Полесье.

Отправляясь в *маршл'ўты с хўрамі горшкбў*, *городэнскије горшчакэ* достигали районов Баранович, Мира, Копыля, Слуцка, Новогрудка, Клецка (*јэздыли у Литвў*), бывали в Петрикове, за Дрогичином и Кобринюм, а также на Украине. На всей этой территории слово *городэнец* являлось синонимом изготовителя и продавца глиняной посуды.

В настоящее время в Городной насчитывается около 500 дворов. Здесь находится сельсовет, средняя школа, участковая больница, почта, швейная мастерская, правление колхоза «Заря», колхозный кирпичный завод и организованная при нем гончарная мастерская. Село электрифицировано и радиофицировано. За последние годы значительно изменился его облик, заметно повысился экономический и культурный уровень. Рост культуры земледелия в самой Городной, работа на местных предприятиях, выезды части мужского населения на сезонные работы в Сибирь, Казахстан и на Украину изменили структуру экономики и характер занятий городенцев. Появление новых источников дохода, экономически бо-

лее эффективных, чем изготовление глиняной посуды, наличие в магазинах большого выбора недорогой металлической, фаянсовой и стеклянной посуды фабричного изготовления привели к резкому сокращению гончарного производства в Городной за последние 15 лет. Гончарным делом в колхозной мастерской или на дому продолжает заниматься лишь часть городенцев старшего поколения. Люди среднего возраста умеют делать глиняную посуду, но предпочитают любую другую работу в колхозе или на производстве. Что касается представителей младшего поколения, то они вовсе не обучены гончарному делу. Таким образом, многовековая традиция гончарного производства оказалась прерванной.

Представленный здесь материал по лексике городенских гончаров и гончарному делу был собран во время диалектологической экспедиции в июле 1965 г. Лексический материал подается при описании технологии местного гончарного производства, ассортимента изготовлявшейся посуды и торговли ею в прошлом. Обусловлено это отчасти тем, что словарь городенских гончаров, как нам показалось, не очень богат своей особой узко ремесленной терминологией.

Для обозначения различных процессов производства, орудий ремесла и их деталей используются преимущественно общепотребительные в говоре слова, но в специализированных словосочетаниях, выражениях или с особым оттенком в значении.

Дается также и алфавитный перечень лексики, связанной с местным гончарным ремеслом, с отсылками к нужным местам описания, если в нем в какой-либо связи встречается то или иное слово или выражение, и с дополнительными пояснениями, если в них чувствовалась необходимость.

I. ПОДГОТОВКА ГЛИНЫ

Прежде чем приступить к изготовлению посуды, нужно не только добыть материал, но и подготовить его. На эту работу гончар затрачивает большое количество труда и времени.

Гончарный материал *глину* местные *горшчајѣ* (гончары) различают по цвету и по тонкости или качеству. В гончарном деле используется *чёрна*, *сива* (серая), *бѣла* глина, а также *чэрбона* (красная) — для росписи посуды. Последняя известна еще под названием *описка*. *Чёрна глина* по качеству обычно *тлѣста* (жирная, тонкая, вязкая). Менее качественная *толокн'ова глина* (песчаная, слабая, грубейшая). Чаще это серая и белая глина. *Описка* обычно *маје тлѣстос'т'*. Черная и белая глина может встречаться вместе, а серая — отдельно. Как правило, для *вѣробы* посуды заготавливали все три сорта глины. Вот что рассказывает об этом старый гончар К. К. Шелест: *За царьымы брали глину ў трох мѣсцах и мѣшалі разам ус'ў, и булі мѣцна вѣроба горшкѣў. А тэпѣр добралі практыкі, што з аднѣі ямы такі самы горшкі вѣробл'ајем, як ис трѣх*

јам. Бо друге месце — на тој землѣ, што була под помѣшчыком (речь идет о смешанных залежах черной и белой глины).

Глину добывают в *јамах* (*јама*, *јамка* — в данном случае вертикальный карьер, нередко со значительными подкопами в стороны по пластам глины) глубиной 1,5—2 м. Орудия — обычные *залез'н'ак* (металлическая лопатка), и *копанѣца* (мотыга). *Накопájem кучу, там жэ у јамцы порѣжэш на дрѣбныје кусѡчк'и и пэрэмшáјеш, поливáјеш водбју и мѣшиш ногáми.* Порезанная на *кавáлки* (*кускѣй*) весом по 15—20 кг глина выбрасывается наверх, складывается у *гýрбу* (стожок) или сразу грузится на *фурмáкнү* (воз). На *хуру* (воз) посуды нужно заготовить 20—25 таких кусков глины. Заготовленную глину привозят домой, вносят в избу и подвергают дальнейшей обработке: *мшáјут'*, т. е. кладут пластами один на другой *рад тлүстоји* (*чбрноји*) глины, *рад толокн'овоји*, *збивáјут'* *доўбен'коју* (деревянный молот) у *бáбу* (*бáба*, *бáбка* — плотный продолговатый стожок), потом обычным двуручным *стрýгом* *стрýжут'* *бáбу*, т. е. режут стожок глины поперек слоев на тонкие стружки. Стружку снова *збивáјут'* у *бáбу* и снова ее *стрýжут'*. Если глина *струплѣва* (т. е. если слои глины не сбиваются *тѣсно*, плотно), ее приходится таким образом *угодбўливат'* и третий раз.

Хорошо вымешанную таким образом глину последний раз *стрýжут'* и стружку *з'лепвáјут'* у *грудкѣ по кил' дѣс'ат'*: *згорнўй згорнўй стружкѣй и стѣснўй рукбју у грудку. Грудкѣ слабѣн'кије, нэ з'бивáјем тесно.* Каждую *грудку* смачивают водой (опускают в *цѣбэр* с водой) и складывают в угол избы подальше от печи — *глин'ницу* или *глин'ник*. Там глина *розыхбдицца* в сплошную массу, которую сверху разглаживают, накрывают *дрáпками* (тряпками) и периодически раз в день увлажняют, *покрѡпвáјут'* (обрызгивают) водой, чтобы она не высохла. Обычно через два-три дня глина хорошо *уенивáје* (*роскисáје*), становится *гладчѣjšаја*. В этом случае говорят: *глина готбва, можно робѣты.*

Но прежде чем *готбва* *глина* ляжет на гончарный круг, она должна быть тщательнейшим образом *вѣм'јата* (*вѣмн'ата*), иначе говоря, перемешана и перебрана так, чтобы вся была ровная по цвету, влажности и составу, чтобы в ней не осталось *ни корѣн'цá*, *ни камѣн'цá* (*глўсу*, т. е. сору), чтобы она не ломалась, а тянулась. *Мнут'* глину по частям. При такой обработке из *глин'ника* берут 15—20 кг. Глину кладут на *лáву* (широкая скамья), предварительно слегка посыпанную песком. *На лáви чáвиш* (давиш) *глину рукáмы*, *вона розминáјецца, рост'áгвáјецца у плáст* (*пластѡк*). *Пласт* складывается и снова разминается. При этом он постоянно прощупывается пальцами и обнаруженный сор выбрасывается, так как из-за одного зернышка или камешка может прогореть или лопнуть при обжиге посудина. Мнут пласток в течение часа и более. Глива считается готовой к работе, если проведешь по ней пальцем и на пластке останется канавка с ровной и гладкой поверхностью: *помўл'аў пáл'цэм, ужѣ вонá гáдкa, вѣм'јата.*

После этого пласток *рõзрыва́јеш на кускі, поплѣшчши* (покача́јеш, побѣш) *у грудкі и кладѣш у шару́нки на лави* (это значит, *грудку на грудку* несколько). Величина *грудки* (*грудочки*) зависит от размера и назначения предполагаемой посуды. *Грудкі* сразу же идут на изготовление посуды.

II. ИЗГОТОВЛЕНИЕ ПОСУДЫ

Посуда изготавливается *на кру́зи* (на *кружку*). В последнее время пользовались обычно гончарным кругом, который называют *нѣмэц*. Он прост по своей конструкции, но имеет некоторые детали металлические. Вот как описывает этот круг старый гончар Ф. В. Шелест. Главная деталь круга — *спода́к*, т. е. большой деревянный хорошо уравновешенный и отцентрированный круг внизу. *Спода́к сто́јт' на шпэн'у элезнум, а то́ј — на крѣмэн'у*. Кремень закреплен в полу. Шпень входит в специальное углубление в кремне, в котором он вертится. *Звѣрху сподака́ јдѣ шпэн' дэрэ́јяны до́јжны́ тры чѣтвѣрти аршы́на. У дэрэ́јяны шпэн' убита́ шы́жа элѣзна* (оська), *а на то́ј шы́жэ набита́ дэрэ́јяна голбу́жа* (верхний рабочий кружок), *прыкрут' она шру́бом* (болтом). Круг устанавливается около лавы. *У ла́ўку упрáўлена́ дэрэ́јяна лисы́чка, у яку́ју захбды́т' шы́жа и винта́ми закру́т'вае́цца*.

Прóсты круг тоже имел *сподак* (*спбд*) и *голубу́жу*, но они связывались между собой не по центру при помощи одного шпenea, а обычно шестью *цэпкáми*, т. е. тонкими вертикальными деревянными палками по кругу недалеко от центра. В центре же *спбда* делалась дырка. Через эту дыру круг одевался на толстый деревянный *шпэн'*, вбитый в земляной пол наглухо. Своим верхним заостренным концом шпень свободно входил в неглубокое отверстие на нижней стороне головки.

Стародáвни круг был без *спбда*. Крутили его рукою за головку: *роскру́т'вали, потóм робы́ли*.

Работа на круге требует хороших навыков и большого мастерства.

Разделав на *грудкі* очередной *пласто́к* глины, гончар садится *на лаву за круг* и начинает *горшкы́ робы́ти*. *Вбз'мэ грудку, поса́дыт' јејѣ на круг, прыплѣшчэ* (*прыбјѣ*) *на голбу́жу и сбд'а на ла́ўцы, кру́тыт' ногáми круга*. *Помочы́ўны рýки у водѣ*, которая стоит на лаве в *блмочы* (какая-либо посуда, черепок), гончар *стыска́је ладбня́мы глы́ну и пудвбды́т' јејѣ угбру*. Потом *прокру́т'вае́ пал'цэм* в центре углубление и *рост'ага́је* (расширяет) его большими пальцами изнутри, придерживая стенки снаружи ладонями. Одновременно стенки *осáд'вају́цца* вниз. Затем левой рукою изнутри, а правой снаружи гончар *пудт'áзваје* стенки задуманной посуды, *вивбды́т' их* и снова сверху осаживает немного вниз. *Осáд'вајут' и пудт'áзвајут' разбу́ тры-чоты́ры*. *Вѣнца* (бортик) *заву́жыў звѣрху — и зно́ў т'áгнэш угбру*. *Увѣс' час трѣба пот'ага́ты шы́рэ́ј*

и *вiшэ́*. Потом окончательно *виги́на́еца вéнца* и горшок вчерне готов. Руки при этом все время обильно смачивают, глина под руками делается скользкой, растворяется. Этот тонкий жидкий слой или *шлиг* снимается при работе.

При малейшем неточном или неудачном движении рукой во время формирования глина *скру́тыцца, россúнэцца* и заготовка *попсу́еца*. Но у мастера это случается редко.

Сформированную руками посудину *вигла́д'ва́еш* (выравниваешь) снаружи *но́жыкам* (деревянная пластинка), и, если это нужно, *прыма́зваеш* (*прылепва́еш*) *вúхо* (*вúшко*, т. е. ручку).

Перед тем, как снять с круга, *мо́жна шчэ рубэ́жыки зроби́ты або пописа́ты горшкá*.

Рубэ́жыки (насечки) делались около бортиков и на *чэ́рэви*, т. е. на боковой стороне посуды (каждая посуда украшалась по-своему). Обычно это делалось при помощи *но́жыка*. Однако *карбова́ли* (украшали насечкой, *рубэ́жыка́ми*) посуду также и специальной *карбо́ўжо́у*. Увидеть ее нам не довелось. По рассказам, она представляет собой зубчатое деревянное колесико или валик.

Расписывали посуду особой тонкой красной глиной — *бписко́у*. *Вiкопа́ют' кусо́к чырво́но́й глiны, розмéс'ат' хара́шб, з'лэ́п-л'ат' у грóбку и вiсуша́т' же́е́. Одобжу́т' кавáлочок, розмóчат' у водé у малéнкун горшчóчку и пiшу́т' горшчкá на кру́зи*. Роспись наносилась при помощи *пéрца* (*пéрцэ, пéро* — кисточка из трех-четырех куриных перьев). *Пéрцэ умóчают' у бписку и пiшу́т'*. *Писáли ко́ло вéнца зéрху на ўс'б́ посуды. Провэ́дэ наўкружкi пiат'-шэс'т' пасочóк* (поясков) *и робы́т' кветкi*. Широкую посуду (например, миски, тарелки) расписывали *шнурочкáми* и *кв'аточкáми* снаружи и внутри.

Писаная посуда пользовалась особой популярностью в центральных районах Белоруссии (*у Литвё́*).

Готовую посудину *тбнэн'ко́у дроты́нко́у* (бы *швэ́йна нiтка*) *зрэ́звают' (пудрэ́звают')* и *зды́ма́ют'* за *чэ́рево з кру́га на лáву*.

III. СУШКА ПОСУДЫ

Изготовленные горшки на *лаве стúгнут'* (делаются твердыми). Когда они *постúгнут'*, у них *оптыра́ют'* (*пудгла́д'ва́ют'*) *утбры*. *Утбры* — это венчик глины у дна, который после среза посудины с круга имеет острые неровные края. Их и *оптыра́ют'* (поправляют, сглаживают).

Для сушки посуду ставят на *пiатра* (*пiáтарка*). *Пiáтра* — это вышки в избе под потолком, редкий настил досок на специально врубленных в стены балках. Доски (*пiáтрыны*) кладут на таком расстоянии одну от другой, чтобы можно было *лáдыты посуду* (поправлять, переставлять, перебирать). В старых городнянских избах, где потолок бы сводчатый, клалось два сушильных

настила: *ныски пјатра* и *високи пјатра* (*ныжни* и *вышни*). В домах с обычным потолком имеются только одни пятра.

На низких *пјатрах* ставят для просушки сырую посуду с *лавы*. Через три-четыре дня, когда посуда немного подсохнет, ее осматривают. Каждый горшок берут осторожно за *вѣнци* и проверяют, чтобы не было в нем дырочки, камешка или соринки. Если можно, дырку *замазвајут'* *рѣдковаѳоју* глиною (*шлийк*). Еще через день-два, когда посуда просохнет настолько, что горшок можно взять одной рукой за венчик, ее *чапјут'* или *вѣрнут'* (*ворбчајут'*) у *пруты* — ставят посуду одну на другую вверх дном на высоких *пјатрах*. *Прутѳк* (*прут*) — четыре-пять больших горшков или пять-десять меньших.

Для полной просушки посуды требуется всего 10—12 дней, после чего ее можно уже у *гброн клѳсты* и *палиты*.

IV. ОБЖИГ ПОСУДЫ

Печь для обжига посуды, *гброн* (иногда *гартѳѳн'а*) — довольно сложное сооружение. Вот как рассказывает об устройстве горна Ф. В. Шелест: *гбрна робѳили толокѳју. Навѳзѳм цѳглы, намѳшѳјем глѳны, тогда копѳјем јѳму. Выкопајем јѳму, вымурујем ноздрѳ, усѳрѳдны стѳвимо дѳда и будѳјем гбрна укруговѳју. Ноздрѳ розвивѳјуца так: скѳл'ко занимаје дѳд доѳжыны, стѳл'ко на одѳн бѳк дѳда и на другѳ бѳк дѳда шчытајѳца ноздрѳ. Дѳда рѳбл'ат', шчѳб дѳржѳјѳса склеп, а склеп тѳј дѳржѳјѳца на дѳду и на стѳнѳ. Здѳлали помѳст и чѳрѳн з дырѳками, шчѳб прохѳдѳйѳ огнѳ' на горшѳкѳ, кладѳм гбрна тогѳ угѳру. јѳк ужѳ вымурујем гбрна тогѳ кругѳм высѳкого, ужѳ кѳнчыли јѳгѳ, тогда рѳбимо шчѳ пѳчку, шчѳ клѳсты дрѳва палѳт' горшѳкѳ. Горнѳ у нас рѳбл'ат', шчѳ мы зазнѳјем, и нѳшы бат'кѳ, дѳдѳ и прѳдѳдѳ зазнѳјут'.*

Пет 30 тому назад, когда *пјатра* позволяли просушивать сразу до двух *хур* горшков, горны были рассчитаны на одновременный обжиг всей этой посуды. В послевоенные годы, в связи с уменьшением сушильного устройства, объем горна рассчитан на нагрузку одной *хуры* горшков, т. е. от 350 до 500 штук в один прием.

Прежде чем приступить к обжигу посуды, приготавливают достаточное количество дров мягкой породы (*смоловых*, *ол'хѳвых* або *осѳвых*, т. е. осиновых) и подносят к горну партию посуды, предназначенной для обжига. В летнее время посуду сразу загружают в горон, а зимой предварительно *вигрѳвајут'* *гбрна*, чтобы стенки его были теплыми. Нельзя ставить посуду на влажную землю, снег, оставлять под дождем или охлаждать. В зимнее время посуду стараются *клѳсты у гброн*, как можно скорее, прикрывая при этом каждый раз горон сверху соломой, во избежание охлаждения посуды. Через специальное боковое отверстие гончар залезает в горон и укладывает подаваемую ему посуду. Сначала он

выставит горшки *стаўма* по всему *чэрону* (поду). Первый ряд ставит дном к поду, второй ряд горшков переворачивает дном кверху, третий снова ставит дно на дно, четвертый снова дном кверху, и так *чану́је на два трэ́т'ого, на два трэ́т'ого до са́мого вэ́рху* (коб *огбн' прохбдиў*). После полной загрузки горна дырку закладывают кусками кирпича и замазывают *пэчнбу́ глиноју*, а сверху горн *зачэрэ́пајут'*, покрывают верхний слой посуды *чэрэ́пками*. Делают это для того, чтобы в горн не проникал со стороны и сверху непрогретый воздух, так как горшки в этом случае могли бы *по́лбнаты*.

Окончив загрузку горна, у *пэ́чку кладу́т' огбн'*. Чтобы посуда не полопалась от резкого изменения температуры, ее постепенно *выгрэ́вајут'*, поддерживая в печке *слабэ́н'ки огбн'*. В процессе выгревания посуда *роspрэ́ваје*, а затем *высы́хаје ў горну́*. Час-полтора спустя, когда черепки нагреваются наверху до такой степени, что плюнеш на черепок, а *слы́на кипи́т', прыкладајут'* *ббл'шы огбн'*, набрасывая полную печку дров. При дровах среднего качества обжиг продолжается восемь-десять часов. *Пал'ат' горшкі* до тех пор, пока черепки не раскалятся добела. *Чэрэ́пкі бэ́лыји — горшкі пал'бны* (*опал'оныје*), *як чэрэ́пкі чб́рныје, то горшкі шчэ сы́рыје*. Если считают, что обжиг завершен, *коц'убо́ју* (кочергою) *выгрэ́вајут'* (*вигб́ртајут'*) из печки жар (*мб́жэ дэ голо́вэшка, шчоб нэ закурыласа*) и заливают водой. На протяжении ночи посуда *золбдаје ў горну́*, наутро ее *выбэ́рајут'* з *гб́рна, нб́с'ат' у клу́н'у* и *зворб́чајут'* у *гу́рбу*, при этом *сорту́јем* и *лы́чы*м.

Очень важно правильно определить время прекращения обжига: *бо як пэ́рэпáлиш — покос'áцца горшкі, б́удэ багáто нábэрэ́жных* (пережженных), *а як нэдопáлиш — б́удут' недб́палки, нáда пэ́рэпáл'ват' др́уги раз. Дб́брэ в́ипал'оны горшчб́к бэ́лы и звб́нки, звэ́ныт' харашб́. Нэдопáлок нэ звб́ныт', а пэ́рэпáл'аны горшчб́к нэ звэ́ныт', онб́ драмч́йт'.* *Нэдопáл'оны и нábэрэ́жны горшкі ни́якого хб́ду нэ ма́јут'*. Обожженную посуду называют *пал'бны горшкі* или *прб́сты горшкі*.

V. ОБЛИВКА ПОСУДЫ

Поли́вој называют глиняную посуду, облитую специально приготовленным раствором окиси свинца и глины и вторично обожженную в горне. Обливная посуда блестит, хорошо отмывается и превосходит по прочности простую, необливную посуду.

Обливка посуды известна в Городной сравнительно недавно. *До микола́јевс'који во́йны у нас поли́вы нэ булб́, горшкі возы́ли поли́ваты до Пы́нска, облива́ў јих тб́л'ко одын жыд Бу́јбмин.*

Первым из городенцев искусству обливки научился Н. Вечорко (сейчас ему 71 год). В конце 30-х годов научились поливать посуду еще несколько местных жителей. Но массовым явлением полива стала у городенцев после 1945 г., когда каждый *горшчáј* научился

горшкі поливаты. И гэто нэвэліка практыка дл'а того, шчо пони-маў, а як мы нэ понималі, то думалі, шчо такá гэто практыка, шчо нэмá ў свёти такбџи практыки,— вспоминает Ф. В. Шелест.

Для приготовления раствора полиўки на хўру посуды требуется 15 кг свинца (называют гблово, т. е. олово) и примерно столько же глины. Свинец кладут в чыгўн и пал'ат' на прыпэку у пэчы до тех пор, пока он не ростопицца на вбду, а потом превратится в муку желтоватого цвета. Глину приготавливают, как правило, из черепков бракованной необожженной посуды, измельченных в порошок. Влив в цэбэр ведро холодной воды, поочередно высыпает туда мёрку голоўџаноџи (свинцовой) мукі и мёрку гліны: розмбчат' и розмшáџут' гліну з гбловом. Приготовленный раствор дважды перепускают через ручные жёрна, чтобы размолотись крупинцы свинцового порошка и глины, шчоб булá глáдка полиўка. В полиўку добавляют еще ведро воды, вымешивают и проверяют насыщенность раствора. Розмшáџеш и рўку ўмбчыш и жежэли стрэжнш и шчэ мнбго опускаџеца з рукі — добавў'áџеш вбду абрáтно, жежэли харашо опускаџеца, срéдствэнно, то поливáџеш горшкі. Бэрш горшкá за ўтбры у лэвуџу рўку, крўжук — у правуџу, наливáџеш у тоџ гбршчык тбџи полиўки, обмáжнш жоб укрузовўџу и вьл'џеш назáд у цэбэр, пбтым повэрху поливáџеш и стáвыш жоб нáбок. Политата посудá сбтнэ цэлу нбч зымбвого врэмџа, а лэтом высыхáџе на сбнцы за час (поливáџут' тбл'ки пал'бнуџу, а нэ сырўџу посуду). Политуџу и просбхшуџу посуду кладўт' у гброн и выпал'ваџут' як сырыџе горшк'и, онб пал'ат' жеџе на нáрў часбџ ббл'ш, чым прбс-тыџе горшкі и дрбвá трббá шчо нáџсушэџ, бо пры сухіх дрбвax дббрá поливá выхбдыт'. Жар из печи в этом случае не выгребают, так как от поднимающейся пыли полива стала бы шэрэховáта и тэмна. В полиўку добавляют нередко краску — зэл'бну, чэрвбну, чбрну, тбл'ко нэзгорáџну.

Полива ценилась в два с лишним раза дороже простых горшков. Так, до революции за хўру простых горшков платили 5 руб., а за поливу — 10 руб. и больше. Безлошадный гончар Ф. В. Шелест, который не имел возможности возить горшки, а отдаваў јих на мёсцы, вспоминает: за Пбл'шчы ја отдаваў жьдáм хўру горшкбџ шчытáџ чотыры сбтни, за пўџтора пўда жьтá. Выставўџ тры хўры горшкбџ, то ја уз'áў чотыры пўды с половыноџу хлэба за двáнаццэт' сот горшкбџ вьпал'оных. Дáрма брáли. Дáрма! А як купыты поливу у јіх, то нáда давáты сэмдэсат пџат' збтых за фўру, за тўџу сáмуџу хўру.

При продаже посуды оптом и в розницу обливщики и торговцы пользовались различными мерами счета посуды. Наиболее крупной единицей счета оставалась хўра. На хўру считалось четыре сотни: двé сбтни нэрбзнакоџ и двé зливачбџ и дáжэ шчэ з надбáџкоџу по пџат' штук на сбтн'у, это врбди на брáк. Воні (поливщики) у нас брáли на сбтни, а нам ўжэ нэрэшчытывали поливу на дэс'áтки.

VI. ПОСУДА

Городнянская гончарная посуда различается в зависимости от назначения и объема. Основной, наиболее ходовой посудой являются *кру́гли горшкі́*. Часто *горшчо́к* служит обобщенным названием для всей гончарной посуды, например *полба́ли горшкі́*, *проба́ў ху́ру горшкѡ́ў*, *полі́ваны горшкі́*, хотя в данном случае имеется в виду разная гончарная посуда: *горшкі́*, *макотрѣ́*, *сло́ѣ*, *вазо́ны*, *ба́н'кі́*, *гле́чыкі*, *гладышкі́*, *мисы́*, *мискі́*, *тарэ́лочкі́* и *кубочкі́*. Названия горшков в зависимости от их величины служат дополнительной характеристикой при различении по объему всей остальной посуды. Ниже приводится перечень и классификация городнянской гончарной посуды и ее специальные местные названия.

А. *Кру́гли горшкі́* (им. ед. *горшчо́к* — род. ед. *горшчкѡ́*, род. мн. *горшкѡ́ў*) — общее название.

1) *пол'ак* (род. ед. *пол'акѡ́*, им. мн. *пол'акі́*) — *са́мы́ бѡ́льшы́ горшчо́к з дві́ма вуша́мі*, *насыпа́йут' 1—1,5 пуда́ жы́та*;

2) *оды́нцэ* (род. ед. *оды́нца́*, им. мн. *оды́нцѣ́*), вместимость 8—16 кг зерна;

3) *пудоды́нцэ* (род. ед. *пудоды́нца́*, им. мн. *пудодо́нцѣ́*) — 6—8 кг зерна;

4) *на́рбзна́к* (род. ед. *на́рбзна́ка*, им. мн. *на́рбзна́кі*) — 4—6 кг зерна;

5) *зліва́ч* (род. ед. *зліва́ча́*, им. мн. *зліва́чѣ́*) — 2 кг зерна;

6) *поўзліва́ч*, *зліва́чык* (род. ед. *зліва́чка*, им. мн. *зліва́чыкі*), *пуўзліва́чык* (род. ед. *пуўзліва́чыка*, им. мн. *пуўзліва́чыкі*) — 1,5 кг зерна;

7) *мамзэл'* (род. ед. *мамзэл'а́*, им. мн. *мамзэл'е́*) — 1 кг зерна;

8) *мамзэ́лік* (род. ед. *мамзэ́ліка*, им. ед. *мамзэ́лікі*), — *2 фунты жы́та и мэ́нч*.

Все круглые горшки, кроме *поля́ка*, делаются с одним ухом.

Б. 1) *Мако́тра* (род. ед. *мако́тры*, им. мн. *макотрѣ́*) — объем от 16 до 2 кг зерна;

2) *мако́ш* (род. ед. *мако́ша́*, им. мн. *мако́шѣ́*) — от 2 до 1½ кг зерна;

3) *мако́шык* (род. ед. *мако́шыка*, им. мн. *мако́шыкі*) — от 1 кг до 1 фунта зерна.

В. *Сло́ѣ* (им. ед. *сло́ј*, род. ед. *сло́ја́*):

1) *Оды́нцѡ́ў сло́ј* (*з дві́ма ву́хамі и с крѣ́шэ́чкою*) — 8—16 кг зерна;

2) *пудоды́нцѡ́ў сло́ј* (этот и все остальные с одним ухом) — 8 кг зерна;

3) *на́рбзна́кѡ́ў сло́ј* — 5 кг зерна;

4) *зліва́чѡ́ў сло́ј* — 2 кг зерна;

5) *са́макови сло́јік* — 1,5 кг зерна.

Г. *Ба́н'кі́* (им. ед. *ба́н'ка*, род. ед. *ба́н'кі*):

1) *пудоды́нцѡ́ва ба́н'ка* — 8 кг зерна;

2) нэрбзнакова бaн'ка — 5 кг зерна;

3) зливачба бaн'ка — 2 кг зерна.

Д. Глэчыки (им. ед. глэчык, род. ед. глэчыка):

1) пудодынцбў глэчык — 8 кг зерна;

2) нэрбзнакоў глэчык — 5 кг зерна;

3) зливачбў глэчык — 2 кг зерна;

4) сэмакбў глэчык — 1,5 кг зерна;

5) мамзэл'бў глэчык — 1 кг зерна.

Все глэчыки с ухом, без уха — гладышки.

Е. Гладышкі (им. ед. гладышка, род. ед. гладышки).

Видовые названия гладышки в зависимости от объема те же, что

И глэчыка.

Ж. Мисы, мискі (им. ед. мiса, род. ед. мiсы):

1) одынцба мiса — 8—16 кг зерна;

2) пудодынцба мiса — 6—8 кг зерна;

3) нэрбзнакова мiска — 5 кг зерна;

4) зливачба мiска — 2 кг зерна;

5) сэмакба мiска — 1,5 кг зерна;

6) мамзэл'ба мiсочка — 1 кг зерна;

З. Вазоны (им. ед. вазон, род. ед. вазона):

1) нэрбзнакоў вазон, вместимость 5 кг зерна;

2) зливачоў вазон — 2 кг зерна;

3) сэмакбў вазон — 1,5 кг зерна.

И. Мамзэл'бвы тарэлочки — до 1 кг зерна.

К. Кубочки з вўшками — от 0,25 до 0,5 кг зерна.

По заказам перекупщиков делались также логан'кi, горналы разные подставочки, сподочки и пр.

При сдаче посуды оптом обливщикам или торговцам счет велся сотнями: пол'акбў jшло сто штук на фўру, пудодынцбў jшло двесты штук на фўру, а нэрбзнакоў трыста и пядэсат зливачбў шчытaлaса хўра, а зливачбў — п'ацсбт, а сэмакбў — сэмсбт, а мамзэл'бў вос'емсбт ишлб, а мамзэл'бвых мисочк п'ятна́дцат'сбт ишлб на хўру. Перепродавая обливную посуду, обливщики считали ее на десятки. Со временем городенцы стали применять счет десятками и при розничной продаже посуды. Установилась следующая шкала соответствий:

1) одiн пол'ак — дэсáток, 2) тры одынцџ — два дэсáтки, 3) два пудодынцџ — одiн дэсáток, 4) тры нэрбзнаки — оди́н дэсáток, 5) п'ят' зливачбў — дэсáток, 6) сэ́м сэмакбў — дэсáток, 7) дэ́сат' мамзэл'бў — дэсáток; 8) мисбк пудодынцбвых — п'ят' на дэсáток, 9) нэрбзнаковых мисбк — сэ́м на дэсáток, 10) зливачбвых мисбк — дэ́сат' на дэсáток, 11) сэмакбвых мисбк — двана́дцат' на дэсáток, 12) мамзэл'бвых мисочк — п'ятна́дцат' на дэсáток, 13) мамзэл'бвых тарэлочк — п'ятна́дцат' на дэсáток, 14) кубочкбў мамзэл'бвых — дэ́сат' на дэсáток.

VII. ТОРГОВЛЯ ПОСУДОЙ

Весь запас готовой посуды *зворбчивали у одну кучу ў клўни*. Этот запас достигал иногда трех-четырех хур. Безлошадные гончары вынуждены были за гроши сдавать свои изделия оптом перекупщикам или обливщикам. В большинстве случаев городенцы сами вели розничную продажу посуды. С этой целью в любое время года, за исключением осенней и весенней распутицы, а также посевной и уборочной, из Городной отправлялись на с'бла обозы с горшками. Торговля горшками занимала у городенца едва ли не столько же времени, как и само изготовление посуды. Кроме *прбстых* или *пал'бных горшкбў*, они возили продавать купленную в тридорога у обливщиков *пол'йву*.

После того как устанавливался очередной *марш'ут*, начинались сборы в дорогу. Прежде всего нужно было отобрать и пересортировать посуду, наиболее ходовую в данной местности. Так, например, в *Литвѣ* не интересовались обливной посудой, не покупали *чѣстных пал'бных горшкбв*, но зато охотно покупали «*бол'фань-је*», т. е. *писаныје горшки*; на Украину, наоборот, нужно было везти *бѣлије написаныје горшки и поливу*.

Особого умения требовала упаковка посуды. Нужно было частично переоборудовать небольшой полесский воз, чтобы поместить на него до 400 штук посуды, предохранив ее от поломки и расположив таким образом, чтобы во время торговли оказался под рукой весь ассортимент посуды. Вот как рассказывает об этом старый гончар К. К. Шелест:

Јесли договорѣлиса на зайтра взѣты горшки, то ладѣмо вбза: малѣн'киѣ драбѣнки з вбза скидѣјем, прѣјѣзвајем бѣлца ик рѣчкам звѣрху и накладѣваем вѣлики страмѣны. У вѣликих страмѣнах посѣрѣбыны залбжаны цѣпки, а на концѣ л'асткѣ из дырочкѣми. Шчоб нѣ пѣдали горшкѣки, спѣрѣду и зѣдѣ замбтѣвайут' волбками (веревками) замбты за гѣтыѣ л'асткѣ. Вѣстѣлеш солбмоју дбски и почынајем мшыты горшкѣки: кладѣш по бокѣх два радѣ бѣл'шых и посѣрѣдыни рад мѣнчых горшкбў. А лбжым горшкѣки дном у вѣнца, по штук дванацѣт' пѣтнѣцѣт' у рад, и ус'б днѣмы до кон'а. Трѣба дббрѣ пѣрѣстѣлат' вѣнца солбмоју и мшыт' так, шчоб одѣн ў одѣн ўлезѣт' тѣсно, бо горшкѣки пошмбргајуцца, дѣжѣ и дыркѣ порббл'ацца. Ужѣ вѣслаў дно, потрѣсиш солбми и полбжыш тры рбўных прутѣ вѣликих горшкбў; вѣстѣлеш и ў трѣти раз полбжыш чотѣры або пѣт' пруткбў: поўз цѣпки два бѣл'шых, а у сѣрѣдыни два або тры радѣ мѣнчых горшкбў. А пбтым опѣт' стѣлеш солбму и опѣт' кладѣш пѣт'-шѣс'т' пруткбў и так накладѣјеш, покѣмис' аж до звѣрху. На пбўны вѣз лбжыцца двѣцѣт' два або двѣцѣт' чотѣры, двѣцѣт' пѣт' радбў. Як накладѣш пбвен вѣз, то накрѣвѣјеш звѣрху солбмоју и крѣпко прышнурбўвајеш горшкѣки шнурѣвѣн'н'ем, шчоб вони нѣ шатѣлиса.

Кажэ: намышыў хўру горшкёў, мбжна ужэ вэзты. У дорбгу, як ужэ оджежджэјеш, бэрэш на вэз с пуд сечкч у машок, с пуд оўса кон'ў ў кон'с'куй тбрби, бэрэш себе харчэ ў тбрбу: там хлёба буханку або двэ, кусок сала, круп; свитку и кожуха — это брали у л'убэ ўрэмје и нэвэт лётэм (ночевали в пути нередко в поле).

Їэздыли з горшкэми ў Литвэу, на Украјину, ў Полэс'је, за Пінск и Дрогичын, а ў когб кбни слабійе булі, то продавали по блізких с'блаж. По бол'шуй часті продавали на зернб, часэми на грбшы, рэдко. Најдорожэй продавалиса горшкі на Украјины и ў Полэс'ји, там насыпали тбкма (за горшок — горшок ржи). По ус'дэй Литвэ найпрбтиў продавали: за одногб горшкэ жыта трэба два горшкі дэты. Возыли ишчэ за Пінск коло Јанова и Дрогичына, по Кббрын', гэтта дэшэўшы горшкі булі: тут продавали на трэт'ого, по два горшкі прыстаўки до одногб. Коло Пінска, Стблина и Городкэ до одногб тры прыстаўки давали, а блізко кругбм Городнбји, то за одногб горшкэ жыта штыры горшкі прыстаўки бэрэ. У когб слабійе кбни, то продавали блізко и прывэзыли нэ бдл'ш, йак сэм пудбў жыта за хўру горшкёў. А јесли хорбшы кон', то за трыста кил'омэтрбў заједэ, там ужэ достанэ дваццэт' пудбў жыта, коло Клэцка, трыццэт' пудбў на Украјины и ў Полэс'с'и, пудбў дванэццэт' — коло Јанова и Дрогичына. На жэсцы продавали забэсцен: по пјат', чотыры пўды, а тој жэнч за вэз горшкёў.

Вывозили городенцы свой товар и по рекам. Нанимали, например, на Горыни два-три *дубы* (большие лодки), грузили возов 100 горшков и отправлялись по Припяти до Петрикова и дальше.

К рассказанному добавим еще, что *поливу* продавали *тбкма* даже в окрестных деревнях, а на Украине и в Полесье брали по две *насыпки* за штуку *поливы*. Городенцы, у которых были хорошие лошади, кроме *поливы* покупали оптом у своих безлошадных односельчан *прбстыје пал'бныје горшкі* и возили продавать их в отдаленные села. Это давало им *ббл'шы заробўток*, чем само изготовление гончарной посуды. Хотя посуда фактически менялась на зерно, в обиходе городенцев известен только оборот *продавати горшкі*. Упадок торговли горшками, связанный с новыми условиями жизни населения, привел к резкому сокращению индивидуального гончарного производства в Городной. Гончарное ремесло перестает быть явлением массовым, прекращается его преемственность. Артельное производство в колхозной мастерской, где работает 12 гончаров, носит уже иной характер и базируется на иных отношениях.

АЛФАВИТНЫЙ ПЕРЕЧЕНЬ ЛЕКСИКИ¹

[баба] ба́ба *ж.*, ба́бка *ж.* I заготовленная глина, плотно сбитая в горку прямоугольной формы; ◇ [сбивать в ~ у] зби́ты *ж.* ~ у, збива́ты, ~ у I уплотнять и сбивать глину; [стружить ~ у] стру́жыты ~ у I строгать.

[банька] ба́н'ка *ж.* VI посуда с узким горлышком для жидкости.

[вазон] вазо́н *м.* VI горшок для цветов.

[венце] ве́нцэ *с.* II верхний венчик горшка; ◇ [выгинать ~] выгина́ты ~ II выводить венчик.

[выводить] выво́дыты *несов.* тянуть, вытягивать глину на кругу вверх; ◇ [~ на форму] ~ на фо́рму придавать глине форму посуды (на кругу).

[выклад] ви́клад *м.* форма посуды. Горна́л наподоби́е ми́сы, те́л'ки ви́клад ма́је полукру́глы.

[выроба] ви́роба *ж.* I 1. процесс изготовления посуды; 2. гончарные изделия.

[выроблять] выробл'а́ты *несов.* V изготавливать посуду.

[гартовня] гарто́ўн'а *ж.* IV *см.* горон.

[гладить] гла́дыты *несов.*, вигла́д'ваты *несов.* II выравнивать, выглаживать поверхность изготавливаемой посуды «ножиком» (*см.*).

[гладышка] глады́шка *ж.* VI кринка.

[глечик] глечы́к *м.* VI кувшин *см.* збанок.

[глина] глі́на *ж.* I глина [~ белая] ~ бе́ла I светло-серая, белая глина [~ готовая] ~ гото́ва I окончательно обработанная, [~ сивая] ~ си́ва I серая, [~ струпилая] ~ струпи́ла I неровная, сорная, недостаточно вымешанная, [~ тлустая] ~ тлу́ста I жирная, тонкая, вязкая, [~ толокневая] ~ толо́кн'анава, ~ толокн'ова I слабая, песчаная, недостаточно вязкая глина [~ червоная] ~ чэрво́на I светло-красная *ср.* бписка, [~ черная] ~ чорна I темно-серая, черная, [осаживать ~ у] осад'ваты ~ у II, [подводить ~ у] пудво́дыты ~ у II, [подтягивать ~ у] пут'т'аг'ваты ~ у II, [поробить ~ у] пороби́ты ~ у израсходовать, глину переработать на посуду, [стискать ~ у] стыска́ты ~ у II.

[глинница] глі́н'ница *ж.*, глі́н'ник *м.* I угол избы, куда складывают перемешанную глину.

[головка] голо́ўка *ж.* II верхний деревянный кружок на гончарном кругу.

[гончар] гонча́р *м.* I, VII *см.* горщай.

[горнал] горна́л *м.* VI.

¹ Римские цифры указывают раздел предыдущего описания, где можно найти дополнительные сведения о значении и употреблении соответствующего слова.

[горон] гóрон *м.* IV горн, печь для обжига изделий из глины; ◇ [выгрывать ~ а] вигрэвáты ~ а IV прогревать, просушивать горн.

[горшок] горшочóк, гóршчык *м.* II—VII горшок; ◇ [выгрывать ~ и] вигрэвáты ~ й IV прогревать, постепенно нагревать горшки, [здымать ~ а] здымáты ~ á II снимать с круга горшок, [карбованые ~ и] карбóваны ~ й украшенные насечкой, штрихами горшки, [круглые ~ и] крúгли ~ й VI *ср.* кругляки, [паленые ~ и] пал'оны ~ й, опáл'оны ~ й IV обожженные, [писаные ~ и] пíсаны ~ й II посуда с росписью, [простые ~ и] прóсты ~ й IV необливаемая посуда *ср.* полива, [робить ~ и] робíты ~ й II изготавливать глиняную посуду, [сырые ~ и] сырэ́е ~ й необожженные горшки.

[горщай] горщáя *ж.* I, V, VII гончар.

[грудка] грúдка *ж.* грúдо́чка *ж.* I, II ком, комок обработанной глины, заготовка ◇ [плескать в ~ и] плескáты ў ~ й, качáты у ~ й, бíты, збíváты у ~ й I уплотнять, скатывать, сбивать в ком глину.

[гурба] гúрба *ж.* I, IV куча, ворох глины, посуды; ◇ [зворочать в ~ у] зворóчваты ў ~ у IV складывать в кучу.

[дед] дéд *м.* IV кирпичный столб, поддерживающий под в центре горна.

[дно] дно *с.*, дéнцэ *с.* дно, донышко посуды.

[довбенька] доўбáн'ка *ж.* I деревянный молот для сбивания глины в «бабу» (*см.*).

[замота] замóта *ж.* VII перемотка, переплетение из тонких веревочек сзади и спереди веза.

[зачерепывать] зачэрэ́пваты *несов.* IV покрывать сверху осколками битой посуды загруженный горон (*см.*).

[збанок] збанóк *м.*, збанóчок *м.* *см.* глечик.

[зливач] зливáч *м.* VI небольшой горшок *ср.* нерознак, повзливач.

[кавалок] кавáлок *м.* I кусок вымешанной глины.

[карбовать] карбóваты *несов.* II украшать посуду насечкой, штришками при помощи «карбовки» (*см.*).

[карбовка] карбóўка *ж.* II зубчатый деревянный валик или колесико для нанесения штрихов на сырую посуду.

[колотушка] колоту́шка *ж.* *см.* довбенька.

[круг] круг *м.* II гончарный круг вообще; ◇ [~ немец] ~ нэмэц II новый, усовершенствованный круг с некоторыми железными деталями, [~ простой] ~ прóсты II старый деревянный круг, [~ стародавний] ~ стародаўні II старый, наиболее примитивный круг.

[кругляки] кругл'акі *только мн.* горшки в отличие от остальной посуды *ср.* горшок.

[кубок] кúбок *м.*, кúбочок *м.* VI кружка, чашка.

[ладить] лáдиты *несов.* III, VII приводить в порядок, сортировать посуду; ◇ [~ горшки] ~ горшкі III переставлять, просматривать посуду на сушильном устройстве, [~ воза] ~ вóза VII сортировать, укладывать посуду на воз.

[лисичка] лысýчка *ж.* II деревянный кронштейн, крепящий к скамейке ось гончарного круга. ✓

[лоханка] лохán'ка *ж.* VI.

[макотра] макóтра *ж.* VI большой макотёр.

[макош] макóш *м.*, макóшык *м.* VI небольшой и малый макотёр.

[мамзель] мамзёл' *м.*, мамзэлик *м.* VI маленький и совсем маленький горшок *ср.* повзливач.

[месить] мэсýты *несов.* I месить.

[мешать] мэшáты *несов.* I смешивать глину разных сортов.

[миса] мýса *ж.*, мýска *ж.*, мýсочка *ж.* VI большая миска, миска, маленькая миска.

[мшить] мшýти *несов.* VII перестилать и упаковывать посуду на возу.

[мять] мјáты *несов.*, вймјаты *сов.* I месить руками, вымесить глину.

[набережны] нáбэрэжны *прил.* IV пережженный (о горшках).

[накрывочка] нáкрывочка *ж.* VI крышка, покрывка.

[насыпка] нáсыпка *ж.* VII горшок зерна.

[недопалок] недóпалок *м.*, нэдопáлок IV недожженный горшок, посудина.

[нерознак] нэрóзнак *м.* VI средний горшок *ср.* пододинец, зливач.

[ножик] нóжык *м.* II специальная деревянная пластинка для выглаживания стенок посуды на гончарном круге.

[ноздри] ноздрý *только мн.* IV проходы для огня из печи в горн.

[обмочка] бммочка *ж.*, бмочка II посуда с водой для обмакивания рук при изготовлении посуды.

[одинец] одыне́ц *м.* VI большой горшок *ср.* [поляк, пододинец.

[описка] бписка *ж.* I, II 1. раствор красной глины для росписи посуды; 2. красная глина *см.* глина; 3. кисточка для росписи посуды *ср.* перо.

[палить] паліты *несов.* III, IV обжигать посуду.

[перо] пѣро *с.*, пѣрца, *с.* II кисточка из перьев для росписи посуды.

[печь] пѣч *ж.*, пѣчка *ж.* IV печь, часть устройства для обжига посуды, топка.

[писать] писаты *несов.*, пописаты *сов.* II расписывать посуду, расписать.

[пласток] пласток *м.*, пласт *м.* I плоский слой глины. Здрóви бэрб ббл'шого пласта́.

[повзливач] пуўзливач *м.*, пуўзливачык *м.*, зливачык *м.* VI малый горшок *ср.* зливач, мамзель.

[пододинец] пудодына́ц *м.* VI довольно большой горшок *ср.* одинец, нерознак.

[подрезать] пудрэзаты *несов.* II срезаты с круга готовую посудину проволочкой, ниткой.

[полива] поли́ва *ж.* V обливная посуда.

[поливать] полива́ты *несов.*, облива́ты *несов.* V покрывать посуду специальным раствором.

[поливка] поли́ўка *ж.* V специальный раствор для горячего покрытия глиняной посуды, глазурь.

[поляк] пол'ак *м.* VI самый большой горшок *ср.* одинец.

[прибить] прыбіты *сов.* II прилепить, приплескать к головке круга комок глины *ср.* садить.

[прилепить] прылепіты *сов.* II прикрепить, примазать «ухо» (*см.*) *ср.* примазать.

[примазать] прыма́заты *сов.* II приделать, прикрепить, прилепить «ухо» (*см.*) *ср.* прилепить.

[приставка] прыстаўка *ж.* VII придача при продаже горшков «наўпротиў» *ср.* продавать.

[продавать] продава́ты *несов.* VII; ◇ (~ токма) ~ то́кма VII продавать горшок за горшок зерна; [~ навпротив] ~ наўпротиў VII продавать по два и более горшка за горшок зерна.

[прут] прут *м.*, пруток *м.* III, VII укладка посуды одна в одну; ◇ [ворочать в ~ ы] ворочаты у ~ ы III.

[пята] пја́тра *только мн.*, пја́тарка *только мн.* III вышки в избе для сушки посуды; ◇ [~ низкие] ~ нязки, нязны III; [~ высокие] ~ високі, ви́шни III.

[пятарына] пја́трына *ж.* III доска пятры.

[рассунуться] россунутыса *сов.* II развалиться (о заготовке) *ср.* скрутиться.

[рубезж] рубѣж *м.*, рубѣжык *м.* II насечка, штрих на глиняной посуде; ◇ [робить ~ и] робіты ~ ы II делать насечки, украшать насечками, штрихами *ср.* карбовать.

[садить] садыты *несов.*, посадыты *сов.* II класть, положить на круг комок глины *ср.* прибить.

[скрутиться] скруты́тыся *сов.* II сорваться с головки (о глине)
ср. рассунуться.

[слой] слôj *м.*, слôжик VI глиняная банка с крышкой.

[сподак] сподáк *м.* II большой нижний деревянный круг на гончарном круге.

[сподочек] спôдочок *м.* VI блюдец, подставка.

[страмины] стрáмины *только мн.* VII решетки в телеге.

На вóз накладájem вéлики стрáмины, шоп нэ пáдали горшкí.

[стугнуть] стúгну́ты *несов.* III отвердевать, черстветь.

[тарелка] тарéлка *ж.*, тарéлочка *ж.* VI мелкая миска, тарелка.

[тлусть] тлúстост' *ж.* I качество глины по жирности, вязкости, тонкости.

[угнивать] угнива́ты *несов.* I размякать, раскисать.

[уготовливать] уготóуливат' *несов.*, ўготоўл'áты *несов.* I подготавливать: мешать, месить, уплотнять, строгать глину.

[уторы] утóры *только мн.* III нижний венчик в посудине, края у дна; ◇ [~ обтирать] ~ обтира́ты III, [~ подглаживать] ~ подглад'ваты III подравнивать, сглаживать.

[ухо] вúхо *с.*, вúшко *с.* II ушко, ручка глиняной посудыны.

[хлус] хлус *м.* мусор в глине.

[хура] хúра *ж.* V 1. воз (фура) горшков, 2. четыре сотни штук посуды.

[чаповать] чаповáты *несов.* III, IV ставить горшки один поверх двух других для просушки или обжига.

[черево] чéрэво *с.* II выпуклость в посуде.

[череп] чéрэп *м.*, чэрэпóк *м.* обломок глиняной посуды.

[черон] чэро́н *м.* IV под в горне.

[шарунок] шару́нок *м.* I положенные друг на друга заготовки глины.

[шійка] шы́jка *ж.* 1. II верхняя металлическая часть оси гончарного круга; 2. шейка, горлышко у кринки, кувшина, банки.

[шлиг] шлиг *м.* II тонкий слой редкой глины на поверхности изготавливаемого горшка.

[шнурование] шнуровáн'не *с.* VII веревка для увязывания воза с посудой.

[шпень] шпен' *м.* II деревянная ось гончарного круга.

[яма] jáма *ж.*, jáмка *ж.* I яма, карьер, где добывается глина.

В. А. Никонов

ДВЕ ВОЛНЫ В ТОПОНИМИИ ПОЛЕСЬЯ

Среди названий населенных пунктов Белорусского и Украинского Полесья значительна доля таких, которые первоначально означали самих жителей, а не место. Это различные топонимических типов Витольд Ташицкий положил в основу топонимической классификации¹, разделив названия населенных пунктов на те, которые возникли сразу как названия мест, и те, которые сначала означали обитателей. В XV в. исходное значение было живо — это отчетливо видно в документе 1483 г. о тяжбе пана Олехно Судимонтовича с паном Юрием Зеновьевичем: «отцу моему досталось на дѣлу Бореброновичи и земля тая досталася по нихъ... а брату отца моего достался на дѣлу тые люди Лялевичи и земля ся имь противъ тое земли достала тымъ же Лялевичомъ»². Это и сейчас встречается в Полесье. Например, в с. Зосинцы, северо-западнее Овруча, где очень многие жители носят фамилию Зосинец. Названия этого типа в Полесье чаще всего образованы формантом *-ичи* (*-овичи*, *-иничи*), реже *-овцы*, *-инцы*. Самое существенное — размещение этих формантов на карте. Оно и составляет предмет этой статьи.

Сделаем срез с севера на юг через часть Полесья. К сожалению, БССР остается одной из последних территорий, по которым до сих пор еще не изданы списки населенных пунктов; приходится пользоваться данными по старому административному делению. Возьмем б. Мозырский уезд Минской губ.³, Житомирскую и Винницкую области УССР⁴: они образуют полосу, идущую в меридиональном направлении через Полесье в Подолию. Подсчитав топонимы по их формантам, получаем топонимический профиль,

¹ W. T a s z u s k i. *Słowiańskie nazwy miejscowe*. Kraków, 1946. Перепечатано в его книге «*Rozprawy i studia polonistyczne*», 1. Wrocław — Kraków, 1958.

² «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. I. СПб., 1883, стр. 21.

³ «Список населенных мест БССР (б. Минской губ.)». Минск, 1924.

⁴ «Довідник адміністративно-територіального поділу Житомирської області». Житомир, 1961; «Довідник адміністративно-територіального поділу Вінницької області». Вінниця, 1961.

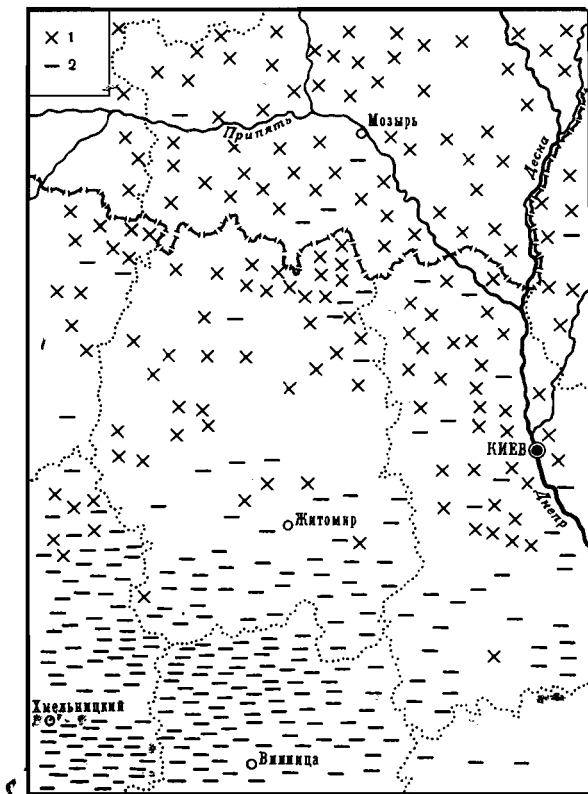

Рис. 1. Меридиональный топонимический профиль

1 — названия населенных пунктов на *-ичи*, *-овичи*;
 2 — названия населенных пунктов на *-овцы*, *-инцы*

прорезающий Полесье и Подолию. По зонам процент названий с рассматриваемыми формантами таков:

	-ичи, -овичи	-овцы, -инцы
Мозырский уезд Минской губ.	23,0	0,8
Северная половина Житомирской обл. . . .	4,6	0,8
Южная » » » »	0,7	5,9
Винницкая обл.	0,1	10,8

Так на всем протяжении, где смыкаются Полесье и Подолия. Например, западнее взятого профиля: в полесских областях Волинской и Ровенской 133 названий населенных пунктов на *-ичи* и только 24 на *-овцы*, *-инцы*, а в соседних к югу областях Хмельницкой

и Тернопольской 15 — на *ичи* и 505 — на *овцы*, *-инцы*. И на востоке Полесья — в Черниговской обл.:

	Всего	-ичи, -овичи	-овцы, -инцы
Северная половина	833	33	7
Южная «	793	2	25

Налицо резкая территориальная противопоставленность этих двух признаков. Их ареалы четко разграничены. Отчетливая межа проходит по изогнутой линии Львов — Ровно — Житомир — Киев. Северной этой черты — сплошное распространение *-ичи*, южной — сплошное распространение *-овцы*, *-инцы*. Конечно, эта граница не абсолютна — есть и «зона вибрации», и глубокие вкрапления на «чужую» территорию. Одиночные *-ичи* разбросаны по многим областям Украины. На север Житомирской обл. с юго-запада вклиниваются *-овцы*, *-инцы*; восточнее Овруча расположено гнездо их, теперь всего четыре названия (Збраньковцы, Деревцы, Васьковцы, Норинцы), в начале XVII в. документированы шесть (Лесковцы, Булаковцы, Кубитинцы, Гейовцы, Московци, Васковци), из них пять исчезли, зато возникли три новых. Севернее их, в Белоруссии, — Луковицы, между Овручем и Мозырем, Ляховцы близ Мозыря; еще северней, под Бобруйском, — Поповцы, есть они и в Витебской обл.

* * *

Такое распределение, с одной стороны, *-ичи*, *-овичи*, с другой, *-овцы*, *-инцы*, побуждает предположить, что каждый из обоих ареалов связан с какой-то своей общностью славянского населе-

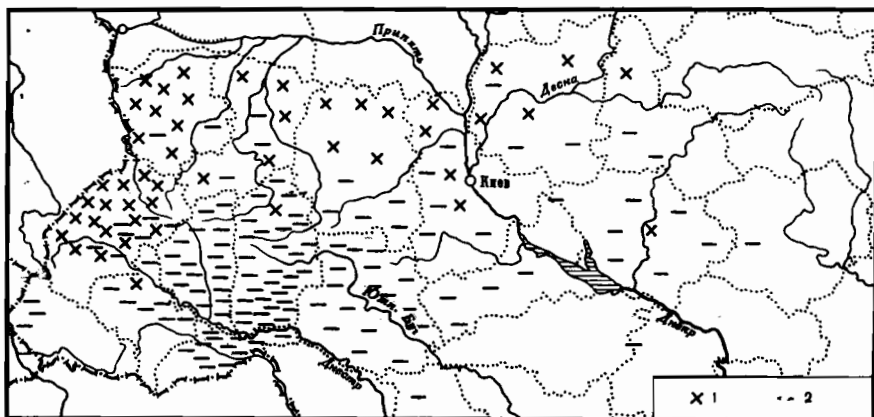

Рис. 2. Топонимы *-ичи*, *-овичи* и *-овцы*, *-инцы* на Украине. В каждом значке 10 названий населенных пунктов

1 — *-ичи*, *-овичи*; 2 — *-овцы*, *-инцы*

ния Полесья. Это помогло бы прочесть загадочные страницы истории Полесья, которые в письменных памятниках освещены смутно или не освещены совсем. Конечно, обязательно нужно взвешивать, чего можно и чего нельзя ожидать от каждого источника на современном уровне методов его исследования. Одни возможности сегодня у археологии, другие — у антропологии, иные у этнографии, диалектологии, истории языка. Свидетельства каждой из этих наук красноречивы, но жестко ограничены. Каждая освещает определенные стороны прошлого и определенные хронологические пласты его. Такие различия существенны и внутри топонимики, в силу коренных различий в ее материале — топонимии. Так, гидронимия и названия населенных пунктов своей спецификой диктуют различия методов исследования их.

Гидронимы в массе гораздо старше, чем названия населенных пунктов, и поэтому позволяют проникнуть в более глубокие времена. Зато у названий населенных пунктов свои преимущества. Они надежней.

Гидронимия Полесья исследована в лучшей из отечественных работ по топонимике В. Н. Топоровым и О. Н. Трубачевым⁵. Правда, бассейн Припяти лишь фланг изучаемой ими территории, это отразилось и на полноте анализа: так остались неотмеченными даже такие группы гидронимов, как на *-та* (Вата, Вита, Мета, Цита, Раста), на *-ла* (Стрипа, Липа и др.) Но решающая ограниченность гидронимического исследования сегодня даже не в пробелах, неизбежно крупных. Как подчеркнули сами авторы, урок их исследования показывает, насколько еще далеко до построения этноисторической карты по гидронимическим данным.

Названия населенных пунктов ближе к нашему времени по своему возрасту, в большинстве ближе к нам и по языку. Топонимический материал массов и позволяет оперировать большими количествами, а не отдельными изолированными названиями с их случайностями и искажениями. К статистическому наблюдению нелегко привыкнуть тем, кто привык анализировать отдельные явления, игнорируя количественные соотношения и количественные изменения. Само соотношение 505 *-овцы*, *-инцы* при 15 *-ичи* на одной территории и 24 *овцы*, *-инцы* при 133 *-ичи* на соседней территории служит самым надежным и бесспорным свидетельством, исключающим случайности и ошибки.

Изучение названий населенных пунктов Полесья почти не начато. У топонимистов Украины до него не дошли руки, топонимисты Белоруссии (И. Я. Яшкин, Е. М. Адамович, В. П. Лемтюгова, В. А. Жучкевич, М. Я. Гринблат) делали лишь первые шаги. Кое-что поупуно освещали польские топонимисты (например, монография Галины Сафаревич о топонимах на *-щина*, *-щизна*). При такой

⁵ В. Н. Топоров, О. Н. Трубачев. *Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья*. М., 1963.

неразработанности естественно, что эта статья не больше, как нащупывание путей.

В отношении рассматриваемой территории было бы неправомерно предпочесть современную украинскую или современную белорусскую орфографию для приводимых топонимов; неприемлемо и различное написание, заслоняющее единство двух примеров с территориями Белоруссии и Украины. Современные формы топонимов приведены в русской транскрипции, а примеры из старых памятников письменности — в той форме, в какой они даны в памятнике.

Формант *-ичи* один из старейших во всей славянской ономастике, в том числе и топонимии. Если бы не было других доказательств его древности, неопровержимый аргумент — сама его ономастическая универсальность: *-ичи* известно всем группам славянских языков, выступая и в этнонимии (лютичи, кривичи, вятичи, дряговичи и др.), и в антропонимии (древнерусские Ольговичи — потомки князя Олега Святославича), и в топонимии (еще до 947 г. — Лаврентьевская летопись упоминает с. Ольжичи близ устья Десны, владение княгини Ольги). Его топонимическое развитие в прошлом у южных славян показал польский топонимист Ст. Роспонд в исследовании, которым, может быть, будут датировать начало современного периода топонимической науки⁶.

Форманты *-овцы*, *-инцы* целесообразно рассматривать как варианты одного форманта: независимо от их происхождения они тождественны по значению, функционированию, размещению и судьбе, различаясь лишь формой основ, к которым присоединяются (как их компоненты *-ов*, *-ин*). Вне топонимии *-овцы*, *-инцы* ограничены почти только сферой имен «полусобственных», условно говоря: например, распространенные у нас особенно за последние десятилетия обозначения последователей того, чье личное имя взято основой (тимуровцы и др.).

Топонимы, первоначально обозначавшие жителей, в том числе на *-ичи*, *-овичи*, и *овцы*, *-инцы*, семантически не однородны, а выражают различные значения, независимо от того или иного форманта. Их считали патронимичными, т. е. обозначавшими потомков по имени их предка. Действительно, они многочисленны и древни. Они естественны при родовом строе, но и после его распада еще долго могли возникать; были поселения, все обитатели которых, связанные кровным родством, назывались по своему родоначальнику. Однако как тип при феодализме их сменяют названия, означавшие уже не потомков, а зависимых. Основа такого топонима не обязательно личное имя. Она часто означала положение владельца: *Бискупичи* (из *бискуп* «епископ»), *Поповцы*. В массе полесских примеров топоним сам по себе не дает указаний, к которому из этих двух принципиально различных типов

⁶ Ст. Роспонд, *Południowo-ślōwiądzkie nazwy miejscowe z sufiksem -icy*. Kraków, 1937.

он принадлежит: Антоновичи — 'потомки Антона' или 'люди Антона' (может быть, Антонова)? Часто по инерции объединяют эти два типа термином «патронимичные». Этим заслоняют самое главное — коренное различие. Конечно, владельческие топонимы развились из патронимичных, но справка о происхождении не раскрывает, а искажает действительность, если подменяет подлинную характеристику явления в его функционировании и развитии. Топонимы патронимичные и принадлежностные — два совершенно различных типа среди топонимов, обозначавших сначала жителей, а не место. Есть и другие типы, например обозначение жителей по их занятиям, но с рассматриваемыми формантами они редки; чаще встречаются обозначения-прозвища, преимущественно составные (*Круподеринцы, Волкодавинцы, Белокоровичи*). От этих типов отличен, как показал также В. Тапицкий в другой работе⁷, «топографичный», означавший жителей не по предку (или владельцу), а по месту обитания: с. Заболотинцы, ровенское с. Горынич (по р. Горынь), в древности — этноним племени *дреговичи* (из древнерусского *дрегва* «болото»). Семантика основы нередко обманчива. С. Гороховичи названо безусловно не по растению; действительно, среди землевладельцев Остерского старства 1636 г. встречается Конон Горохович⁸; не всегда поясняют и документы — село на рубеже Полесья и Подолии в памятниках XVI в. именуется то Крутибородинцы (из «крути бороды»), то Крутибродинцы (из «крутой брод») ⁹. И *-ичи, -овичи, и -овцы, -инцы* семантически почти параллельны, во всяком случае и те, и другие могли обозначать жителей по их принадлежности владельцу или по месту их обитания. И *-ичи, и -овцы*, став употребительными формантами топонимобразования, постепенно теряли первоначальные значения, выражая только топонимичность. Они уже больше не значили «потомки такого-то», «люди такого-то», «обитатели такой-то местности», а только «село». На зарубежном славянском материале эту замену значений отметили В. Тапицкий, Ф. Травничек, на галицко-волыньском — Л. Л. Гумецкая в отношении топонимов *-ичи, -ов-ичи*, которые «во второй половине XVI в. и первой половине XVII в. окаменели и превратились в топонимический формант, лишенный реального значения» ¹⁰.

Не составляют исключения даже случаи, когда от одной и той же основы образованы топонимы и формантом *-овичи* и формантом *-овцы*: в Житомирской обл. есть села и Дедковичи, Васьковичи и Дедковцы, Васьковцы.

⁷ W. T a s z y c k i. *Rzekome patronimiczne nazwy miejscowe*. «Język Polski», 1936, сmp. 33—42. Перепечатано в его кн.: «Rozprawy i studia polonistyczne», 1. Wrocław — Kraków, 1958.

⁸ «Zródła dziejowe», V. Warszawa, 1877, сmp. 212.

⁹ «Zródła dziejowe», XIX. Warszawa, 1889 (см. по указателю).

¹⁰ Л. Л. Г у м е ц ь к а. *Напис словотворчої системи української актової мови. Київ 1958, стр. 50* («реально» — не тл слово; собственно топонимичное значення тлже реал ьно. Но направление процесса отмечено верно).

В топонимии как *-ичи*, *-овичи*, так и *-овцы*, *-инцы* одинаково принадлежат к *pluralia tantum*. Обычна ошибка тех лингвистов, которые обращаются к топонимике между прочим. Они, не задумываясь, констатируют: топонимы *Васьковичи*, *Васьковцы* — форма множественного числа от *васькович*, *васьковец*. Но это совершенно не так. Уж не говоря о том, что во множестве случаев (как в этом примере) форма единственного числа никогда не существовала и ее можно вывести лишь обратным путем из формы множественного числа¹¹, даже когда формы единственного числа налицо, к ним эти топонимы не имеют ни малейшего отношения. При анализе таких топонимов безразлично, есть или нет в языке формы единственного числа: топоним образован из формы множественного числа, а ее происхождение лежит вне топонимии. Топонимы в форме единственного числа на *-ич* и на *-овец*, *-инец* есть, они нередки на территории сербскохорватского языка, на восточнославянской почве нечасты и, по-видимому, различного образования, с позже совпавшим окончанием (например, для *-ич*: Галич, Углич, Котельнич). Но топонимически нет никакой связи между *ич* и *-ичи*, как и между *овец*, *-инец*, и *-овцы*, *-инцы*. Одни не происходили из других. Нельзя приписывать топонимии процессов, происходивших вне ее. Топонимы *-ичи*, *-овичи* и *овцы*, *-инцы* образованы

	не так:	а так:
	ед. ч. мн. ч.	ед. ч. мн. ч.
вне топонимии	вербовец → вербовцы	вербовец —?— вербовцы
	↓	↓
в топонимии	Вербовец → Вербовцы	Вербовец Вербовцы

Рассматриваемые форманты выступают в нескольких разновидностях, со вторыми суффиксами, чаще всего с *-ов*, *-ин*, или без них: так в «чистой» форме — Бобричи, Яворцы, с *-ов* — Поповичи, Поповцы и т. д. Само членение нелегко и ненадежно: где граница основы и форманта в топониме *Поповцы* (*поп-овцы* или *Попов-цы*)? Получается пестрая картина. Топонимы с двойным формантом как тип сложились позже; естественно, что и ареалы их иные. Эти различия еще ждут своих исследователей. Пока же приходится оперировать лишь разграничениями первого порядка, отдавая себе отчет, что это только вехи для последующей детализации. Рассматриваемые форманты сведены здесь в две группы, для обозначения каждой условно взяты наиболее характерные представители ее. Здесь требовалось лишь выяснить, что обе группы формантов в основном сходны семантически, принадлежат к одной словообразовательной модели, в обеих преимущественно одина-

¹¹ Б. Г. Унбегаун полагает, что и *москвич*, и *пскович* образованы из формы множественного числа (B. U n b e g a u n. *La langue russe au XVI-e siècle*. Paris, 1935, стр. 280—291).

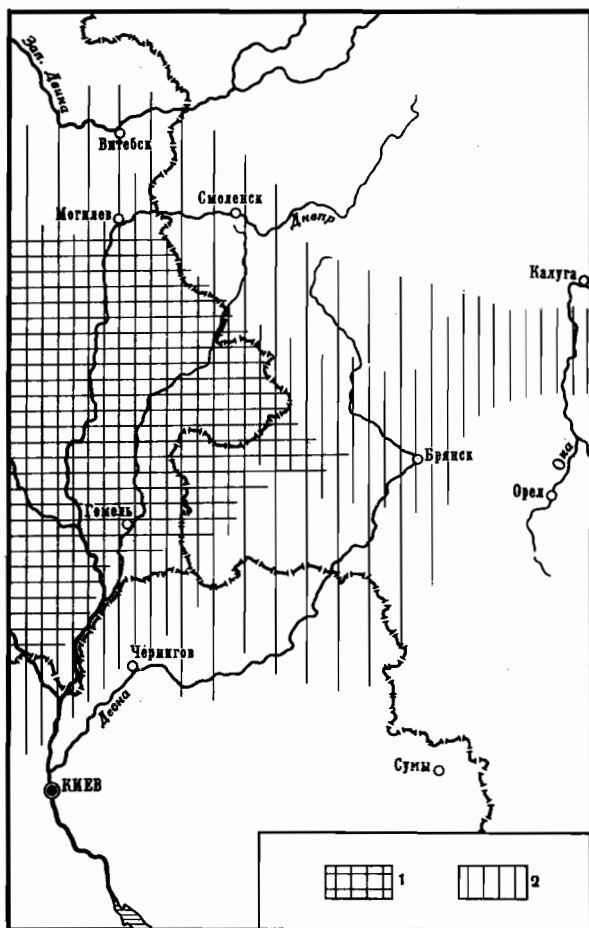

Рис. 3. Восточный фланг *-ичи*. Процент названий с *-ичи* ко всем названиям населенных пунктов
 1 — свыше 10%; 2 — от 5 до 10%

ковы вторичные суффиксы (в подавляющем большинстве *-ов-*, реже *-ин-*), расхождения же обеих групп менее значительны, чем их сходство.

* * *

Остается рассмотреть территориальное размещение топонимов той и другой группы за пределами Полесья.

В отличие от параллельности семантической и параллельности словообразовательной, территориально обе группы нигде не совпадают.

Основных топонимических массивов на *-ичи* два. На Балканах топонимы на *-ичи* сосредоточены в Боснии и смежной (западной) части Сербии — в зоне йекавских говоров сербохорватского языка. Самый большой массив *-ичи* охватывает западнославянские земли, а на восточнославянской территории Белоруссию и Полесье Украины; к востоку *-ичи*, постепенно редая, распространены на Десну и Среднюю Оку. Немало топонимов на *-ичи* рассеяно на северо-западе и севере гнездами (Псковское, Лодейнопольское и др.) и порознь; в низовьях Сухоны несколько таких селений и в одном приходские списки прошлого столетия отмечали 1363 белоруса. Впрочем, в ряде случаев топонимы на *-ичи* в России результат смягчения *-ники* (*Ведерничи, Садовничи*). Бассейн Припяти — южный фланг сплошного распространения названий на *-ичи*.

Совсем иная территория у топонимов на *-овцы, -инцы*. Так как они рассмотрены мной в специальном исследовании¹², здесь уместно ограничиться минимально необходимым. Крупные гнезда их находятся в Болгарии, Македонии и Среме (между низовьями Савы и Дравы, откуда при турецком завоевании они занесены переселенцами в Помурье — на северо-восток Словении). С Балканского полуострова через север Румынии этот массив простирается на Украину, охватывая всю Подолию, и дальше на восток к Днепру, даже в левобережье — там черниговские села Белоцерковцы, Фастовцы, как и Фастовцы в Сумской обл., прямо указывают, откуда пришли жители и названия (Белая Церковь и Фастов в правобережье).

На Украине 1291 топоним с *-овцы, -инцы*, из них 765 сосредоточено в Хмельницкой, Тернопольской, Винницкой и Черновицкой областях (в Хмельницкой они составляют 29% всех названий населенных пунктов).

Группа *-ичи, -овичи* и группа *-овцы, -инцы*, можно сказать, территориально находятся в состоянии «дополнительной дистрибуции». При сходстве стольких основных признаков они территориально поляризованы. Очевидно, такие явления обязаны стоящим за ними глубоким и сильным связям населения.

Но прочесть историю по топонимам не легче, чем по былинам. Прежде всего неясна хронология. Топоним сам по себе редко указывает на время своего возникновения, но в каких-то пределах станет возможным раскрыть это, когда будут разработаны методы топонимической стратиграфии, как в геологии, археологии, исторической фонетике.

Пока же в славянской топонимической стратиграфии только кое-где поставили редкие вехи Ст. Роспонд, Вл. Шмилауэр, Э. Эйхлер, Э. Петровичи, Вл. Георгиев, И. Кнежа, на восточнославянской почве не сделано еще ничего.

¹² В. А. Никонов. Топонимы *-івці, -инці* на Украине. Сб. «Изучение географических названий». М., 1966.

Конечно, каждый топонимический массив сложился не сразу; возраст отдельных его частей различается несколькими столетиями. Но с какой стороны шло распространение *-ичи* или *-овци*? Пришли ли те и другие в Полесье с отдаленных территорий и столкнулись тут? Или наоборот — именно Полесье было их очагом, где возникли оба форманта, разошедшиеся оттуда в двух направлениях? Можно допустить и иные предположения. Решение потребует многих и трудных исследований.

Чтобы датировать ареалы документально, необходимы источники, содержащие не одиночные топонимы, а сплошную их массу. Драгоценны польские инвентари XV—XVI вв. Они застают уже вполне сложившиеся к тому времени массивы *-ичи* и *-овци* с тем же размежеванием: господство *-ичи* в Полесье, *-овци* в Подолии. Так, по королевской ревизии Кузьминской волости 1545 г. (верховья р. Случь, по современному административному делению, — в средней полосе Хмельницкой обл.), из 83 населенных пунктов 43 носят названия на *-овцы*, т. е. 52%, и только два на *-ичи*¹³. А во Владимирском повете (ныне часть Волинской обл.) по люстрации 1577 г. из 285 названий — 50 на *-ичи*, *-овичи* и два сомнительных на *-цы* (*Zalesczy*, *Zabolotczy*, в которых можно предположить *Залесцы*, *Заболотцы*), при полном отсутствии постоянного форманта *-овцы*¹⁴. Современные данные подтверждают устойчивость такого размежевания формантов спустя четыре столетия, однако показывают меньшую степень концентрации этих господствовавших формантов на тех же территориях: их постепенно заслоняют другие топонимические формы. В Грамоте вел. князя Свидригайло 1437 г. упомянуто с. Бурковцы в Житомирском повете¹⁵ — с тем же названием оно и поныне, спустя 530 лет, существует в Чудновском районе (на юго-западе Житомирской обл.), где густы топонимы на *-овцы*. Люстрация 1471 г. зарегистрировала при г. Чуднове семь селений, из них четыре с формантом *-овцы*: Синелевци, Паневци, Гриневци, Яворовци¹⁶. Все же и эти данные достаточно поздние. А ранние единичны и не позволяют выяснить количественные соотношения: упомянутое с. Ольжичи на Десне, с. Бужковичи на Волини, упоминаемое летописью под 1273 г., урочище Арбузовичи в Галицком княжестве 1231 г. (позже Гарбузов, близ Брод). Топонимисты Украины и Белоруссии внесли бы ценный вклад, положив на карту словообразовательные форманты всех топонимов днепровской Руси. Разумеется, время сложения ареала не датирует всех названий, составляющих его. В XVI в., когда оба рассматривае-

¹³ «Памятники, издаваемые Временною комиссией для разбора древних актов при Киевском, Подольском и Волинском губернаторе», т. IV. Киев, 1859, отд. 2, стр. 228—230.

¹⁴ A. J a b ł o n o w s k i. *Polsha XVI wieku. Źródła dziejowe*, XIX. Warszawa, 1889, стр. 64—77.

¹⁵ «Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России», т. I. СПб., 1863, стр. 12.

¹⁶ «Архив юго-западной России», ч. 7, т. 2. Киев, 1890, стр. 1—9.

мых массива безусловно были уже вполне сложившимися, описание Кременецкого замка 1545 г. упоминает с. Вороневцы, «вновь поселенное», среди существовавших ранее сел Цеценовцы, Демковцы и др.¹⁷ Районный центр в Житомирской обл. Народичи только на рубеже XVI—XVII вв. появился в документах с этим названием, ранее это село называлось Жарки¹⁸. Названия с этим формантом продолжают возникать и в наши дни, хотя его продуктивность теперь очень слаба.

При поисках датировки в самом топониме можно использовать и некоторые другие его признаки. В обеих рассматриваемых группах часты антропонимические основы, а среди них часты христианские имена. Однако названия Антоновичи, Яковичи, Карповцы, Потаповцы не могли возникнуть в первые века после принятия христианства, так как в народном употреблении долго держались дохристианские имена. Даже на исходе XVI в. в люстрации Владимирского и Луцкого поветов (ныне — часть Волинской обл. УССР) среди топонимов на *-ичи*, *-овичи*, *-овцы* образованные из христианских имен не составляют и десятой доли. С другой стороны, топонимы Яриловичи, Мужилловичи, Бояновичи могли возникнуть и не в языческие времена, а позже — не из Ярило, Мужило, Боян, а из фамилий Ярилов, Мужиллов, Боянов. Все же такие топонимы, как Гориславичи или Сердятичи, Белятичи, Оздютичи, безусловно возникли еще в период, когда бытовали личные имена на *-слав* и *-ята*, т. е. во всяком случае не позже XVII в. До некоторой степени могло бы помочь различение «простого» («чистого») форманта и двойного, но только как типов, а не отдельных топонимов (количественное сопоставление *-ичи* с *-овичи* и т. д.). Может быть, хронологической и вообще исторической интерпретации рассматриваемых ареалов помогут «островки недоступности»: в самой гуще топонимов на *-овцы*, *-инцы* южнее Тернополя районы Тербовлянский и Козовский полностью недоступны для них, хотя со всех сторон окружены многочисленными *-овцы*, *-инцы*, составляющими в других районах той же области 19% всех названий населенных пунктов; подобно этому в Ровенской обл. из полсотни топонимов на *-ичи* их нет ни одного в районах Здолбунова, Клевани, Степани.

* * *

При всех подчеркнутых трудностях прочтения топонимической карты все же некоторые выводы возможны и сейчас. Главный из них: могущественные топонимические массивы, включающие по

¹⁷ «Памятники, издаваемые Временною комиссией для разбора древних актов», т IV, отд. 2, стр. 218—226.

¹⁸ «Zródła dziejowe», XXII, 1897, стр. 174.

много тысяч топонимов, пролегают наперекор границам не только отдельных языков, а и их групп. Такие ареалы, пересекающие границы между языками, заполняя часть территории одних языков и часть территории языков других, показаны в моей работе «Межславянские топонимические черты Украины»¹⁹, где сформулированы пять различных возможностей их образования.

Обе рассматриваемых общности сложились в период, предшествующий оформлению украинской и белорусской народностей. Восточное крыло той общности славянского населения, которая создала массив *-ичи*, впоследствии стало основой белорусской народности, но на территории узкой по сравнению с размахом *-ичи*. Общность славянского населения, создавшая подольское крыло массива *-овцы*, *-инцы*, стала одним из компонентов украинской народности. Распространение топонимов на *-ичи* и на *-овцы*, *-инцы* безусловно отражает мощные потоки, формировавшие украинскую и белорусскую народности. Недостаточна и неточна легкая и удобная схема: славяне разделились на западных, южных и восточных, затем восточные разделились на русских, украинцев и белорусов. Теперь едва ли многие представляют образование славянских языков, отождествляемое с образованием народов, так просто, но едва ли многие взвешивают всю сложность этих процессов. Происходило перераспределение диалектных зон, в котором они не только членились, а и переплетались. Массив названий на *-ичи* связывает Белоруссию с инославянскими территориями, но не с Россией и Украиной, где занимает только узкую полосу, пограничную с Белоруссией и Польшей; массив названий на *-овцы*, *-инцы* связывает часть Украины с дунайским славянством, но не распространяется на остальную Украину, на Россию и Белоруссию (кроме единичных вкраплений).

Однако не следует и отождествлять прямолинейно процессы, протекавшие в топонимии, с процессами, протекавшими в языках вне топонимии. Если распространение двух признаков одного и того же диалекта не совпадает на карте, то почему же должны совпасть границы топонимических ареалов с диалектными? Топонимическая карта не обязана совпадать с диалектной, историко-лингвистической, археологической или иной, как и те не обязаны совпадать между собой. Их совпадения на отдельных участках, образуя «пучки», — все же не самый частый случай. Граница между *-ичи* и *-овцы* в Украинском Полесье совпадает с границей между полесскими и подольскими говорами, с этнографической границей двух видов свитки. Это, конечно, радует топонимистов, диалектологов, этнографов, как подтверждение их наблюдений. А лучше бы радоваться несовпадениям: совпадение только иллюстрирует добытое смежными науками, несовпадение — открывает

¹⁹ В сб. «Питання ономастики». Київ, 1965.

неведомое. Но специально об этом сказано подробнее в других работах автора²⁰, возможность адресовать к которым позволяет не повторять здесь аргументов и выводов.

²⁰ *Топонимика в историко-географической этнографии. (Доклад на VII Международном конгрессе антропологических и этнографических наук.)*. М., 1964, с.м. стр. 10—12; «Введение в топонимику». М., 1965, стр. 164—167. Статьи: «География русских суффиксов». — «Onomastica», Y, z. 2. Wrocław — Kraków, 1959; «Toponymie et dialectologie». — «Revue Internationale d'Onomastique». Paris, 1961, N 3; «Диалектология и топонимика». — «Балканско езикование», III. София, 1961; «Ручей — ключ — колодезь — криница — родник». — «Материалы и исследования по русской диалектологии», т. II, М., 1961; «Диалектология и топонимика». — «Вопросы русской диалектологии». Куйбышев, 1965.

Т. А. Марусенко

**МАТЕРИАЛИ К СЛОВАРЮ УКРАИНСКИХ
ГЕОГРАФИЧЕСКИХ АПЕЛЛЯТИВОВ
(названия рельефов)**

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

А.-Ч.— А. С. Афанасьев-Чужбинский. Словарь малорусского наречия.— Соч. Афанасьева-Чужбинского, т. IX. СПб., 1892.

Бабыш.— О.С.Бабишин. Топоніміка в школі (на матеріалах Хмельницької обл.). Рад. школа. Київ, 1962.

Беринда — Лексикон словенороський Памви Беринди. Підготовка тексту і вступна стаття В. В. Німчука-АН УРСР. Київ, 1961.

Ващ.— В. С. Ващенко. Словник полтавських говорів. Харків, 1960.

Ващ. З іст.— В. С. Ващенко. З історії та географії діалектних слів. Харків, 1962.

Ващ. Х ДН — В. С. Ващенко. До вивчення семантики діалектних слів (із спостережень над лексикою молтавських говорів). Х респ. діалект. нарада (тези доповідей). Ін-т мовознавства АН УРСР. Київ, 1959.

Врх. Зн.— І. Верхратський. Знадоби до словари южнорусского. Львів, 1887.

Врх. Зн. УР — І. Верхратський. Знадоби для пізнання угорскоруских говорів. Львів, 1901.

Врх. НЗн.— І. Верхратський. Нові знадоби номенклатури і термінології природописної народної, збирані між людом. Львів, 1908.

Врх. Поч.— І. Верхратський. Початки до уложення номенклатури і термінології природописної, народної. Львів, 1864, 1869.

Врх. Бат.— І. Верхратський. Говір батьків.— Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, т. XV. Львів, 1912.

Врх. Зам.— І. Верхратський. Говір замішанців.— Записки Наукового Товариства ім. Шевченка, ч. III. Львів, 1894.

Врх. Лем.— І. Верхратський. Про говор галицьких лемків. Львів, 1902.

Врх. Марм.— І. Верхратський. Über die Mundart der Marmaroscher Ruthenen. Станіслав, 1883.

Граб.— S. Hrabec. Nazwy geograficzne Huculszczyzny. Kraków, 1950.

Грицак — М. А. Грицак. Словник українських говорів Закарпатської області УРСР, кн. I (А — Б), 1962. Машинопис.

Гринч.— Б. Д. Гринченко. Словарь української мови, т. I—IV. Київ, 1907—1909.

Дейна — Karol Dejna. Gwary ukraińskie Tarnopolszczyzny. Wrocław, 1957.

Дзендз.— Й. О. Дзендзелівський. Практичний словник семантичних діалектизмів Закарпаття. Ужгород, 1958.

Дзендз. ЛБ VI — Й. О. Дзендзелівський. Словник специфічної лексики говірок нижнього Подністрів'я.— Лексикографічний бюлетень, VI. Київ, 1958.

Дорош.— С. І. Дорошенко. Матеріали до словника діалектної лексики Сумщини.— Діалектологічний бюлетень, IX. Київ, 1962.

Дубн.— К. Дубняк. Короткий російсько-український словник термінів природознавства та географії. Миргород, 1917.

Дубр.— В. Дубровський. Словник українсько-московський. Видання V. Вид-во «Рідна мова». Київ, 1918.

Желех.— Малоруско-німецький словарь. Уложили Е. Желеховский и С. Недільский. Львів, 1886.

Жилко — Ф. Т. Жилко. Нариси з діалектології української мови. Київ, 1955.

Карп.— Ю. О. Карпенко. Топоніміка гірських районів Чернівецької області. Чернівці, 1964.

Кмит — Ю. Кмит. Словник бойківського говору. Самбір, 1934.

Кобил.— Б. Кобилянський. Гуцульський говір його і відношення до говору Покуття.— Український діалектологічний збірник, кн. I. Київ, 1928.

Кремер — A. Krasner. Słowniczek prowincjonalizmów podolskich. Kraków, 1870.

К.-Ч.— З. Кузеля і М. Чайковський. Словар чужих слів. Чернівці, 1910.

Лымар.— В. С. Лымаренко. Топографічні назви північної Буковини.— Питання топоніміки та опомастики. Київ, 1962.

Лыс.— П. С. Лысенко. Словник діалектної лексики середнього східного Полісся. Київ, 1961.

Лыс. ЛБ VI — П. С. Лысенко. Словник специфічної лексики правобережної Черкащини.— Лексикографічний бюлетень, VI. Київ, 1958.

Лыс. Мат.— П. С. Лысенко. Матеріали до словника Житомирщини. Машинопис.

Лыс. ДБ V — П. С. Лысенко. Лексичні особливості говірок Ставищанського району Київської обл.— Діалектологічний бюлетень, вип. V, 1955.

Мельн.— О. С. Мельничук. Словник специфічної лексики говірки села Писарівки (Кодимського р-ну Одеської обл.).— Лексикографічний бюлетень, вип. II. Київ, 1952.

Моск.— А. А. Москаленко. Словник діалектизмів українських говірок Одеської області. Одеса, 1958.

Ников.— А. Ніковський. Словник російсько-український, Книгоспілка.

Німч.— В. В. Німчук. Про необхідність вивчення топоніміки у зв'язку з народними говорами.— Питання топоніміки та ономастики. Київ, 1962.

Німч. Тези — В. В. Німчук. Питання про зв'язки закарпатських українських говорів з південнослов'янськими мовами.— Тези доповідей V міжвузівської республіканської славістичної конференції. Ужгород, 1962.

Онат.— Е. О n a t s k y. Vocabolario Ucraino-Italiano. Roma, 1941.

Пал.— Л. С. П а л а м а р ч у к. Словник специфічної лексики говірки с. Мусіівки (Вчорайшенського району Житомирської обл.).— Лексикографічний бюлетень, VI. Київ, 1958.

Писк.— Ф. М. П и с к у н о в. Малороссийско-червонорусский словарь живого и актового языка русских южан. Киев, 1882.

Прийм.— І. І. П р и й м а к. До особливостей місцевої лексики північно-західних районів Сумської області (Матеріали для словника українських говорів). Нова Каховка, 1957.

Рудн.— Яр. Р у д н и ц ь к и й. Географічні назви Бойківщини. Вінніпег, 1962.

Стеф.— Василь С т е ф а н и к. Повне зібрання творів в трьох томах. Київ, 1949, 1953, 1959.

Тимч.— Є. Т и м ч е н к о. Історичний словник українського язика, I (А — Ж), зоп. I—II. Харків — Київ, 1930—1932.

УРС — Українсько-російський словник, т. I—IV. Київ, 1953—1963.

Федьк.— Ю. Ф е д ь к о в и ч. Твори, т. I. Київ, 1960.

Черемш.— Марко Ч е р е м ш и н а. Твори. Київ, 1960.

Штибер — Z. S t i e b e r. Z fonetyki historycznej dialektu Lemków.— Studia z filologii polskiej i słowiańskiej, 3. Warszawa, 1958.

Шух.— В. Ш у х е в и ч. Гуцульщина, 4,5. Львів, 1908.

Яворн.— Д. І. Я в о р н и ц ь к и й (Д. И. Эварницкий). Словник української мови, т. I. Вид-во «Слово». Катеринослав, 1920.

Янув, Wpływ — J. J a n ó w. Wpływ słownictwa rumuńskiego na Podkarpacie. Lwów, 1958.

Янув, Ze stos. — J. J a n ó w. Ze stosunków językowych małoruskorumuńskich.— Сборник статей в честь академика Алексея Ивановича Соболевского. Л., 1928.

Янув, Gwara — J. J a n ó w. Gwara małoruska Moszkowiec i Siwki Naddniestrzańskie z uwzględnieniem wsi okolicznych. Lwów, 1926.

**НАСЕЛЕННЫЕ ПУНКТЫ, В КОТОРЫХ СОБРАНЫ МАТЕРИАЛЫ
ПО «АНКЕТЕ-ВОПРОСНИКУ ДЛЯ СОБИРАНИЯ ОБЩИХ НАЗВАНИЙ
РЕЛЬЕФОВ» (АНК.)**

(По административно-территориальному делению 1946 г.)

В о л ы н с к а я о б л .

Вл 1 — Подгородно Любомльского района

В и н н и ц к а я о б л .

Вн 1 — Лука Барская Барского района

Вн 2 — Гуменне Винницкого района

Вн 3 — Тростянец Тывровского района

Вн 4 — Селище Немировского района

Вн 5 — Вселевка Тепликского района

Вн 6 — Коржевка Брацлавского района

Вн 7 — Иванька Липовецкого района

Вн 8 — Снитков Мурованокуриловецкого района

Вн 9 — Кустовцы Улановского района

Д н е п р о п е т р о в с к а я о б л .

Дн 1 — Волоское Солонянского района

Дн 2 — Подлужье Верхнеднепровского района

Дн 3 — Бородаевка Верхнеднепровского района

Дн 4 — Пушкаревка Верхнеднепровского района

Дн 5 — Войсковое Солонянского района

Дн 6 — Лоцмано-Каменка Днепропетровского района

Дн 7 — Волоское Днепропетровского района.

Дн 8 — Кодак Софиевского района.

Дн 9 — Кринички Криничанского района.

Дн 10 — Сурско-Михайловка Солонянского района.

Дн 11 — Привольное Магдалиновского района.

Дн 12 — Ганно-Зачатовка Криничанского района.

Дн 13 — Карнауховские хутора Криничанского района.

Дн 14 — Томаковка Томаковского района.

Ж и т о м и р с к а я о б л .

Жт 1 — Михеевка Новоград-Волынского района.

Жт 2 — Романовка Новоград-Волынского района.

Жт 3 — Корнин Попельнянского района.

Жт 4 — Попельня Попельнянского района.

Жт 5 — Соловьи Лугинского района.

Жт 6 — Липники Лугинского района.

Жт 7 — Сингаевка Бердичевского района.

Жт 8 — Жерев Народичского района.

Жт 9 — Крыловка Ружинского района.

Жт 10 — Пыльши-Кошары Дзержинского района.

Жт 11 — Грушки Володарско-Волынского района.

Жт 12 — Визня Малинского района.

Жт 13 — Берестовка Барановского района.

Запорожская обл.

Зп 1 — Царицын Кут Васильевского района.

Зп 2 — Большая Белозерка Большебелозерского района.

Зп 3 — Федоровка Верхне-Хортицкого района.

Зп 4 — Балки Васильевского района.

Зп 5 — Гранитный Комышевахского района.

Зп 6 — Новомихайловка Комышевахского района.

Зп 7 — Осипенко Бердянского района.

Зп 8 — Беленькое Верхнехортицкого района.

Зп 9 — В. Тарасовка Верхнехортицкого района.

Зп 10 — Марьевка Верхнехортицкого района.

Ивано-Франковская обл.

Ив.-Фр. 1 — Слобода Яблуновского района.

Ив.-Фр. 2 — Тяпче Болеховского района.

Ив.-Фр. 3 — Мартинов Бурштинского района.

Ив.-Фр. 4 — Коломыя Коломыйского района.

Киевская обл.

Кв 1 — Витачев Обуховского района.

Кв 2 — Триполье Обуховского района.

Кв 3 — Старое Бориспольского района.

Кв 4 — Кайлов Бориспольского района.

Кв 5 — Вишеньки Бориспольского района.

Кв 6 — Вьюнице Переяслав-Хмельницкого района.

Кв 7 — Козинцы Переяслав-Хмельницкого района.

Кв 8 — Цыбли Переяслав-Хмельницкого района.

Кв 9 — Стовпяги Переяслав-Хмельницкого района.

Кв 10 — Зарубенцы Переяслав-Хмельницкого района.

Кв 11 — Борок Переяслав-Хмельницкого района.

Кв 12 — Городище Переяслав-Хмельницкого района.

Кв 13 — Трубайловка Переяслав-Хмельницкого района.

Кв 14 — Андруши Переяслав-Хмельницкого района.

Кв 15 — Подсенное Переяслав-Хмельницкого района.

Кв 16 — Товстий Лис Новошепеличского района.

Кв 17 — Ладыжичи Чернобыльского района.

Кв 18 — Новошепеличи Новошепеличского района.

Кировоградская обл.

Крв 1 — Дорожинка Вильшанского района

Крв 2 — Добрянка Вильшанского района

Крв 3 — Калмазово Вильшанского района

Крв 4 — Ново-Лутковка Добровеличковского района

- Крв 5 — Малопомична Новоукраинского района
Крв 6 — Севериновка Кировоградского района
Крв 7 — Аджамка Кировоградского района
Крв 8 — Грузкое Кировоградского района
Крв 9 — Ново-Миргород Новомиргородского района
Крв 10 — Панчево Новомиргородского района
Крв 11 — Солдатский хутор Петровского района
Крв 12 — Ивановка Петровского района
Крв 13 — Марьяновка Петровского района
Крв 14 — Бобринец Бобринецкого района
Крв 15 — Богодаровка Бобринецкого района
Крв 16 — Роза Люксембург Бобринецкого района
Крв 17 — Ново-Архангельск Новоархангельского района
Крв 18 — Шляхова Новоархангельского района
Крв 19 — Ново-Григорьевка Долинского района
Крв 20 — Варваровка Долинского района
Крв 21 — Христофоровка Ульяновского района
Крв 22 — Лозоватое Ульяновского района
Крв 23 — Синицевка Ульяновского района
Крв 24 — Дельфиновка Ульяновского района
Крв 25 — Велька Виска Маловисковского района
Крв 26 — Серебряное Новогеоргиевского района
Крв 27 — Хрущев Новогеоргиевского района
Крв 28 — Покотилово Голованевского района
Крв 29 — Маринополь Голованевского района
Крв 30 — Голованевск Голованевского района
Крв 31 — Лебединка Голованевского района
Крв 32 — Сидорова Балка Устиновского района
Крв 33 — Завалье Гайворонского района
Крв 34 — Мощенна Гайворонского района
Крв 35 — Соломня Гайворонского района
Крв 36 — Хайновка Александровского района
Крв 37 — Разумовка Александровского района
Крв 38 — Цвитне Александровского района
Крв 39 — Любомирка Александровского района
Крв 40 — Трилеса Александровского района
Крв 41 — Нерубаевка Александровского района
Крв 42 — Дмитрово Александрийского района
Крв 43 — Овнянка Александрийского района
Крв 44 — Александрия Александрийского района
Крв 45 — Бешбайраки Ровнянского района
Крв 46 — Семенастово Ровнянского района
Крв 47 — Знаменка Знаменского района
Крв 48 — Столино Хмелевского района
Крв 49 — Омельник Онуфриевского района
Крв 50 — Павлыш Онуфриевского района
Крв 51 — Зыбове Онуфриевского района

Л ь в о в с к а я о б л .

- Лв 1 — Исаи Турковского района
- Лв 2 — Поляны Золочевского района
- Лв 3 — Гологирки Краснянского района
- Лв 4 — Городиславичи Бибрского района
- Лв 5 — Новосилки Бусского района
- Лв 6 — Чайковичи Рудского района
- Лв 7 — Новосилка Перемышлянского района
- Лв 8 — Борыня Турковского района

Н и к о л а е в с к а я о б л .

- Нк 1 — Козырка Очаковского района
- Нк 2 — Калиновка Жовтневого района
- Нк 3 — Арбузинка Арбузинского района
- Нк 4 — Адамовка Т. Березанского района

О д е с с к а я о б л .

- Од 1 — Маразлеевка Белгород-Днестровского района

П о л т а в с к а я о б л .

- Пл 1 — Малая Нехвороща Нехворощанского района
- Пл 2 — Микипка Котелевского района
- Пл 3 — Руденковка Новосахарского района

Р о в е н с к а я о б л .

- Рв 1 — Медушев Демидовского района
- Рв 2 — Малая Мошаница Дубновского района
- Рв 3 — Острог Острожского района
- Рв 4 — Смордва Млиновского района

С у м с к а я о б л .

- См 1 — Ямполь Ямпольского района
- См 2 — Жихово С. Будского района
- См 3 — Очкино Зноб-Новгородского района
- См 4 — Чаплевка Шосткинского района
- См 5 — Пироговка Шосткинского района

Т е р н о п о л ь с к а я о б л .

- Тр 1 — Старый Олексинец Почаевского района
- Тр 2 — Лосятин Почаевского района
- Тр 3 — Поповцы Кременецкого района
- Тр 4 — Веселовка Дедекральского района
- Тр 5 — Олиев Дедекральского района
- Тр 6 — Островец Тербовлянского района

Хмельницкая обл.

- Хм 1 — Куманив Городокского района
- Хм 2 — Старая Гута Деражнянского района
- Хм 3 — Федорки Волочискского района
- Хм 4 — Педосы Черноостровского района
- Хм 5 — Новоселица Староконстантиновского района
- Хм 6 — Давыдовцы Ружичьянского района
- Хм 7 — Маломолинцы Ружичьянского района
- Хм 8 — Лесогорка Городокского района

Харьковская обл.

- Хрк 1 — Петровки Красноградского района

Херсонская обл.

- Хрс 1 — Широкая Балка Белозерского района
- Хрс 2 — Софиевка Белозерского района

Черкасская обл.

- Чрк 1 — Прохоровка Гельмязевского района
- Чрк 2 — Антиповка Золотоношского района
- Чрк 3 — Кумейки Черкасского района
- Чрк 4 — Карашина Корсунь-Шевченковского района

Черниговская обл.

- Чрнг 1 — Иваница Ичнянского района
- Чрнг 2 — Охиньки Прилукского района
- Чрнг 3 — Мутчев Репкинського района
- Чрнг 4 — Домотканово Новгород-Северского района
- Чрнг 5 — Сосница Сосницкого района
- Чрнг 6 — Каменская Слобода Новгород-Северского района
- Чрнг 7 — Семеновка Семеновского района
- Чрнг 8 — Тимоновичи Семеновского района
- Чрнг 9 — Перелюб Семеновского района
- Чрнг 10 — Карповичи Семеновского района
- Чрнг 11 — Челелев Щорского района
- Чрнг 12 — Щорс Щорского района
- Чрнг 13 — Борзна Бахмацкого района
- Чрнг 14 — Зметнев Менского района
- Чрнг 15 — Седнев Черниговского района

аршіці горы с продолговатыми острыми хребтами (Кмит, отсюда же Рудн.).

аршіця 1. крутая дикая гора (Граб.); 2. больше камни на горе (Врх. Марм.); 3. полонина (Граб.); 4. щебень, почва из острых камешков (Грицак).

бавка 1. сухая впадина (Желех., отсюда же Гринч.); 2. равнина, долина в степи (Желех.); 3. русло высохшей реки (Врх. Зн., отсюда же Гринч.; Анк. Лв 8) см. еще бавка.

ба́гва́ 1. мокрая заболоченная равнина (Гринч., УРС, Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 3, 6, 8, 9 Крв 19 Лв 2 Нк 2,3); 2. мокрое место между двумя холмами (Анк. Чрк 3).

багвице мокрая заболоченная равнина (Анк. Вн 7).

багна (Анк. Ив.-Фр. 1) *см.* багно́ 1.

багно́ 1. мокрая заболоченная низина (Анк. Дн 3 Жт 1, 7, 10, 12 Зп 5, 6 Крв 12, 38, 43, Лв 1, 2 Тр 4, Хм 1, 3 Чрк 5 Чрнг 6, 14, 15); 2. углубление на месте водоема (Анк. Крв 34); 3. лужа на дороге, углубление, выбитое автомашинами или другим транспортом (Грицак).

багно́ка 1. мокрая заболоченная равнина (Анк. Жт 1, 5, 6, 7 Чрк 5 Чрнг 6); 2. углубление на месте водоема (Анк. Вн 2,4).

баговина мокрая заболоченная равнина (Анк. Вн 3).

баговиння мокрая заболоченная равнина (Анк. Крв 16, 19).

баде́ня 1. глубокая яма в реке, пруду (Врх. Зн. Лем., отсюда же Гринч.; Желех.); 2. выбоина с лужей (Врх. Лем., отсюда же Гринч.; Желех.).

бадо́ня (Врх. Лем., отсюда же Гринч., Желех.) *см.* баде́ня 1.

баду́ня (Врх. Бат., Зам., Лем., отсюда же Гринч.) *см.* баде́ня 1.

бадя углубление почвы неопределенной формы (Анк. Малая Выска Маловысковского р-на Крв обл.).

байка́й глубокий обрывистый овраг (Анк. Кв 2).

байоро лужа (Врх. Лем., Зам.).

байра́к 1. овраг, поросший лесом (Желех., А.-Ч., Дубр., Писк., Анк. Вн 2, 3, 5 Дн 1, 3 Жт 3, 4, 6, 8, 10, 11, 12 Кв 4, 5, 6, 9, 10 Крв 7, 8, 9, 10, 11, 13, 14, 17, 18, 24, 25, 27, 28, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 45, 46, 49, 50, 51 Лв 8 Пл 2, 3 Рв 1, 2 Хрк 1 Чрк 1, 3, 4 Чрнг 1, 2, 5); 2. низина, поросшая деревьями (Желех., Анк. Вн 4 Крв 24); 3. возвышенность, густо поросшая лесом (Анк. Рв 1, 2); 4. лесок в овраге (Гринч., Анк. Крв 11); 5. небольшой лесок (Дубр., Анк. Крв 14, 25, 27, 38, 46); 6. буерак, овраг (УРС, Анк. Крв 2, 7, 40); 7. рвы, вымытые водой (Анк. Зп 14).

бакáй 1. глубокая яма в реке, пруду (Гринч., Желех., Дорош.); 2. выбоина с лужей (Гринч., Желех., Анк. Дн 2); 3. выбоина (УРС, Лыс. ДБ V); 4. выбоина на дороге (Жилко, Анк. Дн 2 Жт 9 Пл 3); 5. глубокая выбоина в балке (Жилко); 6. яма в болоте (Писк.); 7. пропасть (Жилко); 8. ямка, которую выгребли куры (Лыс. ЛБ VI).

бакáль озеро (Желех., Дубр.).

бакані заболоченная мокрая равнина (Анк. Ив.-Фр. 2).

бакáя большой овраг — «яруга» (Врх. НЗн).

бал невысокая отлогая горка (Анк. Дн 4).

ба́лице 1. степной овраг (Гринч., Анк. Ив.-Фр. 4 Лв 8); 2. узкая и длинная долина (Гринч.); 3. место, где раньше была балка (Желех.).

ба́лка 1. овраг в общем значении (Анк. Вн 1, 2, 4, 5, 6, 8 Дн 1, 4, 5, 6, 9, 10, 11, 12, 13 Жт 1, 3, 5, 6, 7, 10, 11, 12 Зп 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 3, 4 Кв 3, 4, 6, 7, 8, 13, 14, 15 Крв 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 46, 47, 48, 49, 50, 51 Лв 8 Нк 1, 2, 4 Од 1 Пл 2, 3 Рв 1, 2 Хм 3, 4 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2); 2. степной овраг (Желех., Анк. Вл 1 Вн 2, 4, 5, 6 Дн 1, 2, 3, 4, 9, 10, 11, 12, 13 Жт 3, 5, 8,

10, 11, 12 Зп 1, 4, 5, 6, 7 Кв 3, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 14, 15 Крв 3, 4, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 49, 50, 51 Лв 8 Нк 1, 2, 3, 4 Пл 2, 3 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2); 3. небольшой овраг (Анк Зп 2 Крв 1, 48); 4. глубокий обрывистый овраг (Анк. Вн 1 Крв 21, 33); 5. ущелье (Анк. Крв 14); 6. овраг, образованный течением реки (Писк.); 7. большой, поросший лесом овраг (Анк. Вн 3 Од 1 Рв 1, 2 Чрк 4); 8. лес на взгорье (Анк. Кв 4); 9. возвышенность (Анк. Крв 39); 10. насыпь или выбоина с холмом (Анк. Жт 7); 11. небольшой холмик (Грицак); 12. низменность возле реки (Анк. Зп 2 Крв 16, 29).

балок мокрое место между взгорьями (Анк. Кв 3).

балюра 1. выбоина на дороге (Льс. ДБ V); 2. большая глубокая лужа (Гринч.); 3. бугор (Писк.).

банджур 1. глубокая яма, выбитая водой (Врх. Зн. УР); 2. глубокая яма в реке (Врх. Зн. УР, отсюда же Гринч.).

банджюра тоня во льду (Врх. Лем.).

бандюра (Врх. Зн. УР) *см.* банджур 2.

банюр 1. лужа (Врх. Зн. УР, Лем.); 2. глубокое место в реке, где можно купаться (Врх. Лем.).

банюра (Врх. Зн. УР, Лем.) *см.* банюр.

бар 1. мокрое место между взгорьями (Гринч., Желех., Анк. Вн 4 Жт 4, 11, 12 Крв 28, 42 Лв 8 Чрнг 2); 2. глубокий обрывистый овраг (Анк. Крв 10).

барачія глубокая яма с густой грязью (Грицак).

баріло возвышенность в общем значении (Анк. Крв 31).

барліг 1. углубление на дороге (Анк. Дн 4); 2. грязная лужа (Гринч.).

баруля овраг, пропась (Дорош.).

барцатул высокие горы (Грицак).

баюра 1. выбоина на дороге (Анк. Крв 8, 15, 25, 38, 43 Чрнг 13 Чрк 3); 2. глубокая яма (Анк. Крв 41, 47); 3. углубление на месте водоема (Анк. Крв 2, 3); 4. яма в песке (Крв 14); 5. глубокая яма с болотом (Кмит); 6. яма, пропась (Дорош.); 7. большая глубокая лужа (Гринч., А.-Ч., с. Кобылевка Подольской губ. Брацлавского уезда, ИОРЯС, т. 19, кн. 4, ст. 72); 8. бугор (Писк.).

бевз глубокий темный заросший овраг с обрывистыми склонами—«глибока поточина, позарастана, темна, зі стрімкими убоччями» (Кмит).

бевза 1. пропась (Кмит, Жилко); 2. отвесный склон горы (Кмит); 3. глубокая вода (Рудн.).

бевзина 1. пропась (Кмит); 2. отвесный склон горы (Кмит).

бевза пропась (Кмит).

бездна глубокая пропась (Желех., Грицак, Анк. Крв 11, 43 Чрнг 1).

бездно глубокая вода (Грицак).

безкеда (Писк.) *см.* бескѣда 1.

безкеття пропась (Ников., Анк. Зп 4) *см.* еще бескѣття.

бѣзна 1. глубокая яма (Анк. Жт 1); 2. (Грицак, Анк. Жт 1) *см.* бѣздна; 3. трясуна, тонкое место на болоте (Льс. Маг.); 4. запущенное поле (Жилко).

бэзно пропасть (Грицак).

бэздень глубокая пропасть (Желех.).

бэздище пропасть (Грицак).

бэздица подземный источник (Лыс. Мат.).

бэздня 1. глубокая пропасть (УРС, Желех., Дубр., Писк., Грицак, Анк. Вн 2, 4, 5, 6, 8 Дн 1,2,4,5 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 12 Зп 1, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Кв 3, 6, 7, 8, 9, 10 Крв 3, 5, 7, 10, 11, 13, 15, 16, 18, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 37, 38, 39, 40, 42, 44, 49, 50 Лв 1, 2, 3, 5, 7, 8 Нк 2 Пл 2, 3 Рв 1, 2 См 3 Тр 1, 2, 3, 4, 5 Хм 1, 4 Хрк 1 Чрк 3, 4 Чрнг 1, 2, 13); 2. крутой отвесный берег (Анк. Крв 9); 3. крутой склон горы (Анк. Крв 33); 4. глубокая яма (Анк. Тр 2); 5. углубление почвы неопределенной формы (Анк. Вл. 1); 6. источник в поле (Анк. Хм 7); 7. лужа (Ващ. 3 ист); 8. болото? («на безодні — вікнина, таке там здорове джерело» — с. Кобылевка Подольск. губ. Брацлавского уезда, ИОРЯС, т. 19, кн. 4, стр. 72).

бэбень 1. возвышенное и открытое место (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 2, 3, 5, 6 Дн 1, 3, 4, 5, 6 Жт 5, 6 Зп 1, 2, 5, 6, 7 Крв 1, 2, 3, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 30, 31, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51 Нк 2 Пл 2, 3 Хрк 1 Хрс 1 Чрк 2, 4); 2. возвышенное место, где дуют ветры (Желех., Лыс. ДБ V); 3. незаросший, голый пригорок, пустырь (Моск.); 4. возвышенная, ничем не защищенная местность (Дорош.); 5. пригорок в лесу, заросший деревьями (Анк. Крв 7, 14); 6. глубокое место в реке (Гринч., Дубр.); 7. ветер (Ващ.); 8. выгон (Писк.).

бэбэбінь (Грицак) см. бэбень 6.

бэмба меловая гора (Анк. Тр 2).

бердівка горное пастбище («половина») со множеством обрывов (Грицак).

бердівля скалистый обрыв (Грицак).

бердів'я 1. скалы (Гринч.); 2. глыбы камней и скалы в русле, пороги потока или речки (Кмит).

бердічко небольшой обрыв (Грицак).

бердо 1. глубокая пропасть (Врх.Зн., отсюда же Гринч.; Желех., Граб., Рудн., Шух., Черемш., Дзезд., Анк. Жт 5, 6, 12 Лв 8); 2. крутая гора (Рудн., Дзезд.); 3. большая цельная скала — «величезна одностайна скеля» (Кмит); 4. скалистый обрыв (Грицак).

бердованя большая цельная скала (Кмит).

бердовато очень крутой склон горы (Грицак).

бердя 1. большие камни (Кмит); 2. скалистый обрыв (Грицак).

бердяк лес на скалистом обрыве — «берде» (Грицак).

берег 1. возвышенность, пригорок (Желех., Граб., Дзезд., Анк. Ив.-Фр. 2); 2. гора, склон горы (Граб., Дзезд., Грицак); 3. склон оврага, долины (Лымар.); 4. высокий отвесный берег, пропасть (Рудн.).

берэгомить обрывистый берег (Карп.).

бережэць маленькая возвышенность — «малый берег» (Грицак).

бережіна 1. низменность возле речки (Анк. Кв 5); 2. отлогие берега рек с сеножатыми (Бабыш.); 3. побережье (Дубр.); 4. маленькая возвышенность — «малый берег» (Василина в бережині, коровка в долині ...) (Грицак).

беречэска горное пастбище (Желех.).

берія горное пастбище, которое взяли другие (Грицак).

бэскед 1. гора, скала (УРС, Желех.); 2. отвесная круча, пропасть (Гринч., Дубр., Анк. Дн 4 Жт 12 Ив.-Фр. 1 Лв 8); 3. глубокий овраг (Гринч., Дубр., Анк. Дн 4) *см.* еще безкеда.

бэскэда 1. пропасть (Гринч., Дубр., Писк.); 2. овраг (Гринч., Дубр., Писк.); 3. непроходимый овраг в лесу (А.-Ч.) *см.* еще безкеда.

бэскэдина крутой обрыв (Желех., отсюда же Гринч.).

бэскет 1. (Гринч., УРС) *см.* бэскед 1; 2. (Дубр.) *см.* бэскед 2; 3. (Писк., Анк. Хрв 31) *см.* бэскед 3.

бэскеття глубокий крутой овраг (Гринч., Анк. Дн 4 Зп 4, 5, 6 Крв 20) *см.* еще безкеття.

бэскід 1. (Желех., отсюда же Гринч.; УРС, Врх. Лем., Анк. Ив.-Фр. 2) *см.* бэскед 1; 2. (Анк. Лв 8) *см.* бэскед 3; 3. горный хребет (Рудн.); 4. скалистая горная цепь (Грицак); 5. лес (Тимч.).

бэскідя скалистая горная цепь (Грицак).

бещад часть Карпат (Врх. Зн. УР, отсюда же Гринч.).

біліаня горное пастбище, покрытое снегом (Врх. НЗн).

бір мокрое место между взгорьями (Анк. Крв. 18)

блоквá низменность (в общем значении) (Анк. Крв. 45).

блуквá низменность, поросшая травой, пастбище (Гринч., Анк. Дн 9, 10, 11, 12, 13 Зп 8, 9).

блукви *мн.* (Анк. Дн 9) *см.* блуквá.

ббвван большой круглый камень (Грицак).

бовд камень, скала (Рудн.).

бовда голая гипсовая скала (К.-Ч.).

ббвдур «ковбур» («Купалися діти в бовдурі, у великім ковбурі» — Грицак).

бовдуря большие камни (Грицак).

бовч 1. углубление, вымытое водой — «водомия» (Грицак); 2. стоячая, никогда не высыхающая вода с илом (Грицак); 3. пропасть (Грицак).

ббвча 1. пропасть (Грицак); 2. яма в реке (Грицак).

ббвчице большая яма (Грицак).

бовчованя 1. пропасть (Грицак); 2. яма в реке (Грицак).

ббгда гипсовая скала (Анк. Жт 3).

ббдня бездна, пропасть (Дзездз., Грицак).

бокáні мокрая, заболоченная низменность (Анк. Ив.-Фр. 2).

бокач косогор (Федьк.).

болвáne большие камни (Граб., Анк. Жт 8, Крв 19, 28).

болвані большие камни (Анк. Лв 2, Тр 4).

болгáne большие камни (Граб., Анк. Лв 8).

болбне 1. равнина (Желех.); 2. пастбище (Желех.) *см.* еще оболбне.

болбние плес (Льс.).

болбння луговая низменность (Гринч., Желех., Анк. Ив.-Фр. 1, Лв 8 Чрнг 5) *см.* еще оболбння.

болонь луговая низменность (Анк. Кв 5, 6, 7, 8) *см.* еще оболонь.

болбня (Дубр., Писк.) *см.* болбння.

болотіна 1. мокрая заболоченная низменность (Анк. Кв 10, 11); 2. высох

пее болото (Гринч., Дубр.); 3. место, где раньше было болото (Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 3, 4, 5, 6 Зп 1 Кв 10, 11, 12 Крв 18, 37 Лв 8 Чрк 4, 5 Чрнг 2, 5, 6).

болотысько место, где раньше было болото (Гринч.).

болотыце место, где было болото (Гринч., Дубр., Онат., Анк. Вн 4, 6 Жт 4, 5, 6 Зп 5, 6 Ив.-Фр. 3, 4 Крв 4, 10, 17, 18, 19, 29, 30, 37, 42 Лв 8 Хрк 1 Чрк 4 Чрнг 5).

болото 1. мокрая заболоченная низменность (Анк. Дн 2 Жт 1, 5 Кв 5, 6, 7, 8, 11 Крв 6, 18, 49 Лв 6 Хм 7 Чрк 1, 2 Чрнг 1, 3, 4); 2. углубление на месте водоема (Анк. Жт 2 Кв 4 См 5 Тр 3 Чрнг 1); 3. мокрое место между взгорьями (Анк. Чрк 3).

болоття мокрая заболоченная низменность (Анк. Дн 1).

ббня 1. глубокое место в реке (Нимч. Тези); 2. бездна (Грицак).

борган большой камень (Грицак).

борганя большой камень (Грицак).

боржолá довольно глубокая яма с очень грязной водой (Грицак).

борбло 1. щель в скале, ущелье (Врх. Зн., отсюда же Гринч.; Анк. Нк 2); 2. камень, скала (Кмит).

брáла большие камни — «велике каминня» (Грицак, Анк. Лв 1 Зп 6, Крв 5, 12, 14, 15, 16, 17, 18, 27, 29, 31, 38, 43 Хм 2).

брили (Анк. Вн 1, 2, 3, 6, 9 Зп 4, 5 Кв 9 Лв 2, 7 Тр 5 Чрнг 2) *см.* брáла.

брилив'е большие камни — «велике каминня» (Желех., отсюда же Гринч., Анк. Жт 6 Лв 8).

бриля большие камни (Анк. Вн 8, Ив.-Фр. 3, Крв 6).

бриляк большой камень (Грицак).

брýжэ пригорок, небольшие холмики (Грицак).

брýндáс большой камень (Грицак).

брод низменность на левом берегу реки (Анк. Жт 5 Чрнг 3).

брýбин горное пастбище с крутыми склонами (Грицак).

бубляк горное пастбище с выпасенной травой (Грицак).

бубляк 1. холмик, где мало травы (Грицак), 2. твердая земля, много камней в почве (Грицак).

бубуляк 1. холмик, где мало травы (Грицак); 2. твердая земля, много камней в почве (Грицак).

бугóл большой камень в реке (Грицак).

бугóр 1. невысокая отлогая горка, холм (УРС, Анк. Вн 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 8, 9, 11, 12 Зп 1, 2, 3, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1 Кв 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15 Крв 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 15, 17, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51 Лв 8 Нк 1, 2, 3, 4 Од 1 Пл 1, 2, 3 См 1, 3, 4, 5, Тр 4, 5 Хм 4, 6 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2, 3, 4, 5, 6, 13, 14, 15); 2. возвышенность (в общем значении) (Анк. Крв 12, 14, 38, 47); 3. небольшая отлогая насыпь песку возле речки (Анк. Крв 14); 4. искусственный холм, насыпь (Анк. Крв 31, 32, 44).

бугорок возвышение на дороге (Анк. Дн 1 Жт 5 Крв 17).

бугро (Анк. Жт 13) *см.* бугóр 1.

буджбра высокий склон горы (Грицак).

будица низменность, заросшая лесом (Анк. Жт 18).

булига большие камни — «велике каміння» (Анк. Зп 5, 6).

бульбня 1. лужа (Моск.); 2. яма, вырытая водой (Моск.); 3. глубокое место в реке (Черемш.).

бўлькот источник (Грицак).

бурвѧн большой камень (Грицак).

бурѓовець большой камень (Грицак).

бурнак мель, образуемая наносами с прибрежных гор (Дубр., Онат.).

бурт 1. невысокая горка, насыпь (УРС, Желех., Анк. Вн 4, 6 Зп. 4 Крв 4, 38 Лв 5 Нк 1 См 1 Чрнг 3); 2. небольшая насыпь песку возле реки (Анк. Крв 8, 35).

бўртѧ 1. (Гринч., УРС, Дубр.) *см.* бурт 1; 2. водоворот (Желех.)

бурчѧк 1. долина потока (Анк. Крв 14 Чрнг 13); 2. журчащий ручей (Гринч., А.-Ч., Дубр.).

бугѧна высокое горное пастбище (Грицак).

бучаки большие камни — «велике каміння» (Анк. Вн 9).

бучѧло водоворот, глубокая яма, которая весной наполняется водой и не высыхает даже летом (Бабыш.).

вада небольшой ров для воды на поливных огородах (Дзендз. ЛБ VI).

вал 1. земляная насыпь (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 3, 4, 5, 6, 8 Дн 13 Жт 1, 3, 7, 9, 11, 12 Зп 1, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12 Крв 4, 5, 8, 9, 10, 14, 17, 28, 30, 33, 35, 36, 37, 50); 2. большие камни (Анк. Крв 29); 3. ров (Тимч.); 4. низменность возле реки (Анк. Лв 6).

валуни большие камни (Анк. Крв 35).

варюга 1. глубокая яма (Врх. НЗн, Анк. Вн 6 Дн 4 Жт 6, 8, 11 Ив.-Фр. 2 Лв 8); 2. углубление на месте водоема (Анк. Вн 4).

ватушѧрка горная равнина (Желех., К.-Ч.).

вдавлина углубление земной поверхности неопределенной формы (Анк. Ив.-Фр. 1 Кв 3, 4 Лв 8).

вертѧп 1. пещера (Гринч., УРС, Писк., Анк. Дн 3 Жт 11 Ив.-Фр. 1 Рв 1, 2 Тр 6); 2. овраг в общем значении (Анк. Лв 2); 3. пропасть, обрыв (Желех.); 4. глубокий крутой овраг (Анк. Лв 2 Тр 6); 5. яма в общем значении (Анк. Дн 3); 6. непроходимые скалы (Анк. Лв 1); 7. обрывистая дорога (Янув, Gwaga).

вертѧпа глубокий овраг (Врх. Лем., отсюда же Гринч.; Моск., Анк. Дн 1, 3. Ив.-Фр. 1, 3 Лв 8 Нк 2).

вертѧши горы и доли, неровное место (Кремер).

вѧртиб углубление на месте водоема (Анк. Лв 7).

вѧртиб овраг (Янув, Gwaga).

вѧртип (Анк. Тр 3) *см.* вертѧп 1.

вертѧп 1. лощина недалеко от воды, в которой в обеденное время отдыхают овцы, коровы (Моск.); 2. овраг (Янув, Ze stos.).

вертѧю яма в песке (Анк. Жт 4, 6, 11, 12 Ив.-Фр. 2, Крв 49).

вертѧбг яма в песке (Гринч.).

верх 1. гора (Врх. Марм., Штибор); 2. вершина горы (Врх. Марм., Дубр., Анк. Вн 8 Лв 1, 6 Тр 6).

верхів'я вершина горы (Гринч., УРС, Анк. Вл 1 Вн 2, 4, 6 Дн 1 Жт 3, 4, 5, 6, 10, 11, 12 Зп 5, 6 Ив.-Фр. 4 Кв 3, 9, 10 Крв 18, 26, 28, 29, 30, 31, 33, 37, 41, 42, 44 Лв 8 Нк 2 Тр 2, 3 Чрк 3, 4 Чрнг 2).

верхніця вершина горы (Желех.).

верховіна 1. горы (УРС); 2. горная страна (УРС, Желех.); 3. в сочет. м о г і л а - в е р х о в і н а курган на возвышенном месте, обычно сторожевой пост (УРС).

верхогіря вершина горы (Онат.).

вершіна 1. вершина горы (Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 4, 5, 7, 8 Дн 1, 3, 6, 7 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 12 Зп 1, 3, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 3, 4 Кв 1, 2, 3, 4, 9, 10, 11, 12, 17 Крв 93 Лв 2, 8 Нк 2, 3 Од 1 Пл 1, 2, 3 Тр 5 Чрк 2, 3, 4 Чрнг 1, 2, 3, 4, 6); 2. балка (Анк. Дн 8); 3. начало балки (Гринч.); 4. верховье реки (Гринч.).

вершідь, вершеди большой овраг, заросший ежевикой, малинником и разными кустами (Врх. НЗн).

вершок вершина горы (Анк. Вн 4 Лв 1, 5).

вібалок 1. отроги яра, степной балки (Гринч., УРС); 2. небольшой овраг (Анк. Дн 6, 7 Зп 4, 7); 3. степной овраг (Анк. Кв 4 Од 1); 4. низменная местность (Анк. Крв 41).

вібій 1. небольшая впадина (Гринч., УРС, Желех.); 2. углубление на дороге, ухаб (Гринч., Дубр., Апк. Вн 4, 5, 6 Дн 1, 3, 4 Жт 3, 4, 5, 6, 11 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 3, 5, 6, 7, 8, 10, 11 Крв 19, 28, 29, 35 Лв 2, 5, 8 Нк 2 Пл 2 Рв 1, 2 См 1 Хм 5, 6 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 2); 3. углубление на месте водоема (Анк. Крв 13, 31, 32, 44).

віббй (Анк. Кв 5 Хм 8) *см.* **вібій** 2.

вібої (Анк. Крв 23, 28, 30, 37 Чрнг 15) *см.* **вібій**.

вібоїна 1. (Гринч., УРС) *см.* **вібій** 1; 2. (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 5, 6, 7, 8 Дн 1, 3, 6, 7, 8 Жт 3, 4, 5, 6, 9, 11, 12 Зп 1, 2, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Кв 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15 Крв 19, 23, 25, 27, 28, 30, 33, 36, 37, 38, 39, 41 Лв 1, 2, 8 Нк 1, 2, 3 Од 1 Пл 1, 2, 3 Рв 1, 2 См 2, 3, 4, 5 Тр 1, 3, 4, 5, 6 Хм 2, 5, 6, 7 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 4 Чрнг 1, 2, 3, 5, 6) *см.* **вібій** 2; 3. (Анк. Крв 12) *см.* **вібій** 3.

віболбня (Анк. Хм 1, 8) *см.* **болбня**.

вівіз 1. недлинное, но крутое возвышение на дороге (Гринч., Желех., Анк. Вн 2, 4, 5, 6 Дн 5 Жт 3, 4, 9, 11, Ив.-Фр. 1 Кв 5, 6, 8, 9 Крв 7, 10, 18, 22, 37 Лв 1, 2, 7, 8 Рв 4 Тр 1, 4, 5, 6); 2. небольшая земляная насыпь (Анк. Тр 3); 3. возвышенность в общем значении (Анк. Крв 42).

відма песчаное место, из которого в вегреную погоду засыпает песком ближайшие поля (Гринч.).

відолинок 1. отроги оврага, лощина (Гринч., УРС); 2. небольшой овраг (Анк. Вн 9 Хм 8).

віжар западина (Анк. Жт 1).

віжолобок углубление на вершине горы (Анк. с. Иванковцы Знаменского р-на Кировоградской обл.).

війомка углубление на вершине горы (Анк. Вн 1).

віїмка небольшой овраг (Анк. Крв 35).

вікоц 1. выкопанное углубление (Онат., Анк. Вн 4, 6 Жт 6, 11 Ив.-Фр.

1 Крв 12 Лв 8); 2. глубокая и узкая долина (Анк. Крв 31, 32).

викрут яма в песке (Анк. Кв 6, 7, 8, 10).

викрутас яма в песке (Анк. Кв 10).

вила 1. возвышенная местность, имеющая три конца, из которых один длиннее двух остальных (Анк. Вн 4); 2. гора, возвышенность (без подробного объяснения) (Лымар.); 3. место соединения двух дорог, если они сходятся не под прямым углом (А.-Ч.).

вимбіна небольшой ровик, вымытый водой (Моск.).

вимочка мокрая заболоченная низменность (Анк. Чрнг 4,5).

вимул выбитая водой яма (Врх. Бат.).

віпул 1. низменная местность, где пасут скот (Прийм.); 2. пастбище (Гринч.).

виш'яток выступ скалы (Анк. Тр. 4).

вир 1. крутой отвесный берег (Анк. Тр 4); 2. углубление на месте водоема (Анк. Вн 4, 9); 3. глубокая яма (Анк. Ив.-Фр. 3); 4. водоворот, омут (Гринч.).

вирва крутой склон горы, круча (Анк. Крв 3).

вирок впадина (Анк. Кв 9).

вісад углубление на дороге (Анк. Лв 3).

вісип 1. насыпная горка, насыпь (Гринч., УРС, Дубр., Анк. Вл 1 Вн 4, 6, 8 Жт 6, 11, 12 Ив.-Фр. 4 Кв 9, 12 Крв 4, 9, 18, 37 Лв 2, 5, 7, 8 См 2 Тр 5 Хрк 1 Чрк 4 Чрнг 1, 2, 14, 15); 2. невысокая горка, холм (Анк. Крв 23)

вісмік 1. возвышение на дороге (Гринч., Анк. Вн 2, 3 Дн 5 Жт 9 Кв 3 Крв 18, 20, 36, 38, 39, 40); 2. холм в лесу, заросший деревьями (Анк. Крв 4).

вісмічок возвышение на дороге (Анк. Крв 23, 35).

вісовина запавшая земля (Врх. Бат.).

висока возвышенность (в общем значении) (Анк. Лв 1).

висобість возвышенность (в общем значении) (Гринч., УРС, Желех., Дубр., Анк. Вн 4 Жт 12 Кв 3 Крв 9, 10, 28, 37 См 1).

високорівня горная равнина, плато (Желех., Онат.).

високорвень горная равнина, плато (Желех.).

високость (Анк. Чрнг 1) см. висобість.

висотá возвышенность, холм (Гринч., Анк. Чрнг 13, 14).

висотка возвышенность, холм (Анк. Зп 5, 6).

височина́ 1. возвышенность, холм (Желех., УРС, Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 4, 5, 7, 8 Дн 1, 3, 5, 7 Жт 3, 4, 5, 6, 7, 8 Крв 4, 8, 9, 10, 13, 14, 15, 17, 21, 23, 25, 27, 28, 29, 30, 31, 36, 37, 38, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 50 Лв 1, 5, 7, 8 Пл 1 Рв 1, 2 См 1 Тр 4, 5 Хм 3, 4, 6 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 4 Чрвг 1, 2, 4, 5, 13, 15); 2. горная равнина (Желех.).

височиня́ (Лыс. Мат.) см. височина́ 1.

вісочінь (Желех., Анк. Вл 1 Вн 6, 8 Дн 1 Жт 6, 11, 12 Зп 1, 5, 6 Кв 9 Крв 19, 20, 22, 25, 30, 37 Ив.-Фр. 1 Лв 8 См 4 Тр 5 Хм 1, 4 Хрс 1, 2 Чрк 4).

вісна 1. глубокая пропасть (Анк. Вн 7); 2. насыпная горка (Анк. Рв 4 Тр 4).

висп'я выступ скалы (Анк. Крв 28).

висп'яток выступ скалы (Анк. Жт 6 Лв 8).

виступ выступ скалы (Анк. Ив.-Фр. 3 Крв 13, 26, 35, 38, 45, 49, 51).

- вишар** низменность, поросшая травой (Анк. Тр 4).
- виямка** небольшой овраг (Анк. Крв 35).
- виямок** углубление на дороге (Анк. Зп 7).
- віярок** неглубокий овраг (Гринч., УРС, Жилко, Анк. Вн 4 Дн 1, 3 Жт 6, 11 Зп 1, 5, 6 Крв 31, 32, 36 Лв 8 Пл 2 Хм 2 Чрк 1, 2 Чрнг 2).
- вівіз** 1. возвышение на дороге (Анк. Ив.-Фр. 1); 2 (Граб.) см. **вівіз** 1.
- вілкіди** склон горы (Гринч., УРС, Дубр., Анк. Вн 4 Жт 6, 10).
- віднога** 1. ответвление горы, отрог (Желех., отсюда же Гринч., УРС, Дубр., Анк. Жт 10 Лв 5 Рв 1, 2 Тр 5); 2. подножье горы (Анк. Рв 1, 2).
- відножина** ответвление горы, отрог (Гринч.).
- відріг** 1. ответвление горы, отрог (УРС); 2. подножье горы (Анк. Вн 6 Жт 10).
- відсоння** 1. сторона горы, повернутая к солнцу (Анк. Лв 5); 2. солнечная сторона (Дубр.).
- відхлань** 1. бездна, пропасть (УРС, Желех., Дубр.); 2. неожиданное в определенном месте углубление (Анк. Рв 1, 2).
- віківня** дорога, проложенная в возвышенной местности, находящаяся между высокими холмами, глубокий проезд (Анк. Лв 4).
- вір** долина между двумя горами (Рулв.).
- вісна** возвышенное открытое место — «белебень» (Льс. Мат.).
- вістрів** мокрая заболоченная низменность (Анк. Лв 3).
- влбога** впадина, долина (Кмит, Ников.) см. еще **улога**.
- водомиї** стешной овраг (Анк. Тр 4).
- водорий** вымоина, рытвина, промоина (Дубр.).
- водотока** русло весеннего или дождевого потока (Дубр.).
- возвіз** подножье горы (Анк. Дн 4).
- возерці** низменная местность, долина (Анк. Лв 4).
- возлббок** покатошь, склон (Гринч.).
- вокіп** (Анк. Лв 3 Хм 1, 4, 5) см. **окіп**.
- вбоко** углубление в скале, из которого течет вода (Анк. Лв 5).
- вбрне** крутой холм, который можно пахать сверху вниз (Анк. Лв 8).
- ворбинка** впадина на вершине горы (Анк. Вн 4).
- впадіна** 1. долина между двумя горами или холмами (Анк. Зп 4 Крв 28, 50 Чрк 1); 2. углубление на вершине горы (Анк. Вн 5 Зп 5, 6 Крв 4, 11, 26, 40, 44, 45, 46 Чрк 1).
- вусаїй** мокрая низменность (Анк. Лв 3).
- гавінь** пропасть, дыра (Яворн.).
- гавра** дырка, яма (Черемш.).
- гаджіна** горное пастбище — «полонина» (Желех., Шух.).
- галбне** груды земли (Верх. Бат.).
- гало** 1. низинная болотистая местность (Льс. Мат.); 2. круглая поляна в лесу (Гринч., Жилко); 3. круглое место на озере, не заросшее водорослями (Гринч.).
- гальовина** возвышенное и открытое место (Анк. Кв 11).
- гат** ямы, небольшие долины — «видолинки» (Черемш.).
- гата** высокая гора (Кмит).

- гендзэва ров, канава (Моск).
 герла долина, в которой есть ручей (Льмар.).
 гженда хребет горы (Граб.).
 гипа крутая гора (Граб., Шух.).
 гирла расселина (Янув, Ze stos.).
 гіл горный хребет (Граб.).
 гірка возвышенность, холм (Анк. Крв 18 Льв 2).
 гірця возвышенность, холм (Врх. Бат.).
 глегул тропинка между высокими горами (К.-Ч.).
 глыбина углубление в почве неопределенной формы (Анк.См 3 Чрнг 4, 5, 6).
 глибинка небольшой ров возле ж.-д. полотна (Льс.).
 гліжа 1. обрыв, подмытый водой (Гринч.); 2. большая гряда земли (Анк. Зп 5, 6); 3. пропасть (Дубр.).
 глинище углубление в почве (Анк. Вн 4).
 глинянка впадина на вершине горы (Анк. Жт 13).
 гбвда 1. гора (без подробного описания) (Анк. Тр 5); 2. пустое поле (Граб.).
 гола вершина горы (Анк. Льв 1).
 голяня пустое поле (Врх. Бат.).
 гбліця голая, без растительности гора (Желех., Кмит, Анк. Льв 1 Тр 3).
 голбівця горная местность с холодными ручьями (Гринч., Льмар.).
 головніця отверстие в скале, из которого течет вода, источник (Врх.Зя., оттуда же Гринч., Граб.; Желех., Анк. Жт 4, Льв 8).
 голбвця горный источник (Анк. Жт 11).
 голя 1. голая вершина горы (Врх. Лем., оттуда же Гринч.; Анк. Жт 3, 4, 6, 11, 12 Крв 29 Льв 8 Чрк 1, 8); 2. гора без растительности (Анк. Вн 4).
 гомок куча земли, бугор (Врх. Лем., оттуда же Гринч.; Врх. Зя. УР).
 горб 1. гора (в общем значении) (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 1, 4, 6, 7, 8, 9 Дн 1, 3, 4, 5, 6, 7 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 Зп 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Кв 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18 Крв 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51 Льв 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Нк 1, 2 Од 1 Пл 1, 2, 3 Рв 1, 2 Тр 1, 2, 3, 4, 5, 6 Хм 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 2, 3, 6, 11, 13, 14, 15); 2. возвышенность (в общем значении) (Анк. Кв 2, 16 Льв 2, 3 Тр 3, 6 Чрнг 23); 3. вершина горы (Анк. Тр 1, 2, 3); 4. возвышение на дороге (Анк. Чрнг 3); 5. верховье (о реке) (Гринч.).
 горб 1. невысокая отлогая горка, холм (Гринч., УРС, Желех., Рудн., Анк. Вл 1 Вн 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 2, 3, 5, 7, 9 Жт 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12 Зп 1, 2, 3, 4, 7 Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Кв 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 Крв 5, 8, 10, 14, 18, 19, 21, 28, 37, 41, 47, 48, 50 Льв 1, 2, 3, 6, 8 Нк 1, 2, 3 Пл 1, 2, 3 См 1, 4, 5 Тр 4, 5, 6 Хм 8 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 2, 3, 4, 5, 6, 13, 14, 15); 2. возвышенность (в общем значении) (Анк. Дн 1 Жт 1 Крв 2, 3, 4, 6, 7, 20, 24, 26, 34, 38, 39, 40, 44, 45, 51); 3. холм в лесу, заросший деревьями (Анк. Кв 5, 10, 11 Чрк 1); 4. возвышение на дороге (Анк. Вн 8

Лв 6 Хм 7 Чрнг 1); 5. возвышенное и открытое место (Анк. Кв 3, 5); 6. гора (в общем значении) (Лв 5, 7).

горба́ка холм, пригорок (Гринч., Анк. Вн 4, Жт 6, 9, Зп 4).

горба́нья «шильный горб» (Кмит).

горби́ 1. (Анк. Кв 4, 12, 13, 14, 15 Пл 1, 2, 3 Хрк 1 Чрнг 2,4) *см.* горб 1; 2. (Штибер) *см.* горб 6.

го́рбик 1. невысокая отлогая горка, холм (Писк., Анк. Зп 5, 6 Крв 9, 12, 43); 2. крутое взгорье, которое можно пахать сверху вниз (Анк. Вн 8); 3. небольшая земляная насыпь (Анк. Хм 7).

го́рбина невысокая отлогая горка, холм (Желех.).

го́рбки 1. возвышенность (в общем значении) (Апк. Лв 3); 2. склон горы (Анк. Тр 2).

го́рбова́тина 1. возвышенная и холмистая местность (Желех.); 2. луг на возвышенности (Желех.).

го́рбова́ина возвышенность, выпуклость на поверхности земли (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 4 Жт 1, 4, 5, 6, 11, 12 Зп 5, 6 Кв 9 Крв 9 Нк 2 Пл 2 Хрк 1 Чрк 2, 4 Чрнг 5).

го́рбк 1. холм, пригорок (Штибер, Анк. Ив.-Фр. 1 Крв 19, 27, 33 Лв 2, 3 Хм 4, 5, 6, 7); 2. небольшая земляная насыпь (Анк. Жт 1 Лв 3 Хм 7); 3. возвышение на дороге (Анк. Ив.-Фр. 1 Хм 7); 4. гора (в общем значении) (Анк. Лв 2 Рв 1, 2 Тр 4); 5. холм в лесу, поросший деревьями (Анк. Тр 3).

го́рбочок возвышение на дороге (Анк. Вн 1 Ив.-Фр. 3 Хм 7).

го́рга́н 1. вершина горы (Желех., Рудн., К.-Ч., Анк. Ив.-Фр. 1); 2. гора (Шух.).

го́ргане 1. камни на горе (Граб.); 2. каменная гора (Граб.).

го́ргани 1. продолговатые хребты гор (Черемш.); 2. завалы каменных глыб на вершухах гор (Черемш.).

го́рла́ха 1. глубокая яма (Анк. Чрнг. 1); 2. яма для хранения зерна (Гринч.).

го́рница поле, которое идет под гору (Кмит).

го́ру́нья горка (Кмит).

го́рьявца гора (Кмит).

го́ряне долина потока (Анк. Вн 1.).

го́стряк шниц, острие (Дубр.).

грабови́ще крутая возвышенность (Анк. Чрк 4).

гра́д берег, суша (Моск.).

градина низменность возле реки (Анк. Од 1).

го́рби́нь гребень горы или подобного ей возвышения (Гринч., УРС, Дубр.).

го́рбля 1. насыпной холм (Анк. Жт 1 Тр 4); 2. небольшая земляная насыпь (Анк. Чрк 1); 3. плотина (Гринч.).

го́регит 1. скалы (Черемш.); 2. место, где мелкие камни (Шух.).

го́регота мелкий камень (Кобыл.).

го́рейди возвышение на дороге (Анк. Кв 4).

го́рехит 1. мелкие камни (Граб.); 2. голая скалистая гора (Граб., Желех.); 3. каменистое поле (Желех.).

го́рди́жина крутой склон горы, круча (Анк. Ив.-Фр. 1).

го́рбля 1. горный хребет (Граб., Желех.); 2. плотина (Желех.).

- грѡпа** 1. горное пастбище — «полонина» (Желех.); 2. долина, котловина на полонине (Граб., Анк. Жт 4, 6, 11 Ив.-Фр. 1, 2 Крв 28 Тр 6).
- грот** пещера (Анк. Зп 4 Крв 10).
- грѡга** (Онат., К.-Ч., Дубр.) *см.* грот.
- груд** 1. невысокая отлогая горка, холм (Гринч., Анк. Жт 6, Кв 16 Рв 1, 2 Чрпг 3, 5, 11, 14); 2. возвышение на болоте, где косят сено (Лыс. Мат.).
- грудѡ** (Гринч., Дубр.) *см.* груд 1.
- грудѡга** отломанный кусок скалы (Анк. Ив.-Фр. 4).
- грудѡе** куча земли (Желех.).
- грудѡи** ровное сухое место на болоте, где косят сено (Лыс. Мат.).
- грудѡка** отломанный кусок скалы (Анк. Ив.-Фр. 3).
- грудѡви** невысокая горка, холм (Анк. Чрпг 14).
- грудѡк** 1. невысокая горка, холм (Желех., Дореш., Лыс. Мат., Анк. Жт 13 Кв 16); 2. возвышенность посреди низменности (Анк. Рв 1, 2).
- грудѡле** куча земли (Желех.).
- грун** 1. холм (Гринч., Анк. Лв 8 См 1); 2. холмик на склоне горы (Кмит).
- грунище** скалы (Желех.).
- грювь** 1. вершина горы (УРС, Желех., Граб., Рудн., Жилко, Черемш., Анк. Ив.-Фр. 1, 4); 2. горный хребет (Шух., отсюда же Гринч.; Дубн.); 3. гора, покрытая лесом (Граб.); 4. холм (Желех., Граб., Анк. Лв 8); 5. небольшие холмы, которые еще можно пахать (Кмит).
- грюда** 1. остров в плавнях (Гринч., Дубр.); 2. гребень острова, не затопленный водой (Гринч.); 3. сухое место на реке, где паромы садятся на мель (Желех., Рудн.); 4. гряда (Кмит).
- грюдина** 1. твердая земля между болотами (Гринч.); 2. полоса земли, находящаяся выше поверхности по сторонам (Гринч.).
- гуджули** дюны, заросшие травой и деревьями (Анк. Пл 2).
- гужи** большие камни (Анк. Вн 3).
- гущень** холм в лесу, заросший деревьями (Анк. Вн 3).
- дѡбер** (Анк. Лв 3) *см.* дѡбр 3.
- дѡбр** 1. глубокий овраг, заросший лесом (Желех., Анк. Вн 4, 6 Жт 3, 6, 8, 10, 11, 12 Ив.-Фр. 1 Кв 9 Крв 18, 28, 33, 37, 42 Лв 6, 8 Чрпк 1); 2. глубокий овраг (Анк. Лв 3); 3. густой лес (Онат., Анк. Вн 1 Жт 1, 3 Кв 6 Рв 1, 2).
- дѡбра** (Желех., Анк. Лв 2, 3 Тр 5) *см.* дѡбр 1.
- дѡбре** (Рудн.) *см.* дѡбр 2.
- дѡбри** 1. (Анк. Рв 4) *см.* дѡбр 1; 2. степной овраг (Анк. Вл 1 Вн 1).
- дѡбриця** глубокий овраг, заросший лесом (Желех.).
- дѡбри** (Граб.) *см.* дѡбр 1.
- дѡбро** овраг (в общем значении) (Анк. Лв 6).
- дѡбря** 1. (Дзендз., Анк. Ив.-Фр. 2) *см.* дѡбр 1; 2. заросший склон горы (Анк. Лв 1); 3. пропасть (Рудн.).
- дѡжбир** (Рудн.) *см.* жбир.
- дѡзьѡб** острая вершина горы (Анк. Вн 4).
- дѡзьѡбало** острая вершина горы (Граб., Анк. Жт 16).
- дѡзьѡмб** (Анк. Хм 8) *см.* дѡзьѡб.
- дикари** самородные камни (Анк. Чрпг 5).

дикáрь род камня (Гринч.).

дiбрóва 1. низменность, заросшая лесом (Анк. Лв 3); 2. глубокий овраг, заросший лесом (Анк. Дн 3); 3. дубрава (Гринч., УРС, Желех.)

дiл¹ 1. долина, низ (Гринч., УРС, Анк. Вн 4, 5 Дн 1 Жт 2, 3, 10, 11, 12 Кв 5, 9 Крв 9, 10, 18, 19, 30, 37, 42 Лв 1, 2, 3, 5, 8 Нк 2, 3 Рв 1, 2 Тр 5 Хм 8 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 3); 2. низменность (в общем значении) (Анк. Лв 3); 3. широкая низменность (Анк. Крв 13, 31, 32, 44); 4. низменность возле реки (Анк. Крв 40) *см.* еще дол.

дiл² 1. горный хребет (Желех., Рудн.); 2. вершины горы — «купола горы» (Федьк.); 3. гора, которая делит два села, долины (Рудн.). 4. зеленая гора (Дзездз.); 5. холм, пригорок (Граб.); 6. водораздел — «вододiл» (Кмит).
дiлок водораздел — «розграничення водiв» (Кмит).

дно глубокая и узкая долина (Анк. Вн 9).

дол (Анк. Ив.-Фр. 3 См 3 Чрнг 5) *см.* дiл¹ 1.

доли́на 1. долина (Гринч., УРС, Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 4, 5, 7, 8 Дн 1, 2, 3, 4, 5 Жт 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12 Зп 1, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 3, 4 Кв 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 Крв 1, 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 14, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 43, 44, 45, 50, 51 Лв 1, 2, 3, 4, 5, 6, 8 Нк 2, 3, 4 Од 1 Пл 1, 2, 3 Рв 1, 2, 4 См 1, 2, 3, 4, 5 Тр 1, 2, 3, 4, 5, 6 Хм 1, 3, 4, 5, 6, 7 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 3, 4, 6 Чрнг 1, 2, 3, 4, 5, 6, 11, 13, 14, 15); 2. низменность, заросшая травой (Анк. Крв 34 Лв 6, 7 Тр 1, 2, 5); 3. равнина (в общем значении) (Анк. Вн 1, 8, 9 Жт 4 Кв 4, 10 Хм 7); 4. широкая низменность (Анк. Жт 1 Кв 10, 11 Крв 8, 11, 13, 31, 32, 44); 5. мокрая низменность (Анк. Хм 2); 6. низменность возле речки (Анк. Вн 1 Ив.-Фр. 3 Крв 33); 7. низменность, заросшая лесом (Анк. Хм 8); 8. мокрое место между взгорьями (Анк. Вн 5); 9. подножье горы (Анк. Лв 1); 10. степной овраг (Анк. Кв 5).

драгóвiнá 1. глубокая пропасть (Анк. Тр 2); 2. мокрая низменность (Анк. Вн 9); 3. болото (Гринч., УРС, Желех.).

дрáя ровик, вымытый в более мягкой части скалы между более твердыми слоями, по которому во время дождя стекает вода (Граб.).

дри яма, вытоптанная скотом (Врх. НЗн.).

дриягóвiнá 1. (Анк. Крв 6) *см.* драгóвiнá; 2. углубление, из которого течет вода (Анк. Чрк 4); 3. (Гринч., Желех.) *см.* драгóвiнá 3.

дуча яма (Дубр.).

дúчка 1. дыра, яма, грязная лужа (Черемш.); 2. узкая дыра (Шух.).

езвiр глубокий овраг (Шух., отсюда же Граб.).

éзвiро глубокая рытвина в горах, наполненная водой (Гринч., Дубр.).
еруга (Граб.) *см.* ярúта.

ябир 1. скала, гора (Врх. Лем., отсюда же Гринч.); 2. острая вершина горы (Анк. Лв 1); 3. малодоступное место (Граб.); 4. заросший холм между долинами (Рудн.); 5. горка (Врх. Лем., Анк. Ив.-Фр. 1); 6. луг с кустами (Желех.); 7. бесплодное пастбище (Желех.); 8. остров на реке (Желех.).

ябирь 1. холм на склоне горы (Кмит); 2. пригорок между двумя долинами потока — «коли два однонапрáмнi потоки високочуть так землю, що

вчиниться дві поточини, а між ними горбок, його називають жбирь» (Кмит); 3. сенокос, порослий кустами (в горах) (Врх. Зн., оттуда же Гринч.); 4. нанос в реке, мель (Гринч.); 5. холм (Анк. Зп 1).

жґрима очень крутой склон, обрыв (Нимч. Тези).

жлобінка долина потока (Граб. Анк. Жт 13).

жлуб долина между двумя горами (Граб., Анк. Жт 6).

жблїб (Гринч., Анк. Вн 6 Жт 8, 9 Лв 1, 3, 7, 8 Чрк 1) см. жблбб 1.

жблбб 1. глубокая и узкая долина (Гринч., Анк. Вн 4 Дн 6, 8 Жт 1, 3, 4, 6, 8, 11, 12 Зп 4, 8, 9 Ив.-Фр. 1, 3 Кв 3, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 Лв 1, 5, 8 Рв 4 Тр 1, 5 Хрк 1 Чрк 1, 3, 4); 2. долина между двумя горами или вагорьями (Шух., оттуда же Граб., Анк. Вн 4, 5, 6 Дн 1 Жт 1, 4, 11 Лв 3 Тр 5 Хрк 1 Чрк 1, 4); 3. долина потока (Граб., Рудн.); 4. низменность (в общем значении) (Анк. Кв 10).

жолбїна 1. долина между двумя горами или возвышенностями (Гринч., Граб., Анк. Вн 4 Жт 1, 6, 8, 11 Ив.-Фр. 4 Кв 6, 7, 8, 11 Лв 8 Тр 3, 5 Чрк 4); 2. яма, большой ров (Врх. НЗн); 3. долина потока (Желех., Анк. Хм 2).

жолбїни расселины в скале — «вижолоблення, розколини в скалі» (Кмит, оттуда же Рудн.).

жолобовина долина между двумя горами или вагорьями (Анк. Рв 4).

жблуб 1. (Анк. Лв 3, 4 Тр 2, 4) см. жблбб 1; 2. (Анк. Рв 1, 2, 3, 4 Тр 1, 2, 4) см. жблбб 2.

жомб 1. глубокое место в реке, выбитое водой (Врх. Зн УР, Лем.); 2. лужа (Врх. Зн УР, Лем.).

заббра на днепровских порогах гряда камней, перерезывающая русло поперек течения (Гринч., Анк. Дн 4, 5, 14 Зп 8, 9).

заввалина 1. место, где провалилась земля (Кмит); 2. впадина (Кмит).

завбзиско место, где почва глубоко запала (Врх. Лем., оттуда же Гринч.).

завбзиско см. завбзиско.

завіс 1. крутой склон горы, часть горы, которая свисает (Врх. Зн., оттуда же Гринч., Граб.; Желех., Анк. Жт 4, 12 Лв 8); 2. крутой отвесный берег (Желех., Анк. Жт 4 Кв 3 Лв 8).

завіс (Врх. Зн. УР, оттуда же Гринч.; Врх. Зам.) см. завіс 2.

завісь (Желех., Врх. Зн., оттуда же Граб.; Анк. Зп 5, 6) см. завіс 1.

завбї крутобережные поляны возле речки (Врх. Поч.).

загір'я местность за горой (Гринч., УРС, Желех.).

заглибина впадина на земной поверхности неопределенной формы (Желех., Анк. Зп 2 Кв 2 См 5).

заглибина (Анк. Вн 6 Дн 1 Жт 4, 6 Зп 3 Ив.-Фр. 4 Лв 8 Нк 3 Пл 2 Чрк 3, 4) см. заглибина.

заглуб впадина на земной поверхности неопределенной формы (Желех.).

заглубїна (Желех., Яворн.) см. заглибина.

загбра местность, расположенная за горой (Яворн.).

задбїна небольшой овраг (Граб., Анк. Вн 4 Жт 5, 6, 11, 12 Ив.-Фр. 1 Кв 10 Лв 8 Чрк 4).

замбори места под снегом с ямой и водой в яме (Яворн.).

закал трещина (Федьк.).

- закінь** (Желех., Граб., Рудн., Анк. Вл 1 Дн 3 Жт 10 Лв 8) *с.м.* за́гнѣнь.
- закіп шахта** (Яворн.).
- закіглина** 1. долина (Онат.); 2. котловина (Желех.).
- закло** часть местности, окруженная с трех сторон оврагами (Льс. Мат.).
- закѡп окоп** (Яворн.).
- закѡпанецъ** оврагами окруженный холмик или такая же возвышенность — «зворами окружений горбок або така ж вижина» (Врх. Поч.).
- залим** расщелина в скале, крутой изгиб — *załom skalny, ostra krzywizna* (Рудн.).
- за́лом** 1. крутой берег реки с промоинами и обрывами (Анк. Дн 14 Зп 8, 9); 2. долина, впадина (Анк. Хм 7); 3. место в лесу, где лежит бурелом (Шух., отсюда же Гринч., Граб.).
- замок** возвышенность (в общем значении) (Анк. Тр 4).
- занѡга** 1. место между двумя горами (Шух., отсюда же Граб.); 2. рукав речки (Желех.).
- запа́дєнь** впадина в земной поверхности неопределенной формы (Гринч., Анк. Вн 4 Жт 6 Крв 42 Лв 8 Чрк 4).
- запа́дина** 1. впадина на земной поверхности неопределенной формы (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 4, 5, 6, 8 Дн 1, 3, 6, 7, 8, 10, 11 Жт 1, 3, 4, 6, 10, 11, 12 Зп 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 4 Кв 3, 6, 7, 8, 9, 10 Крв 4, 10, 15, 16, 18, 23, 28, 29, 30, 33, 36, 37, 38, 41, 44, 48, 49, 50 Лв 2, 5, 6, 8 Пл 2, 3 Рв 1, 2, 4 См 3, 5 Тр 3, 4, 5, 6 Хм 8 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 2, 4, 5, 6); 2. глубокий овраг (Анк. Вл 1 Вн 2, 4, 5 Дн 1 Жт 1, 4, 5, 6, 11, 12 Зп 4, 5, 6 Кв 3, 9, 10 Крв 4, 18, 19, 28, 32, 33, 44 Лв 2, 5, 7, 8 Пл 2 Рв 1, 2, 4 Хм 8 Чрк 3 Чрнг 1); 3. долина между двумя горами или взгорьями (Анк. Жт 10, 12 Зп 4 Кв 3 Крв 13, 14 Хм 2); 4. углубление на месте водоема (Анк. Крв 19, 20 Чрнг 5); 5. долина потока (Анк. Крв 49); 6. овраг (в общем значении) (Анк. Чрнг 4)
- запа́днє** глубокий овраг (Анк. Лв 2).
- запа́днї** 1. глубокий крутой овраг (Гринч., УРС, Желех., Рудн., Анк. Вн 4, 5 Дн 1, 3, 5 Жт 4, 6, 12 Кв 4, 9, 10 Крв 9, 17, 18, 28, 34 Лв 2, 5, 7 Пл 3 Рв 1, 2 Тр 1, 2 Хм 1, 3, 4 Чрк 3, 4); 2. углубление в земной поверхности неопределенной формы (Анк. Лв 2 Тр 2); 3. углубление на месте водоема (Анк. Крв 37).
- запа́дѡк** глубокая долина, впадина (Гринч., Анк. Дн 1 Жт 2 Чрк 2).
- запа́дї** «баюра, калюжа» (Моск.).
- запісок** низкое песчаное место (Анк. Чрнг 5).
- запісоч** небольшая отлогая насыпь песка возле речки (Гринч., Анк. Жт 4, 6, 8, 11 Крв 18, 28, 29, 42).
- заплав** мокрая заболоченная низменность (Анк. Вн 4).
- запла́ва** (Гринч., Анк. Вн 6 Дн 1, 3 Жт 3, 5, 6 Зп 4 Кв 6, 10 Крв 9, 42 Нк 2, 3 Чрнг 5) *с.м.* запла́в.
- запла́внї** мокрая заболоченная низменность (Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 4, 6, 11 Кв 6, 7, 8, 9, 10 Крв 8, 13, 32, 33, 42, 47 Чрнг 2).
- за́рва** 1. крутой склон горы (Желех., Анк. Вн 4 Ив.-Фр. 1, 4); 2. пропасть, бездна (Гринч., Граб., Врх. Поч., Анк. Жт 5, 10, 11 Лв 8).
- зарва́нїцє** крутая скала (Граб.).

збрана крутая гора (Анк. Тр 4).

заринок 1. каменистый луг над речкой (Гринч., Желех., Граб., Рудн.); 2. незаросшие кустами каменистые берега реки, потока (Гринч., Желех., Граб., Рудн., Черемш.); 3. небольшая песчаная насыпь возле речки (Анк. Ив.-Фр. 2).

зари́чки низменность возле речки (Анк. Тр 4).

зари́чок 1. заливная низменность возле речки (Моск.); 2. рукав речки (Гринч.).

зари́ччя низменность возле речки (Анк. Лв 3).

зарбг место, находящееся за рогом, за мысом (Яворн.).

заросль возвышенный луг (Анк. Кв 4).

засив 1. оползень (Граб.); 2. пропасть (Граб.).

засбв (Желех) см. засив.

заступні вымытые водой ямы, обрывы (Врх. Поч.).

засу́в 1. крутой склон горы, круча (Анк. Вн 4 Жт 4, 10, 12 Ив.-Фр. 1 Кв 10 Лв 8); 2. осыпавшийся берег, пропасть — «засунений беріг, провал, боло» (Врх. НЗн.).

засу́ва 1. скала (Анк. Лв 1); 2. (Врх. Зн.) см. засу́в 2.

затинок склон горы, находящийся в тени (Анк. Вн 7 Зп 4, 5, 6 Кв 10 Крв 1, 3, 7, 8, 12, 18, 19, 20, 24, 26, 27, 40, 43, 45, 46, 47, 49, 50).

зати́нь склон горы, не освещенный солнцем (Желех., Граб., Рудн., Анк. Вл 1 Вн 4, 5, 6, 8 Дн 1 Жт 3, 4, 6, 8, 10, 11, 12 Ив.-Фр. 1 Кв 1, 2, 3, 9 Крв 28, 29, 36, 37, 38 Лв 1, 5, 7, 8 Рв 1, 2, Тр 5 Чрк 1, 3, 4 Чрнг 1).

зби́ч склон горы (Гринч., Желех., Анк. Вн 4 Жт 4, 6, 10 Лв 2, 3, 7, 8 Рв 1, 2 Тр 1, 2, 3, 4, 6).

зб́очина склон горы (Анк. Чрнг 1).

зб́очні склон горы (Анк. Тр 2).

зб́бчя склон горы (УРС, Анк. Вн 4, 6 Жт 4, 6, 10 Ив.-Фр. 4 Кв 9 Крв 2, 4, 9, 29 Лв 2, 3, 8 Чрнг 5).

звал 1. куча камней (Желех.); 2. вал, насыпь (Желех.).

зв́бла скала (Желех.).

зверть пропасть (Врх. Поч.).

звир 1. овраг (Гринч., УРС, Врх. Поч., Черемш., Анк. Ив.-Фр. 1, 2 Нк 2); 2. долина потока или речки в горах (Граб., Нимч., Тези); 3. сухая долина, соединяющаяся с речной долиной (Граб.); 4. долина между горами, тесно прилегающими друг к другу (Рудн.); 5. горный источник (Нимч. Тези) см. еще езвир, ізвир, ізвирь, ізв́ор, ізвори.

звор долина (Писк.).

зв́орина овраг (Анк. Ив.-Фр. 1).

зв́орище 1. овраг (УРС); 2. пропасть (Анк. Жт 1 Ив.-Фр. 1 Лв 8).

згир'е склон холма, горы (Желех.).

згирка небольшая горка, холм (Анк. Жт 1).

згирок небольшая горка, холм (Гринч., УРС, Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 1, 5, 6 Крв 7, 9, 14, 17, 37 Лв 2, 8 Нк 2 Пл 2 Чрк 3, 4).

згир'я 1. небольшая горка, холм (Гринч., УРС, Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 12 Зп 5, 6 Кв 4 Крв 28, 29, 51 Чрк 4); 2. взгорье (УРС).

зд́блинок 1. углубление почвы (Гринч., Анк. Вн 4, 6 Дн 1 Жт 4, 6 Кв 5

Крв 23); 2. овраг (Анк. Крв 34); 3. долина между двумя горами или возвышенностями (Анк. Крв 31, 32).

злам отдельно стоящий обломок скалы (Анк. Лв 8 Крв 5, 9, 11, 15, 50).

злім отдельно стоящий обломок скалы (Рудн., Анк. Вн 4, 6 Жт 3, 4, 6, 8, 10, 11, 12 Лв 8 Тр 4).

злога склон (Дубр.).

злом (Анк. Вн 4, 6) *см.* злім.

зміївина глубокий овраг (Моск.).

зомкля 1. пропасть, поросшая лесом (Желех.); 2. склон — «спад, згірря, похил» (Врх. НЗн.); 3. скалистый выступ горы (Анк. Лв 1).

збмпля (Желех.) *см.* зомкля 1.

зруб гора, на которой полосами чередуются пастбище и лес (Анк. Кв 11).

з'рудло источник в скале (Анк. Лв 5, 7).

зуб острая вершина горы (Анк. Вн 4).

зубіч склон горы (Кремер).

ізвір глубокий овраг (с водой) (Черемш.) *см.* еще звір.

ізвір дикое заросшее место (Кобыл.) *см.* еще звір.

ізвбр источник, из которого поступает вода в водоем (Моск.) *см.* еще звір.

ізвори глубокие овраги, пропасти (Жилко, Яворн.).

кавдбня углубление в болоте (Дорош.).

ка́гов гора, заросшая лесом вся, кроме вершины (Анк. Кв 10).

кадовба углубление на дороге (Анк. Чрнг 3).

ка́довбина 1. место с невысыхающей водой в лощине — «видолинку» (Прийм.); 2. небольшая прорубь (Гринч.).

казанок 1. западина круглой формы (Анк. Кв 10); 2. водоворот — «вир, пучина, круговорот» (Врх. НЗн.).

калабані (Янув, Gwaga) *см.* калаба́ня 3.

калаба́ня 1. углубление на месте водоема (Анк. Лв 3); 2. углубление на дороге (Анк. Хм 1); 3. лужа (Гринч.).

калантир лужа после дождя (Дорош.).

калевина углубление на дороге (Анк. Чрнг 5).

калюга углубление на дороге (Анк. Хм 4 Чрнг 5).

камінець галькой покрытый берег (Врх. Лем.).

камінка каменная гора (Анк. Вн 4 Тр 4).

камі́нник 1. яма в песке (Анк. Ир.-Фр. 3); 2. галькой покрытый берег (Врх. Лем.).

камі́нниця каменная гора (Анк. Ир.-Фр. 3).

ка́м'яниця 1. (Анк. Вн 4 Лв 1) *см.* ка́мі́нниця; 2. галькой покрытый берег (Врх. Лем.).

ка́м'янка (Анк. Вн 4) *см.* ка́мі́нка.

ка́м'януха каменная гора (Анк. Кв 10).

канава 1. углубление в почве неопределенной формы (Гринч., УРС, Анк. Вл 1 Вн 4, 5, 6, 8, 9 Дн 1, 5, 6, 7, 8, 10, 11 Жт 1, 3, 4, 6, 7, 11, 12 Зп 1, 2, 3 Ир.-Фр. 2, 3, 4 Кв 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 15, 16 Крв 5, 7, 8, 9, 10, 12,

14, 15, 17, 18, 19, 20, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 33, 38, 43, 45, 46, 49 Лв 8 Нк 4 Пл 2, 3 Рв 1, 2, 4 См 1, 3, 5 Тр 5 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 1, 2, 3, 4, 5, 11, 13, 14, 15); 2. вырытое искусственное углубление (Анк. Кв 4, 11 Крв 38 Хм 2); 3. западина круглой формы (Анк. Зп 2 Крв 41); 4. долина потока (Анк. Чрнг 1, 2); 5. долина между двумя горами или возвышенностями (Анк. Крв 31, 32); 6. небольшой овраг (Анк. Крв 18).

кадабуля впадина на болоте (Прйм.).

кара́лівка холмик в лесу, засаженный сосной (Анк. Тр 1).

квосо 1. приток, который снабжает водой пруд (Пал.); 2. ручей, вытекающий из пруда (Пал.) *см.* еще **фоса**.

кемна гора, формой напоминающая подкову (Анк. Вн 4);

кѣчери (Шух., отсюда же Граб.) *см.* **кѣчера**.

кѣтиця 1. гора, заросшая лесом только на вершине (Шух., отсюда же Граб., Анк. Вн 6 Жт 3, 4, 10, 11, 12 Лв 2, 6 Нк 3); 2. гора, только на вершине покрытая снегом (Шух., отсюда же Гринч.).

кѣчера 1. гора, покрытая лесом, кроме вершины (Желех., Шух., отсюда же Гринч.; Рудн., Черемш., Анк. Жт 4, 10, 11, 12 Лв 6, 8 Ив.-Фр. 1); 2. крутая гора, обросшая лесом (Врх. Зн.); 3. вершина горы (Федьк.) *см.* еще **кѣчера**.

кѣчѣрка 1. (Желех.) *см.* **кѣчера** 1; 2. (Врх. Зн.) *см.* **кѣчера** 2.

кѣбець (Анк. Жт 10) *см.* **копець**.

кѣзѣвер крутое взгорье, которое можно пахать сверху вниз, возвращаясь с плугом порожняком (Гринч., Анк. Вн 6 Жт 4, 6, 11 Лв 8).

кѣпець 1. (Анк. Вн 4 Жт 10 Лв 2 Хм 7) *см.* **копець** 1; 2. место, от которого расходятся три-четыре дороги (Анк. Хм 3).

кѣлівна 1. долина круглой формы (УРС, Анк. Дн 3 Жт 6, 11 Ив.-Фр. 1 Крв 18); 2. котловина, место, со всех сторон окруженное горами (Рудн.).

кѣтлиха впадина круглой формы (Анк. Тр 2).

кѣтлови́на 1. котловина (Гринч., УРС, Анк. Вн 4, 6 Дн 3 Жт 4, 6, 11 Зп 5, 6 Ив.-Фр. 4 Кв 9 Крв 10, 26, 28, 42, 45 Чрк 4); 2. долинка на горном пастбище — «положине» (Граб.).

кѣчера гора (Граб.) *см.* еще **кѣчера**.

кѣлива 1. незаросшая голая вершина горы (Желех., Врх. Поч., Граб., Анк. Жт 3, 4, 11, 12 Ив.-Фр. 1 Лв 8 Крв 29); 2. гора (Рудн.); 3. камни в лесу (Рудн.); 4. «розсоха, розгір'е, kluft» (Врх. НЗн.).

ковба́йна ухаб на дороге (Анк. Дн 4).

ковба́нка небольшая впадина с водой (Ващ. Х ДН).

ковба́ня 1. глубокая яма, наполненная водой (Гринч.); 2. яма в реке, море (Гринч.).

ковбу́р яма в воде, выбитая падением последней (Гринч.).

ковдо́бина ухаб (Гринч.).

ковдба́шка глубокая яма, которая остается на лугу после наводнения (Лыс. Мат.).

ковтба́а глубокая яма, оставшаяся на лугу после наводнения (Лыс. Мат.).

ковто́бина глубокая яма, оставшаяся на лугу после наводнения (Лыс. Мат.).

- колиба** ухабы, ямы на дороге (Янув, Gwaga).
- колибина** ухабы, ямы на дороге (Янув, Gwaga).
- колобана** ухаб на дороге (Анк. Вн 9).
- колодець** глубокая яма (Анк. Кв 6).
- колодѳбина** ухаб (Гринч.).
- коломія** глубокий ухаб, наполненный водой (Гринч., Желех.).
- колудар** низменность, долина (Моск.).
- кѳльба** колдобина, яма, наполненная водой в весеннее, осеннее, в дождливое время (Яворн.).
- кѳльбах** (Яворн.) *см.* кѳльба.
- колябуха** ухаб (Анк. Хм 3).
- кѳлятина** углубление в скале (Анк. Зп 4).
- кѳпанка** 1. глубокая яма (Анк. Вн 9); 2. вырытая искусственная впадина (Анк. Жт 2); 3. маленький выкопанный прудик (Гринч.); 4. яма, выбитая дождем (Врх. Зн.); 5. углубление в почве неопределенной формы (Анк. Жт 10 Кв 16).
- копѳц** 1. (Врх. Бат., Анк. Чрнг 5) *см.* коцець 1; 2. примитивный кагат, куча картофеля, присыпанная землей (Льс. Мат).
- копець** 1. земляная насыпь (Желех., Анк. Жт 1, 5, 6, 12 Ив.-Фр. 1 Кв 9, 12 Крв 3 Лв 1, 4, 7, 8 Рв 1, 2 См 4 Чрк 3, 4 Чрнг 3, 4, 6, 11); 2. межевой знак (Гринч., Черемш., Желех.); 3. небольшая яма для обозначения чего-нибудь (направления, места и т. д.) (Прийм.); 4. «могила» (Жилко); 5. холм — «корієс» (Янув, Gwaga) *см.* еще кібѳць, кіпѳць.
- коріто** 1. долина между двумя горами или возвышенностями (Анк. Вн 4); 2. русло реки (Гринч.).
- корчі** гора, на которой полосами чередуются пастбища и лес (Анк. Лв 1).
- коса** 1. низменность возле речки (Анк. Кв 4); 2. небольшая отлогая насыпь песку возле речки (Анк. Кв 5, 10 Нк 2 Чрк 4).
- косогір** 1. склон горы или возвышенности, косогор (Гринч., УРС, Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 4, 5, 6, 8 Дн 3, 4 Жт 1, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 12 Зп 3, 4, 5, 6, 7 Кв 6, 7, 8, 10, 11, 12, 17 Крв 1, 4, 6, 7, 10, 12, 13, 14, 16, 18, 24, 26, 28, 35, 36, 37, 40, 41, 42, 45, 47, 48, 49, 51 Лв 8 Нк 1, 2 Пл 2, 3 Рв 1, 2 Тр 4 Хм 2, 5, 6, 7 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 3, 4 Чрнг 2, 3, 11, 13, 14); 2. крутое взгорье (Анк. Вн 5 Кв 5 Крв 38, 41).
- косогір'я** склон горы или возвышенности (Анк. Крв 11).
- косогор** (Анк. Тр 1, 3 Чрнг 5, 6) *см.* косогір.
- костіш** склон горы (Льмар.).
- котѳл** 1. углубление земной поверхности круглой формы (Желех., Анк. Вн 4, 5, 6, 8 Дн 1, 3 Жт 3, 6, 8 Ив.-Фр. 3, 4 Кв 4 Крв 18, 33 Пл 2 Тр 5 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 4); 2. котловина, долинка на горном пастбище (Граб.); 3. горная впадина (Дзенда.) *см.* еще котѳол.
- котелѳбина** небольшое углубление, ухаб (Желех.).
- котилѳва** углубление на дороге (Анк. Ив.-Фр. 2).
- котлован** 1. котловина (Анк. Зп 4 Лв 2 Крв 10, 14, 27, 29, 30, 35, 41, 43, 49 Чрнг 4, 5); 2. степной овраг (Анк. Крв 12).
- котлѳвина** (Желех., Анк. Вн 5 Дн 1 Жт 1, 5, 9, 12 Зп 1, 4, 5, 6 Кв 3, 5, 6, 7, 8, 10 Крв 4, 11, 13, 17, 51 Нк 1 Ол 1 Рв 4 Тр 4 Хрк 1 Чрк 1, 2 Чрнг

1, 3, 5, 11, 14) *см.* кітловіна 1; 2. углубление на вершине горы (Анк. Крв 51).
котёль (Анк. Кв 4) *см.* котёл.

кошовиця мокрая заболоченная низменность (Анк. Лв 3).

крейдянка возвышенность (без подробного описания) (Анк. Тр 4).

крекотні глубокий овраг, заросший лесом (Анк. Рв 1).

кремениці (Граб.) *см.* кремениця 1.

кремениця 1. кремнистая гора (Желех., Анк. Вн 6 Жт 4, 6, 11, 12); 2. мелкие камни (Граб.); 3. вид твердой глины (Желех.).

круг 1. сеножать на низком месте (Лыс.); 2. небольшой пруд или озерцо на поле или в лесу (Лыс.); 3. полукруглая часть берега (Рудп.); 4. участок поля (Гринч.).

круглик 1. углубление земной поверхности круглой формы (Анк. Чрк 4); 2. гора (без подробного описания) (Анк. Тр 2).

крутізна крутой склон (УРС, Желех., Анк. Вн 4, 5, 6, 8 Дн 1, 5, 7 Жт 4, 6, 10 Зп 4, 5, 6 Ив.-Фр. 1 Кв 2 Крв 4, 9, 13, 22, 23, 28, 29, 31, 32, 33, 37, 38, 47 Лв 2, 8 Нк 2, 3 Пл 2, 3 Хрс 1, 2 Чрк 4 Чрнг 5, 6).

крутобережжя высокий крутой берег (Гринч., Анк. Вн 2, 3, 4, 6 Дн 1, 3, 7, 8 Жт 3, 6, 8, 10, 11, 12 Зп 4 Кв 3, 9, 10 Крв 10, 13, 17, 50 Нк 2 Пл 2, 3 См 1 Хрк 1 Хрс 1 Чрк 4, 5 Чрнг 2, 4, 6).

крутовина склон, спуск (Гринч., Анк. Вн 4, Дн 1 Жт 4, 6, 10, 12 Кв 3 Крв 4, 9 Лв 2, 8 Нк 2 Рв 1, 2 Чрк 4).

крутогір крутая гора (Анк. Вн 4).

крутогора (Анк. Вн 4) *см.* крутогір.

крутоспуск 1. крутой склон горы (Анк. Вп 4, 6 Дн 1 Жт 1, 6, 10, 11, 12 Кв 3, 9, 10 Крв 4, 9, 13, 18, 28 Лв 2, 6, 8 Пл 2 Хрс 1, 2 Чрк 4 Чрнг 4); 2. крутой берег (Анк. Крв 5, 50); 3. крутой спуск (Яворн.).

крутосхил крутой склон горы (УРС, Анк. Вн 4, 5, 6 Дн 1 Жт 1, 4, 6, 10, 11, 12 Кв 3, 10 Крв 4, 5, 9, 18, 20, 28, 31, 32, 44 Лв 2, 8 Нк 2 Чрк 4).

крутояр 1. глубокий крутой овраг (УРС, Анк. Вн 4, 5 Дн 1 Жт 6, 11, 12 Зп 5, 6 Крв 9, 13, 18, 29, 32, 37, 50 Лв 8 Нк 2, 3 Тр 4 Хрк 1 Хрс 1 Чрк 3 Чрнг 13); 2. пропасть (УРС).

круча 1. крутой склон горы (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Жт 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 16 Зп 1, 3, 4, 5, 6 Ив.-Фр. 4 Кв 1, 2, 3, 4, 6, 7, 9, 10, 11, 17 Крв 1, 2, 3, 5, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 21, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51 Лв 2, 5, 6, 8 Нк 1, 3, 4 Од 1 Пл 1, 2, 3 См 1, 2, 4 Тр 3, 4, 5 Хм 1, 4, 8 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 2, 3, 5, 6, 14, 15); 2. пропасть (Гринч., УРС, Анк. Дн 2 Крв 6, 10, 15); 3. крутой берег (Желех., Анк. Зп 7 Кв 4, 10 Крв 48); 4. возвышенность (в общем значении) (Анк. Крв 49); 5. глубокое место в реке (Гринч.); 6. лес (Анк. Хм 7).

крушки кругое взгорье (Анк. Лв 1).

кряж 1. возвышенность, кряж (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вл 1 Вн 4, 6 Дн 1, 3, 5, 6, 7, 8 Жт 6, 12 Зп 3, 4, 5, 6, 7 Кв 4 Крв 18, 28, 37 Пл 2 Хрс 1, 2); 2. гряда гор (Дубр.).

кув'етак углубление (без подробного описания) (Анк. Крв 11).

ку́гава 1. скалистое ущелье (Врх. Зн., отсюда же Гринч.; Желех.); 2. пропасть (Врх. Зн., отсюда же Гринч., Желех.).

ку́ев быстрый каменистый поток в лесу (Шух., отсюда же Гринч.).

ку́єви вершины гор (Шух.).

купа 1. возвышение на дороге (Анк. Ив.-Фр. 3); 2. небольшая насыпь земли (Анк. Лв 3); 3. кочка на болоте (Гринч.); 4. скалистые голые кряжи («У південно-східній частині Хмельницької області товтрові кряжі місцево населення ще називає їх за конусоподібну форму «купами» — Бабыш.).

ку́пинá 1. небольшая земляная насыпь (Анк. Вн 4 Ив.-Фр. 2 Лв 3, 5, 7); 2. искусственная насыпная горка (Анк. Ив.-Фр. 2); 3. кочка (Гринч.).

ку́пійка небольшая земляная насыпь (Анк. Лв 1).

ку́піна (Граб.) см. кúпинá.

ку́пнік небольшой горбик среди болота, заросший травой (Лыс. Мат.).

куп'я — «купини на болоті» (Лыс. Мат.).

кургáн 1. насыпной холм, искусственная возвышенность (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вл 1 Вн 4, 5, 6 Дн 1, 3 Жт 3, 4, 5, 6, 11, 12, 13 Зп 3, 4, 5, 6 Кв 5, 10 Крв 4, 9, 10, 17, 18, 29, 33, 37, 42, 50 Пл 2 Рв 3 См 1, 3, 5 Хм 6 Хрк 1 Хрс 1 Чрк 3, 4 Чрнг 1, 2, 3, 4, 5, 11, 14, 15); 2. возвышенность (Анк. Жт 13 См 5).

курочка каменистая гора (Анк. Жт 2).

кучка небольшая насыпь (Анк. Жт 5).

кучугур (Анк. Кв 3) см. кучугу́ра 1.

кучугу́ра 1. холм (Гринч., УРС, Желех., Анк. Зп 4, 5, 6 Крв 25, 27, 41); 2. насыпная горка, искусственная возвышенность (Анк. Вн 4, 8 Крв 39, 50); 3. песчаная насыпь (Анк. Дн 1,5 Рв 1, 2).

кучугу́ри холмистая местность (Гринч.).

кучурга́н 1. холм (Анк. Дн 3 Жт 11 Од 1 Чрк 4); 2. насыпная горка, искусственная возвышенность (Анк. Дн 1, 3 Жт 11 Чрк 4); 3. высокий обрывистый холм (Онат.); 4. большой песчаный холм (Яворн.).

ку́ява 1. крутой холм (Желех., отсюда же Гринч.); 2. пустое место (Рудн.).

куяльник ручей (Яворн.).

лаз 1. равнинный луг (Нимч.); 2. горный луг (Нимч.); 3. лесная поляна (Гринч., Желех.).

ланцю́г гряда (УРС).

лева́да 1. низменная местность, долина (Желех., Анк. Крв 3, 18, 35, 45, 46); 2. мокрая низменность (Анк. Крв 41); 3. низкое песчаное место (Анк. Крв 26); 4. лесок на низменности из кустов (особенно лецины) (Кремер); 5. отгороженное или обкопанное место сенокоса вблизи усадьбы (Гринч.).

леть крутая скала (Врх. НЗн.).

лиса́к обнаженный берег или возвышенность (Врх. Зн., отсюда же Гринч.; Желех.).

лиса́ня обнаженная гора (Желех., отсюда же Гринч.; Рудн.).

лиси совокушность небольших гор (Анк. Тр 4).

лисогір (Анк. Крв 50) см. лисогора́.

лисогора́ гора без растительности (Желех., Анк. Вн 2, 3, 4, 5, 6, 8 Жт

1, 3, 4, 5, 6, 8, 10, 11, 12 Кв 2, 9 Крв 2, 3, 5, 6, 8, 10, 11 Лв 1, 2, 8 Нк 1 Рв 1, 2 Тр 4 Хрк 1 Чрк 1, 2, 4).

лисуха гора без растительности (Анк. Кв 10).

лисяк (Желех., отсюда же Гринч.) см. лисак.

лівобережжя низменность на левом берегу реки (Анк. Крв 18, 34).

лісогора гора, на которой полосами чередуются пастбище и лес (Анк. Вн 4).

лісогорб холм в лесу, заросший деревьями (Анк. Вн 4).

лісояр овраг, заросший лесом (Анк. Тр 4).

лоб 1. возвышенное и открытое место (Анк. Рв 4); 2. возвышенность (в общем значении) (Анк. Крв 31).

лобняк возвышенность на равнине (Анк. Зп 10).

логи углубление на месте водоема (Анк. См 3).

логовина углубление на месте водоема (Анк. Крв 30).

ложбина 1. углубление, пещера (Желех.); 2. низменность (в общем значении) (Анк. Дн 4).

ложок сухое русло (Гринч., Анк. Жт 6, 12 Лв 8 Нк 2 Пл 2 См 2 Чрк 4 Чрпг 5, 6).

лбзья низменность, заросшая лесом (Анк. Тр 5).

лбнка (Анк. Лв 3) см. лука.

лопбка 1. известняковая горка — «височина з опоки» (Анк. Лв 3); 2. камень (Анк. Лв 3).

лбціна 1. небольшой овраг (Гринч., УРС, Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 2, 5, 6, 7 Жт 1, 4, 5, 6, 8, 12, 13 Зп 1, 3, 4, 5, 6 Кв 3, 4, 5, 10, 12 Крв 2, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 20, 21, 24, 25, 26, 28, 30, 31, 32, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51 Лв 2, 8 Нк 2, 4 Од 1 Пл 2, 3 См 1 Тр 4 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрпг 1, 2, 3, 4, 5, 6, 11, 15); 2. степной овраг (Анк. Зп 2 Хм 1); 3. возвышенный луг (Анк. Кв 3, 12); 4. низменность (в общем значении) (Анк. Чрпг 13); 5. прогалина в лесу (Желех.).

лопбвіна 1. небольшой овраг (Гринч., УРС, Анк. Вл 1 Вн 4 Жт 6, 12 Зп 4 Лв 8 Кв 12 Крв 9, 27, 44); 2. возвышенный луг (Анк. Кв 3).

луг 1. низменность, поросшая травой (УРС, Писк., Анк. Вл 1 Вн 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 2, 3, 4 Жт 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12 Зп 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15 Крв 4, 8, 10, 11, 13, 18, 19, 24, 25, 26, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 37, 48, 50 Лв 8 Нк 2, 3 Од 1 Пл 1, 2, 3 Рв 4 См 3, 4, 5 Тр 1, 2, 3, 5 Хм 6 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрпг 1, 2, 3, 4, 6, 11, 14, 15); 2. низменность, поросшая лесом (Гринч., Анк. Вн 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 3, 4 Жт 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12 Ив.-Фр. 1, 3 Кв 3, 9, 12 Крв 4, 8, 10, 18, 30, 36, 37, 38, 50 Рв 1, 2, 3 Тр 4 Хм 7 Чрк 2, 3, 4 Чрпг 2, 13); 3. низменность (в общем значении) (Анк. Кв 5); 4. низ местность возле речки (Рудн., Анк. Ив.-Фр. 1 Кв 10 Крв 9, 10, 44); 5. низкая местность (Граб., Крв 95); 6. лес на низменности (Гринч.); 7. лес на низменных местах возле речки (Писк., Анк. с. Омельник Кировоградской обл.) 8. выкорчеванная местность (Граб.).

луга 1. заболоченная низменность (Анк. Тр 2); 2. широкая низменность (Анк. Рв 4).

лугбѣвина 1. место, где раньше был луг (Гринч., Анк. Крв 37, 41, 42); 2. низменность, поросшая травой (Анк. Вн 4 Кв 4 Чрнг 4); 3. низменность возле речки (Желех.).

лугбѣвинка 1. место, где раньше был луг (Анк. Вл 1 Вн 4, 6 Дп 1, 3 Жт 6, 11, 12 Кв 16 Чрнг 6 Чрк 4); 2. старое русло реки, долинка (Граб.).

лужайка небольшой луг возле речки (Нимч.).

лужина низменность, поросшая травой (Гринч., Желех., Анк. Вн 4, 6 Дп 1 Жт 6, 11 Зп 5, 6 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 4).

лужок 1. углубление на месте водоема (Анк. Кв 10); 2. лесок на низменности (Дубр.).

лук мокрая низменность, поросшая травой (Анк. Крв 2 См 2 Чрнг 4).

лукá низменность, поросшая травой (Гринч., УРС, Желех., Рудн., Анк. Вн 3, 4, 6 Дп 1, 3 Жт 1, 5, 6, 11, 12 Ив.-Фр. 1 Кв 2, 6, 7, 8, 9, 10 Крв 1, 6 9, 10, 11, 14, 16, 18, 23, 24, 28, 29, 35, 40, 41, 44, 45, 46 Лв 1, 8 Нк 2, 3 Тр 5, 6 Хрк 1 Чрнг 1, 2).

лукáнь низменность, поросшая травой (Гринч., Анк. Вн 4).

лўки (Анк. Дп 4, 6, 7, 8 Зп 4, 5, 6, 7 Пл 1, 2 Хрк 1) см. лукá.

лїдо 1. холм в лесу, заросший сосной (Гринч., Жилко, Анк. Жт 4, 11 Лв 8 Чрк 3); 2. поляна в лесу (Лыс. Мат.).

лякá грида (Гринч.).

ма́гура высокая гора (Гринч., Анк. Жт 10 Лв 1, 8).

магу́ра 1. (Граб.) см. ма́гура; 2. высокая отдельная гора (Рудн.); 3. гора (Шух.) см. еще макура.

мазанка небольшая насыпь (Анк. Ив.-Фр. 3).

майдáн 1. место на склоне горы (Граб.); 2. возвышенное и открытое место (Анк. Тр 5); 3. лесная поляна (Врх. Зн., отсюда же Гринч.; Желех.).

макїтра котловина (Гринч., Дубр.).

ма́ковиця вершина горы (Гринч., Желех.).

ма́кортет(ь) котловина, впадина (Гринч., Дубр., Анк. Крв 47; «Ідутъ нашї молодцїями, макортети та балки їм нїпочїм, не зблукують» — Манжура).

макортник источник (Анк. Крв 43).

ма́котерть котловина (Гринч.).

макура высокая гора (Граб.).

ме́душ заболоченная низменность (Анк. Лв 3).

межигі́р'я долина между горами, ущелье (Гринч., УРС, Желех.).

мі́ска углубление на вершине горы (Анк. Тр 4).

міжгі́р'я (УРС, Желех., Анк. Вн 2, 3, 4, 6 Дп 1 Жт 4, 5, 6, 10, 11 Зп 5, 6 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 6, 9, 10, 14 Крв 4, 5, 17, 18, 19, 28, 29, 30, 33, 37, 39, 41, 42, 47, 50 Лв 2, 8 Нк 3 Пл 2, Рв 12 Тр 4 Хрк 1 Хрс 1 Чрк 3 Чрнг 2) см. межигі́р'я.

мла́ка 1. заболоченная низменность (Анк. Лв 8); 2. трясина (Гринч.); 3. заливной луг (Дубр.).

млаковина трясина; заливной луг (Дубр.).

могі́ла 1. искусственное земляное возвышение, курган (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вл 1 Вн 3, 4, 5, 6 Дп 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10 Жт 1, 3, 4, 5,

6, 7, 9, 11, 12 Зп 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 3 Кв 3, 4, 5, 6, 7, 8; 9; 10, 11, 12 Крв 1, 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 36, 38, 40, 41, 42, 43, 45, 46, 47, 49, 51 Лв 2, 3, 5, 6, 7, 8 Нк 1, 3, 4 Од 1 Пл 2, 3 Тр 5, 6 Хм 2, 7 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4, 5 Чрнг 1, 2, 11, 13, 14, 15); 2. возвышенность (в общем значении) (Анк. Кв 2 Крв 5, 14, 25, 39); 3. куча (например, камней) (Граб.).

моги́лка небольшая земляная насыпь (Анк. Зп 4).

моги́лки искусственное земляное возвышение, курган (Анк. Дн 4 Кв 11).

мокба́ 1. естественное место, заливаемое водой (Гринч., Лыс.); 2. мокрая, болотистая местность (Моск.).

моклáк мокрая низменность (Анк. Лв 3).

мокрець мокрое место между взгорьями (Анк. Чрк 4).

мокрáк 1. заболоченная низменность (Анк. Лв 3); 2. болото (Гринч.).

мокрáчка место между взгорьями (Анк. Лв 1).

мбчар 1. мокрая заболоченная низменность (Анк. Вн 1, 4, 5, 9 Жт 10 Ив.-Фр. 1 Крв 1, 3, 35, 40 Лв 1, 2, 7 Рв 4 Тр 1, 2 Хм 5, 8); 2. трясына, низинное место с подпочвенными водами (Гринч.); 3. мокрое место между взгорьями (Анк. Крв 33).

мбчари 1. (Анк. Лв 5) см. мбчар 1; 2. (Анк. Лв. 3, 5) см. мбчар 3.

мочариско мокрое место между взгорьями (Ан. Тр 1, 2).

мочаридь заболоченная низменность (Анк. Крв. 3).

мбчи заболоченная низменность (Анк. Ив.-Фр. 2).

моши́я горное пастбище — «полонина» (Желех., К.-Ч.).

навiса крутой склон горы, круча (Анк. Ив.-Фр. 2).

навiдсовнi склон горы, повернутый к солнцу (Анк. Крв. 35).

на́мiт искусственный холм — «могила» (Рудн.).

нанос небольшая отлогая песчаная насыпь возле речки (Анк. Дн 7 Чрк 4).

на́сип 1. искусственное земляное возвышение, холм (УРС, Желех., Анк. Вн 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 3, 5, 11 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12 Зп 1, 2, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 3, 4 Кв 2, 3, 4, 9, 10, 12, 16, 17 Крв 1, 3, 4, 5, 8, 9, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 33, 35, 36, 37, 38, 41, 42, 43, 44, 45, 48, 50 Лв 1, 3, 5, 8 Нк 1 Од 1 Пл 1, 2, 3 Рв 4 См 1, 3, 5 Тр 5 Хм 1, 2, 4, 6, 7, 8 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2, 3, 4, 5, 6, 13, 14, 15); 2. небольшая песчаная насыпь возле речки (Анк. Крв 17, 50); 3. небольшая возвышенность, холм (Анк. Крв 9, 39, 46).

на́спа невысокая песчаная насыпь (Анк. Кв. 17).

нахил склон горы (Анк. Хм 4).

низ пониженная местность, долина (Гринч., Лыс. Мат., Анк. Вл 1 Вн 2, 4, 6 Дн 1, 3, 5, 11 Жт 1, 3, 5, 6, 11, 12 Зп 1, 2, 3, 5, 6 Кв 5, 9, 10, 16, 17, 18 Крв 4, 8, 10, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 26, 27, 28, 37, 40, 42, 45, 49, Лв 2, 3, 5, 8 Нк 1 Пл 2, 3 Рв 4 См 1, 3 Тр 5 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 2, 3, 4 Чрнг 1, 2, 5, 11, 13, 14, 15); 2. равнина (в общем значении) (Желех., Анк. Дн 11 Крв 6, 20, 34, 35, 38, 48, 49, 51 Чрнг 3); 3. широкая равнина (Анк. Крв 31, 32, 44); 4. равнина возле речки (Анк. Крв 9); 5. низменность, заросшая травой (Анк. Крв 2, 4).

ни́зень 1. пониженная местность, долина (Желех.); 2. равнина (Желех.)

низві́на́ 1. пониженная местность, долина (Желех., Анк. Крв 33, 38 Хм 6 Чрнг 4); 2. равнина (в общем значении) (Желех., УРС, Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 4, 5, 6, 7 Дн 1, 2, 3, 5 Жт 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12 Зп 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9 Ив.-Фр. 1, 2, 4 Кв 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 12, 17 Крв 1, 2, 4, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 16, 18, 19, 20, 21, 22, 24, 25, 26, 28, 30, 31, 34, 36, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 50, 51 Лв 2, 7, 8 Нк 1, 2, 3, 4 Од 1 Пл 2, 3, Рв 1, 2, 3, 4 См 1, 2 Тр 5 Хм 5, 6 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 2, 3, 4 Чрнг 2, 3, 4, 5, 6, 13); 3. равнина возле речки (Анк. Вн 5 Жт 1 Кв 12 Крв 33, 44, 47); 4. низменная местность, заросшая травой (Анк. Крв 9).

низві́на́ 1. равнина (в общем значении) (Гринч., УРС, Желех., Писк., Анк. Вн. 2, 3, 4, 5, 6 Дн 1, 5, 10 Жт 1, 5, 6, 8, 11, 12 Зп 1, 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 4 Кв 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 Крв 4, 9, 10, 13, 16, 17, 19, 21, 27, 28, 29, 30, 32, 34, 42, 44, 45, 48, 50 Лв 2, 7, 8 Нк 2, 3 Пл 2, 3 Рв 1, 2 См 5 Тр 5 Хм 1, 8 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 1, 2, 5, 6), 2. равнина, заросшая травой (Гринч., Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 4, 5, 6 Дн 1, 3 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 7, 11 Зп 5, 6, 7 Ив.-Фр. 4 Кв 5, 6, 7, 8, 9 Крв 1, 3, 4, 10, 14, 22, 27, 30, 32, 42, 50 Лв 2, 8 Нк 3 Од 1 Пл 3 Рв 1, 2 Хм 6 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 1, 2, 5, 6); 3. равнина на берегу реки (Анк. Вн 5, 8 Крв 19, 47).

низовини (Анк. Лв 5) *см.* **низві́на́ 1.**

низотá 1. равнина (в общем значении) (Желех.); 2. пониженная местность, долина (Желех.).

низь пониженная местность (Желех.).

низькодїл пониженная местность, долина (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 11, 12 Кв 10 Крв 18, 19, 37, 48 Лв 8).

но́ра 1. пещера (Желех., Писк.); 2. источник (УРС, Желех., Граб., Рудн. Дзенда., Анк. Кв 10).

обі́рвище обрыв (УРС, Анк. Вн 4 Жт 5, 10 Зп 5, 6 Кв 10 Крв 9 Лв 2 Чрк 3, 4).

обі́ч 1. склон горы (Желех., Граб., Анк. Вн 8 Дн 1 Жт 4, 6, 10 Ив.-Фр. 1, 4 Лв 1, 8); 2. склон горы над водой — «стіна гори над водою» (Рудн.); 3. дорога по склону горы (Граб., Рудн.) *см.* еще **ббоч.**

облаз 1. обрыв, круча (Гринч., УРС, Желех., Рудн.); 2. скала (УРС); 3. крутая гора (Федьк., Дубр.); 4. крутой склон горы (Анк. Жт 6, 12 Ив.-Фр. 1 Лв 1); 5. дорога через гору (Желех., Граб., Федьк., Шух.); 6. выступ горы на дороге (Граб.); 7. невысокий заросший хребет горы (Граб.).

обміть 1. крутой обрыв (Анк. Дн 1 Жт 4, 11 Кв 9, 10); 2. водоворот с быстрым течением (Гринч.).

оболане луговая изменчивость (Льс. Мат., Анк. Лв 2, 7) *см.* еще **болбне.**

оболбня (УРС, Льс. Мат., Анк. Вн 5, 6 Ив.-Фр. 1 Кв 5, 6, 7, 8, 9 Лв 4, 5, 8 Тр 5, 6 Чрнг 11, 14, 15) *см.* **болбня.**

оболбнь (Гринч., УРС, Льс. Мат., Анк. Вн 6 Кв 6, 7, 8 Лв 8 Тр 5 Хм 5 Чрк 5) *см.* **боловь.**

ббоч (Граб., Анк. Жт 6 Ив.-Фр. 1 Лв 8) *см.* **обі́ч 1.**

обоча склон, скат (Дубр.).

обочина склон горы (Анк. Жт 12).

обря́в 1. обрыв (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 4, 6, 8, 9 Дн 1, 3, 5 Жт

1, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12 Зп 1, 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1 Кв 1, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 10, 12, 16, 17 Крв 4, 13, 16, 17, 18, 19, 21, 25, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 37, 42, 43, 44, 47 Лв 2, 5, 6, 7, 8 Нк 1, 2, 3 Од 1 Пл 2, 3 Рв 1, 2 См 1, 4 Хм 2, 6, 7 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 2, 3, 4, 5, 6, 13); 2. крутой отвесный берег (Анк. Крв 1, 2, 11, 17, 20, 24, 28, 39, 40, 44, 45, 48, 50); 3. сторона дороги— «бік дороги» (Анк. Хм 4).

обрива (Анк. Зп 4) *см.* обрив 1.

обриви (Анк. См 3) *см.* обрив 1.

бдміт крутой склон горы, круча (Анк. Кв 10).

одміть тихое место на порогах меж скалами (Дубр.).

озерянина высохшее озеро, место, где было озеро (Гринч., Анк. Вн 4 Жт 6 Лв 8 Чрк 4).

окіп 1. ров с валом (Гринч., УРС, Желех., Врх. Бат., Анк. Вн 3, 4, 5, 8 Жт 3, 4, 6 Кв 6, 7, 8, 10, 13, 14, 15 Крв 18, 19, 21 Нк 2 Пл 1, 2, 3 Рв 1, 2, 3 См 1, 2, 3, 4 Тр 2, 4, 5, 6 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрнг 2, 4); 2. глубокая и узкая долина (Анк. Крв 31, 32).

окоп (Анк. Вн 3 Дн 1, 5 Жт 12 Зп 3, 4, 5, 6 Кв 12 Крв 4, 23, 38, 41, 45 Лв 5 Рв 4 См 1, 2 Хрк 1 Чрнг 3, 4, 5, 6, 15) *см.* окіп 1.

овони (Анк. Тр 2) *см.* окіп 1.

омут углубление на месте водоема (Анк. Вн 9).

бпадка впадина, углубление (Гринч.).

опадчина склон (Желех.).

опбка 1. скала, меловая скала (Желех.); 2. кусочки белой глины (Анк. Лв 3, 4); 3. глинистая или известняковая почва (Анк. Рв 1, 2); 4. камень (Беринда).

осік лес (на горе) (Жилко).

осбви место, повернутое к солнцу (Шух., оттуда же Гринч. и Граб.).

осовна 1. склон горы, повернутый к солнцу (Анк. Вн 4 Жт 4, 6, 11);

2. скальный оползень (Рудн.).

осбвня (Желех.) *см.* осовна.

осоння склон горы, повернутый к солнцу (Анк. Дн 3 Кв 10 Крв 40).

оступ углубление на месте водоема (Анк. Зп 4).

откіс склон горы (Анк. Дн 2).

бтміть русло речки (Лыс.).

очирёт глубокий обрыв (Анк. Тр 2).

пагірок (Онат., Писк.) *см.* пагброк.

пагорб небольшая отлогая горка, холм (УРС, Анк. Вл 1 Вн 4, 5, 6, 8 Дн 1, 3 Жт 3, 5, 6, 7, 11, 12 Зп 4, 5, 6 Кв 4, 5, 9, 10, 13, 14, 15 Крв 4, 9, 10, 16, 18, 19, 36, 42, 44, 46, 50 Лв 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8 Нк 3 Пл 4 Тр 4 Чрк 1, 4 Чрнг 1, 2, 3, 4).

пагорбок небольшая отлогая горка, холм (УРС, Анк. Вл 1 Вн 1 Крв 1, 4, 5, 7, 8, 19, 20, 23, 24, 31, 32, 33, 34, 38, 49, 51 Хм 3, 8 Чрнг 2, 6, 15).

пагброк невысокая горка, холм (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вл 1 Вн 4, 5, 6 Дн 1 Жт 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12 Зп 4, 5, 6 Ив.-Фр. 4 Лв 2, 3, 5, 8 Нк 1 См 4 Тр 6 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрнг 1, 2, 5) *см.* ~~пагброк~~ пагірок.

- пад 1.** низменное место (Гринч., Анк. Жт 5); 2. терраса (Желех.).
- паді** (Гринч., Писк.) см. пад 2.
- падіна 1.** небольшая круглая долина (Гринч., УРС); 2. долина между двумя горами или холмами (Анк. Вн 4, 5 Дн 3 Жт 3, 4 Крв 1, 30, 31 Нк 2 Чрк 1, 2).
- паділ** низменная местность, долина (Гринч., Анк. Лв 5).
- падъ 1.** небольшая круглая долина (Гринч., УРС); 2. обрыв, пропасть (Желех., Писк.); 3. долина между двумя горами или возвышенностями (Анк. Вн 6 Нк 2).
- па́луба** пустага, впадина (Врх. Лем., отсюда же Гринч.).
- па́лука** низина, заросшая травой (Гринч., Желех.).
- па́смо** гряда гор (Гринч., УРС, Желех.).
- па́стувінь** низменность, заросшая травой (Анк. Рв 4).
- перэбалочок** небольшая ложина (Гринч., Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 6, 12 Зп 4; 5, 6 Крв 9 Чрнг 2).
- перевáл 1.** овраг (Анк. Кв 10 Чрнг 15); 2. перевал (УРС).
- перевáлля** крутой овраг (Гринч., Анк. Вн 4, 6 Жт 3, 6, 11 Ив.-Фр. 4 Кв 5, 10 Крв 9, 18, 28, 37 Тр 4 Хрс 1, 2 Чрк 1, 3, 4).
- перевалочок** небольшой овраг (Анк. Дн 1 Вн 4 Жт 12 Чрнг 5).
- перэгорок** невысокая отлогая горка, холм (Гринч., УРС, Анк. Вн 4 Кв 10, 12 Крв 9 Лв 8 Чрнг 5).
- передгір'я** предгорье (УРС).
- перэдóли** большие долины (Желех.).
- перэдóлина 1.** поперечная долина (Врх. НЗн.); 2. долина между двумя небольшими горками — «кливками» (Рудн.).
- перэкалка** грязные рвы, ручьи поперек дороги (Гринч.).
- перекіп 1.** канава (УРС, Желех.); 2. вал (Желех.); 3. перекопанное место (Гринч.).
- перелісок** возвышенный луг (Анк. Тр 4).
- перенізіна** поперечная долина (Желех.).
- перэнізь** долина между двумя небольшими горками — «кливками» (Граб., Рудн., Анк. Вн 6).
- перэсіп 1.** искусственное земляное возвышение (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 4, 5, 6, 8 Дн 1, 3, 5 Жт 12 Зп 5, 6 Кв 10 Крв 9, 22 Лв 6, 8 См 2 Тр 4 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 4, 5); 2. поперечная отмель (Желех.).
- перэсна** искусственное земляное возвышение (Гринч., УРС).
- перешійок** перешеек (УРС).
- перэхід** место перехода в горах (Гринч., Желех., Рудн.).
- перэярок** поперечный овраг (Гринч., УРС, Анк. См 4).
- песковатка** низкое песчаное место (Анк. Чрнг 5).
- печэра 1.** пещера (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 4, 5, 6, 7 Дн 3 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12 Зп 2, 5, 6 Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Кв 3, 7, 9, 10, 12, 16 Крв 1, 4, 7, 8, 9, 10, 13, 14, 18, 23, 25, 27, 28, 29, 30, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 44 49 Лв 5, 7, 8 Нк 1, 3, 4 Пл 1, 2, 3 Тр 1, 2, 3, 4, 6 Хм 1, 3, 4, 8 Хрк 1 Чрк 3, 4 Чрнг 2, 3, 13); 2. подмыв в реке под берегом, нора в берегу (Гринч., УРС).
- печері** (Анк. Дн 1) см. печэра 1.

печу́ра (Гринч., Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 4, 6 Зп 5, 6 Крв 36, 37, 41 Лв 8) *см.* печёра 1.

печу́рка пещера (Анк. Вн 4 Чрнг 5).

пеще́ра (Желех., Анк. Вн 8 Дн 5 Зн 4, 5, 6 Кв 4, 6, 8, 9 Крв 1, 11, 20, 22, 23, 27, 34, 37, 47, 48, 51 Нк 2 Чрк 5 Чрнг 4, 5) *см.* печёра 1.

пеще́ря (Анк. Дн 8) *см.* печёра 1.

пйсок мысок на реке (Гринч.).

пйчйн выбитая водой яма в липкой земле; края этой ямы твердеют и становятся как камень (Моск.).

пймена естественное углубление с водой (Дорощ.).

пйд 1. равнина (в общем значении) (УРС, Анк. Зп 8 Нк 1 Рв 1, 2 Чрк 3);

2. низменная местность, долина (Гринч., Анк. Нк 2, 3 Крв 12, 17, 33, 42 Чрк 3);

3. никогда не паханная местность, главным образом низменность (Ващ. 3 ист.) *см.* еще пйды.

пйвыщени́сть возвышенность (в общем значении) (Анк. Кв 10).

пйвыщени́я возвышенность (в общем значении) (Анк. Крв 9).

пйвстеп возвышенный луг с растительностью, переходной к степной (Анк. Вн 4).

пйдгйр местность возле подножья горы (Гринч., Анк. Вн 6 Дн 3 Жт 6, 10, 11, 12 Лв 3, 8).

пйдгйрок 1. склон горы (Гринч., Анк. Вн 2, 4, 5, 6 Дн 1 Ив.-Фр. 4 Крв 9, 10, 17, 42); 2. невысокая отлогая горка, холм (УРС, Анк. Дн 1 Вн 2, 4 Жт 5, 6, 11, 12 Зп 1, 5, 6 Кв 1, 3, 4, 10 Крв 9, 10, 17, 18, 19, 25, 33 Лв 2, 3, 8 Нк 2 Хрс 1, 2 Чрк 2, 3, 4).

пйдгйр'я местность возле подножья горы (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вл 1 Вн 2, 4, 5, 6, 8 Дн 1, 3, 4 Жт 1, 3, 4, 6, 7, 10, 11, 12 Зп 4, 5, 6 Ив.-Фр. 1, 2 Кв 10 Крв 4, 5, 8, 9, 13, 14, 18, 30, 33, 37, 39, 41, 45, 46, 50 Лв 2, 3, 5, 6, 8 Рв 1, 2 Тр 4 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2).

пйдгорбок возвышение на дороге (Анк. Хм 5).

пйдгорок (Анк. Зп 4 Чрк 5) *см.* пйдгйрок 2.

пйдгйрочка небольшой холм возле подножья горы (Гринч., Желех.).

пйдгйшак крутой холм, который можно пахать сверху вниз (Анк. Тр 4).

пйддйл подножье горы (Анк. Ив.-Фр. 1).

пйддолини низменная местность, долина (Анк. Лв 4).

пйдзаровй низменная местность, долина (Анк. Лв 4).

пйдйом возвышение на дороге (Анк. Крв 1, 2, 3, 12, 20, 34, 39, 49).

пйдлйб'я склон горы, расположенный в тени (Анк. Тр 3).

пйдмёт 1. низменная местность, где сеют коношлю (Писк., Ващ. 3 ист., Лыс. ДБ, Анк. Крв 41); 2. мокрая болотистая низменность (Анк. Крв 34); 3. низменность (в общем значении) (Дубн., Жилко, Анк. Крв 1, 3, 11, 31); 4. низменность возле речки (Анк. Крв 13, 32, 44); 5. углубление на месте водоема (Анк. Крв 34); 6. коношляник (Гринч.).

пйдмета (Анк. Крв 13, 31) *см.* пйдмёт 3.

пйдмйв крутой берег, подмытый морем (Анк. Зп 4).

пйднйжжя место возле самого низа горы, подошва горы (Гринч., Анк. Вл 1 Вн 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 2, 3, 4 Жт 1, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12 Зп 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 4 Кв 6, 7, 8, 9, 10 Крв 18, 19, 20, 21, 26, 27, 28, 30, 33, 34, 35).

36, 37, 40, 44, 45, 46, 47 Нк 1, 3 Пл 1, 2 Рв 1, 2 Тр 4, 5 Хрс 1, 2 Чрк 1, 3, 4 Чрнг 1, 2, 6).

підбіва место возле самого низа горы, подножье горы (УРС).

підстєп 1. возвышенный луг с растительностью, переходной к степной (Гринч., Анк. Вн 2, 3, 4, 5, 6, 8 Дн 1 Жт 3, 4, 6, 8, 9, 11, 12 Ив.-Фр. 2 Нк 2 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4); 2. местность, расположенная вблизи от степной (УРС).

підшипил острая вершина горы (Анк. Крв 47).

пик острая вершина горы (УРС, Анк. Вн 2, 4 Дн 4 Жт 6, 10, 11, 12 Зп 4, 5, 6 Ив.-Фр. 4 Крв 9, 16, 17, 28, 29, 37 Лв 5, 8 Нк 3 Пл 2 Хрс 1, 2 Чрк 3).

піски низменное песчаное место (Анк. Жт 3 Кв 5, 6, 7, 12 Крв 6)

піскова низменное песчаное место (Анк. Тр 1).

пісковата низменное песчаное место (Анк. Лв 1).

пісковатиці низменное песчаное место (Анк. Ив.-Фр. 3).

пісковина низменное песчаное место (Анк. Вн 1 Жт 1, 11 Кв 9 Чрк 1).

пісковисько низменное песчаное место (Анк. Тр 4).

пісковійце низменное песчаное место (Онат., Анк. Вн 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1 Жт 4, 6, 8, 11, 12 Зп 5, 6 Ив.-Фр. 2, 4 Кв 3, 9 Крв 4, 11, 17, 27, 36, 42, 50 Лв 8 Пл 2, 3 Тр 5 Хрс 1, 2 Чрк 1, 4).

піскувате низменное песчаное место (Анк. Дн 3).

піскуваха низменное песчаное место (Гринч., Онат.).

піскуп 1. низменное песчаное место (Анк. Крв 9, 18, 47 Чрк 4); 2. песчаная почва (Дубр.).

пісочник небольшая песчаная насыпь возле речки (Анк. Вн 4).

піщанка небольшая песчаная насыпь возле речки (Анк. Тр 4).

піщуган низменное песчаное место (Анк. Жт 5).

плав заболоченная низменность (Анк. Кв. 11).

плавині заросшее болото (Дорош.).

плавля затапливаемая низменность, болотистый луг (Гринч., Анк. Вн 4, 6 Жт 11 Кв 7 Нк 2 См 3, 4 Чрнг 5 Чрк 4).

плавні (Анк. Зп 2 Крв 9, 11 См 4 Чрк 1) *см.* плавня.

плавня заболоченная низменность (Гринч., УРС. Анк. Дн 1, 3, 4, 6, 8 Жт 4, 5, 11 Зп 4, 5, 6 Кв 6, 7, 8 Крв 9, 10, 11, 19, 22, 27, 31, 32, 50 Нк 1, 2, 34 Од 1 Пл 3 Хрк 1 Чрк 4 Чрнг 2, 14).

плавун заболоченная низменность (Анк. Кв 10).

плай 1. широкая тропинка, ведущая по горному хребту (Гринч., Желех., Граб., Рудн.); 2. дорога для конной езды (Шух.).

плаїчок дорога в горах (Шух.).

плато плато (УРС).

платіна (Желех., Дубр.) *см.* площині.

плєсо 1. глубокая яма в реке с водоворотом (Дзендз.); 2. расширенное незаросшее место в реке с медленным течением (Гринч., УРС).

плїта отдельно стоящий обломок скалы (Анк. Ив.-Фр. 2).

плбсїнь равнина (Врх. Зн., оттуда же Гринч.).

плбскїєт равнина (Желех.).

плоскогір'я плоскогорье (УРС).

плбца 1. равнина (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вл 1 Вн 3, 4, 6 Дн 1, 5 Жт 1, 3, 5, 6, 11, 12 Зп 1, 4, 5, 6 Ив.-Фр. 1 Кв 3, 12 Крв 4, 9, 10, 20, 37,

42, 44 Лв 1, 7 Нк 2 Пл 3 См 2, 4 Тр 5 Хм 3 Хрк 1 Чрк 4 Чрнг 1); 2. заболоченная низменность (Анк. Крв 37); 3. низменность возле речки (Анк. Крв 19, 31, 32).

площавина равнина (Желех.).

площівна 1. равнина (Гринч., УРС, Анк. Вл 1 Вн 6 Дн 1 Жт 1, 3, 5, 10, 11, 12 Зп 4, 5, 6, 8, 9 Нк 2 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрнг 1, 2, 5); 2. заболоченная низменность (Анк. Крв 37); 3. низменность на берегу реки (Анк. Крв 18, 19, 34, 42) *см.* еще плащина.

побáлки степной овраг (Анк. Зп 2).

побвало осыпавшаяся гора — «зсунена гора» (Врх. НЗн.).

поххта 1. яма с водой (Врх. НЗн, Кмит); 2. болото (Врх. НЗн., Кмит) *см.* еще похта.

погір'я склон горы, спуск (Желех.).

пода пониженная местность, долина (Анк. Хрк 1).

подброк холм (Анк. Чрнг 5).

пбді (Гринч., УРС, Анк. Дн 1 Жт 5 Нк 1, 2) *см.* під 2.

пбдіна 1. равнина (в общем значении) (УРС, Анк. Вн 4 Дн 3, 4 Зп 7, 8 Нк 2 Чрк 4 Чрнг 1); 2. пониженная местность, долина (Гринч., УРС, Анк. Дн 1, 10 Зп 4 Ив.-Фр. 1); 3. овраг (Граб.); 4. долина в лесу (Рудн.); 5. небольшое ровное место на склоне или вершине горы (Нимч.).

подинка равнина (Анк. Дн 4).

поділ 1. равнина (в общем значении) (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 6 Дн 1, 5 Жт 5, 12 Зп 3 Крв 4, 18, 20, 35, 42, 45, 48); 2. пониженная местность, долина (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 3, 4, 6 Дн 1, 14 Зп 3 Крв 4, 18, 20, 37, 42, 47 Лв 8 Хрк 1 Чрк 4); 3. глубокий овраг (Анк. Крв 37).

поділля 1. пониженная местность, долина (Гринч., УРС, Анк. Вн 4, 5, 6 Дн 1 Жт 12 Крв 30, 34, 37 Лв 8 Хрк 1 Чрк 4 Чрнг 1); 2. долина между двумя холмами (Анк. Крв 41, 42); 3. местность, пересекаемая долинами (Дубр.).

подбл (Анк. Чрнг 5) *см.* поділ 1.

пбйма заболоченная низменность (УРС, Анк. Дн 3, 6, 8 Жт 12 Зп 4 Кв 5, 10, 12 Нк 3 Пл 2 См 3 Хрк 1 Чрк 4 Чрнг 1, 2, 4, 5, 13).

покіт скат (Гринч.).

полá 1. каменная плита (Гринч.); 2. цельная («одностайна») скала (Желех., Врх. НЗн).

поліг 1. низменная местность возле реки (Гринч., УРС, Анк. Вн 4, 6 Дн 3 Жт 4, 6, 11 Ив.-Фр. 1 Крв 2, 3, 4, 10, 23, 24, 26, 35, 42); 2. равнина в общем значении (Анк. Вн 9); 3. скошенная трава (Черемш.); 4. покос (Гринч., Врх. НЗн).

полбг 1. (Писк., Анк. Чрнг 1, 2, 13) *см.* поліг 1; 2. (Желех.) *см.* поліг 2; (3. низменность возле речки, на которой сеют хлеб (Моск.).

пологвина низменность возле реки (Анк. Чрнг 4).

полбгі 1. низинная равнина по левым берегам рек (Гринч., Анк. Вн 4, 6 Дн 1, 5 Жт 3, 4, 6, 8, 11 Зп 3 Ив.-Фр. 1, 3 Кв 3, 9 Лв 8 Тр 4 Чрк 1, 4 Чрнг 5); 2. (Анк. Рв 1, 2) *см.* поліг 1; 3. (Дубр.) *см.* поліг 2.

полбніна 1. горная равнина, пастбище (Гринч., УРС, Желех., Граб., Рудн., Врх. Зн, Черемш., Штибер., Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 4, 10, 11 Ив.-Фр. 1, 2 Лв 1, 6 Хрк 1); 2. крутая гора — «aršica, stroga gōra» (Граб.).

- полянка** горная равнина, пастбище (Анк. Ив.-Фр. 2).
- поля́нка** возвышенный луг (Анк. Вн 8, 9 Крв 18).
- пони́зья** местность в нижнем течении реки (Гринч.).
- по́ричина** поле, расположенное над речкой (Врх. НЗн.).
- по́тік** 1. долина потока (Граб., Анк. Вн 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1 Жт 1, 3, 5, 6, 11, 12 Зп 1, 5, 6 Ив.-Фр. 1, 3, 4 Кв 6, 7, 8, 10 Крв 4, 6, 10, 18, 19, 20, 27, 30, 33, 36, 37, 44, 46, 49 Лв 1, 2, 5, 7, 8 Нк 3 Пл 2 Тр 1, 2, 4 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 4); 2. глубокая и узкая долина (Анк. Крв 22).
- поток** (Анк. Чрнг 4) *см.* по́тік 1.
- потбчина** 1. лощина (Гринч., УРС); 2. долина потока (Гринч., Желех., Граб., Анк. Жт 4 Ив.-Фр. 1, 3 Лв 1, 8 Чрк 1); 3. русло ручья (Дубр.); 4. ручей (УРС, Дубр., Рудн.).
- поўзок** полянка в горном лесу (Врх. Лем.).
- похі́ла** крутая гора (Анк. Дн 4).
- похилина** склон, наклон (Дубр.).
- похрѣ́тина** горное пастбище (Желех.).
- пох та** (Врх. НЗн.) *см.* повхта.
- прѣ́балок** 1. место возле оврага (УРС); 2. небольшой овраг (Анк. Кв. 4)., **прѣ́вал** выступ скалы (Желех., отсюда же Гринч.; Анк. Вн 2, 4, 6 Жт 3, 4, 10, 11, 12 Ив.-Фр. 1 Кв 3, 9 Лв 8).
- прѣ́гір** 1. пригорок, холм (Гринч., УРС. Желех., Анк. Дн 1 Жт 1 Ив.-Фр. 1 Крв 9, 10, 17, 18 Лв 8); 2. предгорье (Желех.).
- прѣ́гірок** пригорок, холм (УРС, Желех., Анк. Дн 1 Жт 11, 12 Кв 4 Крв 18, 37 Лв 3, 8 Нк 4 Хрк 1 Чрк 4 Чрнг 4, 5); 2. предгорье (Желех.).
- прѣ́гор** (УРС, Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 1 Кв 4, 5 Крв 10, 17, 18 Од 1 Чрк 4 Чрнг 5) *см.* прѣ́гір.
- прѣ́гбра** 1. склон горы (Рудн.); 2. пригорок (Дубр.).
- прѣ́горб** пригорок, холм (Анк. Крв 9).
- прѣ́горбок** 1. пригорок, холм (УРС, Анк. Зп 4 Крв 18, 19, 22, 26, 28, 42); 2. насыпь (Анк. Крв 29, 30).
- прѣ́гурка** небольшое возвышение, холм (Нимч.).
- прѣ́доли́нка** (Желех.) *см.* придоли́нок 2.
- придоли́нок** 1. начало долины (Гринч., Дубр.); 2. небольшая впадина (УРС, Желех.); 3. долина (Писк.).
- прѣ́дбги** продолжение склона горы, терраса (Граб.).
- прѣ́лу́ка** поляна в горных лесах (Шух., отсюда же Гринч.).
- прѣ́луки** попеременно то лес, то поле (Шух., отсюда же Гринч.).
- прѣ́падь** низменная местность (Гринч., УРС).
- прѣ́паі́й** при обрывистом морском берегу полоса земли, обыкновенно песчаная или песчано-ракушечная, внизу между этим берегом и водой (Гринч., УРС).
- прѣ́пі́р** 1. крутой склон горы (Желех., Анк. Жт 4, 10 Лв 1); 2. крутая скала, прилегающая к горе. — *stroma skalista szkarpa, przuzupierająca do góry* (Рудн.); 3. крутая дорога (Граб.) *см.* еще шпйпор.
- прѣ́скалка** выступ скалы, боковая скала (Гринч., УРС, Анк. Жт 10).
- прѣ́ска́лок** выступ скалы (УРС, Желех., Анк. Дн 1 Жт 10 Зп 4 Ив.-Фр. 4).
- прѣ́слі́н** дорога между двумя горами или холмами (Анк. Лв 8).

присліп (Анк. Лв 8) *с.м.* прислбп.

прислбп горный обрыв (Гринч.).

прислбп долина между двумя горами или возвышенностями (Шух., отсюда же Гринч.).

пристан отвесный берег реки (Анк. Хрк 1).

пристин отвесный берег реки (Гринч., Анк. Жт 4, 5, 6, 10 Лв 8 Чрк 5).

пришиб склон горы над долиной, где протекает речка (Лымар.).

приямок небольшая яма возле большой ямы (Лыс.).

приярок небольшой овраг, отрог оврага (Гринч., УРС, Анк. Вн 4 Жт 3, 6 Зп 1 Кв 1, 2, 4, 9 Крв 9, 10, 28, 42 Лв 8 Нк 1 Пл 2 Хм 6 Чрк 3, 4).

прияр'я место возле оврага (УРС).

прі́рва 1. глубокая пропасть (УРС, Анк. Вн 1, 2, 3, 4, 5, 8 Дн 1, 3, 4, 5, 6, 9, 10, 11, 12, 13 Жт 1, 3, 4, 7, 9, 11, 12 Зп 1, 3, 4, 5, 6 Кв 3, 6, 7, 8, 9, 10, 12 Крв 2, 5, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 19, 20, 23, 25, 26, 28, 29, 30, 31, 32, 34, 36, 37, 38, 39, 41, 42, 43, 44, 45, 47, 49, 51 Лв 2, 5, 7, 9 Нк 2, 3 Од 1 Пл 2, 3 Рв 1, 2 См 4 Тр 1, 5 Хм 1, 2, 3 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 2, 4, 13); 2. крутой склон горы (Анк. Крв 1, 2, 5, 18, 26, 35, 39, 41, 44, 45, 48); 3. кругой отвесный берег (Анк. Крв 3, 50); 4. глубокая яма в болоте (Анк. Хм 6); 5. яма в реке, море (Гринч.) *с.м.* еще прі́рва.

провáл пропасть, овраг (Врх. Зн., отсюда же Гринч.; УРС, Желех., Граб., Анк. Вн 2, 4, 6 Дн 1, 5 Жт 4, 5, 6, 10, 11, 12 Зп 3, 5, 6 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 3, 10 Крв 9, 10, 16, 17, 42 Лв 2, 8 Нк 2 Пл 3 Рв 1, 2 Чрк 3, 11, 13 Чрнг 5) *с.м.* еще проваў.

провáла 1. (Желех.) *с.м.* прова́л; 2. глубокий крутой овраг (Анк. Вн 2, 3).

провáлина 1. яма, где провалилась земля, пропасть (Гринч., УРС, Желех., Дубр.); 2. глубокий овраг (Анк. Вн 4, 5, 6 Дн 1, 4 Жт 1, 6, 8, 11, 12 Зп 4, 5, 6 Ив.-Фр. 1 Кв 1, 3, 9, 10 Крв 18, 19, 31, 32, 42 Лв 5, 6, 7, 8 Пл 2, 3 См 1 Чрк 4).

провáлля 1. глубокая бездна, пропасть (Гринч., УРС, Анк. Вн 2, 3, 4, 5, 6, 8 Дн 1, 3, 4, 5 Жт 1, 4, 5, 6, 7, 10, 11, 12 Зп 1, 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 1, 3, 4, 8, 9, 10, 12, 16 Крв 2, 3, 4, 5, 8, 9, 11, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 48, 49, 51 Лв 2, 5, 7, 8 Нк 2, 3, 4 Пл 1, 2, 3 Рв 1, 2 См 5 Тр 4, 5 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 2, 3, 4, 5, 11, 13, 14, 15); 2. глубокий крутой овраг (Анк. Дн 1 Жт 9, 12 Кв 5, 6, 7, 8 Крв 1, 2, 3, 6, 7, 8, 11, 12, 14, 16, 17, 21, 24, 25, 26, 27, 29, 34, 35, 36, 38, 40, 44, 46, 48, 49, 52 Хрк 1 Чрнг 1, 4); 3. небольшие рвы—«ровчаки» (Анк. Чрнг 6); 4. крутой отвесный берег (Анк. Крв 6, 50); 5. крутой склон горы (Анк. Крв 7, 40, 41).

првáль 1. (Желех.) *с.м.* прова́л; 2. прорезанный водой овраг (Лыс. Мат.).

проваў долина речки или ручья (Рудн.) *с.м.* еще прова́л.

прогáлина место в горах, не заросшее лесами (Шух., отсюда же Гринч.).

прогні́й 1. низкое место, заливаемое водой по крайней мере на пол-года (Гринч.); 2. незамерзающее место на болоте (Гринч.); 3. топкое место (Гринч.).

прогні́на трясина (Гринч.).

прб́духа мокрая ложбина между холмами (Анк. Тр 4).

пролі́г горная долина (Желех.).

пропасна́ бездна, глубокая пропасть (Гринч., Анк. Вн 4, 6 Жт 4, 6, 10 Зп 5, 6 Кв 10 Крв 9 Лв 8 Нк 2 Чрк 3).

пропасніця бездна, глубокая пропасть (Анк. Лв 8).

пробасть 1. бездна, глубокая пропасть (Гринч., Желех., Анк. Вл 1 Вн 2, 4, 5, 6, 8 Дн 1, 3, 5, 7 Жт 1, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12 Зп 4, 5, 6 Ив.-Фр. 1, 3, 4 Кв 1, 9, 10, 12, 16 Крв 4, 5, 9, 10, 12, 13, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 31, 32, 34, 35, 36, 38, 40, 41, 42, 43, 44, 47 Лв 2, 5, 6, 8 Нк 2, 3 Пл 3 Тр 1, 3, 4, 5, 6 Хм 3, 8 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 1, 4, 5, 6, 13); 2. крутой, отвесный берег (Анк. Крв 50).

пропасък (Граб.) *см.* пробасть 1.

прбрва 1. (Анк. См 1 Чрнг 5, 6, 11, 15) *см.* прірва; 2. «проточина» (Писк.).

прбчл вершина горы (Желех., отсюда же Гринч.).

прчблук вершина горы (Желех., отсюда же Гринч.).

пцл вершина горы, не заросшая лесом (Анк. Вн 4).

пшипор (Граб.) *см.* пріпр.

пшислуп вершина горы (Граб.).

равнина (Анк. См 3 Чрнг 5) *см.* ривніна.

рагаш горная дорога (Дубр.).

рапа скала (Желех., Граб., Анк. Жт 8).

ребрб склон горы, кручи, скалы (Гринч., УРС, Анк. Вл 1 Вн 4, 6 Жт 4, 6, 11, 12 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 10 Крв 4, 9, 10, 29, 37, 46 Лв 1 Чрк 4 Чрнг 4).

ревуча долина потока (Анк. Кв 4).

ринь насыпь — «odsupisko» — на реке Днестре, нанесенная водой из оврага, который имеет выход в русло реки; ринь состоит обычно из песка и камней величиной с кулак (Кремер) *см.* еще ринь.

ріпа 1. крутой отвесный берег (Шух., отсюда же Гринч., Желех., Рудн., Янув, Ze stos., Анк. Крв 28 Од 1); 2. круча, обрыв (Гринч., Желех., Рудн.); 3. обрывистая скала (Граб.); 4. овраг (Моск., Бабыш., Анк. Крв 33); 5. углубление почвы неопределенной формы (Гринч., УРС, Моск., Анк. Дн 1 Ив.-Фр. 1 Крв 10, 23); 6. гора, не заросший лесом пригорок (Дейна); 7. «зарване місце в березі, ein steiler überhängender Uferheil» (Врх. Зн.) *см.* еще ріпа.

рипи горы, верхушки (Желех.).

рйтвина 1. углубление на дороге, выбитое колесами (УРС, Анк. Кв 5 Хрк 1); 2. рывина (Анк. Крв 17).

ритвінь перерытая барсуками или дикими кабанями земля (Нимч.)

риштак 1. углубление в почве неопределенной формы (Анк. Жт 16); 2. канава для стока воды (Гринч.) *см.* еще ріштак.

рив 1. ров (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 4, 5, 6, 7, 8 Жт 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12 Зп 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 2, 3 Кв 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12 Крв 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12, 13, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 46, 47, 48, 50, 51, Лв 2, 6, 7, 8 Нк 2, 3 Од 1 Пл 2,3 Рв 1, 2, 3, 4 Тр 1, 4, 5, 6 Хм 1, 3, 6, 7, 8 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2, 3, 13); 2. овраг (в общем значении) (Анк. Лв 2 Тр 1, 2 Хм 5); 3. небольшой овраг (Анк. Лв 3 Тр 6); 4. углубление в почве неопределенной формы (Анк. Вл 1 Ив.-Фр. 1 Крв 49 Лв 5, 7); 5. углубление на дороге (Анк. Дн 2); 6. глубокая и узкая долина (Анк. Крв 32, 44); 7. углубление круглой формы (Анк. Крв 22) *см.* еще ров, рови.

рівень 1. равнина (в общем значении) (Анк. Дн 1 Жт 6, 12 Лв 8 Тр 5 Хрк 1 Чрк 4 Чрнг 5); 2. мокрая низменность (Анк. Крв 37).

рівець ров (Анк. Лв 3).

рівніна 1. равнина (Гринч., Желех., УРС, Рудн., Анк. Вл 1 Вн 2, 4, 5, 6 Дн 1, 2, 5, 7 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 7, 12 Зп 1, 3, 4, 5, 6 Ив.-Фр. 1, 2, 4 Кв 3, 5, 6, 7, 8, 9, 12, 13, 14, 15 Крв 2, 4, 7, 8, 9, 10, 12, 13, 14, 15, 16, 17, 18, 19, 21, 22, 27, 28, 30, 31, 33, 34, 38, 39, 42, 43, 44, 47, 50 Лв 2, 3, 5, 7, 8 Нк 2, 3, 4 Пл 2, 3 Тр 4, 5 Хм 4 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2, 13, 15); 2. низменность возле реки (Анк. Крв. 32) *см.* еще равнина, рімніна.

рівнота равнина (в общем значении) (Желех., Анк. Зп 4 Крв 18 Лв 8) *см.* еще рімнота, ровнота.

рівня равнина (в общем значении) (Рудн.).

рівнява равнина (в общем значении) (Гринч., Желех., УРС).

рівчак 1. небольшой ров (Гринч., Желех., УРС, Анк. Дн 1 Зп 1, 7 Крв 4, 8, 12, 25, 27, 42, 43, 47 Хм 1); 2. долина потока (Анк. Крв 2, 6, 14, 50); 3. глубокая и узкая долина (Анк. Крв 32); 4. ручей (Гринч.); 5. желобок (Писк.) *см.* еще ровчак.

ріг 1. предгорье (Желех.); 2. острая вершина (Анк. Вн 9).

рімніна (Гринч., Анк. Вн 4 Жт 1, 5, 6 Зп 4, 5, 6, Кв 9 Крв 4, 9, 10, 18, 28, 42 Лв 2, 3, 5 Рв 3, 4 Тр 1, 2, 3, 5, 6 Хм 8 Чрк 4) *см.* рівніна 1.

рімнота (Гринч., Анк. Вн 4 Жт 1, 6 Крв 10 Лв 8 См 1 Хм 6 Чрк 4) *см.* рівнота.

рін *м. р. см.* ринь 2, 3.

рінець галька, гравий, булыжник (Желех.).

рівниця каменистая гора (Анк. Лв 3).

ринь 1. возвышенность из белого камня — «опоки» (Анк. Лв 3); 2. берег, покрытый галькой (Врх. Лем.) 3. отложения гальки (Врх. Лем.); 4. мелкие камешки (Дейна); *см.* еще ринь, рін.

риняк галька, гравий, булыжник (Желех.).

ріпа (Желех.) *см.* ріпа.

річиско прежнее русло реки (Желех.).

річіще 1. прежнее русло реки (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 4, 5, 6 Дн 1, 3, 4, 5, 6, 8, 11 Зп 3, 5, 6 Кв 4, 9, 10, 12 Крв 4, 8, 10, 16, 17, 18, 20, 27, 29, 35 Лв 8 Нк 3 Пл 1, 2 См 4 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 13, 14); 2. ров (Льс.).

ріштáк (Пал.) *см.* риштáк 2.

ріучка углубление в скаде, из которого течет вода (Анк. Кв 10).

рблениця насыпная горка, курган (Гринч.).

ров (Анк. Зп 2 Крв 11 См 1, 2, 3 Чрнг 3, 6, 15) *см.* рив 1.

рбвень равнина (в общем значении) (Врх. Лем., отсюда же Гринч., Желех.; Анк. Лв 1, 8).

рови (Анк. Чрнг. 15) *см.* рив 1.

рбвінь (Врх. Зн., отсюда же Гринч., Врх. Марм., Желех., Рудн.) *см.* рбвень.

ровнота (Анк. Чрнг. 5) *см.* рівнота.

ровок небольшой овраг (Анк. Чрнг 11).

ровчак 1. (Анк. Чрнг 3) *см.* ривчак 1; 2. (Анк. Чрнг 2, 5) *см.* ривчак 2; 3. пропасть (Жилко); 4. (Жилко) *см.* ривчак 4.

родник углубление в скале, из которого течет вода (Желех., Анк. Зп 2, 5, 6 Кв 12).

родовід крутое взгорье, которое можно пахать сверху вниз (Анк. Лв 3) розвертепа глубокая пропасть (Кмит, Врх. НЗн.).

рбзділ 1. низменное место на равнине (Анк. Лв 3); 2. углубление, долина (Желех.); 3. горный обрыв (Желех.); 4. проход в горах (Желех.).

роздбл 1. (Гринч., УРС) см. рбзділ 1; 2. широкая низменность (Анк. Чрк 4); 3. долина (УРС, Анк. Тр 4).

роздолина широкая низменность (Анк. Вн 4).

роздбля 1. широкая низменность, долина (Гринч., Желех., Анк. Вл 1 Вн 2, 3, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 3, 14 Жт 3, 5, 6, 7, 8, 11, 12 Зп 2, 4, 5, 6, 7, 8, 9 Ив.-Фр. 4 Кв 3, 4, 6, 7, 8, 9 Крв 2, 4, 7, 8, 9; 10, 14, 16, 17, 18, 23, 26, 27, 28, 29, 30, 36, 39, 41, 42, 45, 46, 47, 49, 50, 51 Лв 3, 8 Нк 1 Пл 2, 3 Рв 4 Тр 1, 2 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 2, 3, 4 Чрнг 1, 2); 2. глубокая впадина (Желех.).

розблина 1. углубление в скале (УРС, Желех., Анк. Вн 3, 4, 5, 6, 7, 8 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 10, 11, 12 Зп 1, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 3, 9 Крв 23, 24, 26, 27, 28, 30, 31, 33, 37 Лв 1, 2, 3, 6, 7, 8 Нк 1, 2, 3 Пл 2, 3 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 3, 4 Чрнг 1, 2); 2. ущелье (Желех.).

розліг низменность возле реки (Анк. Вн 9).

розпáдина расселина (Гринч., УРС).

розпáлина углубление в скале (Гринч., УРС, Желех., Анк. Дн 1 Лв 8 Нк 2).

розбха 1. «клива» (Врх. Зн.); 2. место, где что-нибудь раздваивается, развилка (Гринч.).

розтчка небольшая поперечная долина (Врх. Зн., отсюда же Гринч., Желех.).

розчблина 1. гора, на которой полосами чередуются пастбище и лес (Гринч., Анк. Вн 5 Дн 4 Жт 3, 10, 11, 12 Кв 3 Лв 8 Тр 4); 2. долинка между двумя хребтами гор (Граб.).

розчолни (Шух.) см. розчблина 1.

рокита гора, на которой звучит эхо (Федьк.) ср. «Рокита гора» (Шух.).

рудá 1. заболоченная низменность (Анк. Вн 2, 9 Жт 9 Хм 5); 2. ржавое болото на берегу (Гринч., Лыс. ДБ V, Пал.).

рудка 1. мокрая заболоченная низменность (Анк. Чрнг 1, 2); 2. ржавое болото (Гринч.).

рутка выбоина, наполненная водой (Анк. Ив.-Фр. 2).

ряжі каменные насыпи, насыпаемые на реке для образования правильного русла (Анк. Зп 10 Дн 15).

сáгá 1. углубление с природной водой, где водится рыба (Дорош.); 2. песчаный берег реки (Анк. Дн 4); 3. речной залив (УРС, Гринч.); 4. морской залив (Желех.); 5. болото, трясина (Желех.); 6. болотистое место в плавнях, где растет камыш (Моск.).

сáжáвка 1. углубление (без подробного описания) (Анк. Чрнг 3); 2. колодец для сбора воды (УРС); 3. рыбный садок, пруд (Гринч., УРС, Желех.).

сáжалка 1. выкопанная на низком месте канава для воды (Прийм., Лыс.);

2. низменность (без подробного описания) (Анк. Чрнг. 3); 3. (УРС) см. сáжáвка 2; 4. (Гринч., УРС, Желех.) см. сáжáвка 3.
- сегельба** место с выкорчеванным и выжженным лесом (УРС).
- сыгла** 1. возвышенный луг (Анк. Лв 1); 2. горный лес (Желех., Врх.Зн.); 3. густой лес (Граб., Рудн.).
- сінокіс** низменность на берегу реки (Анк. Жт 2).
- скалá** 1. каменная гора с открытыми выступами (Гринч., Желех., УРС, Анк. Вн 4, 7 Жт 1 Зп 4, 5, 6 Ив.-Фр. 1 Кв 10 Крв 18, 19, 23, 24, 25, 34, 41, 46, 47, 48, 51 Лв 1, 7, 8 Хм 1, 3, 6, 7 Чрнг 1, 3); 2. крутой отвесный берег (Анк. Лв 1); 3. большие камни (Анк. Вн 7 Крв 19).
- ска́вля** камни, обломки скалы (Врх. Зн., Лем., оттуда же Гринч.; Желех., Врх. Марм., УРС, Анк. Вн 2, 3, 4, 6, 8 Жт 3, 4, 6, 10, 11 Зп 4 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 2, 9 Лв 8 Крв 28, 29, 30, 37 Чрк 3, 4).
- скалуба** трещина, щель, расселина (Дубр.).
- скалубина** скважина, трещина (Гринч.).
- скалюка** 1. отдельно стоящий обломок скалы (Анк. Крв 35); 2. большие камни (Анк. Крв 3).
- ска́рна** 1. крутая вершина горы (Анк. Рв 1, 2); 2. внутренний склон рва (К.-Ч.).
- скели́на** скала (УРС, Желех.).
- скелице** утес, большая скала (Дубр.).
- ске́ля** скала (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 2, 3, 4, 5, 6, 8 Дн 1, 5, 6, 7, 8, 9, 10 Жт 1, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12 Зп 1, 2, 4, 5, 6, 7 Кв 2, 3, 6, 7, 8, 9, 10, 12 Крв 4, 5, 7, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 19, 20, 23, 25, 27, 29, 30, 31, 32, 33, 37, 38, 39, 40, 41, 43, 44, 46 Лв 6, 8 Нк 1, 3 Од 1 Пл 3 Рв 1, 2 Тр 4, 5 Хрс 1 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 2).
- скіпець** 1. ямка (УРС); 2. небольшая кучка земли, метка (Анк. Зп 4); 3. ямка для обозначения границы земли (Гринч.).
- склезь** крутая скала (Желех.).
- склеп** 1. скалистое неприступное место (Граб.); 2. скала (Дзездз.).
- склепíке** скалистое неприступное место (Граб.).
- склепíте** отлогий склон горы (Граб.).
- склима** очень крутой склон, обрыв (Нимч.).
- склі́н** склон, круча, косягор (Желех.).
- скбі́ки** выступающие камни, подводные скалы в реке, пороги (Гринч., Граб.).
- скосогі́р** 1. покатошь (о поверхности земли) (Гринч., УРС, Анк. Вн 4 Дн 1, 4 Жт 4, 6, 12 Зп 5, 6 Пл 2 Чрнг 4); 2. крутое взгорье (Анк. Хрк 1).
- скрут** 1. недоступная вершина горы (Желех., Федк.); 2. излучина, извилина в реке (Врх. НЗн.).
- слизина** крутой отвесный берег (Анк. Лв 3).
- слў́два** скала, сталактит (Желех.).
- слудва́не** большие камни — «велике каміння» (Граб., Анк. Жт 6).
- сніз** небольшая возвышенность между долинами (Рудн.).
- сокіл** 1. высокая и отвесная скала (Г у ш а л е в и ч. Любовь родимой земли. Журн. «Зоря Галицкая, яко альбум на год 1860». Львов, 1860); 2. выступ гравита (Бабыш.); 3. гора (Беринда).

- солонёць** заболоченная низменность (Анк. Кв 3).
- солонці** (Анк. Кв 4) *см.* солонёць 1.
- спад** скат, покатошь, уклон (Дубр.).
- спáдина** отлогость, пологость, покатошь (УРС, Дубр.).
- спуск** склон горы (Анк. Кв 11 Чрнг 3).
- став** место, где раньше был пруд (Анк. Жт 17).
- ставидлю** место, где раньше был пруд (Гринч., Анк. Вн 4 Жт 6 Кв 12 Крв 36 Пл 2 Хрк 1 Чрк 1, 4).
- ставіська** низменность возле реки (Анк. Тр 6).
- ставісько** 1. место, где раньше был пруд (Анк. Вн 4); 2. низменность (без подробного описания) (Анк. Тр. 4).
- ставіще** место, где раньше был пруд (Гринч., Желех., Анк. Вн 4, 5, 7 Жт 4, 6, 7, 11 Зп 5, 6 Кв 3 Крв 11, 12, 14, 15, 17, 18, 19, 26, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 42, 43, 46, 49См 4 Тр 6 Хм 1, 4 Чрк 4 Чрнг 4, 5).
- ставок** углубление на месте пруда (Анк. Вн 2, 3 Жт 12 Зп 2 Ив.-Фр. 1 Лв 1 Хм 5).
- старік** старое русло реки (Гринч., Анк. Кв 5, 6, 10, 12 Пл 2 Чрнг 9).
- стéпа** 1. обрыв (Желех., Врх. Зн., Анк. Жт 3); 2. скала, гора (Граб., Врх. НЗп.).
- стенок** возвышенный луг с растительностью, переходной к степной (Анк. Вн 9 Кв 4).
- стійло** горная равнина, пастбище (Анк. Тр 4).
- стік** долина между двумя горами или возвышенностями (Анк. Лв 3).
- стіна** 1. крутой склон горы (Анк. Лв 3); 2. крутой обрывистый берег (Анк. Крв 5).
- стінка** 1. крутой склон горы (Гринч., Анк. Вн 4, 5, 6, 8 Дн 1 Жт 4, 6, 10, 11 Кв 3, 10 Лв 8 Нк 2 Тр 6 Хрк 1 Чрк 3, 4, 5); 2. крутой отвесный берег (Гринч., Анк. Вн 4 Жт 4, 6, 10 Кв 10 Крв 8, 18, 28, 42, 43, 50, 51 Нк 2 Чрк 5); 3. холм с рощей (Янув, WrҀuw); 4. отдельно стоящий обломок скалы (Анк. Крв 49); 5. кусты на склоне горы, прибрежные кусты (Желех.); 6. лесок над кручей (Моск.).
- сторц** выступающие скалы (Врх. Лем.).
- стремевó** пропасть, крутой склон (Желех., Врх. Зн.).
- стрёмно** (Желех.) *см.* стремевó.
- стрём'я** пропасть, крутой склон (Врх. Зн., отсюда же Гринч.; Желех., УРС, Анк. Жт 4, 6 Чрк 4).
- стрім** пропасть (Желех., Рудн.) *см.* еще стром, стрёмá.
- стрімляк** шниц (Дубр.).
- стрімчák** утес (УРС).
- стріп** 1. выдвинутая вперед часть горы между потоками (Рудн.). 2. куча (Шух.).
- стром** круча (Гринч., Желех., Анк. Жт 6 Ив.-Фр. 1 Лв 5, 8 Рв 1, 2) *см.* еще стрім.
- стрёмá** стремнина (Гринч., УРС, Анк. Жт 6 Ив.-Фр. 1 Лв 8).
- строміна** 1. крутой склон, пропасть (Желех., УРС, Граб., Анк. Жт 6); 2. крутой и скользкий склон горы (берег?) — «стіна» (Федьк.).

стромовіна крутизна, крутые зубцы обрывистых гор (Гринч., УРС, Желех.).

струга 1. небольшой ров (Лыс.); 2. ручей, струя (Гринч.).

стружка болотистая впадина, наполненная водой (П. Колесник. Терен на шляху, Київ, 1959, стр. 70).

сувало оползень — «осовня» (Желех.).

суг впадина в земле, распадина (Граб.).

сугроб возвышенность, холм (Гринч., Желех., УРС, Анк. Вн 4 Жт 4, 6, 11, 12 Крв 18, 41 Лв 8).

сугорбик небольшая горка, холмик (УРС).

сугорбок небольшая горка, холмик (УРС, Анк. Крв 3, 8, 41).

сугроба 1. большая выбоина (Гринч.); 2. углубление на дороге (Анк. Вн. 4, 6 Дн 1, 3 Жт 6, 8, 12 Крв 30 Лв 5 Нк 2 Чрк 4 Чрнг 1).

схил склон горы (УРС, Анк. Вн 1, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 3, 5 Жт 3, 4, 5, 6, 7, 9, 10, 11 Зп 3, 5, 6 Ив.-Фр. 1 Кв 3, 6, 7, 8, 9, 10, 12 Лв 2, 3, 5, 8, Нк 4 Пл 2. Рв 1, 2 См 1, 4 Тр 5 Хм 1, 3 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 2, 3, 4 Чрнг 1, 2, 13, 14); 2. крутая гора (Анк. Тр 5).

схили (Анк. Чрнг. 6) *см.* схил 1.

схилок склон, спуск (Гринч., УРС, Желех., Врх.Зн., Анк. Вн 4 Дн 1 Жт 4, 6, 10, 11 Зп 5, 6 Ив.-Фр. 3 Кв 10 Крв 9, 17 Лв 2, 8 Пл 2 Рв 1, 2 Чрк 3, 4).

сковище глубокая яма (Анк. Тр 4).

сцінка (ścinka) 1. молодой лес, который вырос на месте вырубленных деревьев (Янув, Gwara); 2. скала, заросшая молодым лесом и кустами (Янув, Ze stos.) *см.* еще стінка.

сцянка (scianka) небольшой лесок на отлогом склоне оврага (Кремер).

тáрніця 1. седловина между двумя горами (Лымар.); 2. гора (без подробного описания) (Анк. Ив.-Фр. 1).

тáрнічка седловина между двумя горами (Лымар.).

тáтра скала (Желех., Рудн.).

тáтра «шкали, вертепи» (Врх. НЗн.).

терáса терраса (УРС, К.-Ч., Анк. Вн 4 Дн 1, 3 Жт 3, 6, 12 Зп 4 Хрк 1).

тісніна узкий проход между горами (УРС, Анк. Вн 6 Жт 6 Лв 5 Нк 2).

тóва 1. глубокое вымытое ложе реки (Врх. Лем.); 2. стоячая вода, заросшая травой (Врх. Зн. УР).

толба 1. горная равнина, пастбище (Анк. Вн 1, 7); 2. пастбище (Гринч., УРС, Штибер).

толтри скалистые холмы (Кремер).

топило ложбина с водой (Писк).

торфовище низменность (без подробного описания) (Анк. Ив.-Фр. 3).

травніця низменность, заросшая травой (Анк. Лв 3).

трісучка заболоченная низменность (Анк. Ив.-Фр. 2).

тріщина углубление в скале (Анк. Вн 8 Зп 7 Крв 6).

трбіці низина, заросшая осокой (Анк. Ив.-Фр. 3).

трясина заболоченная низменность (Анк. Крв 1, 25).

трясовина заболоченная низменность (Анк. Вн 4 Крв 6, 7, 14, 18, 23, 25, 34, 45, 46 Хм 4 Чрк 4 Чрнг 15).

тупичина низменность между двумя возвышенностями, сходящимися друг с другом под тупым углом (Анк. Вн 4).

турні обрывистые скалы, кое-где заросшие лесом (Врх. Лем.).

турня (Врх. Лем.) см. турні.

туча долина потока (Анк. Кв. 10).

тягла низменность (без подробного описания) (Анк. Тр 4).

убіч 1. косогор (Гринч., Рудн., Анк. Жт 4, 6, 10 Ив.-Фр. 1 Лв 8); 2. пропасть (Рудн.).

убічка холм (Рудн.).

увал 1. склон (Гринч., Анк. Кв 3 Лв 8 Хрк 1); 2. небольшая земляная насыпь (Анк. Дн 1 Жт 4, 6).

увіз дорога в овраге (Врх. Зн., отсюда же Гринч.; Желех.).

углиблення долина потока (Анк. Кв 3).

углиблїна углубление в почве неопределенной формы (Гринч., Анк. Вн 6 Дн 1 Жт 6 Ив.-Фр. 4 Кв 4, 5 Лв 8 Чрк 4).

удавлина углубление в почве неопределенной формы (Анк. Кв 1).

узбіч склон горы (Гринч., Граб., Анк. Дн 3).

узбіччя склон горы (УРС).

увзїшшя возвышенность, холм (УРС).

увзів 1. подъем на гору (Гринч., УРС); 2. гора (Желех.); 3. пропасть (Желех.); 4. возвышение на дороге (Анк. Дн 1 Зп 5, 6 Кв 5, 6, 7, 10 Крв 14, 19, 20, 26, 47 Хрс 1, 2 Чрк 4 Чрнг 5); 5. глубокая и узкая долина (Анк. Крв 40); 6. дорога в ложбине (Гринч., Врх. Зн.).

узгїр'я 1. склон горы (Гринч., Желех., УРС, Анк. Вл 1 Вн 2, 4, 6 Дн 1 Жт 1, 3, 4, 6, 10, 11, 12 Зп 3, 5, 6 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 9, 10 Лв 2, 3, 8 Пл 2, 3 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 3, 4 Чрнг 2, 13); 2. возвышенность, холм (Желех., УРС).

ўлеть крутая скала (Врх.НЗн.).

улба 1. впадина, углубление (Гринч., Анк. Ив.-Фр. 4, Лв 8); 2. ровное поле (Граб.); 3. залежное поле (Желех.).

ўлбї 1. каменные котловины амфитеатрального вида в юго-восточной ветви галицких Карпат (Гринч.); 2. котловины, в которые сыплются камни (Шух.); 3. луга (Желех.).

ўлбовїна 1. впадина, котловина (Гринч., УРС, Анк. Дн 3 Жт 1 Кв 3 Крв 9, 11, 42 Чрк 1); 2. низменность (в общем значении) (Анк. Чрнг 3).

улбїна низменность (Гринч., Анк. Вн 4, 6 Дн 1 Жт 6, 11 Нк 2 Чрк 4).

улягбїна впадина, котловина (Гринч.).

упадїна углубление на вершине горы (Анк. Крв 39).

упека скала (Рудн.).

урвїсько (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 5 Жт 1, 6, 10, 12 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 9 Крв 4, 31, 32, 33 Лв 5, 8 Рв 1, 2 Тр 4, 6).

ўрвїще 1. круча, пропасть (УРС, Желех., Анк. Вн 4, 5, 6, 8, Дн 4 Жт 1, 6, 10, 12 Зп 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 4 Крв 1, 3, 4, 13, 18, 20, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 37, 41, 45 Лв 5, 8 Рв 1, 2 Тр 6 Хрс 1 Чрк 1, 4, 5); 2. глубокий овраг (Анк. Жт 1 Крв 5, 8).

ўров ущелье с пависающими скалами (Желех.).

уровї пропасти, обрывы (Федьк.).

уровище пропасть (Желех.).

урбчище 1. луг (Желех.); 2. долина (Желех.).

ухаб выбоина (Лыс.).

ухаба углубление на дороге (Анк. Кв 3).

ущелина 1. ущелье (УРС, Анк. Вн 2, 3, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 5 Жт 1, 3, 4, 6, 7, 8, 10, 11, 12 Зп 3, 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 3, 6, 9, 10, 12 Крв 1, 4, 6, 8, 13, 15, 16, 17, 18, 19, 20, 21, 25, 28, 29, 32, 33, 34, 36, 37, 41, 50 Лв 1, 2, 5, 6, 7, 8 Нк 1, 2 Од 1 Пл 2, 3 Рв 1, 2 Тр 5 Чрк 1, 3, 4 Чрнг 2); 2. крутой склон горы, круча (Анк. Крв 10); 3. подножье горы (Анк. Крв 30).

ущелина (Анк. Дн 6, 8) *см.* ущелина.

ущілля узкая и глубокая расщелина в горах (Анк. Крв 11, 46).

ущілье (Анк. Зп 2) *см.* ущілля.

фбса 1. ров, яма (Гринч., Желех, УРС, Анк. Вн 4, 8 Жт 1, 5, 7, 12 Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Лв 1, 2, 3, 5, 7, 8 Рв 4 Тр 5, 6 Чрк 1); 2. ровик, прокопанный для стекания воды из озера (Моск.); 3. ров, канава, которыми обкапывают участки поля, чтобы защитить его от скота (Лыс. Мат.).

хвоста 1. (Лыс., Анк. Вн 9 См 7) *см.* фбса 1; 2. русло речки (Лыс. ЛВ VI).
хеб хребет горы (Руди.).

хлань бездна, пропасть (Гринч., Желех., Анк. Жт 10 Лв 2).

ховп небольшая отлогая горка, холм (Врх. НЗн.).

холм небольшая отлогая горка (Желех., К.-Ч.).

царина возвышенное и открытое место (Анк. Вн 9).

чагарник 1. гора, заросшая лесом только на вершине (Анк. Дн 1); 2. овраг, заросший лесом (Анк. Крв 47); 3. низменность, заросшая лесом (Анк. Вн 9); 4. кусты (Гринч., УРС).

череда скалистые и каменные пороги в Днестре у Ямполя (Желех.).

чолб вершина горы (Граб., Анк. Жт 4 Лв 8).

чолб 1. очень крутой склон горы (Нимч.); 2. вершина горы (Анк. Жт 9).

чолопок вершина горы (Анк. Жт 5, 9 Тр 4).

чубок вершина горы (Анк. Ив.-Фр. 3 Лв 1, 2, 6 Хм 4).

чуга гора без растительности (Анк. Ив.-Фр. 1).

чуркало углубление в скале, из которого течет вода (Анк. Ив.-Фр. 1).

чюга знак на вершинах гор (Шух.).

шанец окоп (Гринч., УРС, Анк. Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Лв 1, 2, 8 Пл 2 Тр 5, 6 Хм 3 Хрк 1).

шанка гора, заросшая лесом только на вершине (Анк. Вн 9).

шарабан 1. углубление на вершине горы (Анк. Крв 15); 2. углубление в скале (Анк. Кв 10); 3. углубление на дороге (Анк. Кв 10).

шільмах холмик, меловая гора (Анк. Тр 3).

шіляга низменное место, заросшее лесом (Прийм.).

шкала 1. обрыв, пропасть (Граб., Рудж.); 2. скала (Граб., Руди.).

шквалубіна щель, расселина (Гринч.).

шкарп искусственная горка (Анк. Ив.-Фр. 1).

шкеля скала (Желех.).

шкешыта обломки скал, камни (Желех., Врх. Зн.).

шкелит неприступное место в горах (Граб.).

шкренеке 1. высокая гора, покрытая мелкими камешками (Граб.); 2. каменная почва (Граб.).

шкелень вершина (Дубр.).

шкень небольшой холм (Рудн.).

шкыль 1. невысокая круглая горка (Гринч., УРС, Анк. Ив.-Фр. 1 Крв 15 Нк 1, 3 Пл 2 Хрк 1 Хрс 1 Чрк 3 Чрнг 2, 3); 2. острая вершина горы (Желех., Анк. Вл 1 Вн 1, 2, 3, 4, 5, 7 Дн 1, 3 Жт 3, 4, 5 Зп 4, 5, 6, 7 Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Кв 1, 3, 4, 9, 10, 13, 14, 15 Крв 1, 2, 3, 4, 6, 7, 8, 9, 11, 13, 16, 17, 18, 19, 20, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 35, 37, 39, 40, 42, 43, 46, 47 Лв 2, 3, 5, 8 Нк 1, 3 Пл 2 Рв 1, 2 Тр 4, 5 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 3, 4 Чрнг 1, 2, 4 6); 3. крутая гора (Анк. Вн 5 Дн 1).

шкыльчак острая вершина горы (Анк. Жт. 10 Кв 10).

шкынь (Анк. Жт 6, 10 Лв 1) см. шкыль 1.

шкычак острая вершина горы (Анк. Рв 1, 2).

шкынь, шкыни 1. вершина горы (Рудн., Анк. Жт 1, 6, 8 Ив.-Фр. 1 Лв 1 Чрк 3); 2. горный хребет (Граб.).

шкыля глубокая впадина в скале (Врх. Зн., отсюда же Гринч.; Граб., Анк. Лв 8).

шкыля 1. скала (Врх. Зн., отсюда же Гринч., Желех.); 2. нависшая скала (Граб.).

шкыля (Врх. Зн., отсюда же Гринч.) см. шкыля.

шкыля большие обломки скалы, большие камни (Желех., Граб.).

шкыля 1. пещера (Анк. Лв 1); 2. глубокое отверстие в камне (Врх. Зн.)

шкыня ущелье (Анк. Вн 1, 4 Крв 24, 44).

шкыня 1. углубление в скале (Анк. Лв 1); 2. пропасть, глубокий овраг (Бабш.).

шкыня вершина; макушка (Врх. Лем.).

шкыня 1. крутая вершина горы (Гринч., Врх. Лем., Рудн., Жилко, Анк. Ив.-Фр. 2 Крв 22, 35 Лв 1); 2. скала (Гринч., Желех.); 3. возвышенная местность между двумя оврагами, рвами (Моск.).

шкыня (Гринч., Жилко) см. шкыня 1.

шкыня (Граб.) см. шкыня 1.

шкыня (Гринч.) см. шкыня 1, 2.

шкыня вершина горы (Гринч., Анк. Кв 10 Рв 1, 2 Чрнг 1, 2, 3).

шкыня вершина горы (Анк. Хм 8).

шкыня вершина (Врх. НЗн.).

шкыня возвышенное и открытое место (Анк. Жт 11 Лв 8 Чрк 3).

шкыня 1. овраг, пропасть (Врх. Зн., отсюда же Гринч.; Желех., Рудн.); 2. пещера (Желех.); 3. долина, вымытая водой (Дейна).

шкыня 1. углубление в почве неопределенной формы (Гринч., Желех., УРС, Анк. Вл. 1 Вн 4, 5, 6, 7 Да 1, 5 Жт 1, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 11, 12 Зп 1, 3, 4,

6 Ив.-Фр. 1, 2, 3, 4 Кв 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 11, 12, 16 Крв 1, 2, 3, 4, 7, 10, 11, 14, 15, 16, 17, 18, 20, 23, 25, 28, 29, 33, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 44, 48, 49, 50, 51 Лв 2, 3, 6, 7, 8 Нк 4 Пл 2 Рв 4 См 3, 4, 5 Тр 5, 6, Хм 4, 5, 6, 7 Хрк 1 Чрк 2, 3, 4 Чрнг 2, 3); 2. углубление круглой формы (Анк. Вн 2 Крв 34 Тр 3 Хм 5, 8); 3. долина потока (Граб.); 4. углубление на вершине горы (Анк. Дн 1 Ив.-Фр. 3); 5. углубление на месте водоема (Анк. Крв 18 Лв 2); 6. долина, котловина (Граб.).

яма (Анк. Лв 1) *см.* яма 4.

яминá выемка, яма (Желех.).

ямище большая яма (Желех.).

ямка углубление круглой формы (Анк. Жт 1 Чрнг 13).

яндилá углубление на вершине горы (Гринч., УРС, Жилко, Анк. Вн 4 Жт 4, 11 Рв 1, 2 Чрк 1).

яндолá (УРС, Жилко) *см.* яндилá.

яр 1. овраг (Гринч., УРС, Желех., Анк. Вн 2, 4, 5, 6, 7, 8 Дн 1, 3, 4, 5, 6 Жт 1, 2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 11, 12 Зп 1, 2, 3, 4, 5, 6 Ив.-Фр. 1, 4 Кв 1, 2, 3, 5, 6, 7, 8, 9, 10, 12 Крв 1, 2, 3, 4, 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32, 33, 34, 35, 36, 37, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 44, 45, 48, 49, 50, 51 Лв 1, 5, 8 Нк 1, 2, 3 Пл 1, 2, 3 Рв 4 См 1 Тр 1, 3, 4, 6 Хм 1, 3, 4, 6, 7 Хрк 1 Хрс 1, 2 Чрк 1, 3, 4 Чрнг 1, 2, 4, 6, 13, 14); 2. глубокий овраг (Желех., Анк. Нк 1); 3. глубокий овраг, поросший лесом (Анк. Кв 5).

ярище степной овраг (Анк. Крв 29).

ярóк 1. маленький овраг (Гринч., Желех., Писк., Рудн., Анк. Дн 4 Жт 9 Кв 9 Крв 12, 16, 23, 27, 29, 43, 47 Лв 1 См 4 Тр 1, 2, 3 Хм 8 Чрнг 4, 6); 2. ручей, поток (Гринч.); 3. водоворот, течение воды (Граб.); 4. углубление неопределенной формы (Анк. Крв. 46 См 4).

яруга 1. большой овраг (Гринч., Желех., УРС, Кремер, Анк. Вн 1, 6 Да 1, 3, 6 Зп 4 Жт 3, 4, 5, 8, 11 Кв 9 Крв 9, 10, 36 Тр 4 Чрнг 4); 2. степной овраг (Анк. Лв 8); 3. овраг, заросший лесом (Анк. Крв 22, 28, 30); 4. выбитая водой сухая впадина (Врх. Зн. УР); 5. пропасть, обрыв (Врх. Лем.); 6. ров, канава (Врх. Лем.).

ярь глубокая и узкая долина (Анк. Чрк. 3).

яскíня пещера (Писк., Врх. Лем.).

А. Е. Антонович

КРАТКИЙ ОБЗОР БЕЛОРУССКИХ ТЕКСТОВ, ПИСАННЫХ АРАБСКИМ ПИСЬМОМ

Белорусские тексты, написанные арабским письмом, связаны своим происхождением с так называемыми литовскими татарами¹, поселившимися в Литве и Белоруссии в XIV — XV вв. и проживающими здесь до настоящего времени. Принято считать, что некоторая часть татар оказалась в Великом княжестве Литовском в качестве военнопленных, другие же из них прибыли сюда как добровольные переселенцы.

Татары, проживая в Великом княжестве Литовском, забыли родной язык и стали пользоваться белорусским и польским языками. Сведения об этом имеются в источниках XVI — XVII вв. Высказывания по интересующему нас вопросу содержатся в докладной записке неизвестного литовского татарина, паломника в Мекку, посетившего в 1558 г. Турцию, зятю турецкого султана Рустему Паше. В ней описывается положение татар в Литве во времена царствования короля польского и великого князя Литовского Сигизмунда Августа (1520—1572)². Имеются такие сведения и у турецкого историка XVII в. Ибрагима Паши³. В этих источниках совершенно определенно указывается на то, что основная масса литовских татар в XVI—XVII вв. не только не знала арабского языка, которого, впрочем, широкие слои татарского населения никогда не знали⁴, но и забыла татарский язык. Вот почему белорусский язык стал и разговорным языком мно-

¹ В научной литературе татар, проживавших в Литве и Белоруссии, называют обычно литовскими татарами. В статье мы употребляем этот условный термин. Иногда этих же татар называют польскими татарами и белорусскими татарами.

² А. Мухлинский. Исследование о происхождении и состоянии литовских татар. СПб., 1857; то же. Одесса, 1902; он же. Zdanie sprawy o Tatarach Litewskich. «TeKańska». Wilno, 1858, IV, 241—272; V, 121—179; VI, 139—183.

³ H. S. Szapczak. O zatraceniu języka ojczystego przez Tatarów w Polsce. «Rocznik Tatarski», t. I. Wilno, 1932, стр. 34—38.

⁴ Ср. рецензию Я. Шимкевича на работы Я. Станкевича в «Rocznik Tatarski», t. II. Zamość, 1935, стр. 453—455.

гих колоний литовских татар, и языком некоторых видов мусульманской религиозной литературы (описаний мусульманских обрядов и ритуалов, катехизисов, легенд и т. п.), а также восточной светской литературы (рыцарских повестей, приключенческих рассказов, оракулов, объяснений снов, определений счастливых дней месяца, недели и т. д.). Богослужебным языком и языком ежедневных молитв был арабский, а позже турецкий язык. Для иллюстрации того, до какой степени татары не отличали арабского языка от турецкого, приведем здесь одно место из статьи А. Н. Самойловича: «По рассказам Я. М. Шинкевича, литовские татары заучивают изусть или читают религиозные тексты, не различая в них, за исключением мулл, арабских от некогда родных им турецких. Ознакомившись с последними элементами в Ленинградском университете, Я. С. Шинкевич к удивлению своему убедился в том, что особенно затруднявшие его в детстве молитвы оказались не на арабском, а на турецком языке»⁵. Коран также принадлежит к тому виду религиозной литературы, которая переписывалась на арабском языке, но под арабской строкой помещался перевод на употребительный в данное время в определенной среде язык⁶; и этот вспомогательный текст писался арабскими буквами. Арабскими же буквами писались и переписывались и разные другие тексты, переведенные на белорусский язык.

Первым ученым, обратившим внимание на такого рода рукопись, был немецкий востоковед О. Флейшер, обнаруживший в библиотеке Лейпцигского университета рукописную книгу, в которой кроме татарских и арабских текстов были, как показалось О. Флейшеру, и польские тексты. Сведения об этой рукописи находим в письме И. И. Срезневского от 7 апреля 1840 г. известному чешскому слависту Вячеславу Ганке⁷. Из всех приведенных в письме материалов видно, что рукопись представляет собой так называемый хамаил (мусульманский молитвенник). О ее языке по имеющимся там данным судить трудно. Много сведений о белорусских и польских текстах, писанных арабским письмом, находим в названных уже нами работах А. Мухлинского. В одной из них («Исследование...», стр. 29) указывается, что «имеются молитвенники и другие сочинения религиозного содержания с переводами на польский язык или на русско-литовское и русско-украинское наречия в довольно значительном количестве, так что можно было бы составить из книг этого рода маленькую библиотеку». В этой же книге (стр. 62—70) даются образцы польских и белорусских текстов.

⁵ А. Н. Самойлович. *Литовские татары и арабский алфавит*. «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», № 3. Баку, 1926, стр. 3—7.

⁶ Такие тексты имеются и на польском языке.

⁷ В. А. Францев. *Письма к Вячеславу Ганке из славянских земель*. Варшава, 1905, стр. 945—947.

Наконец, в 1915 г. Иваном Луцкевичем был найден в окрестностях Вильнюса в сел. Сорок-Татары у муллы С. Полтаракевича сборник белорусских текстов, так называемый *китаб*, писанный арабским письмом. Появившаяся в печати информация И. Луцкевича⁸ о его находке вызвала большой интерес к такого рода рукописям. На эту информацию двумя статьями откликнулся Е. Ф. Карский⁹. В этих статьях Е. Ф. Карский использовал материал, приведенный в статье И. Луцкевича, и, ссылаясь на информацию И. Ю. Крачковского, сообщил о рукописях Ленинградского (тогда еще Петроградского) университета № 867—869 и 893 (у Карского, а позже и у Крачковского ошибочно указывается не 893, а 883) и об опубликованных А. Мухлинским белорусских текстах. О четырех рукописях литовских татар, хранящихся донныне в библиотеке восточного факультета Ленинградского университета, упоминается в двух статьях и И. Ю. Крачковского¹⁰. В. Вольский¹¹ в белорусском журнале «Узвышша» описал одну рукопись и опубликовал находящийся в ней восточный приключенческий рассказ. В 30-е годы Я. Шинкевич¹² сообщил о *китабе* 1792 г., описал его содержание и опубликовал несколько рассказов. Али Воронович¹³ описал содержание трех больших *китабов*. Особо нужно отметить большую монографию С. Кричинского¹⁴ о литовских татарах, где имеется очень много материала, относящегося к теме настоящей статьи.

Известный польский востоковед А. Заёнчковский¹⁵ в 1951 г. сообщил о *хамайле*, хранящемся в Варшаве, дал его описание, привел образцы польского и белорусского текстов, обратив особое внимание на тюркские языковые элементы в нем. О неизвестных до сих пор экземплярах *китабов* сообщил М. Конопакский¹⁶.

⁸ И. Луцкевич. *Ай Кітаб*. «Зборнік Наша Ніва». Вільня, 1920, ст. 28—31.

⁹ Е. Ф. Карский. *Белорусская речь арабским письмом*. «Белорусь», т. III, ч. 2, 1921, стр. 239—240; *Белорусская речь арабским письмом*. «Ученые записки высшей школы г. Одессы», т. II. Одесса, 1922, стр. 1—2.

¹⁰ И. Ю. Крачковский. *Белорусская речь арабским письмом*. «Восток», кн. I, Па. 1921; он же. *Рукопись корана в Пскове*. «Доклады Российской Академии наук», 1924, стр. 167—168; он же. *Избранные сочинения*, т. I. М.—Л., 1955, стр. 162—165.

¹¹ В. Вольский. *Наконт нацыянальнай літаратуры беларускіх татар*. «Узвышша», № 4. Мінск, 1927, стр. 135—146; он же. *Асноўныя прыкметы арабскай транскрыпцы беларускага тэксту ў «китабах»*. «Узвышша», № 6. Мінск, 1927, стр. 189—193.

¹² J. Szynkiewicz. *O kitalbie*. «Rocznik Tatarski», t. I. Wilno, 1932, стр. 188—194.

¹³ A. Wogonowicz. *Kitaб Tatarów litewckich i jego zawartość*. «Rocznik Tatarski», t. II. Zamość, 1935, стр. 376—394.

¹⁴ S. Kryczyński. *Tatarzy litewscy*. «Rocznik Tatarski», t. III. Warszawa, 1938, стр. 338.

¹⁵ A. Zajaczkowski. *Tak zwany chamail tatarski ze zbioru rękopisów w Warszawie*. «Sprawozdania Polskiej Akademii Umiejętności», t. LII, 4. Kraków, 1951, стр. 307—313.

¹⁶ М. Конопакский. *Помнікі арабска-беларускай пісьменнасці*. «Ніва». Беласток, 1963, № 20; см. также: М. Конопакский. *O muzułmanach polskich*. «Przegląd Orientalystyczny», № 3. Warszawa, 1962, стр. 225—240.

В свое время А. Шлюбский и Л. Цветков также сообщили о виденных ими такого рода текстах¹⁷.

Изучением языка китаба И. Луцкевича и публикацией его текстов занимался Я. Стайкевич¹⁸.

Поскольку в задачу настоящей статьи не входит давать полной библиографии о литовских татарах и их литературе, мы ограничились перечислением только таких работ, которые прямо или косвенно связаны с открытием новых белорусских и польских текстов, писанных арабскими буквами.

Ниже дается описание доступных нам в настоящее время белорусских текстов. Описываемые нами в настоящей статье рукописи располагаем по местам их хранения в настоящее время. Начнем с рукописей, хранящихся в библиотеках Вильнюса.

К наиболее известным в научной литературе рукописям принадлежит упомянутый уже нами китаб И. Луцкевича. До 1945 г. рукопись находилась в Белорусском музее им. И. Луцкевича в Вильнюсе. В настоящее время она хранится в отделе рукописей Библиотеки Академии наук Литовской ССР (рис. 1). Ее современная сигнатура F 21—814. Формат рукописи в лист. Она без начала и конца. Недостает одного листа и в середине рукописи. Это последний лист поэтической легенды о вознесении Магомета в небо («Ме'радж»). Сравнение с текстами этой же легенды в других китабах показывает, что в нашем китабе не хватает 15 конечных строк. Всего сохранилось 138 листов рассматриваемой рукописи, некоторые из них сильно повреждены (например, 26, 27, 94, 95, 116, 117, 123, 124). Текст большей части рукописи сохранился хорошо и читается легко. В 1956 г. рукопись реставрирована в Лаборатории консервации и реставрации документов АН СССР в Ленинграде. Сравнение текста после реставрации с осуществленными ранее публикациями того же текста показывает, что работа проведена очень тщательно. Много неудобств для исследователей этой рукописи вытекает из-за путаницы в нумерации ее листов. Как видно из публикаций текстов, осуществленных Я. Стайкевичем, а также из примеров, приводимых в его статьях, до реставрации нумерация листов шла справа налево, как это обычно бывает в арабских рукописях. Большинство листов имеет нумерацию, согласованную с содержанием рукописи. Такого согласования нет в публикации легенды «Ме'радж» в журнале «Slavia» (Praha, Roč. XII, 1933—1934, стр. 374—390). Согласно ходу по-

¹⁷ А. Шлюбский. *Беларуская мова арабскай транскрыпцыяй*. «Наш край», № 6—7. Мінск, 1926, стр. 51—53; Л. Цветков. *Некалькі слоў аб менскіх татарах*. «Наш край», № 6-7, 1927, стр. 10—11.

¹⁸ Я. Стайкевич. *Príspevky k dějinám běloruskeho jazyka na základě rukopisů «Al-Kitab»*. «Slavia», Ročník XII. Praha, 1933—1934, стр. 357—390; Я. Стайкевич. *Беларускія мусульмане і беларуская літаратура арабскім пісьмом*. «Гадавік Беларускага Навуковага таварыства ў Вільні», I, 1933, стр. 111—141; Я. Стайкевич. *Mova rukopisů «Al-Kitab» Krůvickáho muzeu Ivana Lucheviča v Vilni*. «Veda», New York, 1952, стр. 25—31, 55—62, 89—95, 146—152, 236.

اَنْدَكُوْرْدَم بِنْد بَلَك عَوْرَتَلَرِب •
 اَجَلْدَان آصَلْمَلَر بُولَارِب •
 طَلَم وِدُوْغ مِلْدَن پَدُوْغ زَانُوْغ
 صَاوَرْتِيْغ صَاوَرْتَان
 اَجَلْدَان يِنَاْمَه شُوْغ جَقَار •
 سَوْت بِيْدِيْه اِرْبِيْه تَان آقَار •
 صِيْرْتِيْغ يِيْغ وِجُوْغِيْغ
 ضَامِصْط مَلَاقَا صَوْتَرَاوْجَا تَدُوْغ
 اَيْتْدَم بُولَر دَنِيَاد نَدُوْلِيْه •
 مَلِك اَيْدِب سَوْتَلَرِيْ صَدِيْلَر •
 مَامُوْن شَطُوْمِيْغ نَاثُوْغِيْغ جَلِيْغ
 عَنَل رَق مَلَاق صَوَارِيْ بَرْدَاوَال
 اَنِي تِيُوْت كَالِيْق اَيْلَرِيْ •
 قَاوَمِيُوْن مِيَاللَرِب وَاوَرِيْ •
 صَوَارِيْ پَاكُوْغُوْش جُوْرْتِيْغ مَانْجَل
 عِيْغ اَوْرِيْغ صَوَارِيْ دِيْغِيْغ

Рис. 1. Образец письма. Часть стр. IIIб китаба библиотеки АН Лит. ССР
Первая половина XVIII в. (ср. рис. 7)

вестования, а также расположению текста этой же легенды во многих других китабах, листы должны следовать не от 1076 до 1346 в порядке натурального ряда чисел, как это имеет место в названной публикации, а в следующем порядке: 1076—1176, 125а—1346, 118а—1246.

В настоящее время нумерация листов рукописи идет слева, направо, т. е. против хода повествования, таким образом их первоначальный порядок перепутан.

В изготовленной нами электрографической копии рассматриваемого китаба листы сложены справа налево по ходу повествования, справа же налево проведена и нумерация листов (1—138). Следует иметь в виду, что в приводимых нами примерах страницы указываются по нашей нумерации, к оригиналу же приложена таблица согласования нумерации листов в нашей копии и в оригинале.

Переходим к вопросу датировки памятника. В статье И. Луцкевича сказано, что текст китаба «писаны характерам 16 або пачатку 17 веку». Я. Станкевич во всех своих работах рассматривает его как памятник XVI в., не приводя достаточно веских доводов.

Необходимо, однако, отметить, что, как показывает знакомство с содержанием многих книг, их объем, подбор материала и его расположение в большинстве случаев бывает разным. Все это, видимо, зависело от переписчика, являвшегося одновременно и составителем, а может быть, и от заказчика (особенно объем). Тексты могли включаться в составляемый сборник из разных источников. Вот почему датировка книг, не имеющих даты, предполагает ответ на два вопроса: 1) когда возникли входящие в состав сборника тексты и 2) когда составлен или переписан сборник.

Что касается первого вопроса, то в отношении как рассматриваемого нами здесь сборника, так и в отношении других сборников, в том числе даже датированных, в настоящее время трудно сказать что-нибудь определенное. Для этого нужно было бы провести текстологическое исследование всех текстов, входящих в интересующий нас сборник, сравнив их с такими же текстами в других книгах.

Не исключена, конечно, возможность, что некоторая часть текстов книги И. Луцкевича, а возможно и все его тексты, возникли в XVI в.

Что же касается второго вопроса, т. е. времени составления интересующего нас сборника, то анализ водяных знаков на бумаге и другие соображения не позволяют отнести его к XVI в. Водяной знак рукописи (лл. 100, 101, 103, 105, 110, 112, 114, 115, 116, 117, 119, 121, 136 137¹⁹) имеется в недавно законченном альбоме Э. Лауцявичюса²⁰ под № 2860. Бумага с таким знаком была в употреблении в 1720—1749 гг. (рис. 2 в.). На это же время указывает и другой факт. Рукопись И. Луцкевича и рукопись № 868 Ленинградского университета, как видно из почерка и некоторых особенностей орфографии обоих памятников, написаны одним писцом (см. рис. 1, 7). Легко обнаруживаемый в рукописи № 868 (лл. 1, 2, 4, 7, 8, 9, 11, 15, 18, 19, 21, 22, 23, 26, 27, 30, 33, 35 и др.) водяной знак и буквы ЕА (лл. 3, 5, 6, 10, 12, 13, 14, 16, 17 и др.) в том же альбоме Э. Лауцявичюса обозначены № 2361 (см. рис. 2 г). Бумага с таким знаком была распространена в первой половине XVIII в.

В книге И. Луцкевича, если не считать очень немногочисленных польских или польско-белорусских текстов, находим чистый белорусский язык с очень небольшим количеством фонетических и лексических полонизмов. Место его написания определяют следующие фонетические и морфологические особенности:

1. Недиссимилятивное аканье с совпадением гласных /o/ и /a/ после твердых согласных в конечном открытом слоге в одном звуке /a/. Исключение составляет окончание род. пад. ед. ч.

¹⁹ Нумерация листов по оригиналу.

²⁰ Е. Л а у ц е в и ч ю с. *Popieris Lietuvoje. Vilnius, 1967.*

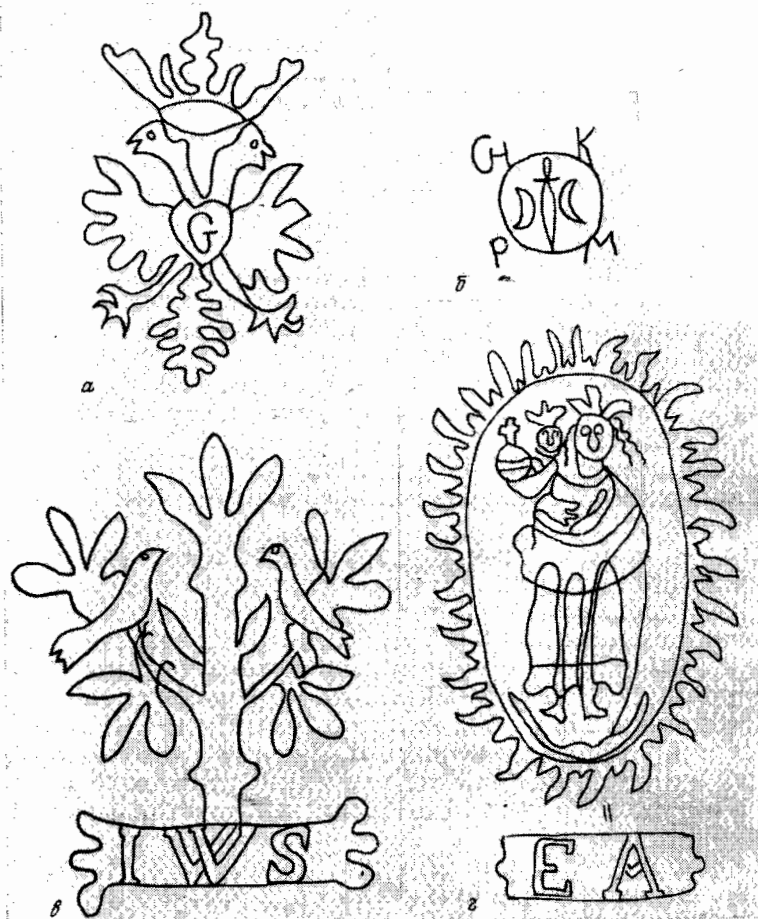

Рис. 2. Водяные знаки

прилагательных и склоняющихся по их образцу местоимений с ударением на корне слова, например ²¹: *суднагб* 5261, 111а9, *бб-жегб* 6869, *'адзинагб* 118а8, *белагб* 123а7, но: *ничбга* 84а11.

²¹ По выработанной нами системе транслитерации в приводимых в настоящей статье примерах наклонная черточка над буквами *з*, *к*, *с*, *т* (*з'*, *з*, *к'*, *с'*, *с*, *т'*) указывает на мягкость обозначаемых ими звуков (*з*), (*к*), (*с*), (*т*). Отсутствие же такой черточки над указанными буквами — на твердость тех же звуков. Мягкость — твердость остальных согласных в оригиналах и в нашей транслитерации не обозначается. Буква *в* с точкой под ней обозначает взрывной звук (*в*), без точки — фрикативный. Горизонтальная черточка над согласной буквой обозначает ее удвоение. Буквой *и* обозначаются звуки (*и*) и (*ы*). Другие диакритические знаки указывают на орфографию оригинала и звукового значения не имеют.

2. Отсутствие удвоения согласных перед старым сочетанием *ьј*: *при кенану* 47а7, *адзене* 33а7, 75а4, *питане* 3а1, *спаценіе* 2963, 5067, *набеніе* 125610, *зеліе* 12568.

3. Преобладание формы 3-го лица ед. ч. глаголов 1-го спряжения без окончания: *майе* 4669, *чекайе* 5962, *звэже* 97а7, *пише* 59а7, *прикаже* 368, *зайдзе* 4а4, *чўіе* 7568. Реже встречаются формы с окончанием *-ць*: *раздзерец* 169, *дўйдзец* 9а9, *идзец* 55а5, *речец* 91а12²².

4. Наличие окончаний *-аю* и *-ую* в вин. пад. ед. ч. прилагательных ж. р.: *у чыстайю землу* 73610, *паслужу великайю* 62а11, *адзежу чыстуйю* 74а5, *на грешнайю реч* 59611.

5. Односложное окончание род. пад. ед. ч. прилагательных ж. р. *ад хвали божей* 63а8, *правдивей* 565. Все это указывает, если исходить из современной группировки белорусских говоров, на юго-западную окраину среднебелорусских говоров, непосредственно примыкающую к литовской языковой территории.

Две интересующие нас рукописи в настоящее время хранятся в отделе рукописей научной библиотеки Вильнюсского государственного университета. Их номера по каталогу М. Бренштейна 391, 392 (рис. 3).

Рукопись 391 представляет собой китаб. Даты в рукописи нет. Бумага фабричного производства. Судя по водяным знакам на бумаге в виде чисел 18-42, 18-43, обозначающих, видимо, годы изготовления бумаги, можно думать, что рукопись переписана в середине XIX в. На стр. 360 внизу есть запись арабскими буквами без огласовок: «...*ибн Абрагам Карицки писал китаб*». В рукописи 360 страниц текста. Формат рукописи в лист. Количество строк на странице разное: стр. 13—247, 249—305 по 19 строк (стр. 57—60 по 22, 69—70 по 21 строке), стр. 321 до конца рукописи (кроме 345—347, 360) по 22 строки.

Обложка картонная, покрытая темно-коричневой кожей. Сохранность книги хорошая. Текст читается легко.

По своим языковым особенностям китаб Карицкого почти ничем не отличается от китаба Луцкевича. Имеются только различия в графике и орфографии. Звуки /о/ и /у/ обозначаются разными знаками, тогда как в китабе Луцкевича они обозначаются одними знаками. Твердый звук /з/ передается арабской буквой *зā*, а в китабе Луцкевича буквой *дād*. Книга написана одним писцом. Письмо красивое, исполненное черной тушью.

С конца 97-й страницы (17-я строка, начиная со слов «*што куран пейе*») до стр. 326 (2-я строка, кончая словами «*дванацца гре-*

²² Необходимо отметить, что форма 3-го лица ед. ч. наст. вр. глаголов 1-го спряжения употребляется с окончанием *-ць* рядом с формами без окончания во всех рассматриваемых нами памятниках, возникших в юго-западной Белоруссии, в том числе в самых южных ее районах, как, например, в Казанском китабе XVII в., в рукописи № 893 Ленинградского университета (также XVII в.). Возможно, что форма с окончанием *-ць* проникла в язык белорусских текстов, писанных арабскими письмом, из старой белорусской кирилловской письменности, где такое окончание было нормой.

اِنَّكُمْ كُنْتُمْ عِندَ رَبِّكُمْ
 كَالْحَبِّ ذُرَّةً وَنَجْمًا
 وَرَبُّكُمْ عَلِيمٌ
 فَذَرِكُوا
 اِنَّكُمْ كُنْتُمْ عِندَ رَبِّكُمْ
 كَالْحَبِّ ذُرَّةً وَنَجْمًا
 وَرَبُّكُمْ عَلِيمٌ
 فَذَرِكُوا
 اِنَّكُمْ كُنْتُمْ عِندَ رَبِّكُمْ
 كَالْحَبِّ ذُرَّةً وَنَجْمًا
 وَرَبُّكُمْ عَلِيمٌ
 فَذَرِكُوا
 اِنَّكُمْ كُنْتُمْ عِندَ رَبِّكُمْ
 كَالْحَبِّ ذُرَّةً وَنَجْمًا
 وَرَبُّكُمْ عَلِيمٌ
 فَذَرِكُوا
 اِنَّكُمْ كُنْتُمْ عِندَ رَبِّكُمْ
 كَالْحَبِّ ذُرَّةً وَنَجْمًا
 وَرَبُّكُمْ عَلِيمٌ
 فَذَرِكُوا

Рис. 3. Образец письма. Часть стр. 278 книги библиотеки Вильнюсского университета. Середина XIX в.

тов главнейших йест: першейе...») текст китаба Луцкевича и Карицкого совершенно совпадает. Если предположить, что и утраченная часть рукописи Луцкевича так же совпадала с китабом Карицкого, то подсчетом можно установить, что в первом недостает около 92 листов.

Содержание рукописей Луцкевича и Карицкого, как и других китабов, очень разнообразно²³. Ниже мы постараемся дать некоторое представление о содержании китаба Карицкого (а со стр. 97 по 326 это будет одновременно и содержание китаба Луцкевича). На стр. 1—11 помещена генеалогическая таблица пророков, разных библейских персонажей, имамов, ханов и т. д., в том числе имена Адама (стр. 1), Ибрагима (стр. 4), Мухеммеда (стр. 10). Таблица представляет собой круги разной величины, соединенные между собой линиями. В большом кругу с именем Адама сообщается, в частности, что он «дзевецот и тридзбце лат жыл». Всего в таблице 277 имен. Главная тематика дальнейших страниц (13—243) — изложение основных догм мусульманства, описание разных обрядов и ритуалов, правила поведения в бы-

²³ О содержании китабов см. сноску 13.

ту, нравственно-поучительные рассказы. Для иллюстрации приведем несколько типичных заглавий, помещенных, как это часто делается в китабах, на полях рукописи: *‘А божих имонех (20), Пан бог мѣсли ведаѣе (215—516)*²⁴, *Кали хто спитайе (154—376)* (это катехизис в вопросах и ответах объемом в 15 страниц), *‘О рѣскашах райскѣих (63), Сѣднаго дна треѣакѣм лудзем страху нет (235—886), Падарожнаму бѣдз рад (116—126), Старога кажнаго шанѣй (117—13а), Йак каже пан бог сѣбедав шановац (115—12а)*. В этой же части книги находим довольно популярный диалог Магомета с шейтаном — *Прарок питав ѣ шейтана (190—596)*. В обоих китабах имеется и несколько легенд, самой популярной из которых является *«Ме’радж» (249—97а)*. В ней рассказывается о вознесении Магомета на небо и его путешествии по семи небесам. Объем — 57 страниц. Другие легенды: *‘А Мерѣме (243—936), А смерци Мухѣмеда (317—1326), ‘О стваренѣ света (306—1246)*. Необходимо еще отметить наличие в китабе Карицкого, как, впрочем, и в других сборниках, текстов с чисто народными поверьями, например о счастливых днях (348), разгадывании снов (337).

В рассматриваемом здесь китабе содержится около 30 страниц польских или польско-белорусских текстов.

В заключение отметим, что китаб Карицкого до сих пор никем не исследован и описывается впервые²⁵.

Приводим образец одного и того же текста из китабов Луцкевича и Карицкого.

Из китаба Луцкевича, стр. 1116:

Там видзев ‘адзин полк жанѣк за перѣци ѣих завешани. С перѣцей ѣих вихѣдзиц замест малака сѣкравица-крѣв. Йа [в оригинале ма] мѣвил: «Штѣ гетийе на свеце чинили?» ‘Енгел рек: «Малакѣ свайе предавали, ‘у ѣих ѣбѣх свайе дзеци билѣ. Свайе пакинѣвши, чѣжѣийе мамчили» (см. рис. 1).

Из китаба Карицкого, стр. 278:

Там видзев ‘адзин полк жанѣк за перѣци ѣих завешани. С перѣцей ѣих виходзиц замиж малака сѣкравица-крѣв. Йа мѣве: «Штѣ тийе на свеце чинили?» ‘Енгел мѣвил: Малакѣ свайѣ предавали, ‘ѣбѣх ѣих свайе дзеци били. Свайе пакинѣвши, чѣжѣийе мамчили (см. рис. 3).

Названная уже нами рукопись 392 отдела рукописей Научной библиотеки Вильнюсского государственного университета представляет собой так называемый тефсир (тафсир, тапсир),

²⁴ Первое число означает страницу, на которой начинается соответствующий текст в китабе Карицкого, а второе — в китабе Луцкевича.

²⁵ На полях лл. 249—305 китаба Карицкого имеются разные карандашные пометы, из которых видно, что кто-то сравнивал нумерацию страниц китабов Луцкевича и Карицкого. Судя по некоторым выражениям в рецензии Я. Шинкевича на статьи Я. Станкевича («Rocznik Tatarski», т. II, Zamość, 1935, стр. 453—455), можно думать, что автор этих помет и был Я. Шинкевич.

т. е. текст корана на арабском языке с подстрочным переводом его на польский язык. В рукописи 476 листов, их формат 20 × 35,5 см. Переписал коран Али сын Богдана Буцутка (или Буцютка), год переписки 1788. Запись о времени изготовления копии и переписчике находится на обороте 474-го листа внизу. Она сделана арабским письмом без огласовок. В польском подстрочном переводе имеются некоторые белорусские языковые особенности. Например, в суре (разделе) 20, стих 10 находим аканье, полногласие и другие белорусские особенности: *з галавнойю, праводника* 247а4. Отрывок польского текста из этой рукописи приводится на стр. 279.

В Историко-этнографическом музее Академии наук Литовской ССР нами выявлено шесть рукописей, частично или полностью белорусских по своему языку. Среди этих рукописей четыре китаба, один хамаил и один словарик-разговорник. В названный музей они поступили из бывшего Караимского музея. В настоящей статье номера рукописей мы указываем по описанию, составленному в Караимском музее. В трех из шести выявленных нами книг есть круглые печати с текстом на польском и арабском языках. Польский текст печати: *Mufti na Rzeczpospolita Polska*.

Самым древним из китабов рассматриваемого здесь собрания рукописей является китаб 1771 г., описанный в Караимском музее под № 35 (рис. 4). Дата написания и имя переписчика указаны на стр. 158: «*Данисал тен китаб мевднца зй-л-кеде (зу-л-ка'да)*»²⁶ *дна дзевднтего ве чвартак Яан Лебедз*». Внизу записи по-польски: «*Рок 1771.*» Рассуждения по поводу хронологии, приведенные на стр. 108—109, заставляют думать, что весь рассматриваемый китаб или какая-то его часть переписана из источника, написанного или переписанного в 1632 или в 1640 г., т. е. почти на 140 лет старше нашего списка.

Китаб 1771 г. представляет собой книгу формата 10 × 15,7 см, всего в рукописи 230 стр. текста, а кроме того, два чистых листа в начале и четыре в конце книги. Страницы пронумерованы простым черным карандашом. Вся рукопись состоит из 15 тетрадей, количество листов в которых колеблется от 6 до 12. Кустодии и современный состав тетрадей показывают, что в настоящее время недостает не менее 15 листов текста, из них около трех листов в начале, не менее 11 в середине и одного в конце. Основной текст китаба написан коричневыми чернилами, заглавия и некоторые буквы—красными чернилами. Сохранность текста хорошая, читается он легко. Книга написана, если не считать страниц 161—185. одним писцом и одинаковыми по цвету чернилами. Чернила страниц 161—185 несколько светлее, почерк другой. Обложка китаба картонная, покрытая черной кожей с многочисленными

²⁶ Одиннадцатый месяц мусульманского лунного календаря.

رَدَّتْ قَالَتْ شَيْبٌ بَدَّ قَالَ فَذَهَبُوا
 حَتَّى أَزْجَتْ قَالَتْ لَيْسَ بِكَ رَدٌّ يَا بَدَّ
 قَالَ مُتَقَابِلٌ دُونَ بَدَّ قَالَ تَائِدٌ
 لَدَا شَادٍ قَادٍ يَمُّ بَدَّ قَالَ تَكْرُؤُ يَمُّ
 هُم قَالَتْ شَيْبٌ بَدَّ قَالَ عَمَّ ذَرٍ وَبَدَّ
 قَالَتْ بَدَّ بَدَّ قَالَتْ دَمٌ رَيْبٌ قَالَتْ
 شَيْبٌ بَدَّ قَالَتْ وَكَأَمٍ هَدَّ رَيْبٌ مَرَّ
 حَمَّ نَقَّ بَدَّ قَالَتْ قَادٍ وَبَدَّ حَمَّ
 بَدَّ وَبَدَّ قَالَتْ مَا لَقَّ آذَنُ شَيْبًا بَدَّ
 حَلْفٌ بَدَّ يَا قَدَّ قَدَّ لَقَّ نَافِجٌ
 نَاهُ بَدَّ دُونَ حَكَاكَ وَبَدَّ أَوْ دُونَ
 أَوْ وَبَدَّ حَمَّ بَدَّ قَالَتْ حَمَّ
 بَدَّ وَبَدَّ حَمَّ رَفَّ بَدَّ قَالَ
 حَمَّ وَبَدَّ وَبَدَّ شَيْبٌ بَدَّ

Рис. 4. Образец письма. Часть стр. 123 китаба
Историко-этнографического музея АН Лит. ССР,
1771 г.

трещинами, на обеих ее сторонах заметны следы тисненого орнамента.

На чистых листах в начале и конце много разных записей карандашом и пером. Отметим некоторые из них. Так, на обороте второго листа в начале книги есть запись владельца рукописи: «принадлежит мулле Алею Шегидевичу». На лицевой же стороне этого листа арабскими буквами по-польски написано: «*к сенга друге, роздвал чвэрти*». Почерк и орфография этой записи похожи на почерк и орфографию известного слонимского переписчика книг первой половины XIX в. Мустафы Шагидевича. Возможно, китаб и был собственностью семьи Шагидевичей.

Написан рассматриваемый *китаб* не так старательно, как описанный ранее, его орфография также значительно менее последовательна, чем в других известных нам *китабах*. Много, например, случаев непоследовательностей в обозначении некоторых согласных, особенно /з/. Для обозначения звука /о/ употребляется особый знак, но рядом с этим указанный звук обозначается и теми способами, которыми обозначается и звук /у/. Непоследовательно употребляется *фахта* и *алиф* с *фахтой* над ним.

По своим языковым особенностям *китаб* *Лебеда* очень неоднороден. В нем весьма сильно сказываются особенности юго-западной части полоцкой группы белорусских говоров, например удвоение согласных перед группой *ьј*: с *приказана* 67/4, *здаваѣна* 200/9, *стайаѣну* 49/6; наличие окончания *-ць* в формах 3-го лица ед. ч. наст. вр. глаголов 1-го спряжения: *пѣйдзец* 185/5, *не бѣдзец* 175/3 и др. Имеются и особенности гродненско-барановичской группы говоров: на *тойо* 129/11, *расказанѣо* 225/9, *спитайе* 82/2 и др. Объясняется это тем, что текст переписывался неоднократно в разных местах, а возможно, и тем, что сборник составлен из текстов различных по своему диалектному происхождению. Чтобы разобраться в хронологии этих диалектных наслоений, необходимо детальное исследование текстов сборника.

Образец белорусского текста: «*Кали шати ўздзене, кариѣц бѣдзе. Кали ветхуйѣ шатѣ ўздзене, хварѣба бѣдзе. Кали скачец, добра бѣдзе. Кали на сѣдлѣ ўсадзе, кадейем*²⁷ *бѣдзе. Кали сѣдлѣ не йагѣ, кариѣц бѣдзе. Кали гвазди видзиц, кариѣц бѣдзе. Кали ваду вариц, кариѣц бѣдзе. Кали валаси гѣлиц, фрасѣнак бѣдзе* (стр. 123) (см. рис. 4).

Имеется в сборнике небольшое количество польских текстов.

Переходим к *китабу* 1814 г. (рис. 5). Сведения о его составителе, времени и месте составления находим на стр. 600. Запись сделана на турецком языке. Из нее мы узнаем, что по мусульманскому летосчислению *китаб* написан месяца ша'бана²⁸ 1230 г., что соответствует 1815 г. н. э., написала Айша из Мурзичов Якубова Смольска (т. е. дочь Мурзича, жена Якуба Смольского) в местечке Мыши²⁹. Формат книги 16,8 × 21,5 см. В рукописи не 602 страницы, как указано на последней странице текста, а 592, так как допущена ошибка в нумерации страниц: после страницы 329 следует не 330, а 340 страница.

Бумага в начале книги светло-зеленая (стр. 1—56), далее серая лощеная. Обложка из толстого картона, покрытого темно-коричневой кожей. После обложки следует очень плотный лист бумаги желтого цвета. На его лицевой стороне карандашом написано слово *Kitab* 7. В конце книги после текста следует шесть чистых листов бумаги.

²⁷ Судья (ар. *қадѣ*).

²⁸ Восьмой месяц мусульманского лунного календаря.

²⁹ Населенный пункт в окрестностях г. Барановичи.

حکایة قال وورن قطور وهورنی قرحیه طووسو وشنیه
 قزجه ووبر چزله نام طربا و دهن قال اصبوط اذن قرحیه ووبریه
 وشنیه باچینه بادار ورن جلووق پرید قال انبل اذن قرحیه حکیه
 وشنیه قز قاله ابوندلف قرحیه رانو ووبریه وشنیه باچینه قاله
 او و طورنی قرحیه رانو ووبریه وشنیه باچینه قال اسرد رانو
 قرحیه بو طربا اقا ز مابو بظوا قال اجهور رانو قرحیه طربا
 او ورونیبقا وشنیه سخت قاله اباطنه رانو قرحیه بروریه
 زادانیه دویدیشه قاله اصبوط رانو ابولدن قرحیه او قروم
 طخ چاسنه ووبر انبله او کیندا احشام قرحیه لیجوا او قروم
 طخ چاسنه ووبر ابوندلف افسلق قرحیه لیجوا او قروم

Рис. 5. Образец письма. Часть стр. 601 китаба Историко-этнографического музея АН Лит. ССР. 1815 г.

На странице по 15 строк текста. Весь текст написан одной рукой черной тушью. Во многих местах для выделения заглавий и некоторых других частей текста употребляется красная тушь. Сохранность книги в целом и текста в частности очень хорошая. Как явствует из записи в инвентарной книге Караимского музея, китаб приобретен в 1946 г.

Содержание рассматриваемого китаба в значительной части совпадает с содержанием китаба Карицкого, но расположение в нем материала совершенно другое. Кроме того, китаб Смольской значительно больше по объему, поэтому в нем много таких текстов, которых нет в китабе Карицкого.

Орфография рукописи довольно последовательна. Звуки /y/ и /o/ обозначаются разными знаками. Мягкость—твердость звуков /z/, /c/, /k/ обозначается последовательно. Только на первых 25 страницах наблюдается непоследовательное употребление *ç* и *m* для обозначения /ç'/ из /m'/ . Отличительной особенностью орфографии А. Смольской является то, что у нее огласовки иногда

отсутствуют не только в восточных (арабских и турецких) текстах, но изредка и в отдельных белорусских и польских словах. У других писцов известных нам текстов такое явление не наблюдается.

В языке китаба А. Смольской явно преобладают черты, свойственные юго-западным белорусским говорам, например неполное аканье, т. е. сохранение конечного безударного /о/: *моцно* 242/7, *небо* 221/7, 230/11, *у пекло* 224/1, *скоро* 220/10, 225/2; явное преобладание форм без окончания *-ць* в 3-м лице ед. ч. глаголов 1-го спряжения: *пише* 38/14, 100/11, *пейе* 48/5, *дадзе* 602/4, *пробудзе* 602/11. В некоторых словах в закрытом слоге выступает /у/ на месте /о/: *потѹм* 357/2, 373/14, 374/2, 457/2, *на гетѹм* 363/15. Имеются и другие фонетические и морфологические особенности, свойственные юго-западным белорусским говорам. Необходимо, однако, отметить, что встречаются и особенности северо-восточных белорусских говоров, например удвоение согласных перед группой *ь/*, форма 3-го лица ед. ч. глаголов 1-го спряжения с окончанием *-ць*: *спасейца* 52/8, 93/4, *приказаѣ* 64/8,6 *будзец* 266/11, 471/10.

В китабе А. Смольской сравнительно много и польских текстов (на стр. 242—258, 283—303, 572—599 и др.)

Образец белорусского текста (стр. 601):

Кали ворон у суботу удзен кричиц, добруйу вець пачуеш, пабарожни челоуек прыйдзе. Кали у недзелу удзен кричиц, лихуйу вець кеже. Кали у понедзелку кричиц рано, добруйу вець пачуеш. Кали у ве вторек кричиц рано, добруйу вець пачуеш. Кали у середу рано кричиц, потреба укажеца, бѹдзе битва. Кали у чецвер рано кричиц, треба од розбойникав сцережчице (см. рис. 9).

Китаб № 39 Историко-этнографического музея представляет собой объемистую рукописную книгу в 511 стр. (а не 507, как значится на последней странице текста) (рис. 6). Формат рукописи 16,5 × 20,7 см. Китаб написан в Слониме в 1837 г., о чем сказано на стр. 507: *Тен китаб написанѣ в Слониме през Мустафа Шагидевича для Багдана Шагидевича. Укончонѣ медонца мухерема* ³⁰ *понтего дна, а рокѹ тисонѹ обимсет тридзестим сѹдмим.* На странице по 15 строк текста. Текст написан темно-коричневыми, почти черными чернилами. В некоторых местах страницы (368—377) испещрены красными чернилами, на страницах же 378—387 текст расположен в два столбца, один из которых написан красными чернилами (тюркский). Страницы пронумерованы также красными чернилами. Исключение составляют числа 169а, 169, 307а, 307. Они дописаны фиолетовыми чернилами после проведения нумерации красными чернилами. На первой странице находим инвентарный номер и сигнатуру музея муфтиата: S. 106, Inw. 106. На

³⁰ Первый месяц мусульманского лунного календаря (ар. мухаррам).

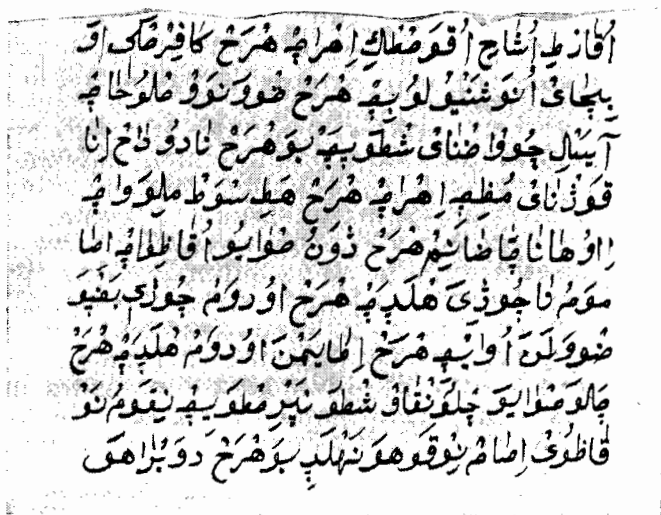

Рис. 6. Образец письма. Часть стр. 221 китаба Историко-этнографического музея АН Лит. ССР 1837 г.

внутренней стороне написан номер рукописи (39) по описанию Караимского музея. Печати муфтия имеются на стр. 1, 159.

Обложка рукописи из твердого картона, покрытого красным сафьяном. На обеих ее сторонах вытиснен изящный орнамент. Бумага рукописи очень плотная с желтоватым оттенком. Листы 25, 215, 295, 359, 427 имеют незначительные обрывы или надрывы.

Книга в целом и ее текст в частности в очень хорошей сохранности.

Орфография китаба М. Шагидевича очень последовательна.

Необходимо обратить внимание на одну особенность текстов китабов А. Смольской и М. Шагидевича. Речь идет об обозначении безударного /o/. В китабах И. Луцкевича и А. Карицкого безударный звук /o/ систематически обозначается буквой *a* (алифом с фатхой над ним). Исключения из этого общего правила очень редки. В китабах же А. Смольской и М. Шагидевича конечный безударный звук /o/, как правило, обозначается буквой *o* (вавом с фатхой над ним), тогда как неконечный безударный звук /o/ в одних и тех же фонетических положениях и даже в одних и тех же словах передается буквой *o* и буквой *a*. Нам кажется, что в последнем случае (обозначение неконечного безударного /o/ буквой *o*) перед нами не фонетическое, а орфографическое явление, связанное со знанием переписчиками польского языка и письма. Об этом, видимо, свидетельствуют и случаи написаний

о на месте этимологического /а/. В китабе Смольской: *по полацех* 11/7, *полацех* 224/5, *похари* 368/15, *Кохоновски* 585/1, 14, *Кохоновского* 585/4, *Кохоновскемѹ* 585/13, *довал* 491/5. В китабе Шагидевича: *полаци* 438/6 (ср. *палацав* — 437/7), *покойаѹ* 489/9, *не довали* 431/7.

Почти вся рассматриваемая рукопись состоит из текстов на белорусском языке. По своим фонетическим, морфологическим и другим особенностям ее язык очень близок к языку китаба А. Смольской. В его основе также лежат особенности юго-западного наречия, но имеются и черты юго-западной части полодской группы белорусских говоров. Как и в китабе Смольской, в китабе Шагидевича имеются и польские тексты (на стр. 277—400 и др.). Некоторые тексты можно квалифицировать как польско-белорусские. По всему китабу рассеяны арабские тексты в виде цитат из корана. На стр. 377—387 текст расположен в два столбца, правый из них туркский, а левый польский.

В заключение даем образец белорусского текста из китаба М. Шагидевича (см. рис. 6):

У карти, у шахи, у костки играц грех. Кафирскѹ обичай у ношений лѹбиц грех. Звонов слѹхац, а йесли чѹв, знай, што пец, бо грех. На дѹдах и на кожнай музици играц грех. Гети свет миловац и ѹганаѹа за ним грех. Жону свайѹ указивац и самому на чѹжийе гледзец грех. У дом чѹжѹй без позволене ѹваѹици грех, и тайемне ѹ дом гледзец грех. Цело свайо, члѹнкая, што не пристойиц, никому не вказѹй и сам ни в кого не гледзи, бо грех (стр. 221).

О рукописи № 13 в инвентарном списке Караимского музея сказано, что это «рукописная книга, содержащая 20 различных молитв на польско-белорусском языке». Необходимо сказать, что в данном китабе имеется только одна молитва «Дзедзонора боже пшиказаѹо», т. е. «Десять заповедей господних». Девятнадцать же из двадцати представленных там текстов ничего общего с молитвами не имеют. Это мусульманские легенды, рыцарские повести и один приключенческий рассказ.

Рукопись представляет собой книгу в 222 страницы текста, ее формат 16,3 × 22,8 см. В начале и в конце рукописи имеется по два чистых листа. На странице по 15 строк. Текст написан старательно, можно сказать, с большой любовью: количество строк во всей книге одинаково, интервалы между строками одинаковы (линии письма были предварительно намечены тупым предметом), во всей рукописи текст обрамлен. В конце рукописи дано оглавление, что мы встречаем в китабах впервые. Страницы пронумерованы, как обычно, справа налево арабскими цифрами одновременно с написанием текста. Вся рукопись написана коричневыми чернилами и одной рукой на прочной гладкой тонкой бумаге.

Китаб написан в 1868 г. Александром Хасеневичем, о чем сделана запись арабским письмом без огласовок на стр. 222 внизу: «дописалем та ксѹнка в року тидонц осимсет шебдзедонт осим

медонца ше́вала ³¹ два́дзестэго понтего дна. То писал Александр Лекўбов Хасеневич». Из дописок по-русски на первом чистом листе в начале книги видно, что рукопись находилась в семье Хасеневичей в Свенцянском уезде (ныне Литовская ССР), местность не указывается: «Эта книга принадлежит из дворан Хасеню Матвею Родкевич с 1906-го года марта 13 дня субботы. Виленской губернии, Свен[цянского] уез[да]». На обороте этого же листа более грамотным лицом написано: «Принадлежит сия книга к Якову Хасеневичу. 21 сентября 1875 г.»

В орфографии рассматриваемой рукописи необходимо отметить одну особенность, встретившуюся нам впервые. В польских текстах, а также в отдельных польских словах белорусских текстов звук /z/ из /f/ в XVII-XIX вв. обозначался буквой *rā*, т. е. той же буквой, которой обозначался белорусский и польский звук /r/. В китабе Хасеневича впервые звонкий вариант указанного польского звука обозначается буквой *p* (ар. *rā* с тремя точками сверху), т. е. той же буквой, которой обозначается звук /ж/, а глухой — буквой *ш* (ар. *шйн*).

Язык большинства текстов китаба Сегеневича, иногда с некоторой натяжкой, можно назвать польским. Нужно только иметь в виду, что значительное место в этих текстах занимают белорусские особенности. Они имеются в фонетике, морфологии и лексике. Сравнение некоторых текстов китаба Сегеневича с такими же текстами на белорусском языке из более ранних китабов показывает, что мы имеем дело с переводом этих текстов с белорусского языка, но с переводом дословным. Изменялось только фонетическое и морфологическое оформление слов, белорусские слова заменялись польскими, но и указанные изменения проводились не до конца. Сказанное нами проиллюстрируем приводимыми ниже отрывками текстов легенды «Ме'радж» из китаба Луцкевича и Сегеневича.

В китабе Луцкевича (стр. 1116):

*Пётим йе́шче варбта 'ачинили́бе, бе́м пе́кел там мне йавно́ ста-
ла́. Там видзев 'адин по́лк жано́к за пер́цы йих завешани. С пер́-
цей йих вихо́дзиц замест малака сўкрави́ца-крёв. Йа ³² мёвил:
'Што́ гетийе на све́це чинили́?» 'Ангел рек: «Малако́ сва́е преда-
вали, 'у йих ўсйх сва́е дзеци билй. Сва́е пакинўши, чўжыйе мам-
чили́» (см. рис. 1).*

То же в китабе Сегеневича (стр. 22):

*Потим йе́шче врте оде́жнели́ се, бе́деж пе́кел там мне йавно
стало. Там вй́дзал йеден пўлк жо́н за пер́цы йих завешен. Ис пер́-
цы йих вй́ходзон замест мл, ка сўкрави́ца-креф. Йа мўве: «Цо
онй на све́це чинйли́?» Ангел мўвил: «Млйцо́ сво́е пшедевали, фи́шис-
кйх йих сво́е дзеци бй́ли. То сво́е пожўцивши, цў́дзе кармй́ли.»*

³¹ Десятый месяц мусульманского лунного календаря (ар. шава́л).

³² В оригинале ма.

Не входя в подробный сравнительный анализ языка приведенных нами текстов, отметим, что такое же соотношение наблюдается и между языком большинства легенд китаба Сегеневича и известных нам более ранних белорусских списков этих же легенд других китабов („*О ёмерци Мухежда*“, „*О ёмерци Ибрагъма, сѣна пророцкего*“, „*О ёмерци Мерйеминой*“, „*О Сабѣтѣ*“, „*О вейсѣтѣ тцецим*“ и др.).

Легенда „*О ёмерци Фатми*“ помещена в китабе Сегеневича на белорусском языке. Хотя в ней и имеются полонизмы, но они не нарушают структуры белорусского языка.

Вот отрывок этой легенды по списку Сегеневича (стр. 60—61):

*О Фатме описѣе, ѡако из сего света зишла, так ознаймуѣе. Кали прорек ѡего милоцѣ остатний час пришов, Фатму до себе призав и мѣвил: **Иа**³³, Фатме, схилисе до мене. Фатма до ѡего прихилиласе, кѣ пророку ѡего милоцѣи, и ѡши свое до рота блиско и слѣхала. Пророк ѡего милоцѣ мѣвил: **Иа**, Фатма, ѡа из гетого света зйду од ѡметѣ, од ѡметѣ³⁴ одлѣчѣсе, а ти после мене ѡ шещѣ месецей до мене прѣдзеш, так мѣвил. **Шещѣ** месецей минѣла, Фатма... Абѣ **Бекѣровѣ** **Исмѣ** да себе призвала и мѣвила: **Иа**, **Исма**, оецѣ мѣй мене ознаймил ёмерцѣ майѣ, сагодна той дзен, сагодна ѡа из сего света зйду.*

В языке китаба Сегеневича легко обнаруживаются многие особенности, свойственные юго-западной окраине полоцкой группы белорусских говоров. Наиболее же часто выступает удвоение согласных перед группой *ѣ*. Это явление наблюдается довольно часто даже в польских текстах.

Очень любопытной является рукопись № 42 по инвентарной описи Караимского музея. Она представляет собой турецко-белорусский словарь-разговорник. Словарь написан рукой уже известного нам по рукописи китаба 1837 г. М. Шагидевича. Прямой даты рукопись не имеет. О ней можно судить только по водяным знакам на бумаге в виде числа 18-36, обозначающего год выпуска бумаги. Таким образом, можно сказать, что словарь составлен после 1836 г. В связи с датировкой рукописи возникает вопрос, когда составлен словарь, не является ли он списком с более раннего оригинала. Текст разговорника не дает никаких оснований полагать, что он является списком. На наш взгляд, странным анахронизмом служит наличие в разговорнике среди названий разных видов огнестрельного оружия таких слов, как *лук*, *стрелка*, *шнурок*, *напаяци*. Объем словаря — 36 страниц формата 11,5 × 18 см, из которых 34 написаны рукой М. Шагидевича (26—206), а две первые (16, 26) — другим почерком, возможно позже. Как видно из текста на страницах 5а, 5б, словарь должен был служить пособием для изучения турецкого языка. Турецкий

³³ Звательная частица (ар, ѡа).

³⁴ Мусульманская религиозная община, совокупность верующих мусульман (ар. 'уммат).

язык, по мнению составителя словаря-разговорника, это «*мусульмански йазик исламской веры*». На странице 15а находим диалог, из которого видно, что словарь-разговорник предназначался для лиц, желавших эмигрировать в Турцию: *Мі хочем да́лей ици. Гдзе идзец? Мі сьўди прішли. Чаго вй прішли? Жиц прішли.*

Из словаря виден и маршрут путешествия. Упоминаются Яссы, молдавский язык, море (Черное), Рущук, Стамбул. В словаре-разговорнике имеются отдельные слова и диалогическая речь по самой разнообразной тематике, например фразы о сотворении мира, названия частей человеческого тела, отдельные слова и диалогическая речь, связанные с сельскохозяйственным производством, с сооружением дома, лексика и фразеология военного дела, ремесла. Ниже приводим диалог, связанный с наймом подводы:

Ўдома твой гаспадар? Ўдома. На што? Чи йест кон? Йест. Їа в да́рогу йежац. Чи да́леко? Бліско. Ні да́леко, до ашмаму³⁵ прійедем. Да́бре, што да́ди? Што хочеш? Ше́цц злотих ка́ли да́ди, по́йеду. Да́бре, в вос ка́на за́прага́й. За́чекай тро́хо, йа па́йдў да́ дому, речі за́берў (стр. 8б—9а).

Словарь-разговорник представляет известную научную ценность как образец народно-разговорной белорусской речи г. Слонима и его ближайших окрестностей в первой половине XIX в. Он интересен так же как факт, свидетельствующий о том, что в указанное время татары не только переписывали и читали ранее уже известные религиозные и другие тексты на белорусском языке, но и обращались к последнему в таких специальных случаях, как составление пособия для изучения турецкого языка.

В этом же музее хранится рукопись №11. Это хамаил 1765 г. Он написан в Немежу³⁶ Яном Езуфовичом. Все эти данные находим на листе 300а. Хотя переписчик и утверждает, что он время написания рукописи обозначает по мусульманскому летосчислению, но упоминаемые в записи события свидетельствуют о том, что год обозначен по христианскому летосчислению. Объем хамаила 303 листа текста, формат — 10,5 × 16,2 см.

Белорусского текста, как это в большинстве случаев бывает в хамаилах, очень мало. Самый большой отрывок белорусского текста имеется на листах 1—7. Это так называемый Третий весийет (завещание) Магомета. Текст данной легенды встречается во многих рукописях (в китабах 1815, 1837, 1868 гг., в хамаиле 1775 г.). Можно еще назвать описание похоронного обряда (лл. 277—279). Большинство же текстов составляют разнообразные молитвы на арабском и турецком языках. Объяснительные тексты имеются и на польском языке.

³⁵ Вечерняя молитва (тат.). Обычно ашшам-намаз.

³⁶ Населенный пункт в окрестностях в. Вильнюса.

По правописанию хамаил 1765 г. очень близок к китабу 1771 г. Белорусские тексты по языковым особенностям близки к языку китаба И. Луцкевича, во всяком случае в них не бросаются в глаза особенности, присущие современным гродненско-барановичским говорам.

Приводим небольшой отрывок белорусского текста из хамаила 1765 г. (стр. 139а):

У суботѹ валаси галиц, да лазни иѹи не гоже. У недзелу валаси галиц, да лазни иѹи не гоже. У панедзелац валаси галиц, да лазни иѹи не гоже. Ува вторек валаси галиц, да лазни иѹи не треба. У береду валаси галиц, да лазни иѹи гоже. У четвер валаси галиц, да лазни иѹи гоже. У пѹтницѹ валаси галиц, да лазни иѹи гоже.

Мы уже упоминали рукописи № 867—869 и 893 (см. стр. 258), хранящиеся в библиотеке Восточного факультета Ленинградского университета. Эти рукописи были некогда собственностью А. О. Мухлинского (1807—1858), профессора арабского и турецкого языков Петербургского университета. В библиотеку указанного университета они поступили в 1879 г. О языке и времени написания этих рукописей были высказаны самые противоречивые мнения.

В описании восточных рукописей библиотеки Петербургского университета Залеманна и Розена³⁷ язык всех четырех рукописей признан польским. Е. Ф. Карский³⁸, ссылаясь на информацию И. Ю. Крачковского, говорит, что в «библиотеке Петроградского университета находятся четыре рукописи на белорусском языке арабскими буквами», причем мнение, высказанное в названном выше описании относительно языка рукописей, он объясняет тем, что «он (барон Розен. — А. А.) не знал ни польского, ни белорусского языков». Ссылаясь на Е. Ф. Карского, Я. Станкевич³⁹ считает язык всех четырех рукописей также белорусским. А. Н. Самойлович⁴⁰, лично ознакомившись с рассматриваемыми рукописями, признал язык двух первых из них (№ 867, 868) польским, а двух других (№ 869, 893) — польско-белорусским. По данному вопросу ближе всех подошел к истине Самойлович, но и его мнение относительно языка рукописей № 869 и 893, как увидим в дальнейшем, требует уточнения.

В той же статье А. Н. Самойлович, коснувшись вопроса датировки этих же рукописей, говорит, что среди них «нет ни одной старше XIX века». Со своей стороны отметим, что такое мнение

³⁷ С. Salemann. V. Rosen. Indices alfabetici codicum manu scriptorum. Petropoli, 1888, стр. 5.

³⁸ Е. Ф. Карский. Белорусская речь арабским письмом. «Белорусь», III, ч. 2. Пг., 1921, стр. 239—240.

³⁹ Я. Станкевич. Белорускія мусульмане ..., стр. 14.

⁴⁰ А. Н. Самойлович. Литовские татары и арабский алфавит. «Известия общества обследования и изучения Азербайджана», № 3, 1926, стр. 3—7.

справедливо только в отношении рукописи № 867. Впрочем, год написания (1857) и этой рукописи указан ошибочно. В. Вольский, говоря о датировке разных рукописей, но имея в виду, как видно из ссылки, и рукописи Ленинградского университета, повторил мнение Самойловича, что среди этих рукописей нет «старей 19 стагоддзя». Я. Станкевич, не приводя никаких собственных соображений, которых, впрочем, у него не могло быть, так как лично ознакомиться с рукописями он не имел возможности, и без ссылки на других авторов, все рассматриваемые тут рукописи относит к XVII в., а по языку считает их белорусскими⁴¹.

На протяжении нескольких последних лет мы трижды подробно знакомимся с рукописями № 867—869 и 893 библиотеки Восточного факультета Ленинградского университета, изучая их бумагу и водяные знаки, орфографию, языковые особенности, содержание и т. д. В декабре 1964 г. нами изготовлены микрофильмы (негативы) всех названных рукописей, а для более удобного дальнейшего изучения рукописей № 869 и 893 изготовлены и их фотокопии.

Ниже дается краткое описание рассматриваемых рукописей, где мы коснемся вопроса датировки и определения их языка.

Рукопись № 867 представляет собой коран на арабском языке с подстрочным переводом на польский язык. Объем рукописи 535 листов формата в лист (20 × 32 см). Полистная нумерация всех рассматриваемых рукописей, в том числе и рукописи № 867, крупными цифрами черным толстым карандашом проведена одной рукой. Рукопись написана на двух сортах бумаги. Бумага листов 1—323 белая с желтым оттенком, листов 324—533 светло-зеленая. Текст двух последних листов написан на светло-зеленой и белой бумаге. Светло-зеленые листы сильно загрязнены, дефектны и находятся в рукописи без переплета. Почерк и цвет чернил (светло-коричневый) на этих листах такой же, как и на листах 1—533. Текст белых листов совпадает с текстом дефектных светло-зеленых листов, но он написан другими (черными) чернилами и несколько иным почерком. Белые листы помечены цифрами 534, 535 той же рукой и тем же карандашом, что и остальные листы рукописи. Они находятся в переплете. Бумага белых листов 534—535 такая же, как бумага чистых листов в начале и в конце рукописи. Можно думать, что текст двух последних листов переписан перед реставрацией переплета. На последнем, дефектном светло-зеленом листе в рукописи имеется запись 1825 г., из которой узнаем, что «сей тапсир принадлежит Буцутку Магмету Мацвею» и что «писал тапсир Богдан Буцютко»⁴².

На белом же 535 листе сказано, что «даписал сию книгу Мустафа Жданович 1857 года Аугуста (!) 9 числа». Если учесть, что

¹ Я. Станкевич. *Беларускія мусульмане...*, стр. 14.

² *Переписчик корана Вильнюсского университета (№ 392) Али сын Богдана Буцютка.*

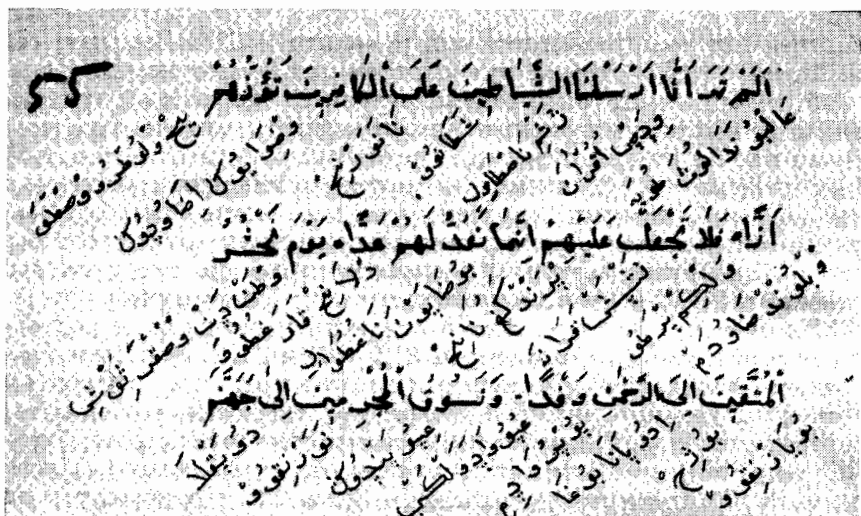

Рис. 7. Образец письма. Часть стр. 55а тефсира № 868 библиотеки Ленинградского университета. Подстрочный текст польский. Первая половина XVIII в. (ср. рис. 3)

на бумаге многих листов имеются водяные знаки в виде чисел 1910 (л. 9, 15, 17, 32, 268, 279, 286 и др.) и 1811 (лл. 363, 370, 374 и др.), что обозначает дату выпуска бумаги, то станет совершенно ясным, что коран написан между 1811 и 1825 гг., а 1857 г. является годом дописания двух последних дефектных листов, а не всего корана, как ошибочно думал А. Н. Самойлович.

Рукопись № 868 представляет собой фрагмент корана на арабском языке с подстрочным переводом (пересказом) его на польский язык (рис. 7). Формат рукописи в лист. Новая полистная нумерация сделана той же рукой и тем же карандашом, что и во всех остальных рассматриваемых нами рукописях Ленинградского университета. На многих листах сохранилась и старая их нумерация коричневыми чернилами, похожими на чернила, которыми написан текст рукописи. Листы 1 и 72 новой нумерации соответствуют 127-му и 339-му листам старой нумерации. Это дает основание думать, что 73 уцелевших листа рукописи № 868 являются частью полного некогда текста корана. В настоящее время текст рукописи представлен концом 5-й суры (1—66) и полным текстом 6-й (66—296), 7-й (296—556), 20-й (556—66ю) и 21-й (666—726) сур. Даты рукопись не имеет, но для ее приблизительной датировки имеются следующие данные.

1. Как показывает почерк и орфография, текст рассматриваемой рукописи и китаба И. Луцкевича написаны одним писцом (см. рис. 1, 7).

2. На основании водяных знаков на бумаге обеих рукописей время их написания определяется первой половиной XVIII в. (подробнее об этом см. стр. 260—261).

Сравнение текста польского подстрочного перевода коранов Ленинградского университета (№ 867 и 868), а также Вильнюсского университета (№ 392) со всей очевидностью показывает, что все они восходят к одному общему переводу-оригиналу. Имеющиеся в некоторых местах текстуальные различия легко объяснить простым искажением текста или его преднамеренным изменением в процессе многократного переписывания разными писцами и в разные времена.

Сказанное нами проиллюстрируем отрывками текста польского подстрочного перевода 86—89 строк (аетов) 19-й суры названных рукописей:

Ленинградского университета № 868, стр. 55а 1, 2:

‘Албѡ не далѡ се тѡбѣ видзец у Куране, жеѣми наставили шетанѡв на неверних; звивайѡ и завѡдзѡ йих в лѡтровствѣ, в блѣнд завѡдем велѣим. Претѡ не спеш керане прендѣкѡв на них, бѡ запевне нагѡтѡвали дла них каре гѡтѡве. В тен дзен вскрѣсивши бѡйазникѡв бѡжих и дѡ пана бѡга пѡпрѡвадзими ‘у пѡвадзе велѣей. ‘И пѡпендзѡ неверникѡв дѡ пекла... (см. рис. 7).

Вильнюсского университета № 392, стр. 246а, 3, 4, 5:

Албо не дало се тебе видзиц у Куране, жеѣми наставили шетанов на неверних; звивайѡ и завѡдзо йих в лотровствѡ, в бленд заведѡм велѣим. Прето не спеш керане прендко на них, бо запевне нагѡтѡйѡ дла них каре гѡтове. В тен дзен вскрѣсивши бойазников божих и до пана бѡга поправедзѣми ѡ повадзе велѣей. И попендзѡ неверникѡв, грешникѡв до екла...

Ленинградского университета № 867, стр. 241а, 5, 6, 7:

Албо' не дало се тебе видзец ѡ Куране, жеѣми наставили шатанов' на неверних; звивайѡ' и завѡ'дзо йих в лотровс'тве' и в бленд завѡ'дам велѣим. Прето' не спеш керане прендко' на них, бо запевне нагѡтѡйѡ' дла них кара гѡтова. В тен дзен вскрѣсивши бойазников' бѡжих и до пана бѡга попровадзими ѡ повадзѡ велѣей. И по'бендзѡ' неверникѡв', грешникѡв' до' пекла...

В заключение необходимо отметить, что во всех упомянутых нами списках корана в польском подстрочном переводе содержится много белорусских языковых особенностей. Например, в 20-й суре находим примеры аканья, полногласия: *з галавной, правадника* (ЛГУ № 868, 56а7), *з галавнойу, правадника* (Вил. ун-т 247а4), *з галавнойу* (ЛГУ № 867, 242б4).

Рукопись № 869, как отмечено уже А. Н. Самойловичем, является хамаилом (рис. 8). В настоящее время она состоит из 99 листов текста. Формат рукописи 18 × 22 см. В ней кроме новой нумерации листов в некоторых местах сохранилась и старая листовая нумерация. Последняя идет по ходу повествования, а новая в обратном направлении. Если предположить, что числа ста-

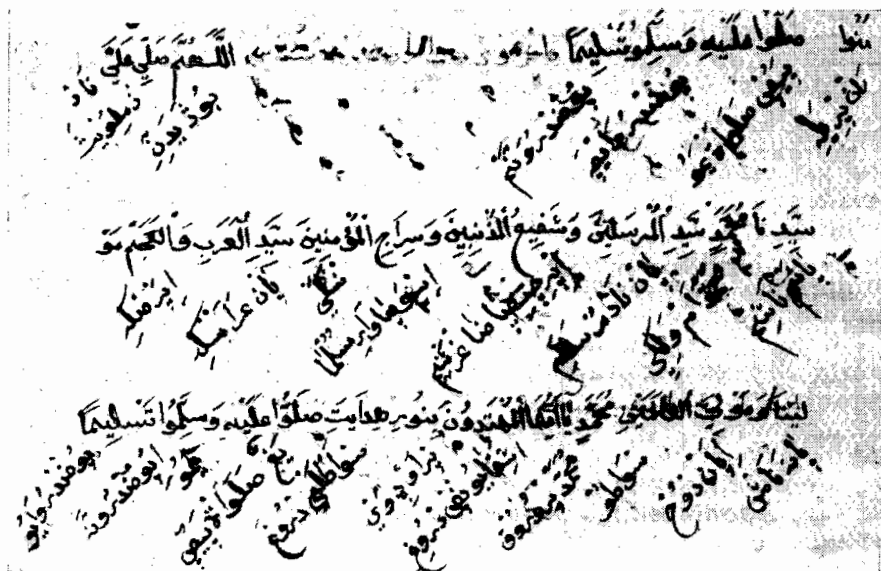

Рис. 8. Образец письма. Часть стр. 50б хамаила № 869 библиотеки Ленинградского университета. Подстрочный текст польский. Без даты

рой нумерации листов проставлены в то время, когда текст рукописи был еще в своем первоначальном составе, то можно сказать, что начало рукописи сохранилось почти полностью. О конце рукописи ничего сказать нельзя. Начальные и конечные листы дефектны — имеются обрывы больших частей листов, текст их сильно загрязнен. Почерк и цвет чернил позволяют думать, что листы 1—59 и 60—99 написаны разными писцами. Чернила листов 1—59 темнее, чем листов 60—99. В первой части чернила расплылись и листы приобрели коричневую окраску, во второй части они только пожелтели от времени. Различий в качестве бумаги второй и первой части рукописи не замечено.

Даты рукопись не имеет. Установить же год ее написания по водяным знакам затруднительно. Можно только с уверенностью сказать, что бумага данной рукописи голландского происхождения, о чем свидетельствуют водяные знаки MS et C° (лл. 50, 52, 54, 56, 66, 68, 73, 76, 77, 78, 85, 87, 93, 95) и C et I Honig (лл. 2, 4, 13, 14, 17, 34, 35, 41, 43). Они даны в сочетании с водяными знаками сложного рисунка. Водяной знак с надписью MS et C° совершенно сходен с водяным знаком № 185 альбома водяных знаков Г. Воорна (Voorn)⁴³. Данный знак у Г. Воорна указывает на

⁴³ H. Voorn. *De papiermolens in de provincie Noord-Holland, Haarlem, 1960.*

1803 г., т. е. рассматриваемый хамаил написан в самом начале XIX в. (возможно, в первое десятилетие). Но наши выводы, сделанные на основании водяных знаков, находятся в некотором противоречии с одной особенностью правописания памятника. В нем звуки /o/ и /y/ обозначаются одинаково (вавом с даммой над ним или же одной даммой), что в датированных рукописях, как правило, имеет место только до конца XVIII в. В рукописях последнего десятилетия XVIII в. и на протяжении всего XIX в. для обозначения звука /o/ имеется уже особый знак (вав с фатхой над ним). Однако следует иметь в виду, что писец старшего возраста мог донести привычное для него одинаковое обозначение указанных звуков до начала XIX в.

Как обычно бывает в хамаилах, кроме арабских и турецких текстов в рукописи находим также польские и белорусские тексты, причем белорусские тексты не свободны от полонизмов, а польские не лишены белорусских языковых особенностей.

Ниже приводим отрывок белорусского подстрочного перевода духовного размышления, называемого А. Мухлинским Хикмэт ⁴⁴:

Ай недўжы ўдамы́кй челевек! Душа ё цела вийдзе, нixтo не пажыву́е тилькo бoг тилькo бoг, тилькo бoг. Хoцби ўакi дoвeгi век жывиш, ўмирац тpeба, нixтo не ўабарoнiц. Астатнi час прыйдзе, нixтo табе не да пoмoцi, ўак же ма дац? Питалнiкi iстрахам велiкiм прыйдўц, нixтo за цебе не ўадкаже. Ўак там кpичац бўдзеш, нixтo твагo гoласу не пачўе. Калi б хецев ўцекац, нixтo табе дарoгi не вкаже. Да суднегo дна нixтo ў цебе не папятае, тилькo бoг (76a5, 6, 7, 77a 1, 2, 3, 4).

Отрывок другого белорусского текста:

Хто хoче гдзе ўехац албo рoбoтў ўакўуу пoчинац, ўак майеш ведац, ўедли майе бiц дoбре ўлбo элe. Чyстoдц oзми ⁴⁵, сeм рази гeтуйу ду ў ⁴⁶ пeй. Ўeсли ўва снe ўвiдзш белiйo штoкeлвeк ўлбo элoндiе, тo дoбре майе бiт, тo и ўeдз и джiнi штoкeлвeк замiслив (98a9, 10, 11).

Отрывок польского текста (5062, 3, 4):

Бoжe ўeдiшi, эмилиўсe над панeм нашим Мухeмeдам! Вeликi пан над мурдeлами и причинца за грешнiми, и свeца вари мусулманскeй. Пан ўeрабскi и пeрскi, пане наш и пан двух свaтoв, Мухeмeд прoрoк. И ⁴⁷, шукайoнц дрoгi пpавдзивeй, свaтлeй дрoгi ўeгo, сeлeвaт ⁴⁸ пeйуц ўeмў и пoздpoвeнe пoздpoвaйo (см. рис. 8).

Переходим к рукописи № 893. Она состоит из 20 листов текста, формат ее 14,4 × 17,2 см. По составу сохранившейся части ру-

⁴⁴ «Исследование...», стр. 66.

⁴⁵ Имется в виду мусульманское ритуальное омовение.

⁴⁶ Молитва, просьба (ар. *д ут*).

⁴⁷ Звательная частица (тат.).

⁴⁸ Молитва, прославляющая Магомета (ср. *салават*).

кописи трудно сказать, является ли она фрагментом китаба или хамаила (если такое деление рукописей было вообще известно в XVII в.). В рукописи нет текстов, характерных для китабов XVIII—XIX вв., но нет и молитв, основной части хамаилов. Бумага рукописи пожелтевшая от времени, ветхая, местами ломкая. Первый лист по всем краям обклеен белой тонкой бумагой фабричного производства. Реставрация этого листа сделана небрежно, вследствие чего часть текста по краям листа оказалась заклеенной. Листы 2, 3, 9, 10, 11, 20 подклеены старой бумагой, похожей на бумагу рукописи. Почти все листы по краям имеют разрывы, обрывы или небольшие трещины. Все сохранившиеся листы идут в первоначальной последовательности, т. е. в их современном составе пропусков текста нет. Весь текст написан одной рукой черной тушью. Отдельные восточные слова, обороты и небольшие выдержки из корана написаны красными чернилами. Огласовки, там где они имеются в этих словах, проставлены черной тушью. Текст сохранился хорошо и читается легко.

Даты рукопись не имеет. Для ее определения пришлось воспользоваться водяными знаками. Обнаружены фрагменты только одного водяного знака на изгибе почти всех листов (3, 6, 8, 11, 12, 13, 18, 19, 20). Удалось восстановить его полный рисунок. Он имеет форму окружности диаметром 2,5 см, внутри которой нарисован кинжал; длина его равна диаметру окружности. С обеих сторон кинжала симметрично расположен серп луны, обращенной выпуклой стороной к кинжалу. Вдоль наружной части окружности примерно на одинаковом расстоянии друг от друга начертаны буквы СН, К, Р, М (см. рис. 26). Описанный нами знак по величине и взаимному расположению элементов совершенно совпадает с водяными знаками № 2548—2550 упомянутого уже нами альбома Э. Лауцявичюса. Такой знак обнаружен в документах 1648—1656 гг. Таким образом, рукопись можно отнести к середине XVII в.

Правописание рукописи в очень многом отличается от правописания всех рассмотренных нами до сих пор рукописей. В ней мягкий и твердый звук /ð/ обозначается одним знаком *ðāl*, буквой *çād* с тремя точками внизу, как правило, обозначается только исконный твердый звук /ц/, замечена значительная непоследовательность в употреблении букв *ṭā* и *mā*, т. е. в обозначении твердости—мягкости /т/. В орфографии рассматриваемой рукописи имеются и другие особенности, не отмеченные ни в одном из известных нам текстов. В обозначении твердости—мягкости согласных /з/, /к/ и /с/, как и во всех других текстах, наблюдается полная последовательность (ср. стр. 47).

Рассмотрим некоторые особенности языка рукописи № 893.

В области вокализма необходимо прежде всего отметить переход /ы/ в /у/ после губных согласных. Это явление, как известно, знают современные белорусские говоры западных районов

Гомельской обл. и примыкающих к ним районов Брестской и Минской областей. Вот примеры такого перехода: *була* 2068, не *забўеся* 1а11, *забўеся* 1а10, *вўпел* (вышел) 16а8, 18а9, 1862, *вурок* 13а9, *вўскачила* 11а7, *навўшбнийе* 18а5, *правдвўй* 14а12, *мўслић* 366, *рўќи ўмўвати* 13а11, *ўмўбле* 1612, *пўтайучи* 964, *пепўтаћ* 968. Обнаружен один пример /у/ на месте /ы/ после (ч): *чўстбўћи* 19а3. После других согласных перехода /ы/ в /у/ не отмечено. После губных, как и после других согласных, этимологический звук /ы/ обозначается в рассматриваемой рукописи и кесрой, которой во всех белорусских текстах, писанных арабским письмом, обозначаются одинаково звуки /ы/ и /и/, например: *ўмўбле* 1612, *вўсбўчила* 1169, *вўскачила* 12а1, *вўсбўчила* 12610, *мўслаћивий* 1561, 1664, *мўслић* 3610, *ўбўмий* 3а12, *вўсбўћий* 562.

Отражение аканья, понимаемого как совпадение в одном звуке безударных фонем неверхнего подъема в положении после твердых согласных, представляется следующим образом.

Безударная фонема /о/ обозначается в исследуемой рукописи трояко:

1. Вавом с даммой над ним (*ō*) или одной даммой (*o*), т. е. такими же графическими средствами, которыми в рассматриваемой рукописи обозначается звук /о/ в ударных слогах. Примеры: *вўсбўчила* 12610, *бўлбўсам* 3612, *бўспбўдар* 12а8, *кбўбрий* 5611, *кбўлена* 266, *мўлбўћи* 12а11, 12, *бўдиний ббўже* 7а1, *бўтпўшчў* 6а14, *бўчима* 3а10, *пбўклонитўсћ* 1а11, *пбўлбўжитў* 2а13, *прбўрбўке* 14а11, *пбўжитбўк* 19а9, *прўлбўжў* 17610, *сбўрбўк'два* 17а7, *тбўбб* 4611. Из приведенных примеров видно, что знаками *ō* и *o* безударная фонема /о/ обозначается как в предударных, так и заударных слогах (в том числе и в 1-м предударном). Этими же знаками обозначается /о/ и в конечных безударных открытых слогах, например: *бўднбў'слбўб* 1765, *лбўпшабў* 20а7, *пбўклбў* 10а10, 13, *шбўбтбўбб* 10а13, *рбўвнб* 2а7.

2. Алифом с фатхой над ним (*ā*), т. е. таким же знаком, которым обозначается /а/ в ударном положении, например: *бўдин* 8а12, 1064, *бўдиний* 1267, *'адинаўаћий* 166, 2а10, *бўкрбўм* 169, *бўспадар* 15а12, *бўлас* 1969 *бўлбўсам* 3612, *дарбўгў'твайе* 767, *дарбўгў* 7а1, *здарбўвий* 3612, *кали* 1а9, 10, 11, 2а10, 269, *кбўбрийа* 7а2, *кбўбрбўжу* 6а6, *ласкайў* 17а3, *мўслаћивий* 12а2, *нбўсам* 3613, *наббўшу* 14а1, *прарбўк* 9а3, *прарбўка* 4614, *'прарбўкеж* (твор. пад. ед. ч.) 7а7, *размбўвлав* 5а9, *свайе* 461, 665, 10а11, *тамў* 6а10, *тайеж гбўдини* 1а11, *хбўлапий свайе* 1561. И знаком *а*, как видно из примеров, обозначается безударный /о/ в предударных (главным образом в 1-м предударном) и заударных слогах. Такое его обозначение изредка встречается и в конечных открытых безударных слогах: *ничбўга* 1а11, 3а4, *мнбўга* 3611, *кбўлка* 1769, *тбўлка* 1768, *рбўвна* 1611.

3. Фатхой (*e*), т. е. знаком, которым обозначается звук /е/. Примеры: *хбўлбўп* 6а7, 10, 6612, 768, *хбўлбўпе* 6а6, *кбўбрий* 6а9, *кбўбрийе* 767, 9а13, *кбўму* 1569, *себе* (бел. *сабе*) 13а10, *бўднебў* 1064,

праро́жм (твор. пад. ед. ч.) 7а7, *то́лке* 16611, *като́рему* баб. Отметим, что обозначение безударного /o/ знаком *e* сравнительно редкое явление.

Безударный звук /a/, как правило, обозначается знаком *a*, например: *ласка* 9а7, *навука* 14а8, *навуки* 16а6, *написан* 1468, *напиши́* 14а8, *'плакал* 8611, *та́кимі* 762. Однако изредка /a/ в рассматриваемом положении обозначается и фатхой (*e*): *ўкэзу́йе* 962, *теко́йе* 1767, *че́твертойа* 1964, *проро́жм* (род. пад. ед. ч.) 14а1, *пену́тай* 958.

Таким образом, совпадение безударных /o/ и /a/ в одном звуке обозначается в рассматриваемой рукописи двойко: знаками *a* и *e*.

Отметим еще случаи написания (*a*) на месте /e/ в безударном положении после (*ч*): *ча́тирй* 1864, 9, 10, 11, 19а13, 1966, *ча́тири* 16а7, *ча́тирна́џат* 1а13, 18а11, 12, *'ча́тирна́џа́т* 1610, *ча́тирна́џа́тй* 169, *ча́тирна́џа́тма* 1863.

Известно, что некоторым современным южнобелорусским говорам свойственно так называемое еканье, т. е. совпадение в одном звуке в первом предударном слоге гласных неверхнего подъема после мягких согласных⁴⁹. Такое явление наблюдается и в описываемой рукописи, например: *де́мй* 863, 1061, 9610, *се́ми* 15а7 (ср. *џо́мй* 3а12, 368, *џем* 863), *пе́тй* 16а13, *пе́тма* 1661, *пе́деса́т* 17а9, *десе́т* 18а4, *десе́т*, *десе́теро* 14а7 (ср. па́тйй 164, 2614, *деса́тйй* 165, *деса́то́йе* 14а6, *десе́а́тйй* 166, 3611, *десе́а́то́йе* 14а6), *џе́тих* 868, *ти́сечи* 1869, *ти́сечей* 12а10, 14, *ти́сеч* 1263, 16614, 17а13, 1865.

Если иметь в виду не только первый предударный, но и другие безударные слоги, то имеется некоторое, впрочем небольшое, количество отступлений в сторону яканья, т. е. появления /'a/ на месте /'e/ и /'a/ в указанных выше условиях. Вот несколько примеров такого отступления: *йа́зикам* (твор. пад. ед. ч.) 1961, 2, 3, *4 ббо́гамдо́ля* чинил 1762, *теко́йе 'спа́сенйа* (вин. пад. ед. ч.) 16а8, 17а8, *џа́гоўсе́тней* 3611, *зе́мляний* 15613. Возвратная частица *ся* выступает, как правило, в форме *с'а*, например: *забу́вса́* 3614, *малу́са́* (малюся) 667, *по́клоні́тйца́* 2а1. Частица *с'е* очень редкое явление: *утапи́лисе́* 19а12, *до́ткне́тйсе́* 13а13.

В Казанском китабе, как увидим, представлено значительно более последовательное еканье.

Рассмотрим переход /e/ в /o/ в ударном слоге. Примеры: *шо́с-тйй* 3а11, 367, *шо́сто́го* 10а13, *шо́стайа* 14а4 (ср. *ше́шдеса́т* 1766, *ше́шдеса́т* 1767), *спа́со́нйе* 1063, *џо́мй* 3а12, 368, на *џо́м* *џе́те* 6а3, *џо́й* 12612, 1463, 6, 7, на *йдо́й* 2610, *у́со* 3а5, 3612. В слове *четвертый* находим только /e/ в ударном слоге: *че́твертйй* 364, 19а1, 1967, *че́твертйй* 163, 2а3, 2612, 3а9, *че́тверто́йе* 14а4, *у че́тверто́й* *кни́зе* 16а4, *че́твертойа* *'кни́га* 1964 (см. ДАБМ, карта 4; НБД⁵⁰, стр. 56—66).

⁴⁹ «Дыялекталагічны атлас беларускай мовы». Мінск, 1963, карта 1. (Далее — ДАБМ).

⁵⁰ «Нарысы па беларускай дыялекталогіі». Мінск, 1964.

Этимологический звук /б/ передается фатхой (е), т. е. тем же знаком, который служит для обозначения /е/ из /е/ и /ь/ в ударном положении, например: *веру* 7а4,7,8, *пел* 469, *пейет* 8а3, 14, 9б13, *џой џвет* 12б12, *џветлџџт* 11а2, 12а1,7, *лепший* Заб, [на] *дџрџез* 7а4, [в] *науце* 14а9, *џ рибнџм 'брџџе* 5а3, *в пџслџзе* 7а2, *на тџм џеце* 8б1, *к тџбе* 7а3. Замены /б/ звуком /у/ не обнаружены.

Попытаемся определить место возникновения рукописи. Ввиду того, что у нас по существу нет данных по исторической диалектологии белорусского языка, мы можем сделать это только путем сопоставления приведенных выше данных с изоглоссами соответствующих фонетических явлений современных южнобелорусских говоров.

Такое сопоставление показывает, что в основе языка рукописи лежат фонетические особенности говоров южной части Глуского района Могилевской обл. и примыкающей к ней восточной части Любаньского района Минской обл. БССР.

На эту территорию указывает прежде всего наличие в рукописи № 893 сравнительно небольшого количества примеров (15) перехода /ы/ в /у/ после губных согласных (ДАБМ, карта 22, а также НБД, стр. 53), смешанный екающе-якающий вокализм (ДАБМ, карта 4, НБД, карта 3). Такому выводу не противоречат и другие явления, как, например, степень реализации перехода /е/ в /о/ (НБД, стр. 24—36), /е/ на месте этимологического /б/ (ДАБМ, карта 18, 35), а также соотношения в частоте употребления форм возвратной частицы *ся* и *се* (ДАБМ, карта 164).

Остановимся кратко на некоторых явлениях консонантизма. Судить о твердости—мягкости звука /д/ или о других его качествах у нас нет возможности, так как для его обозначения в изучаемой рукописи имеется только одна буква *дџл* (д).

Противопоставление по твердости—мягкости звука /т/ выражается арабскими буквами *тџ* (т) и *тџ* (т).

Буквой *т* совершенно последовательно обозначается твердый звук /т/, например: *там* 6б4, *к тџбе* 7а3, *катџрая* 7а2, *тийе* 9а11, 18а6, *чатири* 19б6, *штџ* 14б13. Буквой *тџ*, как правило, обозначается мягкий звук /т/. В некоторых грамматических формах мягкость /т/ обозначается рассматриваемой буквой совершенно последовательно. К таким грамматическим формам относятся, например, инфинитив и форма 3-го лица ед. ч. глаголов настоящего времени. Примеры: *бџдет* 1б13, *кажет* *џкџнут* 13а11, *майет* 13а1, *мџвит* 16б11, *пџти* 1б7, *пџбџжит* 1а11, *џџт* 13а11, 13б3, 14а9, 15б12, 16а6, 14, 16б6, 9, 13. Имеется четыре случая обозначения исконно мягкого /'т/ арабской буквой *џџд* с тремя точками внизу (џ): *на тџм џџџе* 3а2, *џџџ* (бел. *џџџ*) 3а13, *џџџ* (бел. *џџџ*) 3б11, *на тџм џџџе* 8б1. Слово *тысяча* пишется только с (т) в начале слова.

В обозначении твердости — мягкости /з/, /с/ и /к/ наблюдается полная последовательность: *џџџџ* 2а11 — *џџџџџџ* 20а13, *џџџџ*

ти 1а4, ѓбмий 1а7 — свайе 461, 10а11, рўжи 2612, ласџи 5611 —
нижбѓ 6610, ѓак 7610.

Тексты рукописи № 893, если не считать восточных элементов, дают нам образец довольно чистого белорусского языка. Полонизмы здесь чрезвычайно редкое явление.

Отметим в рукописи, как явление очень редкое, наличие одного лексического украинизма. Мы имеем в виду слово *шчо* (укр. *що*), встретившееся в рукописи четыре раза (*шчѓ* 1610, 261, 1166, *шчѓ б* 3610). Обычным, нормальным является *што* (*штѓ* 11а5, 12, 1166, 13, 13а2, 16а12, 20а2, *'штѓ* 12а4, 1268, 14613, 15а1, 15610, 16а3, 4, 5, 1669, и т. д.).

А. Мухлинский, приводя из нашей рукописи (или другой, но очень похожей по языку) текст наставления о молитве (рукопись № 893, стр. 1614 — 2а1, 2, 5, 6, 7, 9), называет язык всей рукописи волинско-украинским. Если действительно приведенный им отрывок взят из рукописи № 893 (Мухлинский ни страниц, ни строк рукописи не указывает), то определение языка рукописи волинско-украинским основано на каком-то недоразумении. Во всяком случае наличие в нашей рукописи аканья, последовательное обозначение мягкости звуков /з/, /с/, /к/ и /т/ перед исконно славянскими гласными /у/ и /е/ и других белорусских особенностей как в фонетике, так и в морфологии не позволяет согласиться с высказанным Мухлинским мнением.

Отрывок текста из рукописи № 893 (1614—2а7):

Первий-гледети ў немазе ⁵¹ *'стѓйўчи на тѓе меџце, 'гдѓг ѓед-
ждег* ⁵² *пѓклѓнитѓџа, дрўгий — 'гледети ў руку 'еде* ⁵³ *на нѓгѓ,
'третий-гледети у ѓѓдждейў* ⁵² *на нѓс, на нѓдѓрѓ, четвѓртий —
'гледети у ѓѓженѓў на рўџи, пѓтий — 'Куран пѓти так вѓле ѓак тѓрѓ
ѓйѓети* ⁵⁴ *зарѓвнѓ из елѓмѓду* ⁵⁵ *, шѓѓтий — тѓѓбѓр* ⁵⁶ *за ѓимамѓж* ⁵⁷ *нишѓжѓм
рѓспѓсѓтривши пѓлѓџи, ѓѓмий — рѓвнѓ 'хрибетѓ держѓти ў ру-
ку'е* ⁵⁸ (см. рис. 9).

Другой отрывок (10612—11а10):

ѓд бѓга гѓлас 'пришѓв: «Аѓ, кѓлем ⁵⁸ *, напиши...» Кѓлем мѓвѓл:
'И, мѓлаѓтивий бѓжег, штѓ ѓа напишѓў?» Бѓжѓя мѓѓ пришла:
'Гѓетийе 'слѓва напиши...» Кѓлем мѓвѓл: «ѓак написѓв, ѓдна
ѓветлѓѓѓт 'з мене висѓѓчила 'к верѓу, на бѓжѓѓм пѓлаѓу, на 'ер-
шу* ⁵⁹ *на двѓѓе 'стала. 'С пѓлавѓџи рѓѓ сѓтвѓрѓѓв». Иѓшчѓ ѓд бѓга*

⁵¹ Молитва (перс. намаз).

⁵² Поклон (ар. саджда).

⁵³ Поклон во время молитвы (ар. ружка').

⁵⁴ Стих, строка корана (ар. 'айѓат).

⁵⁵ Название первой суры (раздела) корана (ар. 'алхамду).

⁵⁶ Формула мусульманского религиозного напева (ар. такбир).

⁵⁷ Мулла, священник (ар. 'имам).

⁵⁸ Перо (ар. қалам).

⁵⁹ Престол бога (ар. 'арш).

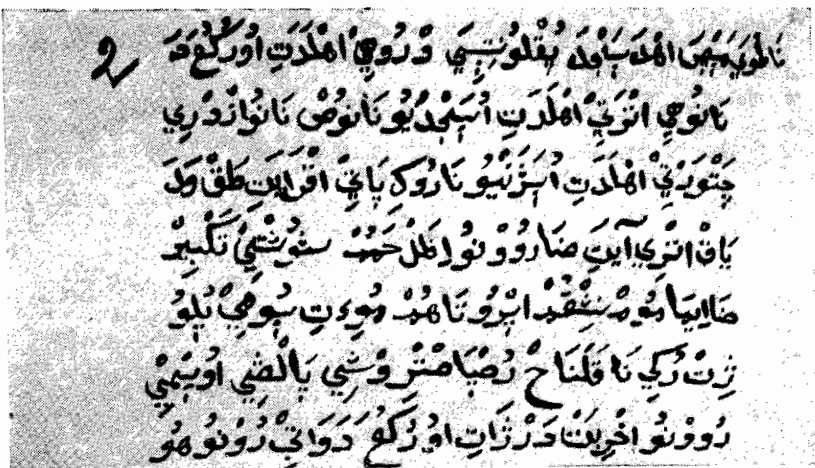

Рис. 9. Образец письма. Начало стр. 2а рукописи 893 библиотеки Ленинградского университета. Середина XVII в.

гѣлас 'пришѣв: «Ай, келем, напиши». Келем мѣвил: «Гѣспѣдару бѣжег, 'штѣ ѣа напишу». Ѡд бѣга мѣц'пришла: «Напиши гетийе 'слѣва...» Келем мѣвил: «Иак написав, ѣдна ѣветлаѣт' 'з мене вускачила 'к верху, на бѣжий пѣлац узйшла, на 'ерш⁶⁰. Бѣг мйлаѣтивий 'с тайе 'сѣтлѣѣтнй мѣрег сѣтварйѣв. Тйм мѣреж телаййу 'свайу, муѣулманѣкийе нйтри ачиѣтил (см. рис. 9).

В январе 1962 г. в фонде восточных рукописей Казанского университета нами обнаружен китаб XVII в. и хамаил 1775 г. (рис. 9, 10). Как нас информировал сотрудник библиотеки А. С. Фатхиев, хамаил поступил в библиотеку Казанского университета в 1959 г. от бывшего мусульманского церковного деятеля К. Расулева. По словам последнего, рукопись обнаружена им в Казани в мечети в 1942 г.

Китаб XVII в. является даром известного татарского поэта Миргазиз Укмасы. Дарственная запись последнего находится на лицевой стороне 1-го листа в левом верхнем углу. Запись помечена 20 марта 1923 г. Под датой — печати библиотек, в которых находилась рукопись до перехода ее в библиотеку Казанского университета, а именно научной библиотеки Татарской республики и Центральной Восточной библиотеки и музея. На второй печати проставлен номер рукописи — 1446. Информация о даре М. Укмасы имеется в татарской газете «Татарстан» от 23 марта 1923 г. Некоторые сведения о рассматриваемой рукописи есть и в упомянутой уже нами статье А. Н. Самойловича: «На Волге, в Татарской Слободе, под городом Костромой у местного муллы и

⁶⁰ Престол бога (ар. 'арш).

يَسْتَجِيبُ بِرُوحٍ سَيِّئٍ لِّسَطَانِ شَيْطَانٍ تَبَّ خَطْبُهُ اَقْوَلِ
صَادَاوَتْ بِعُورِ رُوحِ صَدَايِيهِ شَيْطَانِ رُوحِ
بِرُوحِ رُوحِ مَتَّ صَادَاوَتْ صَادَاوَيْهِ غُرَاوَاوَيْهِ
لِدِ صَادَاوَاتِ اَبْدَتْ صَادَاوَاكِ دَقْمَقَاوَاتِ
يَسْتَجِيبُ بِرُوحٍ سَيِّئٍ لِّسَطَانِ شَيْطَانِ تَبَّ بِرُوحِ يَمَا
وَسِي اَبْدَتْ رُوحِ قَدَمِ سَطَوَاتِ نَبِيَّ بِرُوحِ نَبِيَّ شَيْطَانِ
نَقِي حَمْدِ مَتَّ طَبِي لِدِ بِرُوحِ يَمَا وَسِي نَبِيَّ بِرُوحِ
نَبِيَّ حَمْدِ قَدَمِ قَدَمِ طَبِي لِدِ نَاهِرِ نَبِيَّ
نَهْلِدَاتِ اَبْدَتْ صَادَاوَاتِ طَبِي نَبِيَّ بِرُوحِ
حَمْدِ رُوحِ قَدَمِ يَسْتَجِيبُ بِرُوحِ لَعْنِ سَيِّئٍ لِّسَطَانِ
تَبَّ نَاهِرِ نَبِيَّ بِرُوحِ خَطْبُهُ اَقْوَلِ
طَبِي بِرُوحِ يَمَا شَيْطَانِ رُوحِ بِرُوحِ رُوحِ مَتَّ
نَاهِرِ نَبِيَّ بِرُوحِ طَبِي لِدِ خَطْبُهُ اَقْوَلِ
بِرُوحِ نَبِيَّ اَبْدَتْ اَبْدَتْ بِرُوحِ نَبِيَّ
يَسْتَجِيبُ بِرُوحٍ سَيِّئٍ لِّسَطَانِ شَيْطَانِ

Рис. 10. Образец письма. Страница 75а текста کتابа Казанского университета. Первая половина XVII в.

известного татарского писателя Укмасы я видел в 1916 году завезенную в это селение из Западного Края другим местным муллой, Сафаровым, интересную литовско-татарскую рукопись, в коей заключается староосманское мистическое стихотворное произведение с толкованием на польском или белорусском языке. В бытность мою весною 1925 года в Казани я слышал, что Укмасы передал эту рукопись в Центральную Казанскую библиотеку» (5—6 стр.).

Листы всей рукописи № 1446 пронумерованы красным карандашом. Со страницы 40-6 по 55-6 имеется и постраничная нуме-

рация черным карандашом. Текст листов 1—40-а тюркский. Он расположен в две колонки. На листах 1—37 по 11 строк, на 34-б—40-а разное количество строк. Никакого толкования тюркского текста ни на польский, ни на белорусский язык нет. Высказывание А. Н. Самойловича по этому вопросу ошибочно. Текст листов 41—76 белорусский. В белорусской части текста количество строк на странице колеблется от 13 до 15. Как показывают состав 6-й тетради (лл. 35—42), кустодия, содержание рукописи, а также нумерация ее страниц, лист 42 утрачен, причем утрачен уже после проведения по листной и постраничной нумерации. Некоторого количества листов недостает и в конце белорусской части текста, что видно хотя бы из того, что разговор (диалог) Магомета с шайтаном обрывается в середине предложения. Судя по объему данного текста в других книгах (Луцкевича XVIII в., Карицкого XIX в., Лебеда 1771 г.), можно сказать, что в нашей рукописи недостает четырех-пяти страниц названного диалога. Первоначально книга имела хороший переплет: картон был покрыт кожей. На обеих его сторонах был вытиснен довольно сложный орнамент. В настоящее время кожаный корешок совершенно разрушен, кожа переплета очень ломкая, во многих местах видны сплошные трещины. Переплет не прикреплен к книге. Сохранность бумаги рукописи, а также текста довольно хорошая.

Датировка рукописи имеется на странице 31а, где указывается, что по мусульманскому летосчислению рукопись написана в 1055 г., что соответствует 1645 г. н. э. Переписчик Гобдулвахаб Муса ибн Мустафа. Возникает вопрос, относится ли эта датировка ко всей рукописи или же только к тюркской ее части. Необходимо в связи с этим отметить, что, как нам кажется, тюркский и белорусский тексты написаны разными писцами. Однако необходимо иметь в виду и то обстоятельство, что обе части рукописи (тюркская и белорусская) написаны на одной бумаге, о чем свидетельствует водяной знак, имеющийся на листах 26, 28, 31, 33, 36, 38, 39, 41, 43, 48 и многих других (см. рис. 2а). Очень мало вероятной кажется и возможность случайного объединения двух разновременных рукописей в одном переплете. Дело в том, что в одной и той же тетради (6-й) кончается тюркский текст и начинается белорусский. Водяной знак на бумаге рукописи — двуглавый орел с короной, на груди у него сердцевидный щит с начертанной на нем буквой G. Такой знак имеется в альбоме Э. Лауцявичюса под № 455. Он обнаружен в документах 1629—1630 гг. Все вместе взятое дает основание полагать, что белорусская часть рукописи появилась в одно время с тюркской, т. е. написана в первой половине XVII в. Это, конечно, время составления или же переписки сборника. Время же перевода на белорусский язык, по крайней мере некоторых его текстов, относится к более раннему периоду, о чем свидетельствуют заметные различия в орфографии и языке отдельных частей сборника.

Состав Казанского китаба следующий. В начале помещен оракул (гадательная книга) — листы 40—55. В самом начале текста оракула указано имя переводчика и названы языки, с которых переведен его текст. Приводим это место: «*Иа Ходина буйу книгу ис фарсийскѡго и с турецкѡго ѱазика на рускій ѱезик перелѡжил дле невмѡлих*» (41а). Из дальнейших высказываний Ходыны видно, что он является переводчиком только оракула. Некоторые указания на это дает и орфография, а также особенности языка этого текста. На странице 41б дано объяснение, как пользоваться оракулом. Далее следует наставление о молитве и объяснение ее важности (55б — 60а). Другие тексты: 60а — 61а — о премудрости бога, 61а — 62а — об искушении человека сатаной и о покровительстве ангелов, 52а — 64а — напоминание о смерти, 64а — 67б — разговор Мусы (Моисея) с богом, 67б — 72б — притчи о всемогуществе бога, 72б — 74а — диспут мусульманина с евреем, 74а — 76б — диалог Магомета с шайтаном.

Орфография памятника во многом похожа на орфографию рукописи № 893 Ленинградского университета. Для обозначения звука /d/ имеется только один знак *д̄ал*. Буквой *с̄ад* с тремя точками внизу обозначается только исконный звук /ц/, мягкий /т/ обозначается буквой *т̄а*. Обозначение твердости — мягкости /т/ значительно последовательнее, чем в рукописи № 893. Звуки /у/ и /о/ в Казанском китабе, как и в рукописи Ленинградского университета, обозначаются одним знаком. Но в Казанском китабе, в отличие от рукописи № 893, имеется 151 случай обозначения звука /о/ отдельным знаком (вавом с фатхой над ним), что в рукописях конца XVIII в. и на протяжении всего XIX в. является всеобщей нормой.

Много общих черт имеется и в языке рукописи № 893 Ленинградского университета и Казанского китаба. Одной из таких черт является переход /ы/ в /у/ после губных согласных. Вот некоторые примеры: *була* 45а11, *будлѡм* 49б7, *дѡбувши шаблѹ* 58а14, *ѱакѡ бу* 54а11, *ѱесли бѹ* 57б5, *вувалит̄* 47а4, 49а13, *вувелит̄* 45б14, *вуписанѡ* 41б1, *вупѡведал* 73а8, *вупустил* 65б12, *вусѡкий* 70б13, *вусѡкѡ* 70б14, *вутѡчила* 71а4, *вушлѡ* 43б7, 46а5, 48а11, 48б3, 52а11, *вушпѡменѡнийе* 70а7, *вушпѡменѡнийе* 76а8, *перву* 48а10, *первуй* 44б12, 46а2, 53б1, 54б7, 52а6, *новух* 73б16, *справу* 43а10, 45б9, 47а3 48а2, 50б3, *сѣмуѱ* 45а12, 46б2, 47б8, 48б8, 50а6, 52б9, 53б13, *мусли* 50а6, *умуслѡм* 73б11 и другие примеры. Частота перехода /ы/ в /у/ в Казанском китабе значительно большая, чем в рукописи № 893 Ленинградского университета.

Аканье в узком смысле слова, т. е. совпадение в одном звуке безударных гласных неверхнего подъема после твердых согласных, представлено в Казанском китабе значительно слабее, чем в рукописи № 893. Примеры: *с адним* 47б14, *варѡта* 46а7, *на варѡтах* 59б7, *вувалит̄* 47а4, 49а13, *визвалит̄* 54б5, *визвалл* 49б1, *да* (предл.) 74б11, *здѡрѡвагѡ* 49б1, *малитвѡйѹ* 43б11, 47б2,

малитвѣю 46а10, *навина* 5469, 10, *перемѣгайтѣ* 72614, *свайи* 54а2, 5763, *свайейѹ* 5262, *твайих* 4367, 46а5, 4661, *твайегѡ* 57а13, *фартуна* 4369, 44а3, 14, 4468, 45а7, 14, 4562, 4767, 48а14, 50а3, 53а5. Примерно из 70 случаев обозначения безударного /о/ буквой *a* 40 приходится на первый предударный слог. Имеется несколько случаев обозначения безударного /е/ буквой (*a*): *парсуна* (или *парсѡна*) 44а12, 5066, 51а9, *чалѡм* 6662, *страла* 6464.

Еканье в Казанском китабе проведено более последовательно, чем в рукописи № 893. Достаточно сказать, что из 104 случаев употребления частицы *сѧ* в 99 случаях она выступает в форме *с'е* (*се*), в двух — *сѡ* (*сѣ*), в двух — *с'а* (*сѧ*) и в одном — *се* (*сѣ*), тогда как в рукописи № 893 преобладает *сѧ*.

Фонетическое явление перехода в известных условиях /е/ в /о/ выражено значительно слабее, чем в рукописи № 893. После шипящих, как и в предыдущей рукописи, находим обычно /о/ на месте /е/, например: *шѡстий* 45а10, 46а13, 4766, 4866, 50а4, 51а8, 5266, 5361, *шѡстайа* 73612, *пришѡл* 53612, *зешѡл* 7262, *ѡ чѡм* 45611, 52а1, *не при чѡм* 4664, 576 2, 12, 57612. Имеется некоторое количество примеров перехода /е/ в /о/ после исконно мягких согласных: *тѡмний* 62а8, *замкнѡний* 6463 (дважды), *вущпѡменѡнийе* 76а8, *вущпѡменѡнийе* 70а7. Во многих лексемах находим чередование /е/ и /о/, а в некоторых выступает только /е/. Последних случаев в Казанском китабе значительно больше, чем в рукописи № 893. Примеры: *привел* 63а5, — *привѡл* 60а14, *привѡв* 61а1, *пѡд ѣмлейѹ* 72а7, *вѡдѡю* и *ѣмлейѹ* 70а15 — *пѡд ѣмлѡю* 7261, *далекѡ* 49а3, *зеленѹ* 66614, *зеленуѹ* 72а12, *у мед* 47а14, *земла тѡверда* 62а10, *спабение* 6266, *сѣмуй* 44а4, 45а12, 4662, 4768, 4868, 50а6, 51а10, *четѡртый* 43610, 45а5, 46а9, 4762, 48а2, 51а4, 5261, *четѡртѡйѡ* 67611.

Мы видели, что этимологический звук /ѣ/ в рукописи № 893 последовательно обозначается фатхой (*e*). В Казанском китабе находим другую картину. Указанный звук передается фатхой (*e*) и кесрой (*e*), причем *и* употребляется чаще, чем *e*. Более частое употребление *и* идет главным образом за счет форм дат. и предл. пад. местоимений *я*, *ты*, *себя*: *мни* 5669, 61а4, 66а4, 70а2, 3, 71а1, 10, 11, 72615, *тѡби* 4368, 9, 4467, 11, 4564 и т. д. — всего более 30 примеров, *сѡби* 4162, 43а9, 44а11, 49а5 и т. д. — всего 18 примеров. Формы *мне*, *тобе*, *себе* встречаются только в единичных случаях. Местоимение *весь* в имен. пад. мн. ч. находим только в форме *вси*, *уси*. В корнях слов на месте этимологического /ѣ/ примерно одинаковое количество знаков *e* и *и*, причем в одних и тех же словах возможны оба знака, например: *ведал* 72а3 — *видаѣ* 67а9, 6764, 6, 7, 69612, *видаѣ* 47а2, 6669, *неверникѡв* 5862, *вернийе* 76610 — *вирнийе* 76612, *невирних* 65а12, *грех* 5869, 6164, 8, 12, 62а2, 63а7, 6362, 76а7, *греху* 59а6, 65а7, 7669, *за грехи* 63а1, *грешних* 6064 — *грих* 58а14, 5864, 59а1, 3, 7, 13, *гришѡн* 6066, *гришнѹѹ* 75а8, *гришнийе* 63а2, *згришил* 7164, *гриху* 6367, *ѣсѣти*

6262, 69610, 70612, 71a2, 7162, 72a3, 7262, *йесіт* (он ест) 72a12—*йиёти* 62611, 7062, *йиж* 71a4 и множество других примеров. В окончаниях дат. и предл. пад. ед. ч. существительных находим (e) и (u).

Такое колебание в обозначении этимологического /ѣ/ свидетельствует, видимо, о том, что мы имеем здесь дело со звуком средним между /e/ и /u/, т. е. с закрытым /ê/. Такой звук, как известно, знают многие юго-западные белорусские говоры, в том числе и те, в которых происходит переход /ы/ в /у/ ⁶¹.

О наличии или отсутствии закрытого /ô/ в Казанском китабе и в рукописи № 893 Ленинградского университета их графическая и орфографическая система не позволяет сказать что-нибудь определенное. При случае отметим, что в тех изучаемых текстах, в которых звуки /o/ и /y/ обозначаются одними и теми же знаками, наши транслитерационные знаки (y), (ȳ) — (ô), (ō) во многих случаях имеют условное значение.

Как показывает сравнительно большое количество примеров перехода /ы/ в /у/ после губных согласных, слабое отражение аканья, немногочисленные примеры перехода /e/ в /o/, последовательное еканье, а также наличие закрытого /ê/ на месте /ѣ/, в Казанском китабе отражают особенности говоров, распространенных значительно южнее районов предполагаемого возникновения рукописи № 893. Очень возможно, что возникновение текстов Казанского китаба (переписка или составление сборника) связано с населенным пунктом Михновичи, находящемся в юго-западной части Калинковичского района на стыке последнего с Мозырским и Копоткевичским районами Гомельской обл. Как видно из ревизии татарских земельных владений, проведенной Яном Кердеем в 1631 г. по поручению короля польского и по постановлению сейма, в Михновичах Мозырского повета находилась наиболее выдвинутая на юго-восток Белоруссии татарская колония.

В области передачи явлений консонантизма Казанский китаб почти ничем не отличается от рукописи № 893.

Отметим одну морфологическую черту обеих рукописей. Мы имеем в виду форму 3-го лица ед. ч. наст. вр. глаголов 1-го спряжения. Эта форма в рассматриваемых рукописях употребляется без окончания и с окончанием -ть. Казанский китаб: *бывае* 68a8, *гине* 7267, *дае* 7262, *бйет* 75a6, *не дае*т 59612, *жджет* 74612, *перемагае*т 72614. Рукопись № 893: *бўде* 10a5, *отпўскае* 19a13, *дае* 13614, *бўдет* 1613, 7612, 861, 10a7, 1062, *пейет* 8a14, 9a13, *уайдет* 1665, *перене*сет 17a3. В современных белорусских говорах окончание -ць в рассматриваемой форме знают только северо-восточные белорусские говоры (ДАБМ, карты 148, 149). Возможно, что в наши памятники это окончание попало из старой белорусской кирилловской письменности, где оно было всеоб-

⁶¹ См. ДАБМ, карта 34 и НБД, стр. 21—24.

щей нормой. В какой мере было бы оправдано предположение о наличии окончания *-ть* в XVII в. в южнобелорусских говорах, сказать трудно. В заключение отметим, что в некоторых частях рукописи заметно довольно сильное влияние польского языка (стр. 64а—67б, 72б—74а и некоторые другие).

Приводим отрывок текста из диалога Магомета с шайтаном (стр. 75а). *Иешчѣ прѣрѣж пѣтал: «Шетане, тебе хтѣ ѿ кѣли задавить пѣврозѣм за шийу?» Шетан рек: «Прѣрѣче, мене задавить за шийу, зди навѣнѣише луди забадут ѿ будут з навуки резмѣвлатъ». Иешчѣ прѣрѣж пѣтал: «Шетане, тебе пѣймавши, черевикѣм хтѣ бѣйт пѣ виденійу?» Шетан рек: «Мухемѣду, мене тийе луди, пѣймавши, бѣют пѣ виденійу черевикѣм, кѣтѣорийе луди на гришнѣйѣ не гледатъ, частѣ мене тийе бѣют пѣ виденійу черевикѣм». Иешчѣ прѣрѣж пѣтал: «Шетане, тебе на штуки пѣсечетъ хтѣ тѣ ѿ кѣли тѣ бѣвайетъ?» Шетан рек: «Прѣрѣче, мене на штуки пѣсекутъ тийе луди, хтѣ усежди пана бога хвалитъ и частѣ бога успѣминаетъ» (см. рис. 10).*

Переходим к Казанскому хамаилу 1775 г. (рис. 11). Объем рукописи 59 листов формата 13 × 21 см, из которых один (между листами 4 и 5) нумерованный. Основной текст рукописи, как видно из почерка и чернил, написан одним писцом. Письмо довольно мелкое, но четкое. На странице по 13 строк. Как видно из записи на стр. 59б внизу, переписчик хамаила — Ибрагим ибн Алей Смольский. Там же указан год переписки — 1775. Место возникновения рукописи не названо. Текст начальных листов (1—5) и конечных (55—59) написан другим почерком, чем основной текст хамаила (6—53). На стр. 3а—5б помещен текст упоминаемого уже нами в другом месте (см. стр. 275) Третьего весыета, т. е. завещания Магомета. Это белорусский текст, написанный в 1780 г. (стр. 3а). На лицевой стороне листов 5, 45, 54 имеется прямоугольный штамп с текстом: «Отдел рукописей и редких книг. Восточный сектор». Текст стр. 1а, 58б, 59а сильно выцвел. На лицевой стороне 55-го листа имеется запись на польском языке ученическим почерком, в которой неизвестный автор заявляет, что 10 декабря 1802 г. мама подарила ему этот хамаил. На этом же листе, но другим почерком написано несколько мусульманских имен с датами их жизни.

Хотя рассматриваемая рукопись и является хамаилом, но молитв, обычной принадлежности последнего, в ней нет. Текст всех 96 страниц состоит из описания разных мусульманских обрядов и ритуалов, изложены правила отправления молитв и т. д. Кроме того, в нескольких местах кратко изложены некоторые библейские и коранические легенды (Искушение Евы сатаной — 18б—19а, Странствование Моисея по пустыне — 26б—27б, Поклонение ангелов Адаму и отказ Иблиса сделать это — 29а—29б и др.). Все это изложено на белорусском языке. Изредка только встречаются цитаты из текста корана на арабском языке.

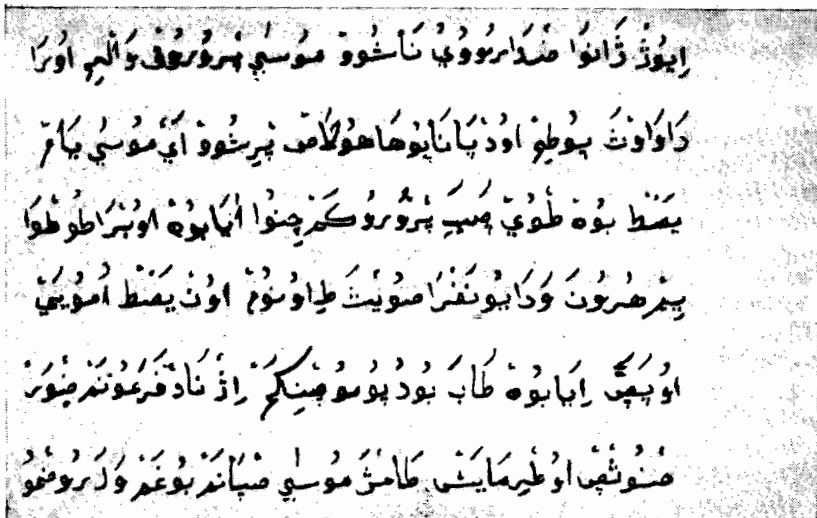

Рис. 11. Образец письма. Часть стр. 276 хамаила библиотеки Казанского университета. 1775 г.

В графике и орфографии Казанского хамаила ничего оригинального не обнаружено. Звуки /y/ и /o/ последовательно обозначаются одними знаками — вавом с даммой над ним или же одной даммой. Необходимо при этом отметить, что в употреблении названных знаков, как это можно сказать и о других текстах XVII—XVIII вв., никакой системы не обнаружено. Основной текст хамаила еще не знает случаев обозначения звука /o/ отдельным знаком, как это бывает изредка в некоторых рукописях XVII—XVIII вв. Несколько случаев обозначения звука /o/ вавом с фатхой над ним обнаружено только в дописанных в 1780 г. текстах в начале хамаила (лл. 1—5). Начальные гласные, как правило, обозначаются алифом, айн же в таком положении употребляется очень редко. Парные по твердости — мягкости звуки /ð/—/ð'z'/, /m/—/ç'/, /z/—/á/, /c/—/č/ последовательно обозначаются отдельными знаками, последовательно обозначается и мягкость звука /к/ в положении перед /u/. Безударный звук /o/ в одних и тех же фонетических условиях обозначается знаком *a* и *o*, причем конечный заударный /o/ всегда обозначается знаком *o*.

Казанский хамаил возник на территории гродненско-барановичской группировки белорусских говоров, о чем свидетельствуют многие языковые особенности его текстов, например сохранение *o* в конечном безударном открытом слоге (*двогд* 14аб, *мндгд* 11аб, 40аз, *целд* 1668; *мбрд* 25а7), двухсложное окончание существительных ж. р. с основой на -а в твор. пад. ед. ч. (*ваддйу* 1468, 1562, *вддбйу* 16а8, *рукдйу* 1461) и др. Некоторые особенности

указывают на северную часть названной территории, на треугольник Новогрудок — Лида — Ивье, где были значительные татарские колонии. В заключение отметим, что в Казанском хамаиле сильно дает себя знать влияние польского языка.

Ниже, как обычно, даем отрывок текста из рассматриваемого хамаила (стр. 27а11—27б6):

Пѳтѳм блѳдзечи в нѳци, Мѳдѳ агѳн ѳбачивѳ и пѳшѳв дѳ тагѳ агнѳ. Иак пришѳв дѳ агнѳ, жанѳ и дзетѳки нашѳв, а да тагѳ жана сина пѳрѳдзила и ѳѳж жанѳ здарѳвуйѳ нашѳв. Мѳдѳ прѳрѳк валми ѳрадаваѳсе. Пѳтѳм ѳд пана бѳга гѳлас пришѳв: «Аѳ, Мѳсѳ, ѳам ѳест бѳг тѳвѳй, цеѳе прѳрѳкеѳ чинѳ', а аѳ бѳг ѳ братѳѳ тѳвайѳм Гѳрѳне ведаѳѳ, не фарсѳѳѳсе ти ѳ нѳм, ѳн ѳест ѳ мѳѳей ѳпеѳе. И ѳа бѳг таѳе бѳѳду пѳмѳцѳнѳкеѳ, ѳж над фереѳѳнем зверѳнѳѳцѳ ѳтримайѳшѳ (см. рис. 11).

Несколько лет назад Библиотека Академии наук БССР приобрела от жителя г. Вильнюса две рукописи литовских татар. Их сигнатуры Р97 и Р98. Рукопись Р97 в настоящее время состоит из 121 листа форматом 15 × 17,7 см. Обложка рукописи утрачена. Большинство листов дефектны. Некоторые из них сохранились только частично в виде больших или меньших кусков. Обгоревшие края некоторых листов свидетельствуют о том, что рукопись находилась в огне и кем-то спасена от гибели. Постраничная нумерация рукописи проведена очень невнимательно, вследствие чего многие страницы обозначены одинаковыми числами с прибавлением латинских букв a, b, c, d (49a, 49b, 49c, 49d). Текст стр. 1—217 написан коричневыми чернилами, 218—235—черной тушью. Бумага последних девяти листов новая фабричная. Некоторые слова текста написаны, как это часто бывает в китабах и хамаилах, красными чернилами. Письмо рукописи небрежное, а на страницах с подстрочным славянским текстом его можно назвать даже неряшливым.

Белорусские тексты в рассматриваемой рукописи очень немногочисленны. Большинство же их, если не считать восточных текстов, можно назвать польскими или польско-белорусскими. Однако, как это бывает и в других рукописях, польские тексты не лишены белорусских языковых особенностей, а в белорусских немало полонизмов. Кроме того, как в польских, так и в белорусских текстах очень много описок, попадают неясные по смыслу места.

Даты рукопись не имеет, а водяные знаки вследствие небольшого формата последней обнаруживаются только в виде незначительных фрагментов, по которым их трудно восстановить. Отсутствие же отдельного знака для обозначения звука /o/ указывает на то, что рукопись возникла не позже XVIII в.

В заключение отметим, что рукопись Р97 Библиотеки Академии наук БССР для исследователей белорусского языка не представляет большой ценности. Однако и она может сыграть

известную роль при решении некоторых текстологических и других вопросов.

Рукопись Р98 Библиотеки Академии наук БССР представляет собой так называемый *теджвид*, т. е. правила чтения корана (интонация, паузы и т. д.). Ее объем 23 листа форматом 10,5 × 17 см. Нумерация листов отсутствует. Текст расположен на листах 2—18, листы 1, 22, 23 чистые. Многие листы, как и в рукописи Р97, обуглились по краям, но текст не пострадал. На обороте 1-го листа имеется запись: «Дворонинъ гор. Слонима Илья сынъ Ивана Шегидевичъ». Таким образом, можно думать, что теджвид связан своим происхождением со Слонимом. Даты и эта рукопись не имеет, но, судя по тому, что звук /o/ обозначается в ней особым знаком, можно думать, что она возникла не раньше конца XVIII в., но вполне возможен и XIX в.

Во всей рукописи восточному оригиналу сопутствует подстрочный перевод на язык, который можно назвать польско-белорусским или белорусско-польским. Кроме правил чтения корана в рукописи дается описание артикуляции арабских звуков. На сколько можно судить по переводу, не все звуки описываются одинаково удачно. Основное внимание обращается на указание места образования звуков и почти совершенно не описывается способ их образования. Например, про звук *зайн* сказано, что он образуется в том месте, где «горло начинаецца», *p* идет из углубления в языке, а *ф* хорошо получится, если нижнюю губу приложить к верхним зубам и т. д. Рассматриваемая рукопись представляет больший интерес для востоковедов, чем для славистов.

В нашем распоряжении имеются еще репродукции четырех хамаилов, любезно нам предоставленные частными их владельцами. Два из них связаны своим происхождением со Швенчёнским и Игналинским районами Литовской ССР. Владелец одного из них — житель дер. Милькуны Я. Якубовский, а другого — колхозница Э. Радкевич, проживающая в дер. Мелеганы (Игналинский район). Даты ни один из названных хамаилов не имеет. Но первый, как нас информировал его владелец, написан в 20-е или 30-е годы нашего столетия. Второй, судя по бумаге и другим приметам, написан не раньше конца XIX или начала XX в. Интересно отметить, что даже в сравнительно недавно написанном хамаиле Якубовского чернила не химические, а коричневые, изготовленные по старым рецептам. Графика и орфография рассматриваемых хамаилов такая же, как описанного нами выше китаба Сегеневича (см. стр. 273). Славянского текста, как это бывает в большинстве хамаилов, немного. Он выступает в качестве объяснений, в каких случаях читается или говорится та или другая молитва или же как выполняется тот или иной ритуал, обряд. Язык этих пояснительных текстов можно назвать польско-белорусским, хотя в них можно найти фразы и предложения чисто белорусские.

В заключение хотелось бы обратить внимание на одну особенность хамаила Якубовского. Мы уже видели, что разные народные поверья и суеверия нашли свое отражение во многих хамаилах и китабах. Но особенно богато представлен такого рода этнографический материал именно в хамаиле Якубовского, где он занимает около 200 страниц. Тут находятся магические формулы, талисманы (тальсимы), использование которых, по народному суеверию, помогает предсказывать будущее, избегать всевозможных неприятностей, достигать определенные цели, лечить разные недуги и т. д. Как нам кажется, здесь мы имеем дело со смешением восточного фольклора с местным белорусским или литовским. Вникать в подробности этого дела не входит в нашу задачу. Мы хотели бы только обратить внимание этнографов на данную сторону анализируемых нами текстов.

Один из хамаилов С. Х. Александровича написан на разной по качеству бумаге. Белорусского текста в нем очень мало. Даты в рукописи нет, но, как показывает правописание, она написана не ранее XIX в.

Второй хамаил С. Х. Александровича написан в 1868 г. Место написания не указано, но, судя по языку, он мог быть написан в южной части гродненско-барановичской группы белорусских говоров. Он состоит из 500 страниц текста. Кроме небольших пояснительных текстов в данной рукописи имеется и один довольно большой текст на белорусском языке. Текст этот ничего общего с мусульманской религией (если не считать упоминания имени Магомета и некоторых других персонажей) не имеет. В нем излагается, что можно предпринимать и чего следует избегать в определенные дни месяца.

Вот небольшой отрывок названного текста:

Ў мецеу трыцца дзон. Катори дзен на што пануйе. Першего дна пан бог йедини Адама прарока стварив. Добри дзен прозбу чиниц и венчац, ў дарогу йехац, ... кўпиц, прадац, новўйу адзежу кройец... — на всо то гожа. А йебли дзецe народзице, добро и дововечно бўдзе, и багато будзе; а йебли таго дна заварее, ў двух днах здаров бўдзе, а кели два днї мине цали мецеу хварец бўдзе, а потим здаров бўдзе; а йебли сон першей ночи видзев, добри бўдзе, а йебли што пропало — знайдзеш.

К р а т к и е в ы в о д ы

1. Всего в статье описана 21 рукописная книга XVII—XX вв.
2. По столетиям описанные рукописи распределяются следующим образом: 2 рукописи XVII в., 8—9 рукописей XVIII в., 9—10 рукописей XIX в. и 1 рукопись XX в. Среди описанных рукописей 9 датированных и 12 недатированных. Время написания рукописей, не имеющих даты, определяется по водяным знакам на бумаге, а также по орфографии и другим приметам. Само собой

разумеется, что степень точности датировки последних не одинакова.

Необходимо помнить, что, говоря о датировке описываемых рукописей, мы имеем в виду только время составления или переписки данной книги, а не время возникновения входящих в ее состав текстов. Вопрос о времени перевода на белорусский или польский языки отдельных текстов в целом подлежит еще изучению. Однако уже теперь у нас имеются достаточно веские основания полагать, что многие популярные мусульманские легенды (хадисы) и другие тексты переведены на белорусский язык не позже XVI—XVII вв., а в последующие столетия они только переписывались. Например, некоторые тексты Казанского китаба первой половины XVII в. находим и в китабах XVIII и XIX вв. К таким текстам принадлежит и диалог Магомета с шайтаном. Кроме Казанского китаба этот текст имеется в китабе И. Луцкевича первой половины XVIII в., в китабе Лебеда 1771 г. и в китабе Карицкого середины XIX в. Текстуральные различия во всех четырех списках настолько незначительны, что их происхождение от одного общего для всех их оригинала совершенно очевидно. То же самое можно сказать и о некоторых других текстах Казанского китаба. Известная нам в пяти списках (первой половины XVIII в., 1815 г., 1837 г., середины XIX в., 1868 г.) легенда о вознесении Магомета на небеса («Ме'радж»), как показывают очень незначительные разночтения, восходит также к более древнему оригиналу — древнее списка первой половины XVIII в. Так обстоит дело и с многими другими текстами.

3. Среди описанных рукописей 7 китабов (Казанский китаб первой половины XVII в., китаб И. Луцкевича первой половины XVIII в., китаб Лебеда 1771 г., китаб Смольской 1815 г., китаб Шагидевича 1837 г., китаб Карицкого середины XIX в. и китаб Сегеневича 1868 г.), 9 хамаилов (середины XVII в., 1765 г., 1775 г., 1868 г., 4 хамаила XVIII—XIX вв., 1 хамаил XX в.), 3 тефсира (первой половины XVIII в., 1788 г., начала XIX в.), 1 теджвид XIX в., турецко-белорусский словарь-разговорник после 1836 г.

4. Кроме белорусских текстов в описанных рукописях имеются тексты польские и восточные — арабские и тюркские. Встречаются и тексты, которые можно назвать польско-белорусскими или белорусско-польскими. Типичным их примером является подстрочный перевод теджвида XIX в.

5. Язык белорусских текстов, писанных арабским письмом, очень близок к народно-разговорному языку. В нем нашли свое яркое отражение многие диалектные особенности юго-западных белорусских говоров, а также небольшой полосы среднебелорусских и юго-западной части полоцкой группы белорусских говоров, непосредственно примыкающих к литовской языковой территории.

6. Как видно из высказываний А. Мухлинского, Я. Шинкевича, а также из перечисления описанных нами белорусских текстов, писанных арабским письмом, последние в прошлом представляли собой очень обширную и разнообразную переводную письменность, в большинстве своем возникшую не позже XVI—XVII вв. Памятники этой письменности являются очень ценным дополнением к белорусской кирилловской письменности этого же периода. Сравнительное их изучение открывает возможность постановки и решения многих вопросов истории белорусского языка, например проблемы отношения старого белорусского литературного языка к народно-разговорному языку, польско-белорусских языковых отношений и некоторых других. Не менее ценными рассматриваемые нами рукописи являются для решения многих вопросов исторической диалектологии белорусского языка. Нам кажется, что письменность литовских татар представляет несомненный интерес не только для славистов, но и для арабистов и тюркологов.

7. В заключение нам хотелось бы обратить внимание на необходимость публикации уже известных в настоящее время рукописей, давая таким образом возможность их использования широкой научной общественности. Необходимо также в интересах науки настойчиво продолжать работу по дальнейшему выявлению подобного рода рукописей.

ХРОНИКА ПОЛЕССКИХ ЭКСПЕДИЦИЙ

В соответствии с решением Координационного совещания по актуальным проблемам славяноведения (Москва 1961 г.), наметившего главные направления славистических исследований в СССР и поддержавшего инициативу Института славяноведения АН СССР по созданию диалектного словаря Полесья, в последние годы в Полесье на территории БССР работали диалектологические экспедиции, в которых принимали участие диалектологи Москвы, Минска, Житомира и Мозыря. Координировал работу Институт славяноведения АН СССР.

Для сбора и изучения Полесской диалектной лексики было проведено пять экспедиций (летом 1962, 1963, 1964, 1965 гг. и зимой 1964 г.) и обследовано более 40 населенных пунктов Брестской и Гомельской областей БССР.

Первая экспедиция 1962 г., носившая предварительный и разведывательный характер, работала на крайнем западе Брестщины (Малоритский район), в Центральном Полесье (Пинский район) и в Восточном Полесье (Петриковский район), охватив, таким образом, всю территорию будущего обследования. Эта экспедиция помогла составить общее представление о структуре и степени дифференцированности полесской диалектной области, познакомиться с условиями полевой работы в Полесье, наметить маршруты и задачи следующих экспедиций и, главное, разработать программы-вопросники для собирания различных групп лексики. Летом 1963 г. в Западном Полесье работало уже 3 отряда в течение 40 дней по заранее составленным и обсужденным программам (в том числе по фонологии и морфологии). Работа зимней экспедиции 1964 г. была посвящена обследованию трех северных западнополесских диалектов в Березовском районе Брестской обл. Летняя экспедиция 1964 г. в составе четырех отрядов проходила в Восточном Полесье южнее Припяти по линии Туров — Мозырь (вплоть до украинской границы) и севернее Припяти — в четырех пунктах. В трех из них полвека назад побывал К. Мошинский и описал их в книге «Polesie wschodnie» (Warszawa, 1928). Это Голубица и Дорошевичи на Припяти и Дяковичи на Князь-озере (теперь озеро Червоное). Пятая экспедиция (июль 1965 г.) работала в районе Центрального Полесья (Столинский и Пинский районы южнее Припяти и Лунинецкий район Брестской обл. севернее Припяти).

Экспедициями руководил старший научный сотрудник Института славяноведения АН СССР Н. И. Толстой, который одновременно был руководителем лингвистического семинара, работавшего во время экспедиций. На семинаре читались доклады и обсуждались вопросы, непосредственно связанные с полевой работой: структура семантического поля отдельных лексических групп (Н. Г. Владимирская, Л. Т. Выгонная, Н. И. Толстой); фонологическая характеристика полесских диалектных систем (Т. М. Судник, С. М. Толстая); некоторые вопросы морфологии полесских диалектов (О. Г. Карпинская, И. И. Ревзин); вопросы методики сбора и обработки диалект-

ного материала (общие дискуссии); а также более общие проблемы лексикологии, семасиологии (С. А. Григорьев, А. А. Кривицкий, А. И. Киселевский, В. В. Мартынов, В. А. Москович, Н. В. Никончук, А. С. Соколовская, Н. И. Толстой) и теоретического языкознания (В. К. Журавлев, О. Г. Карпинская, В. В. Мартынов, В. А. Москович, И. И. Ревзин, Н. И. Толстой, Г. А. Цыхун).

В результате совместной полевой работы, дискуссий по актуальным вопросам диалектологии и общего языкознания¹ сформировался большой и дружный коллектив, с энтузиазмом работавший в Полесье и готовый в будущем продолжить лингвистическое изучение Полесья.

Материалы экспедиций и картотеки хранятся в Москве в Институте славяноведения АН СССР и в Минске в Институте языкознания им. Якуба Коласа АН БССР. Предварительные результаты экспедиций обсуждались на отчетных собраниях в Минске и Москве и были отражены в докладах участников экспедиций на конференции по проблемам лингво- и этногеографии и ареальной диалектологии (Москва 1964).

Коллектив полесских экспедиций постоянно ощущал заботу и пользовался помощью директора Института языкознания АН БССР М. Р. Судника, обеспечившего экспедиции всем необходимым. Успеху экспедиций во многом способствовало участие больших групп студентов Житомирского педагогического института, сочетавших работу в экспедициях со своей практикой по диалектологии под руководством доц. В. В. Анохиной и преподавателя Н. В. Никончука. Большую помощь экспедициям оказал ректор Житомирского пединститута И. Ф. Осляк.

В экспедициях участвовали следующие лица:

От Института славяноведения АН СССР: Р. В. Булатова — зоологическая терминология, автор программы (1963 г.); Н. Г. Владимирская — терминология ткачества и первичной обработки волокнистых растений и шерсти, автор программы (1962, 1963 гг., зима и лето 1964 г.); В. А. Дыбо — акцентология (1962 г.); Л. И. Забавнова — терминология транспорта, коммуникаций и народная астрономия, автор программы (1964, 1965 гг.); М. И. Лекомцева — фонология, мифология (1965 г.); И. И. Ревзин — морфология (1963 г.); Т. М. Судник — фонология (1963 г., зима 1964 г.); С. М. Толстая — фонология (1963, 1964 гг.); Н. И. Толстой — географическая, дендрологическая и метеорологическая терминология, автор программы (1962, 1963, 1964, 1965 гг.);

От Института языкознания им. Якуба Коласа АН БССР: В. Л. Веренич — гончарная терминология, топонимика, названия одежды (1965 г.); Г. Ф. Вешторг — названия кушаний, автор программы (1962, 1963, 1964, 1965 гг.); Л. Т. Выгонная — сельскохозяйственная терминология, автор программы (1963, 1964, 1965 гг.); В. К. Журавлев — терминология бортичества, льноводства, фонология, автор программы (1962, 1963 гг.); А. И. Киселевский — ботаническая терминология (1962 г.); А. А. Кривицкий — рыболовная терминология, гончарная терминология (1962, 1965 гг.); В. В. Кочановский — рыболовная терминология (1964 г.); Р. В. Кравчук — географическая терминология, животноводство (лето 1964 г.); В. В. Мартынов — демонология (1962 г., зима 1964 г.); П. И. Сегада — рыболовная терминология (1963 г.); А. С. Соколовская — названия одежды и обуви, автор программы (1962, 1963, 1964 гг.); Г. А. Цыхун — названия посуды, автор программы (1963, 1964 гг.); И. В. Шадурский — сельскохозяйственная терминология (лето 1964 г.); М. С. Шушкевич — строительная терминология, автор программы (1962, 1963 гг., зима 1964 г.).

От филологического факультета МГУ: О. Г. Карпинская — морфология (1963 г., зима 1964 г.).

От Московского государственного педагогического института иностранных языков им. М. Горького: В. А. Москович — терминология цветообозначений, автор программы (1962 г., зима 1964 г.).

От историко-филологического факультета Московского государственного педагогического института им. Ленина: Д. А. Бейлина — ботаническая терминология (лето 1964, 1965 гг.).

От филологического факультета Белорусского государственного университета: Е. А. Метельский — терминология животноводства, автор программы (1962, 1963 гг., зима 1964 г.).

От Мозырского государственного педагогического института: С. А. Григорьев — терминология плотничества (1962 г.).

От Житомирского государственного педагогического института им. И. Франко: В. В. Анохина — терминология бортничества (1963 г., лето 1964 г.); Н. В. Никончук — орнитологическая терминология, автор программы; терминология бортничества, строительная терминология (1963 г., зима и лето 1964, 1965 гг.).

В работе экспедиции приняли также активное участие студенты Житомирского пединститута: Н. Ф. Алямовская (1964 г.), С. Ф. Алямовский (1964 г.); Р. И. Бучина (1963 г.), Л. А. Вайнтриб (1964 г.), С. А. Герасимчук (1964 г.), Н. Ф. Горкуша (1964 г.), Л. Е. Железняк (1964 г.), В. С. Кукса (1964 г.), И. Я. Мазауркевич (1965 г.), З. А. Метиль (1964 г.), В. К. Ничипоренко (1964 г.), Е. И. Никитенко (1963 г.), А. В. Никоненко (1965 г.), В. М. Посенюк (1963, 1964 гг.), В. Н. Пешков (1964 г.), А. В. Поболкова (1964 г.), Н. С. Примак (1963 г.), Н. С. Рода (1964 г.), М. М. Рубец (1964 г.), Л. И. Сога (1964 г.), С. А. Ткачук (1964 г.), Е. А. Харченко (1965 г.), Л. Я. Чуйко (1964 г.), Л. М. Якубенко (1964 г.).

Участником экспедиции 1963 г. был также учитель средней школы дер. Симоновичи Дрогичинского района Брестской обл. Ф. Д. Климчук, известный собиратель местной диалектной лексики и фольклора.

Н. В. Никончук

СО Д Е Р Ж А Н И Е

Предисловие	3
<i>Н. И. Толстой.</i> О лингвистическом изучении Полесья	5
<i>Ю. В. Кузаренко.</i> Полесье и его место в процессе этногенеза славян	18
<i>М. И. Лекомцева, С. М. Толстая.</i> Фонологический комментарий к полесским диалектам	47
<i>Т. В. Назарова.</i> Некоторые особенности вокализма украинских правобережнополесских говоров	67
<i>А. С. Соколовская.</i> Опыт определения лексической близости диалектов	101
<i>Л. Т. Выгонная.</i> К системному описанию полесских названий земельных угодий	118
<i>В. А. Москович.</i> Из полесской терминологии цветообозначений	126
<i>А. А. Кривицкий.</i> Из словаря полесских рыболовов	162
<i>В. Л. Веренич, А. А. Кривицкий.</i> Лексика городенских гончаров	175
<i>В. А. Никонов.</i> Две волны в топонимии Полесья	193
<i>Т. А. Марусенко.</i> Материалы к словарю украинских географических апеллятивов (названия рельефов)	206
<i>А. К. Антонович.</i> Краткий обзор белорусских текстов, писанных арабским письмом	256
Хроника полесских экспедиций	300

ПОЛЕСЬЕ

**Лингвистика. Археология.
Топонимика**

*Утверждено к печати
Институтом славяноведения
Академии наук СССР*

Редактор издательства *Е. П. Прохоров*
Технический редактор *В. Д. Прилепская*

Сдано в набор 1/II-1968 г. Подписано к печати 29/VII 1968 г.

Формат 60×90^{1/16}. Печ. л. 19,0.

Усл. печ. л. 19,0. Уч.-изд. л. 19,7 Тираж 2 700 экз.

Бумага № 1. Тип. зак. 223. Т-10688

Цена 1 р. 38 к.

Издательство «Наука»

Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»

Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

1 р. 38 к.

ПОЛЕСЬЕ